

Крестовые походы

Антихрист

СЕСИЛИЯ ХОЛЛАНД

Крестовые походы

Крестовые походы

*Серия романов об эпохе
великого духовного порыва,
безудержной алчности
и кровавой жестокости —
ЭПОХЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ*

Серебряный леопард

1096-1099

Ильдар-крестоносец

1185-1190

Пламя грядущего

1189-1192

Секунда Господня

1203-1205

Антихрист

1228-1229

Черная роза

1275-1280

Крестовые походы

СЕСИЛИЯ
ХОЛЛАНД

Антихрист

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1999

УДК 820(73)
ББК-84(7США)
Х 72

Francis HERNAMAN
BEHOLD THE AXE

Перевод с английского *Я. Колиной*

Разработка серийного оформления
художника *И. Саукова*

Серия основана в 1999 году

Холланд С.

Х 72 Антихрист: Роман. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 416 с. (Серия «Крестовые походы»).

ISBN 5-04-003791-0

Шестой крестовый поход стал одним из наиболее загадочных событий средневековой истории. Его организовал и возглавил крестоносец, отлученный от Церкви, — император Священной Римской империи Фридрих Второй, который сумел почти без кровопролития взять Иерусалим, находившийся под защитой могучего войска султана Египта. Об этой, во многом таинственной, политической интриге и самой личности Фридриха Второго, которого многие историки называют самой колоритной и притягательной личностью Средневековья, рассказывает книга известной американской писательницы Сесилии Холланд.

УДК 820(73)
ББК 84 (7 США)

© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1999 г.
© Перевод. Я. Колина, 1999 г.
© Вступительная статья. С. Смирнов, 1999 г.

ISBN 5-04-003791-0

Крестоносец без креста, поход без похода

Шестой крестовый поход был, возможно, самым необычным, если не сказать парадоксальным, политическим событием эпохи Средневековья.

Для такой оценки достаточно уже того факта, что его организовал человек, отлученный от Церкви и всю жизнь неустанно боровшийся с папским Римом, — император Священной Римской империи и король Сицилии Фридрих II Гогенштауфен.

Кроме того, сам поход, если можно назвать таковым прибытие императора в Палестину, выглядел со стороны неким странным спектаклем или неким совместным «христиано-мусульманским предприятием». Когда Фридрих высадился на побережье Палестины, султан Египта и Сирии аль-Камиль, владевший в ту пору Святой Землей, по собственному желанию предложил императору Иерусалим, а заодно и два других священных для христиан града — Назарет и Вифлеем — в обмен на не слишком важные (на европейский взгляд) услуги. Был заключен договор сроком на десять лет, и Фридрих въехал в Иерусалим, не пролив ни своей, ни чужой крови. За всю более чем полуторавековую историю крестовых походов это была вторая (и последняя) успешная экспедиция крестоносцев на Ближний Восток. Казалось, само Провидение отдало Святую Землю в руки латинян, однако именно это радостное событие — бескровное возвращение Иерусалима христианам — папский Рим объявил изменой христианскому делу, а иерусалимский патриарх Жеро запретил богослужения в святых местах, пока в городе находится тот, чьими усилиями это событие произошло.

Все эти странные факты имели свои, вполне земные, причины, и кратким рассказом стоит предварить роман, посвященный иерусалимской эпопее императора Фридриха, которая была лишь одним — и не самым главным — эпизодом его бурной жизни.

Четвертый крестовый поход, начавшийся в 1202 году, стал, как известно, позорной страницей в истории западноевропейского христианства. Поначалу собравшись завоевать Египет, откуда Ислам в основном черпал свои силы, а уж оттуда идти в Святую Землю, крестоносцы поддались «венцианской пропаганде» и двинулись на православный Константинополь. В 1204 году первая христианская столица, град святого Константина, была разграблена, сильно разрушена, многие храмы, включая Софию, осквернены, многие жители убиты. На территории Византии образовалась Латинская империя, просуществовавшая затем чуть больше половины столетия.

Пятый крестовый поход, начавшийся спустя пятнадцать лет, в 1217 году, имел ряд политических причин, однако в усилиях энергичного папы Иннокентия III, главного «пропагандиста» нового движения на Восток, были заметны не только амбиции Святого Престола, но и стремление кое-как подправить на виду у всего мира, включая и мусульманский, пошатнувшееся «духовное реноме» крестоносного движения. Со смертью папы подготовка похода несколько приостановилась, но все же он был осуществлен, хотя и не с тем размахом, на который рассчитывал Иннокентий III.

В истории этот поход стал связан с именем венгерского короля Эндре II. В нем участвовали также австрийский герцог Леопольд, ряд европейских феодалов, король Кипра и правители крестоносных государств, все более напоминавших миражи в пустыне. На этот раз — Иннокентий III мог бы вздохнуть спокойно — первым направлением главного удара был принят Египет, а точнее, важнейшая крепость на его Средиземноморском побережье — Дамьетта. После долгой осады Дамьетта была взята (в ноябре 1219 года), однако, как видно, и на этот раз шайтану удалось смутить души иноземцев. Среди крестоносцев начался разлад. Их долгое бездействие кончилось тем, что султан аль-Камиль, племянник знаменитого Салах ад-Дина, собрал новые силы, а потом, воспользовавшись подъемом воды на Ниле, сумел окружить крестоносное войско, оставившее Дамьетту. Султан мог без особого труда перебить крестоносцев, однако он перенял от своего предка мудрое политическое хладнокровие и умел думать о последствиях. Он сам находился в сложных и чреватых большими опасностями отношениях со своими властитель-

ными единоверцами и потому нашел совершенно излишним раздувать в христианских душах пламя мести. Султан предложил обреченным крестоносцам мир: он возвращал им Животворящий Крест Господень, а те обязывались убраться воевать. Мир был заключен в последний день лета 1221 года.

Так весьма дорогостоящее предприятие, уже сулившее блестящие результаты, неожиданно окончилось новым позором. По величию Святого Престола был нанесен тяжелый удар. Тогда папа Григорий IX, недавно принявший сан (и к тому же родственник покойного Иннокентия III), нашел «козла отпущения», объявив виновником провала императора Фридриха II, который волею обстоятельств стал главным конкурентом папского Рима в борьбе за власть на территории Италии. Дело в том, что Фридрих еще в 1215 году, упрочив при поддержке Иннокентия III свое положение на германском престоле, дал обет участвовать в крестовом походе, однако по ряду причин откладывал его исполнение, хотя и в 1221 году послал в Египет весьма значительные подкрепления.

Так пришлось выйти на авансцену крестоносного движения этому человеку, которого одни боготворили, считая Божьим посланцем, направленным на землю с тем, чтобы установить справедливую власть, другие же называли антихристом и которого историки ныне признают одной из самых колоритных и притягательных личностей Средневековья.

Фридрих был одарен многими талантами. Он был воином и ученым. Он был одним из самых образованных людей своего времени, свободно говорил на шести языках. Многие считали его, что называется, «воинствующим атеистом». Ему приписывали весьма изощренный пасквиль на основателей трех мировых религий — Христа, Мухаммеда, Будду. Установить, был ли правитель Священной империи действительно атеистом, может лишь скрупулезное историческое дознание. У художественной литературы — иные задачи. Она лишь констатирует, словами Ф. М. Достоевского, тот факт, что у человека душа чересчур широка и порой может вмещать противоположности. Был ли атеистом Петр I, перебивавший церковные колокола на пушки? Был ли верующим Иван Грозный, в котором приступы фанатичной набожности сменялись приступами чудовищного богохульства?..

Итак, в сложившейся ситуации крестовый поход стал

«делом чести» для оскорбленного императора. Как уже было сказано, это дело было лишь небольшим, хотя и ярким эпизодом в его беспокойной судьбе, поэтому стоит окинуть взором его биографию «с высоты птичьего полета».

ФРИДРИХ II ГОГЕНШТАУФЕН, родившийся в 1194 году, был сыном императора Священной Римской империи Генриха VI и его супруги Констанции, наследницы сицилийского престола (благодаря этому браку обширное Сицилийское королевство присоединилось к владениям Штауфенов). Фридрих потерял родителей в раннем детстве: отец умер в 1197 году, а мать — всего годом позже. Его опекуном стал папа Иннокентий III, который принимал участие в его судьбе, пытаясь сохранить за Фридрихом хотя бы сицилийские владения, поскольку у него в Германии был соперник, также претендовавший на корону, — Оттон Брауншвейгский. Став по смерти Иннокентия самостоятельным правителем на Сицилии, Фридрих упрочил свое владычество, сумев усмирить арабов, которые неоднократно восставали против него. С другой стороны, Фридрих, обладавший дипломатическим талантом и терпимостью ко всем вероучениям, как никто другой, умел поладить с бывшими хозяевами Сицилии, культуру которых он очень высоко ценил. Он основал в Неаполе университет и старался привлечь в города Сицилийского королевства прославленных ученых — и христиан, и арабов, и евреев. Папа Григорий IX и другие недруги императора подозревали его в неверии, в ереси, даже в тайной принадлежности к мусульманству.

В 1212 году (еще при поддержке папы Иннокентия) он начал борьбу с Оттоном, узурпировавшим власть в Германии. Оттон, на свою беду, поссорился с Римом, и Фридрих смог завладеть германским престолом. Дав обет Иннокентию участвовать в крестоносном движении, он после его смерти всячески оттягивал его исполнение и занимался укреплением своей власти. В 1225 году он сумел сделать сильный политический ход — жениться на дочери иерусалимского короля Жана (Иоанна) де Бриена, Иоланде, тем самым подведя «династическую основу» под возможный в будущем успех своей восточной политики. О ней, в равной степени как и о самом крестовом походе, будет сказано ниже, а в этой биографической справке осветим прочие этапы жизни императора.

В том же 1225 году он сделал еще один стратегический ход, и, как показала история — достаточно ошибочный. Имеется в виду прямой конфликт Фридриха с ломбардскими городами, которые со времен его предка и тезки, грозного императора Фридриха Барбароссы, успели отвыкнуть от подчинения империи. Фридрих Барбаросса обладал куда большими военными талантами — и то познал горечь сокрушительных поражений от вольнолюбивых ломбардских городов. Это следовало учесть и Фридриху II, поскольку он старался всячески ослабить власть пап Италии. Так фактически ему пришлось воевать на два фронта, и эта затяжная война в конечном итоге подточила его недюжинные силы.

Столкновение с папским Римом, усугубившееся во время похода в Святую Землю, привело к тому, что, едва успев войти в Иерусалим (в 1229 году), Фридрих вынужден был возвращаться в Сицилию, подвергшуюся нападению войск папы и его союзников. Сумев защитить свои владения, Фридрих сумел также заключить с папой мир на достаточно выгодных условиях. В 1231 году им были выработаны так называемые «сицилийские конституции», которые устанавливали весьма «просвещенный» по тем временам гражданский правопорядок, который, с одной стороны, ограничивал власть феодалов, а с другой — путем создания сложного и централизованного правительственного механизма усиливал королевскую власть. При этом, однако, сознавая все же пределы своих сил и возможностей, Фридрих вел уступчивую политику по отношению к духовным и светским феодалам Германии, что позволяло ему делать упор на жесткую власть в Италии и жесткую позицию по отношению к Риму.

Лига ломбардских городов и папа объединились в своем противостоянии императору. После снятия первого отлучения непримиримый папа Григорий IX повторно отлучил Фридриха от Церкви. Тогда император обратился к кардиналам с просьбой собрать вселенский собор для разбирательства между ним и папой. Одновременно он направил правителям христианского мира послания, указывая в них, что папа — естественный враг им всем, поскольку имеет притязания подчинить все королевские дома своей власти. Борьба между Фридрихом и папой кипела во всех концах Европы. Оба вербовали себе сторонников, возводя друг на друга самые тяжкие обвинения. Папа называл Фридриха медведем, леопардом, сыном Вельзевула и т.п. Император не оставался в долгу.

Позднее Фридрих делал несколько попыток примириться с Римом, но римская курия, опираясь на сильную поддержку Ломбардии, не хотела идти на уступки. К тому же императору «не повезло» с папами. Окажись на Святом Престоле более мягкий преемник апостола Петра, примирение, возможно, и состоялось бы. Однако на смену почившему Григорию IX пришел не менее пламенный и стойкий предстоятель — Иннокентий IV, в деле политических интриг даже превзошедший своего предшественника. В ту пору Францией правил король Людовик Святой, прославившийся своим благочестивым и даже аскетическим нравом, более подходящим монаху, нежели королю (позже два последних — и самых неудачных — крестовых похода станут делом его жизни и причиной его смерти: на тунисском берегу Людовик Святой умрет от чумы). Все западноевропейские монархи считались с его мнением и не раз просили уладить какие-нибудь трудные конфликты. Дважды — в 1245 и в 1246 годах — Людовик пытался уговорить Иннокентия пойти на мировую с Фридрихом, но папа оставался воистину «камнем» подобно апостолу Петру, чье имя и означает «камень».

Тяжелая борьба шла с переменным успехом, однако постепенно силы Фридриха таяли, и он все чаще терпел поражение на поле брани. В этой борьбе он понес два особо тяжелых удара. Сначала — еще в начале 30-х годов — его сын Генрих под влиянием Рима поднял мятеж против отца и, потерпев неудачу, кончил свои дни в застенке. В 1248 году болонцы взяли в плен другого, любимого, сына Фридриха, Энцо, который перенял от отца многие таланты и был его верным соратником. Все эти события надломили живой характер императора — он стал очень жесток, по-азиатски беспощадно вырезая население захваченных им городов. Сицилия, чувствуя истощение, приносимое войной, волновалась — тогда на ее просторах по велению императора стали вырастать леса виселиц. В Германии также началось сильное брожение против императора, несмотря на все его уступки и старания сохранить там мир.

В конце концов, не выдержав напряжения, Фридрих в 1250 году смертельно занемог. Говорят, он твердо готовился к смерти, четко, по-деловому отдавал последние указания и почил в полном спокойствии, как и подобает истинному императору.

Утверждают также, что Рим, когда пришло известие о

кончине Фридриха, предался такой безумной радости, какой Вечный город не знал даже во времена самых славных побед Юлия Цезаря и Октавиана Августа...

Вернемся теперь к событиям «иерусалимской эпопеи».

Итак, в 1225 году Фридрих женился на наследнице иерусалимского королевстве, Иоланде, а затем пообещал папе — тогда Рим находился под властью Гонория III, — что в августе 1227 года он предпримет уже неоднократно откладывавшийся крестовый поход. При этом император обязался в течение двух лет содержать за свой счет 1060 воинов и подготовить 150 кораблей для перевозки крестоносцев в Святую Землю. В случае невыполнения обещаний император навлек на себя кару церковного отлучения.

Дав клятвы, Фридрих отпраздновал свою свадьбу и объявил тестю, что намерен воспользоваться своими правами короля иерусалимского. Это заявление, разумеется, встревожило Жана де Бриена, а римской курии показалось оскорбительным.

Летом 1227 года в Южной Италии, в окрестностях города-порта Бриндизи, где намечалась посадка на суда, собрались огромные толпы народа, желавшего отправиться в поход вместе с крестоносцами. Время было жаркое, благодатное для инфекционных болезней, которые не замедлили охватить пренебрегавших всякими предосторожностями людей. Не уберегся и сам Фридрих вместе со своим спутником, ландграфом Людвигом Тюрингским. Ему пришлось сойти на берег и по совету врачей вновь отложить поход — до выздоровления.

Недруги Фридриха сразу стали обвинять его в симуляции и стремлении увильнуть от обещаний. Папа Григорий IX, не принимая во внимание никакие обстоятельства и даже не выслушав послов императора, объявил отлучение.

Похоже было, что папа в любом случае нашел бы какой-нибудь повод для отлучения и только ждал удобного случая. Образованный и, мягко говоря, не принимавший отеческой опеки со стороны Церкви император оставался для Рима очень опасным политическим соперником, и папа решил во что бы то ни стало сломить «мирского правителя», как некогда был сломлен подвергнутый отлучению император Генрих IV (1056 — 1106) из Франконской династии. Тот был вы-

нужден трое суток в рубище и босым простоять под стенами папской резиденции в Каноссе, вымаливая себе прощение.

Словно стремясь вывести императора из себя и толкнуть его на какой-либо опрометчивый поступок, папа утверждал, что Фридрих умышленно довел крестоносцев до голода и болезней в Бриндизи, что сама его болезнь не более чем притворство и что он изменник веры Христовой.

Однако Фридрих «не поддался на провокацию». Он дал папе логически выдержанный — без всяких оскорбительных фраз — ответ и, сумев сплотить своих приверженцев в Риме, даже заставил своего недруга покинуть город.

В апреле 1228 года скончалась супруга Фридриха. Это печальное обстоятельство вполне могло бы послужить причиной новой отсрочки, однако в июне император сел на корабль и, словно используя проклятия папы в качестве попутного ветра, отплыл в Акру.

Ступив на берег Палестины, император стал укреплять Яффу и пересылаться посольствами с аль-Камилем. Здесь источники несколько расходятся. Одни утверждают, что Фридрих первым направил султану послов с подарками и предложением сдать христианам Иерусалим без войны. Другие — то, что сам аль-Камиль предложил императору взаимовыгодный договор. Так или иначе, но факт остается фактом: султан Египта и Сирии аль-Камиль предлагал Иерусалим еще участникам предыдущего, Пятого, крестового похода — в обмен на уход из захваченной ими в Египте крепости Дамьетта. Тогда крестоносцы согласились было, но, на их беду, папский легат, кардинал Пелагий, считавшийся главнокомандующим, настоял на войне до победного конца. Чем это кончилось, уже известно.

В чем же была причина такой «христианофильской» политики султана? Большинство историков утверждают, что она крылась в раздоре, царившем в самом мусульманском мире. Аль-Камиль враждовал со своим братом Муаззамом, а тот искал союз с не менее опасным для аль-Камиля правителем Хорезма. Султану необходимо было хотя бы временно обезопасить себя от притязаний крестоносцев, а заодно, если получится, заключить с ними хотя бы формальный союз против своих собственных врагов. История государств крестоносцев показала, что такие союзы возможны. Сами князья-крестоносцы порой воевали между собой, привлекая на свою сторону тот или иной «клан сарацин». Рыцари-крестоносцы

не раз участвовали в межмусульманских конфликтах, поддерживая ту или иную сторону. Фридрих как нельзя лучше подходил султану для такого союза: этот отлученный от Церкви крестоносец свободно говорил по-арабски, ценил арабскую культуру и своими телохранителями держал гвардейцев-сарацин.

В феврале 1229 года между султаном и императором был заключен договор: Иерусалим, за исключением той части, где находилась священная для мусульман мечеть Омара, переходил в руки христиан; кроме того, христианам были отданы Назарет, Вифлеем и вся дорога от Яффы до Иерусалима; от Фридриха договор требовал союзнических военных действий в случае нападения на султана любых врагов, включая христиан и в первую очередь христианских правителей Антиохии, Триполи и других сирийских городов.

Этим договором, что был установлен сроком на десять лет, Фридрих добился того, чего не удавалось ни крестоносцам, ни папам со времен взятия Иерусалима султаном Салах ад-Дином в 1187 году. Это осознали все, кто не был прямым сторонником папы. Рим же увидел для себя в этом договоре новую опасность. Как только Фридрих возложил на себя иерусалимскую корону, тотчас же папа освободил всех итальянцев от присяги императору и ввел войска в Сицилийское королевство. Фридриху пришлось поспешить в Европу...

После ухода Фридриха Иерусалим не раз подвергался мусульманским набегам, а осенью 1244 года отряд хорезмийских всадников, нанятый египетским султаном, союзником императора, неожиданно напал на Иерусалим и перебил там всех христиан. После этой резни Иерусалим был полностью потерян для христиан на многие века.

...Когда тень поэта Вергилия водила Данте Алигьери по кругам Ада, великий римлянин показал ему в глубинах преисподней гробницы в пылающей земле и заметил, что одна из гробниц принадлежит Фридриху. Данте удивился тому, что

«...Плиты у могил

Откинута, и стражи нет хранящей».

На это Вергилий отвечал христианину, что гробницы ждут владельцев до Страшного суда. Поверим ли язычнику на слово?

С. СМЕРНОВ

Я — король-ящерица,
Я могу все*.

От автора

Еще до появления на свет 26 декабря 1194 года в Джеси (Анкона, Папская область) легенды окружали единственного наследника императора Генриха VI и императрицы Констанс, наследницы королевского дома Сицилии*. Иоахим де Флора* объявил его антихристом, иные из пророков-современников видели в Фридрихе долгожданное дитя, которому суждено стать поводом к чуждому человечеству на пути в Золотой Век. Столь высокие чаяния редко бывают хотя бы наполовину оправданными; в случае же с Фридрихом пророчества были лишь началом.

Раннее детство его было многообещающим: избранному королем Германии еще в колыбели, коронованному короной Сицилии в трехлетнем возрасте, Фридриху по мере взросления пришлось пережить немало острых моментов. Он в очень раннем возрасте познал на собственном опыте многие прелести жизни юного монарха: его похищали, порой смерть стучалась в дверь его спальни, а придворные интриги и их хитросплетения стали для него обыденностью. Умирая, мать его отдала королевство малолетнего сына на попечение престолу Святого Петра, так папа Иннокентий* — первый из трех римских понтификов, сыгравших немаловажную роль в жизни будущего императора, — стал его опекуном. Папа сделал императором злейшего врага Гогенштауфенов*. Жителям Палермо порой приходилось подкармливать своего королевского мальчика, дабы он не умер с голоду. Между тем долгое регентское правление вело королевство к анархии. Когда Фридрих впервые заявил о себе в возрасте четырнадцати лет, он фактически являлся лишь малозначительным князьком. Внезапно папа объявил о смещении Оттона, и Фридрих был избран императором вместо него*. После более похожего на сказку, чем на реальный факт из жизни человека, путешествия через неприятельские кордоны, через засады, которые устраивали на море юному монарху пираты, семнадцатилет-

ний «Юноша из Апулии» ко всеобщей радости достиг Германии. Ему не пришлось сражаться с Оттоном, так уж вышло, что об этом позаботился другой монарх, Филипп II Август, король Франции, сумевший в 1214 году разгромить германцев и англичан в битве при Бувине. Фридрих сделался полноправным королем и императором, а затем, снискав твердую поддержку нобилитета Германии и утвердив королем своего сына Генриха, возвратился в Сицилию*.

В некогда цветущем королевстве норманнов на юге Италии царил хаос. Прирожденный законник, Фридрих сумел восстановить порядок и прочно взять в свои руки власть, возродив два старейших норманнских закона и сумев найти им разумное новое применение. Натравливая одних баронов на других, император подрывал основы феодальных свобод знати. На юге Италии, как и в других землях, где систему управления изначально устанавливали норманнские правители (скажем, в Англии), подданные охотнее соглашались на централизацию всей полноты власти в одних руках, руках законного государя. Одним словом, Фридрих уже в XIII веке сумел установить в своем государстве систему правления, которую позднее, спустя два века, назовут абсолютизмом. Суть его заключалась вот в чем: никто, кроме короля, не имел права создавать армию, никто, кроме короля, не мог издавать законы, никто, кроме короля, не имел права чеканить монету. Одним словом, никто, кроме короля, не мог иметь никакой власти. Власть же монарха ограничивалась лишь его фантазией, способностями и амбициями*.

У Фридриха в избытке хватало всех трех качеств; он основал университет, дабы обучать законоведов для пополнения чиновничьего аппарата королевства, поставив это учреждение под контроль Пьеро делла Винье*. Император централизовал торговлю, заново отстроил сицилийский флот и сделал бывшего пирата Генриха Мальтийского (Энрико да Мальта) адмиралом — главным морским министром. Фридрих наладил выпуск самой надежной в свое время в Европе золотой монеты, заставил баронов покинуть свои неприступные замки и переселиться во дворцы. Он способствовал развитию философской мысли и сам писал стихи; некоторые из них Данте назвал первыми шедеврами итальянской поэзии, написанными на разговорном языке*. У него была странная

тенденция перемещать целые народы с места на место, например он жителей целого города Челано из Апулии (юго-восток Италии) отправил на остров, то есть на Сицилию, в то время как несколько тысяч сицилийских сарацин были по приказу императора переселены в специально построенный город Лучеру. Из среды сарацин Фридрих набирал себе личную охрану*. Фридрих содержал зверинец с экзотическими животными, все крепости возводились по одному плану, и гарнизоны в них направлялись только в случае начала военных действий. Он говорил на шести языках, переписывался с учеными-философами и математиками и написал книгу о соколиной охоте, которая и по сей день приятна для чтения; здесь он показал себя самым настоящим исследователем и знатоком природы. Те из современников, кто восхищался им, называли его *stupor mundi* — чудо света.

Другие же из современников, напротив, называли Фридриха еретиком, тираном и вольнодумцем. Папы потратили немало времени и сил, дабы уничтожить его или хотя бы поставить барьер на пути его далеко идущих притязаний, со своей стороны Фридрих также употребил немало сил на то, чтобы всеми правдами и неправдами установить собственную власть в Ломбардии и таким образом соединить свое южное королевство с лежавшей на севере империей. Фридрих был известен как страстный любитель астрологии, он высмеивал религию и называл Христа, Моисея и Мухаммеда обманщиками. Однажды, проезжая мимо поля с колосившейся на нем пшеницей, он спросил своих приближенных, сколько богов возрастает здесь. Выросший в относительно либеральной и проникнутой легким скептицизмом атмосфере Сицилии, Фридрих демонстрировал изрядную веротерпимость к представителям иных конфессий, однако в отношении еретиков неизменно проявлял жестокость, преследуя их с большей энергией, чем даже любой из пап. Его чувственность и распущенность вошли в легенду: про слухам, он содержал на Сицилии самый настоящий гарем и соблазнил за свою жизнь тысячи женщин. Он любил соколиную охоту и самих соколов больше, чем иных свои любовниц.

Фридрих не может оставить равнодушным ни одного из историков, однако мнение о нем исследователей так же неоднозначно, как мнение современников, образ Фридриха в

освещении историка полностью зависит от его субъективного взгляда на эту личность. Что касается меня, я находилась в плену очарования этого человека в течение многих лет.

Большая часть книги основана на фактах, но некоторые факты, дошедшие до нас благодаря работам хронистов, зачастую спорны, то, что утверждают одни авторы, подчас находится в явном противоречии с тем, как освещают эти же события другие. Доводы Фридриха относительно перспектив его участия в крестовом походе после третьего отлучения* и все происходившее на борту корабля на пути на Кипр — мои предположения. Причины ссоры Жана Ибелинского с императором нигде не находят достаточного, на мой взгляд, разъяснения. Так или иначе, но даже сэр Стивен Рансиман*, большой апологет дома Ибелинов, признает, что записи о назначении барона Жана бальи Кипра нигде не сохранилось. Вместе с тем у Фридриха имелся богатый личный опыт в подобных делах, как-никак в период отрочества он достаточно посмотрелся на то, как могут править страной регенты. Вероятно, император просто перенес свою застарелую ненависть к регентам вообще на конкретное лицо, занимавшее на Кипре пост бальи*. Нет никакого свидетельства о том, что тамплиеры пытались убить императора в Акре, но они имели намерения склонить султана к убийству Фридриха во время его поездки к Иордану.

Тамплиеры общины в Акре, вполне возможно, не были сатанистами, однако, вне сомнения, таковыми являлись тамплиеры общины Франции, о чем ясно свидетельствуют записи, сделанные во время суда, устроенного над ними по приказу короля Франции Филиппа Красивого*. Восстановление Яффы, вероятно, шло не столь впечатляющими темпами, как это показано здесь. Как именно удалось Фридриху добиться от аль-Камиля* уступить ему Иерусалим — тайна, покрытая мраком, возможно, все происходило именно так, как я это описала. Коронация в церкви Святого Гроба Господня в действительности имела место, однако весьма странно, как сын Фридриха Конрад мог бы править и носить титул короля Иерусалимского, когда его отец также носил тот же титул и ту же корону. Странно... Однако Фридрих был странным человеком.

И наконец, Феофано: возможно, она была той самой си-

рийской девушкой, которая похоронена на Сицилии рядом с одной из императриц Фридриха. Может быть, она была матерью бастарда, Фридриха Антиохийского. С другой стороны, также вероятно, что она не имела к данной теме никакого отношения. Вместе с тем ее образ, как и практически каждый персонаж этой книги, имеет под собой в основании реально существовавшего человека.

Что же до самого Фридриха, вольности, которые я себе позволила в отношении описания характера и мыслей императора, вполне допустимы, они сообразуются с моделями поведения людей, живших в те времена: скажем так, мужчина, родившийся в 1194 году, вполне мог вести себя так. Фридрих удивлял и шокировал современников, но для нас он всего лишь тень прошлого. Недаром говорят: «То, что и во сне не приснится вам в Кью, давно существует в Катманду». Дабы, реконструировав его характер, рассказать о том, какое впечатление император Фридрих производил на современников, каким был, каким казался им, и в то же время сделать его образ понятным для моих читателей, я обошла едва ли не все библиотеки мира.

Фридрих. Я, Фридрих.
Я, Фридрих...

Черная тень окутывала галерею с широкими арками, но солнце уже озарило ярким светом ее край, дотянувшись лучом до ближайшей к Фридриху колонны. Снизу, со двора, слышались удары молота, легкие, отчетливые, равномерные и монотонные. Цвела глициния, поднимавшаяся по стене и обвивавшая колонны арок, и аромат ее, сладкий, терпкий и нежный, насыщал воздух. Третий день Фридрих находился в Барлетте, где с нетерпением ожидал новостей из Рима.

Он прошел на освещенную солнцем часть галереи и, облокотившись на перила, посмотрел вниз. С такого расстояния он не мог разглядеть, что за кузнец трудится во дворике, и подумал, не позвать ли Хасана, чтобы выяснить это, но увидел, что тот сам с явно озадаченным видом выглядывает из двери, расположенной как раз под тем местом на галерее, где стоял Фридрих. Подняв голову, он залюбовался игрой солнца на волнах моря, вид на которое открывался за косыми черепичными крышами городских домов.

Он глубоко, всей грудью вдохнул пропитанный ароматами цветения воздух и порадовался тому, каким сильным и крепким себя ощущает. Даже в Гаете, четырнадцать дней назад, он чувствовал по утрам такую слабость, что должен был внимательно следить за тем, чтобы скрыть

дрожь в руках. Как самый настоящий старик. Он услышал, как зашуршали за его спиной хартии, потревоженные ветром, и подумал было, не стоит ли вернуться к столу и поместить на них какой-нибудь груз, чтобы они не разлетелись, но не стал этого делать. В конце концов, даже если их унесет, Микаэль просто перепишет их.

Хартии. Его горло сжалось, и он в бешенстве сплюнул. Шесть месяцев он принуждал себя быть осторожным, боясь выдать свои мысли и чувства! В этом отношении болезнь даже помогла. Сейчас же гнев застил ему глаза, превращая лучезарный солнечный свет в крошечную тьму, и руки против воли сжимались в кулаки. Он заметил это и усилием воли распрямил пальцы.

Он мог только ждать, ему не оставалось ничего иного. Все, что было необходимо и возможно сделать, он сделал. Все, что должно было послужить на пользу ему, но не его врагам.

Письма: «Ваше королевское величество, кузен, именем Господа нашего я прошу вас беспристрастно и непредвзято обдумать мои слова...» — осторожно и продуманно составленные, разосланы всем властителям Европы. И он ни разу не показал своего гнева и ярости никому, даже Пьеро. Он крайне удивился бы, если бы Пьеро сумел угадать истинные чувства, владевшие им. Когда ответ придет, он позволит себе придаться гневу ровно настолько, насколько нужно, не заботясь о том, что огорчит Пьеро.

Однако уже сейчас снедавшая его, всепоглощающая, разрушительная ярость готова была вырваться наружу. Он подивился тому, что у него нет сил держать себя в руках. Ведь, по сути дела, он сам виноват в том, что сложилось настоящее положение вещей, он шел к этому, из года в год откладывая и откладывая выступление в крестовый поход.

«Не сейчас, ваше святейшество, я должен решить другие проблемы, уладить другие дела!»

Он подумал: «Может быть, я боюсь проклятия? —

И, попытавшись прочувствовать, какова была бы его реакция, понял: — Да, это так!»

Но в сентябре, когда Григорий, стоя на балконе Риэти, впервые объявил его отлученным от Церкви, он чувствовал куда больший страх.

Более всего его злило то, что после всех вопиюще позорных просьб о прощении, обращенных к трем папам, Григорий винит его в том, в чем сам он вовсе не виноват — в его болезни! После некоторых размышлений, перечитав хартии, словно изливавшие зловонные, смердящие испражнения злобствовавшего Рима, он почувствовал удовлетворение: даже для Григория то, что он не отправился благочестиво в Иерусалим из-за изнурительной лихорадки, испепелявшей его жаром и терзавшей ознобом, должно явиться пусть и единственным, но все-таки оправданием. Что ж? Политика есть политика.

Отлично. Он заметил двух пажей, неспешно прогуливавшихся по двору. Они разговаривали, склонив друг к другу головы.

Один из них увидел Фридриха, вздрогнул, резко остановился, низко поклонился и толкнул приятеля в бок. Тот обернулся, покраснел до корней волос и, сдернув с головы шапку, поклонился дважды. Фридрих махнул рукой, и пажи поспешно удалились.

«Отлучение. Как бы там ни было, оно может сыграть положительную роль. Оно разделит папу и императора, и каждому из них будет предоставлено свое, что на самом деле и является единственно верным. Я — император. Мир принадлежит мне! А уж небеса пусть папа забирает себе! Или меня так волнует спасение души?»

Его глаза сузились, он устремил взгляд на простиравшееся за красными крышами Барлетты море.

«Разве позволительно использовать религию как орудие в делах сугубо земных? А именно так поступает Григорий!»

Фридрих протянул руки, подставляя их ласковым солнечным лучам. Всю зиму он растолковывал госуда-

рям Европы, как бесчестно действует папа, пользуясь церковной властью, как неестественно и оскорбительно для них то огромное влияние, которое он приобрел. Теперь же Фридрих ощущал то, что, как он надеялся, короли и герцоги должны чувствовать: возмущение и унижение. Это несправедливо! Как Григорий смеет? Фридрих сплюнул и криво усмехнулся.

— Сир?

— Да.

Пьеро вышел на галерею и направился к нему. В руках он держал обвешанный печатями свиток пергамента. Фридрих качнулся, словно собираясь шагнуть к нему навстречу, и остался на месте, почувствовав, как напряглись все его мускулы. Ответ наконец-то пришел. Неуверенность и последняя слабая надежда всколыхнулись в нем и, сплавившись в ледяной ком, словно бы пали на дно его желудка.

— Читай.

Пьеро вскрыл печать, развернул пергамент и начал читать, машинально разглаживая свисавшие с листа ленты. Буквально с первых же фраз стало ясно, каков ответ папы, и Фридрих, прислонившись к стене, расслабил мышцы, будто сведенные судорогой. Он потянул к себе ближайший отросток глицинии и сорвал нежную кисть бледно-лилового цветка. Пыльца осыпала его пальцы и ладонь. Он не слушал Пьеро, что помогало ему сохранять безмятежный вид. Лицо его оставалось непроницаемым.

В третий раз! Он отринут, проклят, обречен и осужден. И никто не может поддержать его, не повергшись суровому осуждению Святой Церкви! Ему предъявлен новый перечень обвинений: он ограбил духовенство Сицилии, издевался и насмеялся над госпитальерами и тамплиерами*, разорил собственное королевство. Пьеро перестал читать и свернул пергамент.

— Ох уж этот Григорий, — сказал Фридрих и улыбнулся Пьеро. Заметив, что нарвал целые пригоршни глициний, император небрежно рассыпал измятые и

раздавленные лепестки по каменному полу и отряхнул от цветочной пыльцы руки.

— Он непримирим, — откликнулся Пьеро.

— Судя по всему, да. А я так старался проявить уступчивость, выразить раскаяние, показать себя истинным христианином. Сообщи всем, что здесь в конце апреля состоится совет.

— Я должен объяснить им, по какому поводу, сир?

— Конечно же, по поводу того, что я отправляюсь в крестовый поход.

Пьеро чуть наклонил голову, но продолжал смотреть прямо на Фридриха.

— А я думал, что мы обсудили этот вопрос и пришли к единому мнению, что это неразумно.

— Что поделаешь? Я изменил свое мнение. Как ты думаешь, почему идея вдруг показалась мне привлекательной? Ясно же, что папа не собирается возвращать меня в лоно Церкви, а я, воистину раскаявшись, проявлю недюжинную набожность и отправлюсь служить Богу, совершая паломничество в... — Фридрих покопился на слугу: — Нет? Что-то не так?

— Вы отлучены от Церкви. И я никогда не слышал...

— Ну и я не слышал, так что же? Когда архиепископ вернется из Каира, я приму окончательное решение. Когда же будешь рассылать приглашения, сообщи, что я уже все решил. В конце концов у нас есть и корабли и люди — какой смысл зря терять деньги? Короче, выясни, что они думают на этот счет.

— Это крайне неосторожно.

— Да, где была оглашена булла? Я что-то не расслышал.

Пьеро заглянул в послание:

— В Латеранском дворце.

— Ага, он боится идти в собор Святого Петра. Конечно же! Толпы, шум... Вы лучше пошлите за гроссмейстером*.

— Как прикажете, сир.

— А теперь давайте буллу сюда!

Пьеро протянул ему послание и прошел к столу, где лежали хартии, подписанные Фридрихом утром.

— Вы не думаете, что следует написать еще?..

— Я и так разослал уже слишком много писем!

Он посмотрел на буллу, и его внезапно вновь охватила ослепляющая, непреодолимая ярость. Его пальцы судорожно сжались, впиваясь в пергамент. Как ему хотелось смять, скомкать папское послание или изорвать его на кусочки! Он сказал:

— Этот человек самонадеян сверх всякой меры! — и покачал головой.

Пьеро заметил:

— Он напуган. Он ждал, что все отшатнутся от вас по первому его слову, но ведь этого не случилось.

Фридрих швырнул ему пергамент:

— Сохрани. Положи куда-нибудь. В маленькую шкатулку, что ли?

Краем глаза он успел заметить обычную формулу: *Григорий, раб рабов Божьих.*

— Чей раб? — гневно воскликнул он. — Да если бы сам Иисус Христос предстал перед ним, он предложил бы Сыну Божьему поцеловать ему туфлю!

— Может быть, послать ему еще одно письмо?.. — Пьеро собрал хартии и поверх их положил буллу.

— Нет! Пусть все видят, какой он... Какой он истинный христианин! Он украл деньги, пожертвованные на крестовый поход, чтобы собрать против меня армию! Он подкупает моих вассалов! — Фридрих понизил голос, чтобы его не подслушали, но грозные слова все равно звучали, как если бы он кричал. — Да разве это священник? Это — барон! Он воюет против меня, как барон, опираясь на все свои фьефы* и швыряя деньги направо и налево! Так разве я должен воевать с ним как со священником?

— Сир, ни один здравомыслящий, имеющий совесть человек не поддержит его.

— В мире полно бессовестных и безмозглых болва-

нов! — Он изо всех сил ударил кулаком по каменной колонне. Боль пронзила его руку, но в глазах прояснилось. Он задумчиво взглянул на кровоточившие, разбитые пальцы. Пораженный Пьеро замер и онемел, глядя на него. Фридрих усмехнулся.

— А может быть, я заставлю его поцеловать мою туфлю, а?

— Ваше величество, осмелюсь ли я посоветовать вам?..

— Да не собираюсь я нападать на него! Я не столь глуп. Ступай прочь.

Он повернулся к Пьеро спиной и спустя несколько мгновений услышал звук удалявшихся шагов. Дверь открылась и закрылась. Фридрих со свистом дышал сквозь зубы. Если он нападет, то потеряет все! Кропотливая работа, которую он вел всю зиму... Да что там? Всю жизнь! Утратив всякий смысл, не принесет долгожданных результатов! Он задел ободранными костяшками пальцев колонну, и острая боль пронзила его руку от кисти до локтя. Он поспешно опустил руку на перила.

«О Господи, разве она не моя? Не принадлежит мне одному?!» — думал он, глядя, как его кровь капает вниз, на шероховатые камни пола.

Первым событием в его жизни, которое он мог припомнить достаточно ясно, была коронация в кафедральном соборе в Палермо. Он отлично помнил, как тяжелы были парадные одеяния, как скользок и холоден золотой трон, как высок неф. И безбрежное, как ему казалось, море голов вокруг, и гул голосов, и сладкий и в то же время удушливый запах курений, смешанный со зловонием пота и грязи. Ни одного знакомого лица не нашел он в толпе. Наконец, после целого водопада слов, из которых он ни одного не понял, архиепископ возложил на его голову корону, и народ за-

кричал: «Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat!»*

— И я разревелся.

— Короли не плачут.

— Мне было всего три года. — Фридрих разрезал персик и отдал половинку мальчику, сидевшему рядом с ним. — Разве ты не можешь простить слезы совсем маленькому королю?

Энцо жадно проглотил персик и выбросил косточку в окно.

— А там была твоя мама?

— Наверное, была. Я не помню.

Энцо разгладил шелковое вышитое покрывало, которым была застелена кровать.

— Ну, значит, там был хотя бы один человек, которого ты знал.

— Сомневаюсь. До этого я видел ее всего раз или два...

В первый раз увидев ее, он заплакал, по крайней мере, так говорила герцогиня ди Фолиньо. Более всего он запомнил мать по тем безумным дням в Каstellамаре, где старая больная женщина бродила ночами по коридорам. Она проходила мимо детской, сопровождаемая женщинами, которые лампами освещали ей путь, и он слышал пугающий шелест ее одежд, леденящий душу шорох шагов — будто возле двери на миг оказывалось самое настоящее привидение.

Вошла Аделаида. Она остановилась и отбросила длинные золотистые волосы за спину.

— А мама голая, — заявил Энцо, заглядывая Фридриху за плечо, чтобы разглядеть ее.

— Это куда лучше, чем когда мама одетая!

Энцо захихикал и прижался лицом к плечу Фридриха.

— Почему ты сказал — мама? Она не твоя мама, а моя!

— Просто так говорят. — Он прижал мальчика к себе одной рукой, продолжая наблюдать за Аделаидой, которая теперь прохаживалась по комнате.

Она остановилась перед зеркалом в золоченой раме и принялась с удовольствием разглядывать себя. Две служанки появились в дверях спальни, но Фридрих махнул рукой, отправив их прочь.

— Моя мать была стара, лицо ее покрывали морщины, а дыхание отдавало зловонием.

Энцо стал вертеться, и Фридрих выпустил его. Раскрасневшийся мальчик сел, его рубашонка задралась до подмышек.

— Но она была королевой?

— Она была императрицей. — Он поправил рубашонку на Энцо.

Дыхание Аделаиды всегда было благоуханным, а ее кожа влекущей, нежной и мягкой. Она остановилась посреди комнаты и украдкой, искоса взглянула на него, постукивая узенькой ступней по ковру.

— Энцо, может быть...

— Расскажи мне другую историю!

— Два рыцаря встретились в лесу, напали друг на друга и умерли с честью, один от разрыва сердца, другой — чрезмерно распалившись и лопнув от злости. Поцелуй маму и беги поиграй во дворе.

— Но это не...

— Императорским указом я объявляю эту историю полноценной и законченной. Иди и играй. А потом я разрешу тебе покататься на слоне, когда его привезут.

— На слоне-е? — Глаза Энцо округлились, рот открылся. — На слоне?!

— Архиепископ везет слона из Египта. Это подарок султана. Ну, иди. — Фридрих легонько подтолкнул мальчика. Энцо соскочил с кровати, послышался легкий шум падения. — Поцелуй маму, прежде чем уйти.

Мальчик поднялся и подбежал к Аделаиде. Она наклонилась, и Фридрих усмехнулся, когда Энцо чмокнул ее в щеку.

— Слон! Настоящий слон! — Ребенок убежал, и Фридрих откинулся на кровати, опершись на локти.

— А для меня найдется императорский указ? — Аделаида высоко подняла волосы и небрежным жестом разметала их по плечам. Они как чадра прикрыли ее лицо, когда она опустила голову. Ее глаза сузились и потемнели.

— Я подумаю.

Она медленно приблизилась к нему, уперев руки в бока. От созерцания ее сливочной кожи, высокой груди, округлого живота, манящего темного треугольника между ног он ощутил сладостную дрожь в теле. Она встала коленями на край кровати, медленно наклонилась и поцеловала его. Он притянул ее к себе, и она опустилась на шелковое покрывало. Затем она задрала его рубашку и обвила руками талию, крепко сжав.

— Вы разговаривали с Бьянкой, — промурлыкала она, целуя его. — Я видела.

— А я видел, что ты видела. — Он выдернул подушку из-под ее головы и подсунул ей под бедра.

— Она вам нравится больше, чем я?

— Не разговаривай со мной, когда мое внимание привлечено к другому предмету!

Фридрих обхватил ее руками и перекатился на нее. Аделаида застонала и впилась губами в его плечо. Ее тихие вскрики и нежные вздохи он слышал как бы издалека. Его голова закружилась, у него зазвенело в ушах, все его тело было охвачено бурным потоком страсти. Наконец он содрогнулся в последний раз и, чувствуя полное опустошение, закрыл глаза.

— Пожалуйста, не разговаривайте с Бьянкой!

— Да не беспокойся ты! Перестань! — Он приоткрыл один глаз и взглянул в угол, на свечи, по которым определялось время. Вечером он должен был принять посланника французского короля, сейчас было только три часа дня, но свеча почти догорела. Он повернулся, лег на спину и сказал:

— Зажги другую свечу.

Она вылезла из кровати, и он растянулся на постели. Словно ветром с лица и из груди Фридриха сдуло

разнеженность и сладострастие. Спину, там, где Аделаида поцарапала ее ногтями, саднило. Это разозлило его, как злило все, что заставляло вспоминать о том, что между ними происходило. «Интересно, почему так?»

— Вы меня не любите, — проговорила женщина, присев на край кровати. Длинным костяным гребнем она расчесывала волосы.

Он тупо разглядывал мозаику, украшавшую противоположную стену. Он знал, что Аделаида может рассмотреть отсюда мельчайшие детали, а он — нет.

— А я никогда и не говорил, что люблю.

Если постараться, может быть, прищурившись, он и сможет...

— А я вас люблю! Очень люблю!

— Я люблю Энцо. Разве этого не достаточно?

— Нет.

— Плохо.

Он потянулся. Приятная усталость отступила, и он подумал о том, что пора вставать.

— Вам на меня наплевать!

— Если бы это было так, разве я возил бы тебя повсюду за собой? — возразил он и тотчас же понял, что ловушка захлопнулась. Как глупо он попался!

— Так вы возьмете меня с собой, когда поедете в Сирию?

— Да я еще не знаю, поеду ли я в Сирию вообще!

Он сосредоточенно уставился на всадника — маленькую греческую статуэтку, размещенную на дальней стене. Изображение расплывалось. Аделаида коснулась его груди, покрытой густыми рыжими волосами. Он шлепнул ее обеими руками по ягодицам. «Аделаида, дорогая, боюсь...» Перед его глазами возникло нежное, в форме сердечка лицо Бьянки Ланчия, ее иссиня-черные волосы, ясные голубые глаза. «Все кончено!» — завершил он свою мысль.

Аделаида опустила ему на грудь голову, которая вдруг показалась ему очень тяжелой.

— Позволь мне встать.

— Куда вы идете? — Она резко подняла голову и испытующе на него посмотрела

— К себе.

— Ах да! Аудиенция.

Фридрих встал и сбросил измятую рубашку*.

— Следи за тем, чтобы свечи горели!

Она фыркнула. Он знал, что Аделаида не относится всерьез к этому его распоряжению, поскольку часто, ожидая его прихода, она повсюду рассылала пажей, чтобы выяснить, какое время показывают свечи. Он уверился в этом, приказав однажды, чтобы в его кабинете «часы» отстали на целых три часа. Рубашка была неприлично грязна, и от мысли о том, что придется идти через шесть комнат в штанах и котте* на голое тело, по коже его побежали мурашки. Он бросил рубашку на стул.

— Прикажи постирать.

— Возьмите ее с собой.

Он круто повернулся:

— Черт тебя побери, Аделаида! Если я приказываю постирать мою рубашку, могла бы и сама это сделать! Разве ты раньше не твердила об этом все время? Ты меня слышишь?

Ее рот испуганно приоткрылся, она сжалась, прикрыла грудь руками и прошептала едва слышно:

— Да.

— Отлично! — Он подошел к двери, ведущей в приемную, еще раз оглянулся на женщину и, распахнув дверь, позвал: — Корсо!

— Сир! — Паж вскочил и метнулся к нему, сияя золотом украшавших его костюм кружев.

— Пошли кого-нибудь вниз, в мои покои, за чистой одеждой.

— Да, сир! — Корсо с живостью повернулся и отдал приказ одному из ожидавших пажей. — Могу я еще чем-нибудь быть полезен, сир?

— Есть шербет?

— Да, сир. Принести?

— Да.

Фридрих кивнул и вернулся в спальню Аделаиды. Она и не подумала одеться и настороженно наблюдала за ним сузившимися глазами. Он бросил:

— Прикройся.

Ее руки послушно потянулись к богато расшитому шелковому покрывалу. Фридрих отошел к окну и стал задумчиво смотреть на персиковый сад, где иногда играл Энцо. Услышав, что вошли пажи, он поспешно оглянулся — шербета он отведаст с удовольствием. Корсо принес чаши, а младший подросток — Джанкарло — поднос. Хотя последнему удалось отвести глаза от Аделаиды, ставя поднос, он все-таки увидел Фридриха и буквально посерел. Корсо снял кувшин со снежного ложа.

— В чем дело, Джанкарло? — спросил Фридрих. — Ты что, никогда прежде не видел голого императора?

Паж открыл рот, но не смог выговорить ни слова.

Корсо повернулся и бросил на приятеля насмешливый взгляд. Что бы тот ни сказал, все прозвучало бы смешно, и Фридрих пожалел о вырвавшихся у него словах.

— Ступай, — мягко проговорил он. — И ты, Корсо.

Подросток в смятении убежал. Корсо подал Фридриху чаши, поклонился, медленно пятясь, обогнул кровать и степенно удалился, прикрыв за собой дверь.

— Это было жестоко, — сказала Аделаида.

Он протянул ей одну чашу.

— Я знаю, — согласился он и, подумав, что перед аудиенцией надо непременно помыться, спросил: — Как ты думаешь, что бы произошло, если бы я отправился к себе нагишом?

Она воспрянула духом, увидев, что его настроение переменилось, и робкая улыбка осветила ее лицо:

— О, сколько было бы разговоров!

— Все бы решили, что я совершенно спятил.

Никогда он не осмелился бы на такое. Ведь он мог

встретить Бьянку и возбудиться, а уж тогда разговоры пошли бы по всей Барлетте. Он рассмеялся и допил шербет, опустошив чашу до дна. Аделаида коснулась его мускулистой руки.

— Вы прекрасны, — прошептала она. — Вы могли бы позволить себе сделать это. Но подумайте о других — о толстяках и стариках. Им необходима одежда, чтобы скрывать свое уродство. Подумайте об архиепископе.

В его мозгу мелькнула картинка — голый архиепископ, трясущий жирными ляжками и огромным обвисшим животом. Он брезгливо сморщился, но возразил:

— Куда мне? Я далеко не красавец, вот ты — красавица.

Фридрих взял женщину за подбородок и поцеловал ее, она же немедленно обхватила его за плечи.

— Сир, — раздался голос Корсо.

— Войди, — отозвался Фридрих. Он встал, и Аделаида поспешно скользнула под покрывало. Сопровождаемый третьим пажом, Корсо шагнул в комнату, неся огромную охапку одежды.

— Француз прибыл?

— Да, сир.

Корсо, помогая Фридриху облачиться в рубашку и штаны, продолжал:

— Его зовут де ла Мэй, или что-то в этом роде.

Он встал на цыпочки, чтобы продеть голову господина в горловину блио:

— Гроссмейстер ждет вас в приемной. И еще гонец от Франджипани.

— От кого? От... — Фридрих резко выпрямился и надел блио сам. — Когда он приехал?

— В три часа, сир! — Корсо подал ему камзол. — Прошу вас, сир.

— Нет, унеси! — Он, не закончив одеваться, быстрыми шагами двинулся к двери, которую другой паж поспешил распахнуть перед ним. Фридрих через занавешенную арку прошел в следующую комнату. Корсо

не отставал от него. Стражи, находившиеся там, выпрямились столь поспешно, что послышалось звяканье их доспехов. Корсо обогнал его и, заглядывая в лицо, перешел на бег рысцой — иначе он не мог состязаться с господином в скорости.

— Раньше надо было мне сказать! — упрекнул его Фридрих.

— Но Паоло узнал об этом, только когда пошел за вашей одеждой, сир. И я так спешил сообщить вам, что даже не постучал!

— Корсо, я приказываю тебе не взрслеть! Ты слишком хороший паж.

Фридриху тоже хотелось перейти на бег, и ему приходилось прикладывать колоссальные усилия, чтобы удержаться от этого, он продолжал идти, хотя и очень быстро. Миновав огромный пустой зал, они оказались в следующей, весьма просторной комнате, где множество разряженных в шелка и кружева, увешанных драгоценностями людей зашевелились при их появлении, кланяясь и толкаясь, дабы пробиться в первые ряды. Это походило на игру сверкающих морских волн в солнечных лучах, которые лились сквозь высокие окна. Двое цистерцианцев* вышли из коридора справа и, увидев Фридриха, остановились, склонив головы. Один из них был Клаус из Абрусси.

Фридрих остановился столь резко, что следовавший за ним паж Паоло налетел на него и упал. Император окинул взглядом приемную из конца в конец, пытаясь определить, кто покинул его, а кто, наоборот, приехал в Барлетту, чтобы присоединиться к нему после того, как стало известно, что он отлучен. Большинство собравшихся здесь ожидали, что выйдет Пьеро или Мариано. Многие из придворных, когда он миновал их, поднимали головы и, увидев, что это он, вновь склонялись, причем на сей раз гораздо ниже.

— Клаус, — сказал он, и монах улыбнулся. Фридрих двинулся дальше. Он был мирским братом цистерциан-

цев*, и воспоминание об этом подбодрило его. Уж они-то не покинут его и, конечно же, не предадут...

Сопровождаемый пажами, он поднялся по лестнице, сквозь строй девиц, и оказался в начале анфилады комнат, где стояли стражи, сплошь сарацины, которые, увидев императора, тотчас же вытягивались в струнку.

— Корсо, призови Манфредо Ланчию, — приказал Фридрих. Он прошел в комнату поменьше, повернул налево и подождал, пока Паоло откроет перед ним следующую дверь.

Там находились гроссмейстер, Ринальдо ди Сполето и высокий итальянец, которого Фридрих не знал. Все трое поклонились ему. Итальянец опустил на одно колено:

— Ваше величество!

— Встань. Герман, минутку с вашего позволения.

— Сир! — Гроссмейстер поклонился.

Итальянец торжественно проговорил:

— Ваше величество, я послан Пьеро Франджипани, чтобы сообщить вам — римляне изгнали папу из города* за то, что он отлучил ваше величество от Церкви!

Фридрих откинул голову и издал возглас радости.

Итальянец вздрогнул, а Ринальдо злорадно засмеялся. Вернулся Корсо, который, как было приказано, привел старшего брата Бьянки.

Коленопреклоненный итальянец судорожно мял и тербил свою плоскую бархатную шляпу.

— Я всегда испытывал глубочайшее уважение и любовь к гражданам Рима, и да будет так всегда! — Фридрих снял с мизинца золотое кольцо и протянул его гонцу. — Возьми. Манфредо, позаботьтесь об этом человеке. Хорошенько угостите его и обеспечьте самой лучшей одеждой. И пусть он присутствует на аудиенции.

Манфредо кивнул, наморщив лоб, как бы соображая, что к чему, и ответил:

— Да, сир.

Фридрих не удержался от усмешки. Он наклонился

и поднял итальянца с колен, поставив его на ноги. Тот, сжимая в кулаке кольцо, вдруг рассыпался в невнятных выражениях благодарности, причем смотрел куда-то поверх головы императора, будто обращался не к нему, а к самому Господу Богу. Манфредо взял гонца за локоть.

— Подожди, — остановил его Фридрих. — Где теперь папа?

— В Риэти. — Итальянец опять пал на колени.

— Хорошо. Ступай.

Грудь императора теснил восторг от сознания триумфа. Папу выставили из Рима. Из его собственного города! Он не хотел смотреть на гроссмейстера, боясь прочесть огорчение и неодобрение на его лице. Ринальдо все еще усмехался. Фридрих поджал губы:

— Корсо, пошли кого-нибудь за Микаэлем Скотом. Герман, прошу вас, пройдем туда... Да, Корсо, я хочу помыться. И пусть вода будет горячей! Горячей, черт возьми, а не тепленькой! — Он направился к двери, которая вела во внутренние покои, и паж ринулся, чтобы открыть ее. Гроссмейстер последовал за императором.

В этой комнате солнечный свет был столь ярок, что почти ослепил Фридриха. Беспрепятственно проникая через балконную дверь, он лился из окон, отражался от мозаичных стен и играл на золотых украшениях, присутствовавших в интерьере, и безделушках. Император прошел в середину комнаты и принялся стаскивать через голову блио*, но прежде чем он успел это сделать, к нему подскочил паж и избавил его от затруднений.

— Герман, он спятил? — спросил Фридрих.

Гроссмейстер, стоявший возле двери, отозвался:

— Очевидно, в Риме так и думают.

— Говорите по-немецки, Герман, мне бы хотелось попрактиковаться. — Он перешел на немецкий язык. — Я прикажу молиться, чтобы Господь наставил его на путь истинный. Садитесь.

— Благодарю вас, сир. — Гроссмейстер опустился на стул и вздохнул. Пажи принесли Фридриху халат.

Император постоял, ожидая, пока они оденут его и завяжут пояс, а затем тоже сел. Он был столь рассеян, что один из пажей едва успел подставить ему стул, иначе он бы упал.

— Я не терял надежды и молился за его святейшество, дабы он понял, что избрал пагубный путь, подобный усыпанному искушениями и соблазнами пути в ад. Но равно я молился и за вас, сир...

Вошли двое слуг. Они принесли дрова для того, чтобы развести в ванной комнате огонь.

Фридрих сказал:

— Герман, весь мир — моя арена! И я знаю, как должен действовать. Кровь великих королей, текущая в моих жилах, подсказывает мне верный путь. Кровь не даст мне ошибиться. А он? Чем может руководствоваться он, кроме жизненного опыта? Как мне оправдаться? Как доказать свою правоту?

— Я знаю, что вы пытались это сделать, — вздохнул гроссмейстер. — Но я знаю также и то, какие чувства в святом отце будит ваше отступничество и поведение, переполнившее чашу его терпения.

— Это не отступничество!

Фридрих замолчал, понимая, что начал разговор неправильно. Вошел Микаэль Скот. Он улыбнулся и поклонился. Император нетерпеливо махнул рукой:

— Герман, я грешил, но ведь я молил его отпустить мои грехи! — Он погрузил босые ноги в ворс ковра и ерошил его пальцами. — Он же обвиняет меня в том, чего я и в мыслях не имел делать. Видели ли вы буллу?

— Делла Винье послал мне копию.

— Я люблю Церковь, Герман. С самого детства не знал я иного отца и иной матери, чем Святая Церковь Христова, она взрастила меня, она воспитала, она руководила мной! — Он замолчал, а затем обратился к Скоту на латыни: — Ты составил гороскоп?

— Да, сир. — Рука Скота скользнула под белую меховую накидку, но замерла, он бросил настороженный взгляд в сторону гроссмейстера.

— От истоков существования христианского мира, — сказал старик, — папе дано право судить императоров. И это справедливо, ибо если не папа, то кто делает это?

Фридрих звучно хлопнул себя ладонями по бедрам.

— Я не возражаю против того, чтобы меня судила Церковь, Герман! Церковь, но не человек, замкнувшийся в скорлупе своего призрачного величия, не человек, который властью, данной ему Церковью, пытается устанавливать собственные законы и сам же нарушает их.

Гроссмейстер озадаченно нахмурился. Вошел Корсо со стопкой мягких полотенец в руках. Фридрих в раздражении поднялся. «Старина Герман, похоже, не понимает разницы между Григорием и тем высоким постом, который он занимает!»

— Пойдемте со мной.

Он прошествовал по узорчатому ковру к боковой двери, слуга придержал занавеску, и они оказались в просторной, выложенной плиткой ванной комнате, в центре которой находился неглубокий бассейн, наполовину заполненный водой. Фридрих сбросил халат, вошел в воду, задыхаясь от жара, и погрузился в нее по пояс. Вздых удовлетворения вырвался из его груди. Он поплескался, затем опустил на колени и, окунув голову, принялся скрести ее руками. Тело его быстро привыкло к горячей воде, поэтому, когда он поднялся, воздух в комнате показался ему холодным. Корсо стоял возле бассейна и, когда Фридрих сделал ему знак, подал полотенце. Остальные слуги в ожидании приказаний окружили отделанный плиткой бортик бассейна.

— Новости из Константинополя есть? — спросил император.

Ринальдо поклонился и ответил:

— Нет, сир. Но думаю, они все-таки изберут его.

Фридрих сморщил нос. Мальчишка, которого называли императором Востока, был слишком маленьким, чтобы по-настоящему править, и папа всеми силами

способствовал избранию регентом Жана де Бриена* — экс-короля Иерусалимского. Теперь королем Иерусалимским являлся сам Фридрих. Он стал им, женившись на дочери Жана, наследнице престола. Жан же был хоть и стар, но весьма энергичен, и он ненавидел Фридриха. Самонадеянный старый бастард! Жан пребывал в Риме вместе с епископами и нобилиями, изгнанными Фридрихом из Сицилии за последние восемь лет, и император подозревал, что они совместно строили планы мести.

— Герман, папы никогда не отлучали от Церкви ни Дипольда, ни Вальтера, ни Марквальда, ни кого-либо другого за разграбление Сицилии, как он это сделал со мной!

Гроссмейстер нахмурился:

— Нет.

Фридрих принялся пальцами расчесывать свои длинные волосы. Мысль о крестовом походе вернулась к нему и показалась крайне заманчивой, но только в общем и целом. Дверь, которая вела в соседнюю комнату, отворилась, и вошел адмирал, сопровождаемый шестью друзьями. Он послал пажа за стульями для себя и гроссмейстера, и тот поспешил исполнить приказание. Фридрих бродил по бассейну и сушил волосы.

— Герман, отправляйтесь в Сирию с первым же кораблем!

— Сир? — Гроссмейстер вздрогнул. Остальные зашептались, переглядываясь и бросая недоумевающие взгляды на Фридриха. Микаэль Скот взгромоздился на подоконник и с бесстыжей, циничной улыбкой наблюдал за всеми.

— Отправляйтесь в Сирию. Рикардо Филанджери и герцог Лимбургский своевольничают там, и никто их не контролирует, кроме Томазо, который и так слишком занят. Кто-то должен присоединиться к ним.

— Сир... Зачем?

— Как бы там ни было, у вас есть все основания отправиться туда и проследить за выполнением ваших же

собственных приказов. — Он ударил рукой по воде, подняв тучу брызг, и усмехнулся: — Энрико, снаряди для него корабль!

— Сир! — Адмирал поклонился.

Энрико да Мальта был генуэзским пиратом до того, как Фридрих сделал его Великим адмиралом Сицилии. Фридрих украдкой бросил на него взгляд. Иногда, как бы невзначай, стараясь не проявлять особой заинтересованности, он просил Энрико рассказывать ему истории из жизни пиратов. Пиратство казалось ему забавой, веселыми приключениями авантюристов. Он почти смущенно опустил глаза и усмехнулся.

«Что мне это напоминает? «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Так? Всегда, всегда они наблюдали за мной... Наблюдали, когда только родился. Будут наблюдать, когда умру... — Он положил руку на грудь, на ребра, скрытые под мышцами, плотной кожей и кудрявыми волосками, и подумал: — Интересно, почему на груди волосы не вырастают такими длинными, как на голове или, к примеру, в бороде?»*

— Франциска собираются канонизировать!* — небрежно проронил Микаэль Скот и, заметив гримасу императора, поспешил добавить: — Я думал, это вас позабавит.

— Та-ак! Его делают святым, а меня отлучают от Церкви! — проворчал тот и принялся энергично мыться. Гроссмейстер тихо переговаривался с Энрико. Ринальдо взглянул на них и тихо сказал, наклонившись к Фридриху:

— А почему бы и не сделать его святым? Разве он не получил ран, как у нашего благословенного Бога? Франциск был очень благочестив. Каждый скажет.

— Я его никогда не видел, — отмахнулся Фридрих. — То есть я хочу сказать, что это несправедливо! Курия* крайне непоследовательна. По сути, мы оба еретики — и Франциск и я.

— Вы не еретик, — возразил гроссмейстер. — Не позволяйте убедить себя в этом.

— Как это? Почему Франциск еретик? — удивился Энрико.

— Клянусь Богом! — воскликнул Фридрих. — Он обзавелся стигматами без предварительного ходатайства священника, разве нет?* Так, может быть, теперь и его тело, как Христово, считать святым причастием?

— Очень интересная и совершенно новая точка зрения, — улыбнулся грессмейстер. — У вас весьма острый и живой ум, сир.

— Благодарю за комплимент. — Фридрих прошел к тому краю бассейна, где было совсем мелко, и, присев на бортик, начал мыть ноги.

Энрико фыркнул и засмеялся своим высоким резким смехом.

— Франческо и Фредериго! Святой император!

Фридрих извернулся и обдал его водой.

— Придержи язык! А не то велю вздернуть тебя во дворе!

Все засмеялись, и Энрико громче всех, однако грессмейстер только натянуто улыбнулся. Фридрих подошел к другому краю бассейна и, ударив ладонью по воде, обрызгал ноги магистра. Старик испуганно вздрогнул и посмотрел вниз. Император, подняв голову, взглянул на него, усмехнулся и подмигнул.

— Сир? — Грессмейстер несколько растерянно огляделся по сторонам. Лицо его стало напряженным. — Вы желаете выйти?

Он протянул руку, чтобы помочь Фридриху выбраться из воды.

Тот покачал головой:

— Нет. Прошу прощения. Я справлюсь сам.

Он развернулся и направился к противоположному краю бассейна. Пажи и слуги с халатом, домашними туфлями, ароматическими маслами и полотенцами побежали вокруг, чтобы встретить господина.

«Не важно, что я не хотел сделать ничего плохого... Я обидел старика, — думал он. — Неужели я веду себя

как мальчишка только потому, что он мне очень симпатичен?»

Опершись двумя руками о бортик, он мощным толчком перебросил через него ноги и, встав, выпрямился. Оставшиеся с другой стороны бассейна, замерев, смотрели на него.

«Если бы я не был императором, стал бы я так вот стоять и пялиться на того, кто бы им был?» — пришла ему в голову мысль, но он не мог представить себя «не императором». Пьеро делла Винье принес бумаги*. Он стоял и терпеливо ждал, пока пажи умачивали тело Фридриха.

— Сир, не изволите ли вы прочитать это до аудиенции? — наконец спросил он.

— Да.

Фридрих протянул руку, чтобы взять бумаги. Ветерок, сквозивший из окон, показался ему холодным. Он повернулся так, чтобы ему смогли накинуть на плечи халат, и двинулся вперед. Остальные, будто собаки на поводках или птицы, увлекаемые тонкими ремешками, какими их обычно привязывают, последовали за ним.

Стены зала аудиенций украшали изображения павлинов и диковинных, причудливых деревьев. Маленькие золоченые цветы, майоликовые стебли и листья были столь изящны и искусно выполнены, что затмевали красотой своих живых собратьев и казались даже более живыми, чем они.

Де ла Муаль, французский посланник, сидел, широко раздвинув колени, на стуле между двумя гигантскими желтыми лилиями, поедая глазами Фридриха и с самого начала аудиенции усердно и добросовестно играл роль грубовато-простодушного, честного воина.

Пьеро зачитал обращение к послу. Стоявшие вдоль стен зала офицеры охраны и придворные хранили молчание. Фридрих разглядывал стену прямо над головой де ла Муалья столь долго, что птички и деревья на стене

поменяли цвет, расплылись и словно бы зашевелились. Он закрыл глаза, сосчитал до пяти, а затем опять открыл.

— Честные и законопослушные, эти добродетельные люди...

Еще четыре фразы, и приготовленное обращение кончится. Он собрал все свои силы, чтобы не утратить самообладания.

«Спокойно!» — приказал он себе. Его величество император выше человеческих слабостей, таких, как усталость глаз и пот, заливающий тело. Но мантия, как цепи узника, давила на плечи, а лоб зудел под ободом короны. А он желал сохранить неподвижность статуи, демонстрируя, что плоть — всего лишь сосуд для могучего разума великого императора.

Речи, достигавшие его ушей, не доходили до сознания, он продолжал размышлять о чуде, ибо судьба его воистину должна была быть признана чудесной.

Как всегда, когда его охватывали воспоминания, он как бы вновь переживал этапы своей жизни.

Вот он босиком, в одной старенькой рубашонке бежит во внутренний двор, чтобы взглянуть на песочные часы, а вот — спустя несколько лет таскает персики на базаре в Палермо. И, как всегда, мысли его возвращались к первой женитьбе, к рождению сына и цепко сжимавшему его в те времена в своих жестоких объятиях страху... Страху и стыду, терзавшим его, когда лжеимператор Оттон Гвельф* вторгся в Сицилию и ему, Фридриху, пришлось снаряжать корабль и бежать в Африку, иначе... Тогда он был всего лишь сыном Генриха VI, слишком молодым, слишком слабым и одиноким, ведь о нем забыли все, даже папа, поклявшийся защищать его. И вот случилось чудо! Он никогда не забудет тот день, когда получил известие о том, что избран императором, что Оттон изгнан и он, Фридрих, действительно станет императором, если только придет в Германию.

Он был воодушевлен, точно шаровая молния прон-

зила его тело и возжгла в нем истинно королевский, чистый огонь. Констанс, его первая жена, не поверила в чудо*. Она молила его не ездить: «Это ловушка! Это слишком опасно!» — твердила она. Но он твердо знал — все правда. Едва гонец завершил речь, он всем сердцем ощутил неотвратимость ожидавшей его великой судьбы. Он — император! Четырнадцать лет он готовился к великой миссии. Но Констанс плакала и умоляла. Она была на десять лет старше его, совсем недавно родила младенца и еще не оправилась после родов.

Ему было семнадцать. Три года после своего совершеннолетия он не делал ничего, нет, ничего. Только прыгал, как перепуганный заяц, бегал по кругу, вынюхивая возможные заговоры, чтобы защититься, прежде чем они... Семнадцать... А он уже отец, и глупая жена не хочет позволить ему ехать в Германию и короноваться!

Пьеро отвечал на речь де ла Муалья, полную выражений беспокойства и надежд на благополучие французской королевы, правившей за своего юного сына. Они работали над ответной речью днем раньше, предвосхищая все возможные вопросы французского посла и записывая ответы на них. Пьеро владел латынью лучше, чем Фридрих, мысли выражал более гладко и фразы строил более четко. Латынь Фридриха выглядела скорее как перевод с итальянского. Де ла Муаль восхвалял мягкость и смирение, с которым император обращался к папе. О, если бы он только знал!..

Чудо. В Германию он отправился весной, и чудо возрождения природы сопровождало его на протяжении всего пути. Он отплыл в Рим на генуэзском корабле, избегая встреч с флотом пизанских пиратов, и был с ликованием встречен в Риме. Он никогда не видел граждан Рима прежде, но как они порадовали его! С тех пор он навсегда запомнил, как восторженно его приветствовали. И они до сих пор остались его друзьями. А затем — Кремона, из Кремоны по реке Ламбро в Милан, потом сквозь толпы миланцев... Милан он когда-нибудь разрушит, сровняет с землей, город ядовитых

змей и хамелеонов — они всегда ненавидели Гогенштауфенов. Отец... которого он никогда не видел, но все-таки...

— И наконец, ее светлость королева-регентша Франции желала выразить неизменную преданность его величеству императору и передать, что возносит к небесам горячие молитвы, дабы Господь поддержал его величество в эти полные тревог, опасностей, горестей и печали дни.

Как трогательно со стороны Бланш! Он встречал ее и короля в Вокулере, когда находился в Германии — к счастью, жизнь в Германии приготовила его к стилю жизни французского двора. Сквозняки, холодные камни, узкие маленькие оконца. Ни солнечного света, ни цветов, ни музыки, пустые и нудные разговоры о грехах и ереси. Он отлично помнил, как был поражен тем, что они жалели его за то, что он беден. Но он — сицилиец — в отличие от них знал, какой должна быть настоящая жизнь! Его удивляло то, что они вообще способны смеяться.

Де ла Муаль поинтересовался, можно ли ожидать крестового похода. И Пьеро рассыпался в уверениях, что Фридрих только об одном и мечтает — взять крест! Он пространно, с горячностью описал, как страстно желает император послужить делу Божьему, но не преминул отметить, как и было условлено, в осторожных и обтекаемых выражениях, что не всегда желания смертных совпадают с возможностями.

— Конечно, в том случае, если ситуация в Италии не потребует неотлучного присутствия на Сицилии его величества, неуклонно пекущегося о благополучии своего королевства. Его величество не осмелится уехать, не имея уверенности в том, что на Сицилии будет царить мир.

И так далее и тому подобное. Фридрих слушал следующий вопрос де ла Муалья ровно столько, сколько потребовалось времени, чтобы убедиться — Пьеро сможет на него ответить. Его взмокшая от пота шея горела, на-

тертая парчой горловины. Он ненавидел парадные одежды. В Сицилии было достаточно тепло, чтобы вообще обходиться без всего. Особенно нелепыми казались ему длиннополые одеяния, путавшиеся в ногах и мешавшие ходить. Новые были чуть лучше прежних — они доходили только до середины бедер, однако о рукавах он не мог бы так отозваться: они раздражали — широкие, как у женщин, и разрезанные от манжет до локтей, наверное, затем, чтобы удобнее было окунать их в блюда с едой или попадать по лицам преклонявших перед ним колени людей.

Когда он семнадцать лет назад приехал в Констанцу, на нем был зеленый бархатный камзол, вытертый на локтях, зато пояс украшала огромная золотая пряжка.

А теперь он здесь. Он — император. Тогда город приготовил банкет к встрече императорской особы, но ожидали Оттона IV, а вовсе не Фридриха II, и люди были крайне удивлены, увидев его. С ним было всего три сотни солдат, а многочисленная армия Гвельфа находилась прямо за озером. Но он решительно постучал в ворота: впустите императора! Так, наконец перестав оставаться в тени, он заявил о себе, сев за стол, накрытый для его врага. Когда же тот все-таки прибыл, после того, как унесли мыть блюда, ворота были закрыты, и в город его так и не пустили. Враг был побежден.

Де ла Муаль задал вопрос, на который должен был дать ответ сам Фридрих. Он неохотно отвлекся от воспоминаний и заставил себя вернуться к действительности.

— ... и более всего желательно узнать, откуда стало известно его императорскому величеству о том, что его святейшество злоупотребил денежными средствами, собранными для нужд крестового похода.

Фридрих сказал:

— Какие бы оскорбления ни наносились нам, какие бы ни совершались в нашем государстве злоупотребления, мы всегда будем поставлены о них в известность, даже если повинны в этом окажутся особы, полагаю-

щие себя выше любых обвинений. Его святейшество заплатил ломбардским городам больше сотни тысяч дукатов только за прошлый год. Основную часть этой суммы составляют средства в золотых августалиях*, которые сами мы передали ему для крестового похода. Только Милан получил четыре сотни новых августалий, причем в мешках, запечатанных нашей императорской печатью. Его сиятельство наш кузен вполне имел возможность убедиться в этом, поскольку миланцы не позаботились переплавить монеты, к тому же они переправили около двух сотен через флорентийских банкиров верным людям в Париже, и пятьдесят из них в свою очередь поступили через агентов в уплату нашему кузену его сиятельству.

Де ла Муаль уставился на него, открыв рот. Фридрих с огромным трудом удержался от улыбки, но, если бы в этот момент кто-нибудь чихнул, икнул, вздохнул, переступил с ноги на ногу, он бы точно не выдержал. Любой звук или движение могло вызвать в нем взрыв неудержимого смеха. Он говорил на латыни из-за того, что на латыни говорил де ла Муаль, и сам услышал, насколько его речь, причем не в лучшую сторону, отличается от речи Пьеро. Де ла Муаль, заикаясь, выдавил из себя следующий вопрос. С этим справится Пьеро. Император вновь углубился в созерцание стены.

«Если все это протянется еще хоть немного, я умру. Умру прямо здесь, не сходя с трона. И пусть Генрих становится императором, и черт бы с ними со всеми!»

Глаза не желали слушаться его, блуждая против его воли; кожу, соприкасавшуюся с парчой, саднило при каждом вздохе.

Гиганту Оттону, храброму и грозному, подобному медведю, пришлось умереть под кнутами священников, распростершись на полу, признавая свой грех перед епископом Германским. С него заживо спустили шкуру*.

Охотники на ведьм!

Людвиг, ландграф Тюрингии, прошлым летом в Отранто лежал, умирая от малярии*. Из-за этого сорвался

крестовый поход, а он говорил только о своей жене. Святая Елизавета.

Северные святые заметно отличаются от наших южных. Людвиг, страдая от лихорадки, временами плача от слабости, наконец-то осознал, насколько он немец. Его страшил ад. «Я не возражаю против того, чтобы умереть, но вот отправиться в ад!..» Он бредил козлоногими уродливыми демонами, которые более всего пугали его, живо описывая их вонючие шкуры, кривые ноги и круто изогнутые острые рога. Франциск никогда не говорил об аде, он любил птиц и цветы, и стигматы появились у него не от страха, а от любви.

«Да если бы мне пришлось вечно гореть в адском пламени, как в лихорадке, — я бы с ума сошел! Наверное, самое ужасное в аду то, что там нельзя сойти с ума. Но что-то в этом определенно есть — выносить адские муки, не покоряясь. Если они правы, я именно так и собираюсь поступать, хотя, возможно, и смог бы уговорить себя занять правильную позицию».

Пьеро выступил вперед и ударил посохом об пол:

— Аудиенция окончена. Славьте императора!

Фридрих подавил вздох облегчения. Двор стал покидать парадный зал. Император наблюдал за яростной, но скрытой борьбой, происходившей у дверей, ему было даже интересно, кто скорее сумеет выйти — придворные, стоявшие с левой стороны зала, или офицеры охраны, располагавшиеся справа. Придворные победили. С радостными возгласами они устремились вниз в большой зал. Последним уходил де ла Муаль в сопровождении собственной свиты. Пьеро догнал его у дверей, вкрадчиво заговорил, передал две загодя приготовленные копии обращения и с поклонами проводил.

Сарацины, стоявшие на страже за дверьми, захлопнули их за спиной де ла Муалья, и Фридрих вздохнул с облегчением.

— О Господи! Я просто тону в поту! — Он сдернул корону и тряхнул волосами. — Я хочу, чтобы мне сделали точную копию этого орудия пытки, но из чего-ни-

будь полегче. К примеру, золото можно заменить оловом, ткани — бумагой, драгоценные камни — стразами. Ох, да из чего угодно, хоть из птичьих перьев! Вы понимаете, Пьеро, что я хочу сказать? Но, надеюсь, нам удалось произвести на них впечатление?

— О да! — Пьеро открыл боковую дверь и впустил пажей и слуг. — Когда вы вдруг заговорили, это буквально потрясло их. Да и нас. — Он улыбнулся. — Вы были воистину подобны статуе! И так долго!

— Я умираю от жажды. — Император все еще держал корону в руках. К нему подошли двое стражей, и он не глядя сунул ее одному из них. Он уже почти освобожден от парадных одежд и, передернув плечами, сбросил их совсем. Пажи принесли ему чашу охлажденного вина, в котором плавали лепестки роз.

— По-моему, де ла Муаль страшно перепугался, когда понял, что вы знаете об августалиях, — сказал Пьеро.

Фридрих пожал плечами.

— Все считают себя такими хитрыми и ловкими! Это просто у них на лицах написано, как только они затевают какую-нибудь подлость. — Он наклонился так, чтобы Корсо смог надеть ему через голову блио. — Если бы они были либо чуть умнее, либо чуть глупее, чем они есть, я оказался бы бессилён. Не этот камзол, Джанкарло, черный.

Боковая дверь опять отворилась, и вошел Хасан. Он пересек комнату большими шагами, остановился напротив Фридриха и отсалютовал. Его темневшее над снежно-белыми, без единого пятнышка одеждами лицо расплылось в лучезарной улыбке. Фридрих улыбнулся в ответ и спросил по-арабски:

— Что ты нашел?

Хасан поднял один кулак. Он сделал несколько изящных движений кистью, напоминавших движения фокусника, и между его пальцами заблестела золотая монета с профилем Августа. Фридрих расхохотался. Он продел одну руку в рукав принесенного Джанкарло

камзола и протянул другую. Хасан положил монету на его ладонь.

— У кого она была? Неужели у самого де ла Муаля?

Хасан кивнул и отступил, все еще улыбаясь. Пьеро взглянул на монету и скорчил недовольную гримасу.

— Я не припомню, на какую сумму мы бились об заклад? — спросил его Фридрих по-итальянски.

Пьеро всплеснул руками.

— На шестьдесят дукатов.

— Я удержу их из твоего содержания.

Пажи засуетились вокруг него, смахивая несуществующие пылинки с его туфель и шитого золотом камзола. Он оглянулся, ища взглядом шкатулку с драгоценностями. Приблизившийся Марко протянул ее Корсо. Фридрих покосился на него:

— Гранат, большой рубин, все три печати и цепь с бриллиантами.

Пьеро предложил:

— Может быть, только иерусалимскую?

— Не будь таким недалёковидным. — Он протянул руку, чтобы Корсо мог надеть кольца. Немедленно другой паж поправил его манжеты. Фридрих наклонился, давая им возможность надеть на него цепь и медальон, постоял, ожидая, пока они застегнут пряжку его пояса, и затем взял из рук Марко шляпу. Наконец пажи и слуги отступили, придиричиво рассматривая его костюм — не упустили ли они чего-нибудь? Пьеро и Хасан распахнули парадные двери, и он отправился навстречу шуму веселья и музыке, доносившимся снизу. Едва он оказался у входа в зал с высоким сводчатым потолком, его ослепили всполохи света, подобные вспышкам молний, игравшие на парчовых и расшитых золотом, на атласных и шелковых, сплошь усеянных жемчугами и рубинами нарядах. Все увидели его, и гул голосов мгновенно стих. Он услышал, как герольды провозглашали его титулы, но не спешил пройти вперед, с удовольствием окидывая взглядом зал из конца в конец. Все были так красивы, так богато одеты, но он отметил

про себя, что свет играет в шелковистых волосах женщин даже ярче и красивее, чем на золоте.

— Король Сицилии, герцог Апулии, герцог Калабрии...

Он нетерпеливо махнул герольдам и прошел в зал. И тотчас же его окружили придворные. Они кланялись и восклицали:

— Ваше величество, ваше величество...

Он откинул голову и расхохотался. Пажи в черно-алых костюмах сновали в толпе с подносами, полными сластей, чаш с вином, шербетом и молоком.

— Ваше величество...

Он увидел Фульке Анчеррского, маленького, смуглого и опрятного, Джудаха бен Дауда, Аделаиду и Пьеро, Микаэла Скота, Энрико да Мальту, архиепископа Джакопо ди Капую, цистерцианцев — их лица хороводом вились вокруг него, и глаза были точно прикованы к его лицу.

— Ваше величество...

— Папа, — позвал его Энцо, теребя за рукав. — Папа, я здесь.

Фридрих наклонился и поднял его.

— Не слишком поздно для тебя?

— Мама говорит...

Он посадил мальчика себе на плечи и взял с подноса проходившего мимо пажа целую пригоршню сливовых пирожных.

— Энрико, ты нашел корабль для Германа?

— Он отплывает из Бриндизи* через десять дней, сир.

Фульке Анчеррский подтолкнул адмирала в бок.

— Мы идем в крестовый поход, сир?

— Я еще не решил. — Фридрих съел крохотное пирожное. — Эццо? Когда ты приехал? — Он подал другое Энцо.

— Сегодня утром, — ответил Эццо д'Исте. — Я привез вам шесть новых соколов-дербников.

— О, ты так стремишься завоевать мое расположе-

ние! — сказал Фридрих, направляясь через зал к накрытым столам. — Тебе это неплохо удастся!

— Это единственное, о чем я мечтаю! — Эццо поклонился, совсем скрывшись за спиной Фульке.

— Ну, пока ты не запросишь чего-нибудь еще... Клаус, это твои сливы?

Монах улыбнулся.

— К сожалению, нет, брат мой. Я думаю, их привезли с севера.

— Да? Тебе стоило бы выращивать сливы.

Подошла Аделаида. Он повернулся и поклонился, подчеркнуто демонстрируя ей свое внимание. Она ответила улыбкой. Разряженная в шелка, она была окружена служанками, поддерживавшими огромные рукава ее наряда, чтобы они не волочились по полу, и охранявшими ее шлейф, чтобы никто по неосторожности не наступил на него. Де ла Муаль стоял в стороне, кланяясь и улыбаясь. Он так и вертел головой, словно боялся что-нибудь пропустить. Где-то, невидимые за придворными, настраивали инструменты музыканты.

— Папа, сними меня, сними, я хочу вниз.

Фридрих бережно опустил мальчика на пол.

— Смотри только не объешься.

Император направился к де ла Муалю. Аделаида двинулась за ним. Он бросил на нее через плечо ледяной взгляд, явно давая понять, что ей следует держаться подальше. Она изменилась в лице. Чертова баба!

— Дорогой граф... — Фридрих несколько месяцев не говорил по-французски и испытывал некоторые затруднения, подбирая слова. — Как вам нравится Сицилия?

— О, великолепно, сир. Великолепно. — Де ла Муаль поспешно отвесил глубокий поклон. Его сияющие глаза по-прежнему следили за кавалерами и дамами, кружившими поблизости. — Я здесь впервые, как известно вашему величеству. Я не могу выразить... Я ошеломлен.

— Двор моей кузины, королевы-регентши, тоже за-

мечателен. — Фридрих взял кубок с подноса проходившего мимо пажа. — Такой аскетичный... типично французский.

Де ла Муаль, заглядывавший в вырез ближайшей к ним дамы, неосознанно облизнул губы. Она взглянула на него и улыбнулась.

— Ваше величество... Я... — Он запнулся. Да, да, конечно, он же простой, неотесанный солдат! Он отвел глаза от пышного бюста, посмотрел на Фридриха и нервно улыбнулся. Девица отвернулась и защебетала с каким-то рыцарем. — Мы во Франции привыкли к более простой жизни.

— Разумеется. При регентше-то. — Император огляделся по сторонам со скучающим видом.

Кто-то привел с полдюжины египетских собак на поводках, и вокруг них собралась стайка восхищенно ворковавших женщин. Собаки ворчали, рычали, тьякали и поджимали хвосты. Де ла Муаль что-то говорил Фридриху, но тот его не слушал. Одна из собак сорвалась с поводка, и придворные в панике шарахнулись от дикого, всполошенного их собственным смехом животного.

— У вас всегда так? — спросил де ла Муаль.

— Что? — Фридрих взглянул на него нахмурившись.

— Это сицилийские собаки, сир? — Он вытаращил глаза, как будто никак не мог насмотреться на окружавшее его великолепие.

Фридрих покачал головой.

— Это подарок султана аль-Камиля из Египта. Я послал ему белого северного медведя. Он султану нравился, но издох. Видимо, не перенес жары. — Он пожал плечами. — Я хотел зебру, но султан сказал, что их невозможно приручить.

— Зебра... — голос посла дрогнул.

— Что-то вроде мула в черно-белую полоску. Энцо очень хотел ее заполучить. Энцо — мой сын. — Фридрих решил, что ему определенно пора что-нибудь

съесть. Отвернувшись от де ла Муаля, он направился к столам сквозь толпу придворных.

Внезапно перед ним появилась Бьянка Ланчия — дамы и кавалеры, окружавшие ее, расступились при его приближении. Все они были молоды и красивы, кланялись грациозно и изящно, но казались лишь лепестками цветка, тогда как Бьянка была его благоуханной сердцевинкой, полной сладостного нектара. Он осознал, что неотрывно смотрит на нее, буквально поедая глазами, и губы его тронула легкая улыбка. Она выпрямилась, подняла голову, и их взгляды пересеклись. Заливаясь краской, она опустила глаза, но тут же снова подняла их.

— Сударыня, — сказал он. — Позвольте? — и протянул руку.

Она приоткрыла рот, будто собираясь что-то сказать или возразить, но не произнесла ни слова. Наконец она положила кончики трепещущих пальцев на его локоть и последовала за ним. Щеки ее побелели, и он заметил, что она глубоко вздохнула.

— Что не так сегодня? — Он провел ее в нишу под внутренним балконом и встал, загородив выход.

Она повернула к нему лицо, бессильно уронив руки на тяжелые фалды юбки.

— Ваше величество, я... Нет, ничего. Все хорошо.

Она опять, причем еще гуще, залилась краской. Он оперся плечом о колонну.

— Вы так застенчивы.

Прошлым вечером они разговаривали целый час, и он надеялся, что она станет с ним менее настороженной.

— Я боюсь вас, — неожиданно твердо проговорила она.

— Но почему?

Она пожала плечами.

Бьянка не носила украшений, только ее тяжелые черные волосы были убраны под сетку, унизанную жемчугом. Ему хотелось найти драгоценные камни, подходя-

щие под цвет ее глаз, и заказать для нее ожерелье. Он внимательно разглядывал ее глаза, чтобы точно запомнить их цвет. Платье соскользнуло с ее плеча, и она поспешно поправила его.

— Почему вы боитесь меня?

— Не знаю. Наверное, я просто глупая. Вы ведь знаете, каковы мы, девушки...

Он усмехнулся, и Бьянка опять покраснела. Она смотрела прямо перед собой. Не выдержав становившегося неловким молчания, она спросила:

— Есть новости?.. Есть новости об императрице?..

Он моргнул. В ее лице читался дерзкий вызов. Сначала он решил, что она имеет в виду его мать, но, догадавшись, что это не так, гневно нахмурился.

— А! Моя жена... Она в Андрии, родит через месяц. И если вы думаете, что напоминание о ней наполнит меня стыдом, то вы заблуждаетесь. Я далек от этого. Да ведь я даже не прикасаюсь к вам! — Он широко развел руки. — Я безопасен!

— О нет, — сказала она вызывающе и покачала головой.

— Вы боитесь меня или мужчин вообще?

Неожиданно она рассмеялась:

— Вас, сир. Не позволите ли вы мне удалиться?

— Посмотри, разве кто-то наблюдает за нами?

— Разумеется, — кивнула она. — Весь двор.

Ее улыбка стала лукавой, и неожиданно она проскользнула мимо него в зал. Он повернулся, чтобы проводить ее глазами. Дикарка! Эццо, женатый на ее сестре, рассказывал, что сумел поцеловать ее однажды, но лишь один раз, и более ничего не добился. Прежде чем смешаться с толпой придворных, она оглянулась через плечо, и он успел еще раз увидеть ее белое лицо и ярко-голубые глаза. Те, кто с жадным любопытством наблюдал за ними, поспешно отвернулись, будто им не было никакого дела. Обычно после захода солнца все незамужние девушки ждали под деревьями в саду юношей, готовых сопровождать их на прогулке, но Бьянка

изобретала безумные затеи, убегая с друзьями за стены и устраивая полночные пикники на берегу моря, иногда, заманив в засаду чересчур ретивых оруженосцев и молодых рыцарей, их связывали собственными ремнями и оставляли, беспомощных, в темноте. При воспоминании об играх и увлечениях юности его горло сжалось. Он медленно пошел в центр зала.

Эццо, Фульке, Ринальдо и два других рыцаря оказались прямо на его пути. Они разговаривали и не видели его. Эццо вдруг откинул голову и разразился хохотом.

— Великий Боже, да она ненасытна! Она поимела всех мужчин отсюда до Этны.

Фридрих наблюдал за ним, и Ринальдо, заметив это, толкнул приятеля под локоть. Лицо Эццо разгорелось от выпитого вина. Он увидел Фридриха, вскинул руку, указывая в его сторону, и добавил:

— Включая вас!

Мужчины, стоявшие рядом с Эццо, поклонились. Фридрих засмеялся, раздумывая, кого он имел в виду, и покачал головой. Посмотрев вперед, он увидел Аделаиду, стоявшую возле накрытого стола. Ее щеки пылали, глаза округлились, как у сокола, увидевшего добычу, — сплошная радужная оболочка.

Подойдя к ней, он небрежно бросил:

— Надеюсь, ты отправила Энцо спать? В чем дело? В чем причина такого волнения?

— Вы опять говорили с Бьянкой!

— Она спрашивала об Иоланде. — Он взял горсть миндаля из блюда, разделенного перегородками. — Иногда приходится вспоминать, что я женат.

Она фыркнула и вздернула подбородок. К императору подскочил Микаэль Скот и с живостью проговорил:

— Они опять болтают о Боеции!* Пойдемте, помогите мне переспорить их!

Фридрих закинул в рот половину миндаля, другую бросил в вырез платья Аделаиды, расхохотался и удалился со Скотом, чтобы принять участие в споре.

— Величина суммы, к сожалению, еще ничего не значит, — проговорил брат Эмиль на плохой латыни. Он указал на нижнюю цифру в колонке. — Большая часть доходов поглощается расходами.

— Брат Фридрих отлично это знает, — отозвался Клаус. — Доходы от Сан-Германо в любом случае не столь значительны. Брат Фридрих...

Фридрих, выписывавший на клочке бумаги имена, посмотрел на цифру и кивнул.

— Это не оправдание, Клаус. Проверьте все еще раз, и внимательно.

В составленный им перечень вошло более пятидесяти человек. Их число следует сократить! Это был список свиты, которая должна была сопровождать его в крестовом походе. Он послал пятьсот рыцарей в Утремер* в марте с Филанджери, хотя и не собирался воевать.

— Ошибка в несколько монет... Тогда как вся сумма составляет тысячи дукатов! — бросил Клаус.

— Разберись с этим.

— В конце концов все доходы принадлежат ему, — многозначительно проговорил брат Эмиль. Он взял перо и принялся пересчитывать цифры в колонке. Пока два монаха занимались вычислениями и кудахтали, склонившись над листом, Фридрих решительно вычеркнул с десятков имен слуг из списка. Корсо справится со всем. Он посмотрел в дальний конец галереи, где с Энцо занимался наставник. Один из людей Пьеро принес целую охапку бумаг. Низко поклонившись, он положил их на край стола. Фридрих качнул головой в сторону списка, и паж забрал его.

— Брат Фридрих...

Фридрих взял в руки лист.

— Отлично... Мой Бог, мы заработали деньги! Это опозорит имя Гогенштауфенов. Вы полагаете, что мы можем установить мельничный налог?

— Да, сир. Вы увидите, в конце концов они будут привозить продукции больше установленного нами ми-

нимума, так что в ограничении уже не будет необходимости.

— Да, — он наклонился, пристально изучая документ. Если он поднимет мельничный налог сразу повсюду, многие крестьяне окажутся не готовы к этому, они не справятся, влезут в долги. Если он поднимет налог на половину в этом году и на столько же в следующем, они возмутятся. Пусть их... в конце концов они смогут справиться с этим. Слаборазвитые крестьянские мозги. Он набросал каракули наверху листа и протянул его Клаусу:

— Проследи за этим.

Пока брат Эмиль высчитывал доходы других фьефов цистерцианцев, он пробежал глазами записку Пьеро, содержащую сведения об особых выплатах и одобрявшую предварительный список.

Подсчет доходов становился иногда забавным занятием, когда вычисления бывали достаточно сложны, но в основном представлялся ему удручающе скучным делом. Он поставил свои инициалы на отчете брата Эмиля и, отослав монахов, принялся читать приготовленные к отправке письма, сложенные на краю стола. Исключая адреса, они были практически идентичны. Фридрих подписал их и ударил в гонг, стоявший напротив него, чтобы вызвать пажа. Наклонившись через перила галереи, он стал смотреть на залитый солнечным светом двор.

Архиепископ завтра прибудет в Барлетту, а с ним кавалькада посланников и подарки от аль-Камиля и Томазо д'Аквино, представителя Фридриха в Сирии и на Кипре. Среди подарков есть попугаи, как следует из уже дошедших сообщений, собаки и соколы и, с нами Бог, слон. Первый слон, который появится в Италии с тех времен, когда флот Ганнибала* высадился в Реджио, если, конечно, история про то, как Гарун ар-Рашид* послал одного Карлу Великому*, неправда. Энцо просто с ума сходит, так ему хочется прокатиться на слоне. И еще, конечно, золото и серебро, бриллианты

из африканских копей, сахар, перец, мирра и письма, в которых...

Что в них? До того, как умер брат аль-Камиля, Муаззам Дамасский, аль-Камиль обхаживал Фридриха, как жених богатую вдовушку, но теперь Муаззам мертв, его сын слишком юн, чтобы править, и аль-Камилю уже не нужно его бояться, значит, он теперь не нуждается в помощи неверных.

С другой стороны, в связи со смертью Муаззама аль-Ашраф, другой брат аль-Камиля, может попробовать взять Дамаск, и аль-Камиль окажется вовлечен в войну. А неизбежное давление Хорезма? А воинственные племена, захватившие земли к востоку от Хорезма?* То, насколько боится их аль-Камиль, произвело глубочайшее впечатление на Фридриха. Но, даже конфликтуя с собственным братом, аль-Камиль едва ли решится проявить очевидное неблагоразумие, заигрывая с христианами, поскольку это может вызвать сильнейшее неодобрение правоверных мусульман и привести к расколу в стане его собственных союзников*.

Фридрих принялся грызть ноготь большого пальца. Можно подумать, что ревнители христианской веры будут помалкивать, если он сам продолжит играть в дружбу с аль-Камилем? Да они будут визжать как свиньи! Они не желают признавать выгод подобного союза, даже тех, которые становятся очевидны сразу, где уж им оценить то, что можно будет увидеть лишь впоследствии? Тупицы и болваны! Все на Востоке находится в строжайшем равновесии, которое тем не менее очень легко нарушить. Всякой силе противопоставлена противостоящая ей, и баланс между ними строго определен — задача состоит в том, чтобы нарушить этот баланс ровно настолько, чтобы добиться своего, но не настолько, чтобы ввергнуть весь Восток в бурный поток событий, развитие которых окажется настолько стремительным, что его невозможно будет контролировать.

Крестовый поход. Он недовольно поморщился. Дед

ходил в крестовый поход — и чем это кончилось? Он просто утонул*.

Папа хотел отправить его, Фридриха, в крестовый поход, чтобы удалить из Италии. К чему бы это привело? Все его заклятые враги смогли бы повылезать из нор, объединиться и обратить в прах его королевство. Они выжидают, оставаясь в тени, как хищные чудовища, таящиеся в темных пучинах вод, ждут, когда он наделает ошибок или пустится в чересчур рискованные авантюры, предоставив им возможность нанести ему сокрушительный удар.

«Но если я отвоюю Иерусалим, если я смогу освободить Иерусалим...

Барбаросса не смог спасти Святой Город, легендарный сверхъестественный император, мой дед, величайший из героев. Но я не герой. Иерусалим...»

Он прижал руку к груди.

Замечательно! Как только он начинал думать об Иерусалиме, слова как сети опутывали его, он буквально тонул в них. Спасение, избавление, освобождение, герой, сверхъестественное! Но, если хорошо подумать, это же всего лишь город — такой же город, как Палермо. И если он сможет отвоевать его у мусульман, то поднимет такой бастион защиты против папы, который никакой новый Иннокентий не сможет преодолеть. Аль-Камиль дважды предлагал ему Иерусалим, что особенно великодушно с его стороны, если учесть, что он собирался отдать то, чего не имеет.

Фридрих подумал о том, как долго сможет оставаться вдали от Сицилии. Год, от силы месяцев четырнадцать, если он задержится на срок более долгий, он может вернуться домой и обнаружить в Ла Фаваре монашек, а в пропитанных ароматами абрикосов залах Трои священников, служащих мессу. Он положил перед собой чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и написал крупными буквами наверху листа: **ПОСТАВИТЬ ПЕЧАТЬ**. Две ласточки как молнии промчались по галерее, головокружительными зигзагами оги-

бая колонны арок. Энцо закричал на них, и его голос слабым эхом отразился от стен. Фридрих нарисовал на листе ласточку.

«Я должен короноваться в Иерусалиме».

Мысль ворвалась в его мозг, словно стремительно летящая ласточка. Если он будет коронован в Иерусалиме, его царствование обретет ореол святости, и никто не посмеет этого оспорить. Он пририсовал маленькую коронку на голове ласточки. Проблема в том, что он — король Иерусалимский ровно постольку, поскольку является мужем Иоланды, и, если ребенок, которого она вынашивает, окажется мальчиком, он уже не будет королем! Фридрих давно решил, что, если родится мальчик, он назовет его Конрадом, но понятия не имел, какое имя выбрать, если это будет девочка. Он не любил, когда у него рождались девочки. Может быть, если все-таки так случится, назвать ребенка Марией — в честь матери Иоланды? Или Констанс — в честь его собственной матери? Девочки только создают проблемы в вопросах престолонаследия! Производить на свет девочек — бессмысленная и пустая трата времени. Под ласточкой он написал крупными буквами: *КИПР*.

Кипр — идеальный плацдарм для нападения на Сирию, как, впрочем, и для нападения на христиан-паллигримов, ищущих только возможности поклониться святыням и исполнить свой христианский долг в Святой Земле. Поэтому он должен держать Кипр под контролем. Недавно с Кипра прибыл Жерве де Как-Его-Там, агент Амори Барлэ, того самого, который недавно пытался добиться того, чтобы его избрали там бальи. Фридрих не уделил этому Жерве внимания, поскольку он был скучен и лжив. Кроме того, у императора был свой агент на Кипре. Первый король Кипра получил титул и знаки власти от императора Генриха VI*. Отец... Фридрих усмехнулся, разглядывая рисунок.

«Между нами, отец, мы загнали их в угол. И мне бы следовало развивать в себе оптимистические стороны характера, свойственные твоей ветви семьи».

— Сир.

Эццо и Фульке Анчеррский вышли на галерею и низко поклонились ему. Он удивленно поднял голову. Как быстро пролетело время! Он даже не заметил, что уже наступил полдень.

— О, хорошо. — Фридрих опять ударил в гонг, встал и подошел к перилам галереи. — Я решил устроить военный совет.

Эццо приблизился к нему, сплюнул через перила и заявил:

— Тогда вам не нужен Фульке! Он не может...

— Замолчи. Приказывайте, сир.

— Да... Вопрос деликатный. — Фридрих, пряча усмешку, не отрываясь смотрел на вишневые деревья, росшие во дворе. — Надежно укрепленная крепость, которой я ни при каких обстоятельствах не хочу нанести урон, не сдастся мне. Другая крепость, находящаяся поблизости и уже сдавшаяся мне, взбунтуется, если станет известно, что я осадил первую!

— Почему? — удивился Эццо.

— Люди бывают очень странные. — Фридрих поджал губы, пытаясь спрятать улыбку.

— А я-то думал, что мы собираемся развлекаться с соколами.

— Пригрозите, что уничтожите крепость, — проговорил Фульке.

— Не могу! Она сопротивляется мне из принципа. Думаю, она считает, что ценность ее возрастет в моих глазах, если победа достанется мне нелегко.

— Лучше сами сокрушите крепость, пока этого за вашей спиной и против вашей воли не сделал кто-нибудь другой, — вмешался Эццо.

— И такое может быть. Но тем не менее я не хочу штурмовать ее. Там имеются несколько произведений искусства, которые я хотел бы присоединить к своей коллекции.

Фульке, находившийся от Фридриха с противоположной от Эццо стороны, сказал:

— А я и не знал, что у вас есть подобная коллекция!

На лице его отразилась напряженная работа мысли, он нахмурился и перегнулся через перила, пытаясь заглянуть императору в лицо.

— Я только начал собирать ее. Ведя долгую осаду без использования тяжелых наступательных орудий, я рано или поздно, несомненно, добьюсь победы, но время работает против меня, и я всерьез опасаясь, что в другой крепости обо всем узнают, и это принесет мне много осложнений.

— Лучше бы мы занимались соколами, — проворчал Эццо.

— Одурачьте другую крепость! Предпримите ловкий обходной маневр. — Фульке легонько покачал головой и ухмыльнулся.

— Вы понимаете, о чем идет речь? — спросил его Эццо.

— Я?.. Возможно. — Длинное лицо Фульке приняло безмятежное выражение. — Сир, мне хотелось бы услышать более определенные приказания.

— Я приму любой ваш совет, Фульке. Мне хотелось бы организовать обходной маневр как можно скорее, чтобы я мог начать осаду той крепости, которую хочу завоевать.

Эццо пробормотал:

— Да о чем же вы говорите?

— О Бьянке Ланчия, — промурлыкал Фульке.

Фридрих расхохотался.

— Ого, — Эццо хлопнул ладонями по перилам. — Произведение искусства, ага? Коллекция? Ну одна у вас уже есть... Почему бы вам просто не приказать ей?

Фридрих поднял глаза на ласточкино гнездо над аркой.

— Эццо, все гораздо сложнее, чем тебе кажется.

— Аделаида, — проговорил Фульке. — Я уже слышал, что Аделаида держит ее возле себя. Значит, она пытается уберечь бедное дитя от беды? Помочь ей обойти путь греха?

— Да. — Фридрих продолжал разглядывать гнездо.
Эццо грубо загоготал.

— Слушайте, Бьянка — моя свояченица! Давайте я с ней поговорю?

— Иисус! — воскликнул Фульке. — Ты превратишь дипломатическую миссию в военные переговоры с позиции грубой силы! Это же любовь, Эццо! Осел ты несчастный!

Фридрих сказал:

— Фульке, ты вдовец, почему бы тебе не...

— О нет! Нет! — поспешно отказался он. — Ни то ни другое. Если я женюсь на Бьянке, я буду настаивать на утверждении своих прав, а Аделаида слишком большая стерва, чтобы...

— Фульке, в конце концов, то, что я предлагаю, исключительно в твоих интересах.

— Нет, сир.

— Лучше бы мы занимались соколами, — вздохнул Эццо.

— Не раньше, чем решим этот вопрос.

Фульке предложил:

— Пусть Эццо поухаживает за Аделаидой. Не слишком откровенно... Ровно настолько, чтобы отвлечь ее, пока вы будете любезничать с Бьянкой.

Фридрих с сомнением посмотрел на Эццо:

— Ну как?

— Да я не прочь. Ипполита все пристаёт, чтобы я завел другую любовницу после того, как меня бросила Елена. Она говорит, что, когда я дома, от меня слишком много хлопот.

— Но будь осторожен и осмотрителен. Если она догадается, что я об этом знаю, она вычислит и все остальное.

Эццо засмеялся.

— Его величество собирался вернуться сегодня в Барлетту? — спросил Симон Хасана. Глядя сквозь решетку двери, Фридрих увидел, что Хасан пожал плеча-

ми, выглянул из окна, и лицо его приняло выражение притворной кротости и смирения. Фридрих засмеялся, оглянулся на соколицу, сидевшую высоко на жердочке, и поплотнее натянул перчатку.

— Она будет прекрасна. Темно-коричневые сапсаны лучше, чем кречеты. Снимите путы! — Он протянул к птице руку. — Иди сюда, детка, иди к своему хозяину.

Хасан за его спиной тихонько засмеялся.

Соколица перепрыгнула на обтянутую перчаткой руку*. Ее когти были изогнуты, как кривые восточные сабли, а темное оперение блестело даже в слабо освещенной клетушке. На хвосте были отчетливо видны красные полосы. Фридрих взял ломтик мяса у сокольника-сарацина, стоявшего за его спиной, и легонько провел по ногам, груди и клюву птицы, которая тотчас же выхватила мясо из его пальцев.

— Не следует кормить их после полудня, — проворчал сарацин.

— Я хочу, чтобы она любила меня.

Ему приятно было смотреть на сапсана — закрыв глаза, птица сидела на рукавице, напряженная и полная тревоги, но вовсе не проявляла этого внешне.

«Знатная птичка», — подумал он, но почти тотчас же понял, что это неправильное определение, а нужное слово не приходило на ум.

— Как же назвать тебя, детка?

— Господин, — сказал Хасан. — Скоро пойдет дождь. Если вы хотите вернуться во дворец...

Фридрих оглянулся и так посмотрел на него, что сарацин прикусил язык, а затем продолжил разговаривать с сапсаном, приучая к звучанию своего голоса. Соколица повернула к нему голову, и он приговаривал:

— Ты будешь настоящей красавицей и научишься отлично охотиться.

— Не хотите ли опробовать ее на журавлях, пока не кончился сезон? — спросил Симон.

— Нет.

Фридрих посадил птицу обратно на жердочку, и сарацин вновь опутал ее ноги.

— Сезон слишком короток. Если соколица будет ранена, нам придется посадить ее опять в клетку, и она останется без дела слишком надолго. Пошли, Хасан.

Хасан вздохнул, оттолкнулся от стены, на которую опирался, и развел руками.¹

— Скорее всего мы промокнем.

— Возможно.

Фридрих первым сбежал по винтовой лесенке. Сокольников прогрохотали за ним по ступеням, как небольшая снежная лавина. Страж у двери поспешно распахнул ее, и император вышел во внутренний дворик. Ветер ударил ему в лицо. В небе над главной башней теснились грозовые облака, темные и огромные, как горы. Хасан был прав: они обязательно попадут под дождь. Подбежал, ведя под уздцы Дракона, грум*.

— Когда-нибудь, тпру... — Он принял поводья и вскочил в седло. — Когда-нибудь я построю охотничий замок, за который мне не будет стыдно, тпру, Дракон!

Вороной конь встал на дыбы и, фыркая, повернул направо. Всадники на сарацинских белых кобылах, стучавших копытами по каменным плитам двора, окружили Фридриха широким полукольцом. Он бросил взгляд на стены, поднимавшиеся вокруг. Он вынашивал план строительства охотничьего замка около года — в мечтах ему виделась восьмиугольная постройка с огражденным внутренним двором. Над темно-красным камнем стен небо казалось почти синим. Пронзительно завизжала лебедка, с помощью которой открывались ворота.

— Мы сможем остановиться в Журавлиной бухте, если дождь захватит нас по дороге, — сказал он Хасану и погнал коня к воротам. Сарацины расступились, давая ему возможность проехать под узкой аркой. Дорога сворачивала через заросли трав к болотам возле моря. Ветер проделывал борозды в сухой высокой траве. Хасан поторопил коня, чтобы скорее занять свое обычное почетное место справа от господина.

— Постройте охотничий замок, как в Лучере, — предложил Хасан.

— Нет. Это должно быть что-то другое. — Трясаясь в седле, он оглянулся на строение, оставшееся позади, — слишком маленькое, слишком безобразное, с низкими стенами и красными приземистыми башнями. Дикие соколы вили гнезда на широких балконах некоторых окон, совершенно не обращая внимания на людей, живших и работавших там. Дюжины дрессированных соколов содержались в клетке наверху, а голуби и голубки, которыми кормили соколов, в нижних помещениях. — Я как-нибудь покажу тебе план.

— А когда вы построите его?

— Когда у меня будут деньги и свободное время. Иными словами... Никогда. Поехали! — Он поднял Дракона в галоп.

Первые тяжелые капли дождя упали на шеи лошадей, завыл ветер. Лошади сами ускорили бег. Дракон мотал головой — он терпеть не мог попадать под дождь. Протянув руку за спину, Фридрих взялся за край капюшона и набросил его на голову. мех плотно прикрыл его уши. Они выехали на мост, и сарацины перестроились так, чтобы он оказался в середине кавалькады. Фридрих чуть придержал коня. Топот копыт тотчас же перешел в грохот, едва Масуф, а за ним и другие въехали на мост. Дракон пугливо запрядал ушами.

Через низкие перила Фридрих видел чистый прозрачный поток под мостом, вода пузырилась под каплями дождя. Рябь скрывала обычно видимую гальку на дне. Он поднял голову, взглянул на небо, и капли дождя попали ему в глаза и забарабанили по щекам. Дождь все усиливался, мелкие капли сливались в холодные струи. Он крикнул Хасану и указал через болото на Журавлиную бухту.

Хасан кивнул. Они пустили лошадей галопом, держась более высокой стороны дороги. Трава, темным бордюром окружавшая болото, стала гуще. Впереди дорога расходилась надвое, главная ветвь вела в Барлетту,

другая, более узкая, заросшая болотной травой и сорняками, сворачивала к Журавлиной бухте. Хасан крикнул Масуфу, приказывая свернуть на более узкую. Лошади упрямо стремились на дорогу в Барлетту, Фридрих слышал за спиной свист хлыста, ему пришлось передернуть поводьями, чтобы удержать Дракона на верном пути. Крупный вороной конь в отместку мягко перешел на кентер*. Они проскакали вдоль ряда кипарисов, затем по краю соленого пруда. Ветер бросал всадникам в лица дождь, который словно вуалью закрывал им обзор. Наконец они выехали на луг перед Журавлиной бухтой. Фридрих погнал коня прямо к постройке с навесом — он вовсе не собирался идти по густой траве, рискуя промочить ноги. За ним поспешил Хасан, чтобы придержать стремя императору, когда тот будет спешиваться.

— Скорее, очень холодно. — Фридрих, наклонив голову, въехал под навес пристройки. Там было темно.

Он приказал построить этот домик в первый год после возвращения из Германии, до того, как выстроил охотничий замок на равнине, и, хотя здесь царил зловоние, а полы прогнили, он до сих пор предпочитал заезжать сюда после охоты, чем проделывать сразу весь обратный путь. В полумраке он споткнулся о табурет, ушиб голень и чуть не упал. Хромая, он нашел стул и сел на него.

Громко топая, подошел Хасан.

— Фах! Там такая грязь! Не прикажете ли зажечь светильник?

— Да. — Фридрих потер ушибленную голень. — И принеси мне что-нибудь выпить.

Вошли остальные. Айюб и Юсуф поддразнивали Масуфа, который опять что-то забыл. Масуф был новенький и до сих пор не выучил всех правил, обычаев и хитростей и потому служил прекрасной мишенью для насмешек своих более опытных товарищей. Они пользовались каждым удобным случаем, чтобы поучать его. Откинувшись на стуле, Фридрих вытянул ноги. Не пре-

крашая вышучивать Масуфа, Айюб подтолкнул к императору табурет, причем так точно, что тот как раз смог положить на него ноги.

— Ох уж эта молодежь! Никто понятия не имеет о том, как важно точно следовать правилам и выполнять инструкции. И ты, Масуф, однажды когда-нибудь по достоинству оценишь наше стремление помочь тебе...

— Да, да, да! — Масуф сбросил плащ. — Но не сейчас, о, дядя мой Айюб! Нет, я... — Он принял от Хасана лучину и зажег маленький светильник. Одновременно Хасан затеплил другой, больший по размеру, и теплый желтый свет распространился по помещению. Снаружи все было окутано серым туманом, дождевая вода стекала с крыши навеса, превращая грязь внизу в сущее болото.

— Масуф! — воскликнул Хасан. — Станется ли в тебе достаточно сообразительности и усердия, чтобы найти чаши? — Он опустился на корточки рядом с Фридрихом. — Эти мальчишки, господин... Они ничему не хотят учиться. Вы уж простите этого несчастного? Масуф...

— Хасан, — с легкой дрожью в голосе сказал Масуф. — Ты добрейший и благороднейший из наставников, отец моей преданности императору, и я никогда не скажу ни слова против тебя. Но...

— Что, дитя мое? — Хасан, возившийся с затычкой бочонка с вином, поднял на него невиннейшие глаза.

— Забудь об этом, — вздохнул Масуф и открыл поставец, в котором хранились чаши.

Фридрих засмеялся. Бочки с вином и сундуки, в которых хранилась чистая одежда, в неверном свете светильников отбрасывали на стены причудливые тени.

— Эта соколица великолепна, не правда ли?

— О да! Она просто огромна! — Юсуф и Айюб присели, скрестив ноги, с другой стороны от Фридриха. Юсуф через плечо Айюба смотрел на Масуфа, который принес только одну чашу. — Что ты делаешь, мальчик? Или ты считаешь, что мы должны пить из ладоней?

Масуф вернулся к поставцу.

— Многие ли из вас нарушают закон Аллаха?

— Рвение... — бросил Юсуф. — Или, скорее, фанатизм? Не надо путать одно с другим.

— Все мы, — откликнулся Айюб. Он отхлебнул вина. — А! Опять Сен-Пьетро.

Бросив еще три деревянные чаши на пол, Масуф протянул одну Юсуфу.

— Послушайте, какой дождь!

— Ты не пьешь, Масуф? — спросил Фридрих.

— Господин, — ехидно сказал Юсуф, — он не делает ничего из того, что достойно мужчин, но делает то, что достойно мальчиков, таким образом сразу же становится очевидно, что он еще ребенок. Чистая логика.

Он поднял кисть привычным жестом мудреца, изрекшего очередную непререкаемую истину, налил полную чашу и, глотнув из нее, передал Фридриху.

— Я делаю все, что достойно правоверного мусульманина, — с достоинством проговорил Масуф. — И ничего такого, к чему стремятся души, обреченные на проклятье. Чистая логика!

— Забавно, забавно. — Хасан наполнил чашу, окунул кончик мизинца в вино и стряхнул каплю. — Мальчик, Аллах говорит, что человек не должен прикасаться к капле вина. Вот она — капля. Я прикоснулся к ней, но в чем тут грех?

Фридрих спросил:

— А моя душа тоже обречена на проклятье, Масуф?

— Конечно. — Масуф казался слегка удивленным. — Вы неверующий! Хотя и мудрый, и благородный, и добрый, и...

— Мило, — проворчал Фридрих.

Хасан безжалостно пихнул Масуфа:

— Мальчик, ты начитался книг, и вся твоя вера взята оттуда.

Айюб и Юсуф, запрокинув головы, опустошили чаши до дна. Фридрих некоторое время прислушивался к шуму дождя, а потом усмехнулся. Нет ничего лучше,

чем вот так сидеть, беседовать и пить вино, пока на улице бушует непогода.

Масуф сказал:

— А как еще я должен был постичь веру, если не вкусив от источника мудрости тех, кто пишет книги?

Хасан расхохотался и захлопал в ладоши.

— Это только доказывает твою молодость, мальчик, ибо разве не сказано, что вера делает равными мудрость и безрассудство?

— Только подумай, Масуф, — сказал Фридрих. — Если бы люди, которые писали книги, были мудры, разве стали бы они выдумывать закон о запрещении вина? Ведь люди только и делают, что нарушают его, а это лишь подрывает уважение к законам вообще.

Масуф нахмурился:

— Этот закон не написан в книге, он дан Мухаммеду самим Аллахом, как неопровержимая истина!

— По-моему, Мухаммед плохо слышал в этот день, — ухмыльнулся Айюб. — Ну подумай, Масуф, как можно осуждать то, чего не пробовал ни разу?

— Винопитие толкает человека на другие грехи! — упрямылся Масуф.

— Так же, как само рождение, — возразил Хасан. — Господин?

— Да, налей еще. — Фридрих протянул ему чашу. — Что произойдет, если никто в Сицилии не будет выращивать ничего, кроме апельсинов?

Айюб подпрыгнул:

— Отлично сказано!

Хасан подал Фридриху вторую чашу вина и не забыл вновь наполнить свою.

— Кроме того, Масуф, — проговорил Хасан, смахнув каплю вина с губ, — вино делает разум более гибким, побуждает к глубочайшим раздумьям на многие темы, к примеру, толкает к самопознанию и медитации.

— Прошу прощения, Хасан, но я по-прежнему предпочитаю апельсины. — Он растянулся на полу. На губах его играла усмешка.

— Хорошо, Масуф, — вмешался Фридрих, — а взгляни на вопрос с другой стороны! Грех винопития куда менее значим по сравнению с грехом убийства. Разве нет?

— Все наши прегрешения отвратительны в глазах Аллаха, — возразил юноша.

Хасан фыркнул.

— В глазах милостивого и всемогущего Аллаха... О, какую скучную и унылую жизнь ты избрал! Сколь многого ты себя лишаешь!

Айюб пробормотал:

— Я уж не говорю о том, как мы прокрадываемся по ночам в гаремы или день-деньской играем в кости!

— Дело в том, — сказал Фридрих, — что, нарушая маловажные законы и делая это часто, люди как бы ограждают себя от соблазна совершить серьезное преступление. Кроме того, подумай, Масуф, как мы рассмешим всех, если, имея перед глазами примеры всех постижимых пороков и всех постижимых грехов, вернемся к праведности. Подумай, какими образцами для подражания станем мы для молодых, если выберем по собственной воле путь правды и добра, после того как показали, на что способны и насколько испорчены.

Он глотнул вина и ощутил приятное головокружение. Мигающий, колеблющийся, неверный свет порождал в его воображении странные видения, которые словно проплывали перед его глазами.

— Хасан! Вино очень крепкое.

— Ну, — начал Масуф, — если мы собираемся...

— Погодите! — воскликнул Хасан. — Мы еще не обсудили все возможности, которые обретаем, ступив на стезю греха.

Айюб рассмеялся:

— Не спорь с ними, Масуф, не стоит, поверь мне. Они — выше логики.

— На самом деле Аллах никогда всерьез не собирался запрещать вино, — заявил Хасан мечтательно. — Он сделал это, чтобы заручиться поддержкой и доверием

определенных кругов, но мы-то знаем, что он на самом деле имел в виду.

— Вот-вот. Они всегда найдут аргументы в свою пользу! Именно об этом я и говорил, — закивал головой Айюб.

— Хорошо, к черту все это, — отмахнулся Фридрих. — Получается, что все, что вообще стоит делать, что развлекает, веселит, доставляет удовольствие, — все грех! Если, конечно, слушать таких, как он. — Император дернул подбородком в сторону Масуфа. — Все, что хорошо для тебя на земле, плохо для тебя на небе, и это смешно! Не может же быть столь чудовищной разницы?

Масуф мягко возразил:

— Без воли Аллаха и волос не упадет с головы человека, ничто в мире не свершается помимо воли его, разве не так, господин?

— Точно, — согласился Хасан. — Если бы Аллах не хотел, разве забродил бы виноград и превратился бы в вино? И Аллах не хочет, чтобы что-нибудь на земле пропадало зря, а значит, вино должно быть кем-то выпито. — Он широко раскинул руки. — Мы думаем не только о себе. И пьем исключительно из альтруизма. И заметь, Масуф, разве мы не наполнили твою душу теплом удовлетворения от сияния твоей собственной праведности?

— Жалостью и ужасом наполнили вы мою душу, — с грустью проговорил Масуф, — когда я ознакомился с вашими мыслями.

— Напыщенный осел, — проворчал Фридрих.

— Это не относится к вам, господин, — сказал юноша поспешно. — Только к Хасану, который еще может быть возвращен к правде и свету и к покорности Аллаху.

— Я тоже могу быть обращен! — воскликнул император. Разнежившись в тепле, он заметно опьянел, и это слегка смущало его. Неожиданно он поймал себя на том, что чувствует себя обиженным. Обижаться? На этого глупого мальчишку?

— Никогда, — заявил Масуф уверенно. — Этого просто не может быть! Господин, я не хочу вас оскорбить, но даже из своего краткого опыта — ведь я недолго служу вашим телохранителем — я сделал вывод, что крикуны в церквях севера абсолютно правы, и вы совершенно неисправимы. — Он усмехнулся. — Но я все не ставлю вам это в вину.

— Я польщен.

Хасан наполнил чаши в третий раз.

— Подумай еще вот о чем, Масуф. Я — слуга господина моего, Фридриха, и каким же был бы я слугой, если бы делал из себя образец совершенства, преуспевшего в стремлении к добродетели и ревностного в вере, когда он в столь печальном и безнадежном положении — в бездонной пропасти греха? Аллах побуждает нас к состраданию, всех нас, Масуф!

— Да будешь ты прощен, как прощаешь другим, — ухмыльнулся Фридрих. — Посмотри, мы даем тебе самую прекрасную возможность открыть перед нами сокровища небес, а ты старательно превращаешь нас в своих противников вместо того, чтобы сделать из нас своих союзников. Аллах, Иисус... Правда, Хасан, подумай, как хорошо мы поступаем! Я никогда не думал об этом. Никогда.

Хасан пьяно засмеялся, и руки его безвольно упали на колени. Юсуф тихонько отошел в тень и вернулся с гитарой. Он опять сел, скрестив ноги, и начал, легонько касаясь струн, перебирать их. Зазвучала причудливая нежная мелодия.

— Я прощаю вас постоянно, по крайней мере шестьдесят раз на дню, — тихо и печально проговорил Масуф.

— Спасибо, — отозвался Хасан и прикрыл глаза. Его лопатки коснулись колена Фридриха: — А может, я серьезно... Я не уверен.

Сложные звенящие аккорды песни, которую играл Юсуф, смешивались с шумом дождя и почти заглушали его. Фридрих откинул голову на спинку стула:

— Дождь кончился?

— Нет, — сказал Айюб. — Он стал сильнее и, похоже, зарядил надолго.

— Видно, нам просто судьба сегодня промокнуть. Хасан встряхнулся.

— В сундуке есть большой плащ, господин.

— Ну так достань его!

Сарацины медленно встали и разошлись в разных направлениях. Масуф собрал чаши и унес их мыть. Юсуф и Айюб поставили бочонок на место и поправили навес. Неся большой плащ, Хасан подошел к Фридриху и остановился, ожидая, когда тот поднимется. Тому же была противна сама мысль о том, чтобы двинуться с места, и он посидел еще минуту. Открыв один глаз, он усмехнулся, глядя на развеселившегося Хасана. Подавив зевок, Фридрих поднялся и дал верному слуге завернуть себя в плащ, который тот застегнул пряжкой размером с ладонь. Айюб и Юсуф ушли готовить коней.

Пока Хасан поддразнивал гасившего светильники Масуфа, Фридрих вышел под навес. Слегка ссутулившись, он смотрел на стену, подходившую к самой кромке высокой просоленной травы и камыша, гнувшихся под ветром у берега Журавлиной бухты, возле узкой полосы которого вода взбивалась в пену. Серебряный дождь заливал все вокруг. Айюб привел Дракона, и Хасан придержал стремя. Кутаясь в плащ, Фридрих вскочил на коня.

Архиепископ сказал:

— Пора, сир.

— С тех пор как Аль-Муаззам умер, — Фридрих сел в кровати, облокотившись на подушки. Корсо и Марко до жжения в коже растирали его тело мягкими полотенцами, — вся ситуация изменилась.

— Именно так. — Архиепископ энергично зашагал по комнате. — Мусульманский мир раскололся, они на грани войны. Еще никогда они не были столь готовы вести переговоры с христианами. Если они утрясут свои разногласия или если, что более похоже на правду,

аль-Камиль нанесет поражение своему племяннику ан-Назиру и своему брату аль-Ашрафу, обоим...

— Аль-Камиль — мой друг. По крайней мере, он так говорит. — Фридрих выпростал руку из-под полотенец и пошевелил грудку писем, лежавшую перед ним на табурете. — Садитесь, если хотите. — Он порылся в пачке бумаг, отыскивая листок с задачей по алгебре, которую посылал математикам аль-Камиля. Они ее тоже не реши-ли. — Вы видели Дауда?

Архиепископ улыбнулся:

— Фахр ад-Дина?

— Да.

— Он просил меня передать его самые наилучшие, дружеские пожелания и еще раз поблагодарить за прием, оказанный ему вами в Сицилии.

Фридрих улыбнулся, не отрывая взгляда от письма аль-Камиля.

— Это он развлекал меня.

Фахр ад-Дин Дауд ибн ас-Шайх был эмиром и ученым, с которым можно было разговаривать без конца. Корсо накинул полотенце на его мокрые волосы и уда-лился.

— Аль-Камиль был просто... очарователен. И теперь в его руках Иерусалим, — сказал архиепископ. — Он не любит воевать, но он прекрасный полководец.

— А я нет. — Фридрих потянул свернутый пергамент из кучи писем: — Что это?

— Личное письмо. — Архиепископ опустил на табурет. — Заметьте, что оно на арабском и печати не на-рушены.

Фридрих потянулся за ножом.

— Боже мой, Берардо! Если печати целы, то откуда вы знаете, что оно на арабском?

— Я спросил.

— Вы смотрели. Простите, я отвлекусь на минуту.

— Конечно.

Архиепископ говорил по-арабски, но читать не умел. Фридрих сломал печати и развернул плотный

пергамент. Наверху, занимая четверть первой страницы, находился вензель аль-Камиля, выполненный золотыми и красными чернилами, а ниже по краю полосой бежала строка из Корана.

Именем Аллаха великого, милосердного, справедливового, всемогущего, единого Бога, который вездесущ, неверному Фридриху аль-Малику Гогенштауфену султану ибн султану...

Все складывалось как будто неплохо. Читая продолжение вводной части, Фридрих одной рукой принялся вытирать полотенцем волосы. Аль-Камиль обращался к нему, величая всеми титулами, кроме «король Иерусалимский». Обычно мусульманских правителей мало волновал вопрос, имеют ли право короли Иерусалимские на этот титул*, но аль-Камиль более других заботился о точности деталей и полноценности искусно составленных изящных фраз. Следующие два абзаца были посвящены обсуждению жизненно важных вопросов здоровья его и аль-Камиля.

...обращаясь к тому, о чем мы в дружбе нашей неоднократно обсуждали...

— Ха!

— Сир?

— Он вынужден строить фразы осторожно, как и я, но должны ли они звучать как у схоласта?

— Конечно, нет, сир. — Архиепископ был прирожденным дипломатом.

Фридрих продолжил чтение:

Давайте же не будем занимать позиций наших предков, чьи веры вели их путями более тернистыми и жестокими, чем те дороги, что открыты для нас теперь, благодаря доброй воле Аллаха. Мир меняется по мере приближения Страшного суда, и с изменением его изменилось и то, как разумные люди должны решать стоящие перед ними трудности.

О, действительно? Да неужели? Пажи принесли ему чистую одежду. Корсо наполнил жаровню углями и поворошил их. Архиепископ, взглядом испросив у Фрид-

риха разрешения, с извиняющейся улыбкой послал пажа за вином.

Что есть завоевания, как не проклятье от Аллаха ненасытному? Кто обречен без передышки идти от одной тягостной битвы к другой, даже не надеясь обрести славу окончательной победы, но лишь в бесконечном стремлении утолить неутолимую жажду невыполнимого? Удерживать земли, которые мы имеем, — вот наша цель.

Риторика. Но это утешительная риторика.

Пажи незаметно убрали полотенца и начали облачать его в одежды.

Святой Иерусалим не должен стать проклятием для любого из нас. Пока я опасаясь делать какие-либо шаги, боясь вызвать непредсказуемый ответ христиан. Знайте, что во имя любви, которую я испытываю к вам, султан, я приму любой совет, какой вы сможете предложить мне по этому поводу, но я не верю тем, кто как волки, аппетит которых разгорается при виде трепетной лани, захочет большего, чем может быть предложено, к каким бы рациональным и разумным решениям мы с вами бы ни пришли.

Дай одной рукой и забери другой. И конечно же, надо учитывать возможность вмешательства собственных людей Фридриха, которых он не сможет контролировать, что, несомненно, вызовет радость курда.

Он втянул ноздрями воздух и уловил аромат жареного мяса. Подняв голову, он увидел пажей, которые предлагали архиепископу на подносе крохотные пирожки с мясом.

Корсо прикрикнул на пажей, они развернулись и подали поднос Фридриху. Он взял целую пригоршню. Пирожки оказались горячими, и он бросил их на полотенце, съев только один. Ему пришлось подняться, чтобы пажи смогли закончить его туалет.

— Вернемся к тому, что мы обсуждали... — Фридрих замолчал, ища глазами строчку, нахмурился и продолжал читать про себя:

Хочу напомнить вам, как настойчиво я предостерегал

вас, султан, против жестоких тварей из пустыни к востоку от Хорезма. Насколько мне известно, зверь умер, переполнившись кровью, выпитой им*. Тем не менее я боюсь поверить, что опасность исчезла. Я счастлив знать, что этой опасности мы будем противостоять вместе, как Обнаженные Мечи просвещенного мира.

Скорее, как велеречивые болтуны Запада. Царь татар Великой Азии. Пресвитер Иоанн*. Он более всего страшен для мусульман. Перед лицом такой опасности аль-Камиль может на многое пойти, чтобы подтвердить договоры о мире и поддержке. Получалось, что этот татарин, Чингисхан, которого французские схоласты называли царь Давид, вел легионы Божьего Воинства. Тем не менее, если описание татар, которое дал аль-Камиль, правильно, Господь опять явил свою волю весьма странным образом.

Архиепископ съел свои пирожки и теперь отряхивал крошки с одеяния.

Тем более я буду рад принять ваших послов, султан, даже не столько для того, чтобы немедленно услышать новости, но более для того, чтобы убедиться, что между нами сохранятся прежде достигнутые договоренности и они будут подтверждены, несмотря на то что дикие псы облаивают нас и свиньи оскверняют священные земли ислама. Смиренно уповая на вашу дружбу, осмеливаюсь в ответ предложить вам свою.

— Хорошо...

— Что он пишет? — спросил архиепископ.

— Ничего, но как красиво написано!

Корсо принес стул, и он присел. Мальчик был до сих пор смущен тем, что совершил ошибку, предложив пирожки сначала архиепископу. Фридрих передал ему послание.

— Сам отнеси это Джудаху бен Дауду, скажи ему, что я приказал сделать копию со страниц, где речь идет о татарах, и присоединить их к другим сведениям, касающимся их.

— Сир.

— Расскажите мне о Хорезме, — попросил Фридрих архиепископа.

— Охотно. После татарского вторжения и смерти Мохаммед-шаха Джелаль ад-Дин, сын Мохаммеда, объединил вокруг себя молодежь из знати. И они подчиняются ему. Страна до сих пор не оправилась от пагубных последствий нашествия. Там царит анархия. Множество горных племен не признает верховной шахской власти. Джелаль ад-Дин занят приведением их к покорности. Все их главные города и укрепления на севере разрушены, но территории на юге остались нетронутыми. Никто из мусульман не оспаривает их контроля над Багдадом и халифом. Мне известно, что они начали оказывать давление на аль-Ашрафа и ан-Назира, чтобы добиться от них признания сюзеренитета Джелаль ад-Дина* и всего остального. Джелаль ад-Дин не освободится для похода на запад еще по крайней мере год. Аль-Ашраф — полководец, способный на военные хитрости, и хотя ан-Назир слаб... Так вот, если аль-Ашраф и аль-Камиль, объединившись, попробуют отвоевать у него Дамаск, один Бог знает, что из этого выйдет.

Фридрих положил ноги на табурет. Ему казалось невозможным то, что Хорезм столь быстро оправился после войны с татарами.

— Можно ли рассчитывать на то, что татары вернутся и покончат с ними?

— Разумеется, можно, но... в свое время. У меня сложилось впечатление, что сейчас татары крайне заняты где-то в другом месте. — Архиепископ задумчиво свел брови и потер подбородок. — Где-то намного восточнее Хорезма, чем кто-либо думает. Другие народы, другие страны, другие царства. Мне сказали, что татары вплотную занялись завоеванием востока. Их царь даже умер там. — Он выпрямился и улыбнулся. — Возможно, это трудно переварить, но у меня сложилось впечатление, что для татар Хорезм и Сирия расположены слишком далеко на западе, так что они могут просто за-

быть об этих землях. Хорезм находится на периферии их мира. Должен добавить, что многие мои коллеги придерживаются иного мнения. Особенно в посольстве никейских греков в Каире и посланники из Константинополя и Парижа. Все они твердо убеждены, что Хорезм находится от края света на расстоянии дневного перехода и что татары с нетерпением ждут возможности объединиться с нами, прежде чем вновь атаковать и нанести врагу сокрушительное поражение.

Фридрих засмеялся:

— Для них центром мира всегда является их маленькое королевство, и они просто не в состоянии поверить, что весь остальной мир не хранит в глубине сердца их надежды и чаяния. Учитывая то, что известно мне, я с вами согласен. Знает ли об этом аль-Камиль?

— Аль-Камиль уверен, что сможет разбить Хорезм, ну разумеется, если в то же самое время ему не придется воевать с крестоносцами.

— Что подельывают никейские греки?

— В основном воскуряют благовония. Еще ждут. Завязывают дружбу со всеми к северу от Ливана и ждут, когда Константинополь совершит ошибку и они смогут вернуть его себе*. Самое поразительное то, что они в восторге от вас. Они надеются, что, если Жан де Бриен будет избран регентом при юном императоре, вы будете воевать с ним.

— Он отвратительный старик, но воевать с ним не в моих интересах. Что аль-Камиль затевает против Дамаска?

— Ан-Назир куда умнее, чем о нем думают. Аль-Камиль не возьмет Дамаск в этом году. Что угодно, только не это. Аль-Ашраф глуп, мысль о том, чтобы действовать в союзе с аль-Камилем, для него непереносима. Вот письмо от Томазо д'Аквино, он знает обо всем этом больше, чем я.

— Хорошо. В таком случае я займусь чтением писем. Увидимся завтра. Когда состоится торжественный въезд?

— Завтра после полудня. — Архиепископ встал и поклонился. — Надеюсь, этот ужасный дождь кончится! Этот слон... От него больше беспокойства, чем он вообще того стоит.

Фридрих сбросил плащ и присел под персиковым деревом. Вниз по тропинке мимо живой изгороди спускались двое молодых людей. Они беседовали, направляясь к фонтану. Один из них сказал:

— Ну, это достаточно легко и просто, пока тебя не поймают. Но мне до смерти не хочется, чтобы Марко послал меня к Рыжику Великому.

Они шагали по хрустевшему гравию, и Фридрих скоро услышал их удалявшиеся шаги. Он усмехнулся.

От фонтана донеслись приглушенные возгласы и всплески воды. Большинство юношей и девушек из дворца принимали участие в маскараде, который устраивал Эццо в апартаментах Аделаиды. Все более старшие участники карнавала поспешили предаться своим обычным грехам, и весь парк, кишевший полуночниками из приглашенных, превратился в арену для забав молодежи — безумных объятий, сорванных украдкой поцелуев и жмурок. Он слышал их веселые голоса, пока шел через весь парк к павильону в дальнем конце.

— Сир? — Бьянка проскользнула под ветвями цветущего персикового дерева.

— Я здесь, — отозвался Фридрих. — Вы придумали для них хорошие оправдания?

Она опустила на плащ рядом с ним, вытянула ноги и прикрыла их краем сюрко*.

— Я уже говорила, сир, что не смогу задержаться надолго. Им мне пришлось солгать, что я плохо себя чувствую и собираюсь лечь в постель. И я должна оказаться в нашей спальне, когда мои сестры придут туда.

— Но сейчас вы пришли ко мне.

Фридрих нежно взял ее руку в свою. Она попыта-

лась освободиться, но это ей не удалось, и она оставила свои попытки, будто бы смирившись с неизбежным.

— Ну, — проговорила она, отводя глаза. — На маскарade было очень скучно, и я... — Она усмехнулась.

— Я тоже так думаю. Никто не может придумать ничего нового. — Теперь он держал ее ладонь двумя руками, лаская ее запястье и изящные пальчики. — Почему бы нам не пройти в павильон, там нам было бы куда удобнее.

Он еще ни разу не поцеловал ее. Все это время он был так осторожен, так старался не спугнуть ее, раскидывал немыслимые сети и тенета, пускался на хитрости, как юный оруженосец, чтобы только поцеловать ее. Он подумал о том, что едва удерживается, чтобы не сжать ее в объятиях.

— Я говорила вам, сир, что отказываюсь встречаться с вами наедине в помещениях. Другое дело на улице. Ведь должна же я как-то думать о своей безопасности? — Она прилегла на бок, примяв короткую траву. — Разве нет?

— Только не со мной! Почему вы боитесь меня? Ведь я вдвое старше вас. И испытываю к вам отеческие чувства.

Он опустил на землю рядом с ней и легонько потянул за завязки сюрко. Она поспешила отобрать их у него.

— Да-да, я уж вижу, сир. — Она хихикнула. — Невинные девицы вроде меня должны избегать вас. Не стоит испытывать судьбу, пробуждая в вас волнение.

Он быстро перевернулся и, приподнявшись на локтях, поцеловал ее в губы. Она даже не попыталась оттолкнуть его. После всех волнений, интриг и уловок это оказалось до смешного легко. Он подумал о том, что ее целовали другие, и почувствовал ревность. Слегка отстранившись, он проговорил:

— Но мне нравится чувствовать волнение.

Она неловко пожала плечами. Ей было неудобно, так как она лежала на земле.

— Уверена, что это так. Я просто боюсь, что не сумею остановить вас, только и всего.

Ее голос звучал так нежно, что ему показалось — она не слишком уверена, что захочет останавливать его. И он подумал: насколько она и правда боится его и насколько кокетничает, притворяясь, что боится? Возможно, вообще не боится, и это все сплошное кокетство. Он опять поцеловал ее и вновь потянул завязки, на сей раз ленты развязались.

— Как прекрасно здесь под деревьями смотреть на полную луну, — томно проговорила она. — Видите?

Она мечтательно созерцала ветви персикового дерева, усыпанные цветами, которые заливал лунный свет.

— Здесь, в саду, прекрасно, только когда вы рядом. В другое время — ничего особенного.

Она опять захихикала, делая вид, что не замечает, что ее сюрко распахнуто. Фридрих погладил ее по щеке тыльной стороной ладони.

— Вы так прекрасны. И, став женщиной, будете еще прекраснее. Вы будете восхитительнейшей женщиной, Бьянкетта! Все мужчины Италии падут к вашим ногам.

Он опять поцеловал ее, и рука его обвилась вокруг ее талии, и, конечно же, Бьянка немедленно напряглась. Ее рука томно поднялась, и она легонько толкнула его в плечо.

— Что-то не так?

Она выскользнула из его объятий и села, опершись на руку.

— Вы немного испугали меня, вот и все. Почему вы не хотите просто целоваться?

Он перекатился на спину и вытянулся.

— Потому что я хочу вас... Не просто целовать... Я хочу, чтобы вы спали со мной. — Он смотрел на ее белое, сердечком лицо, окруженное цветами персика. Оно медленно заливалось румянцем. — Кстати, это комплимент.

— Я знаю. Но это тоже меня пугает, как... — Она ус-

мехнулась. — Вам ни разу не случилось потерпеть неудачу?

— Никогда. — Он засмеялся и, протянув руку, стал перебирать ее длинные тяжелые волосы. — Я могу сделать вас очень счастливой, Бьянка.

Это был неправильный ход. Она нахмурилась и постаралась откинуть голову, чтобы он не мог дотянуться до нее.

— Как Аделаиду?

— Давайте не будем говорить об Аделаиде.

— Ну уж сейчас-то она вовсе не счастлива. Может быть, была... вначале.

— Я сказал... — Фридрих перевернулся на живот. — Давайте не будем говорить об Аделаиде. Она — не вы.

Он обхватил ее за плечи. Бьянка стала сопротивляться, мягко, не очень уверенно, но вдруг поникла, задрожала в его объятиях, и он понял, что она по-настоящему испугана. Он отпустил ее. Девушка сидела не шевелясь и смотрела на него.

— Я вовсе не хочу причинять вам зла. И уж тем более пугать вас, Бьянкетта. — Он быстро поцеловал ее. Когда он отодвинулся и посмотрел на нее опять, она улыбалась, опустив глаза.

— Я ведь еще не женщина, вы сами так сказали. Я лучше пойду.

— Побудьте со мной еще немного. Я потом вас провожу.

Она легонько коснулась его руки.

— Пожалуйста, только... Дайте мне время все обдумать. Дайте мне решить...

— Если только вы решите так, как я хочу. — Он обнял ее и крепко, страстно поцеловал. Она запрокинула голову, и губы ее стали мягкими под его губами. — И поскорее.

Молодые люди, веселившиеся возле фонтана, кричали и смеялись. Слышался плеск воды. По тропинке, тянувшейся вдоль живой изгороди, прогуливались парочки. Фридрих уложил Бьянку обратно на траву и

страстно поцеловал, зарывшись пальцами в ее волосы. Он закрыл глаза, ему показалось, что земля под ним заколебалась. Она обвила руками его талию. Передвинувшись, он навалился на нее всем телом. И она вновь напряглась и вновь попыталась освободиться. Это необъяснимым образом напомнило ему об Анаис, в их брачную ночь с Иоландой. Только в ту ночь сопротивлялся он. Она поразила его, запрыгнув в его кровать. Он целовал Бьянку, думая об Анаис, и это наполнило его чувством вины. Он провел языком по губам Бьянки и прижался лицом к ее волосам.

— О, как бы я любил тебя, Бьянка!

Еще не успев договорить, Фридрих уже понял, что нашел верный подход к ней. Любовь — вот ключ к сердцу дикарки Бьянки! Ее тело под ним расслабилось, и он принялся целовать ее с удвоенным пылом, приподняв голову девушки, чтобы удобнее было находить ее губы. Она, возможно, еще и сама не понимала, что готова отдаться ему, по крайней мере, не осознавала этого. Он нежно и осторожно гладил ее. Ее тело говорило — да, но рассудок еще противился. И он должен был отпустить ее, чтобы она вернулась к себе, пока не кончился маскарад и не пришли ее сестры...

Он перекатился на бок и снял с нее сюрко. Она удержала его руку.

— Я не собираюсь причинять вам зла. Я хочу только целовать вас. — Он подумал о том, чтобы еще раз сказать ей «люблю», но побоялся, что это будет чересчур. — Позвольте мне только целовать вас.

Он начал открывать ее грудь, и она попыталась высвободить пальцы из его руки. Тогда он наклонился и поцеловал ее в губы, осторожно освобождая от одежды. Давление его тела усилилось, он едва сдерживал себя, но действовал медленно, осторожно, так, словно все происходило ненароком, случайно, но, когда его рука коснулась ее обнаженной груди, он не удержался и глубоко погрузил язык в ее рот. Бьянка вскинула руки ему на плечи и попыталась оттолкнуть его, но тело ее все

еще говорило — да! Фридрих поцеловал ее шею, ключицы и прижался губами к груди. Под его губами ее сосок отвердел, но она погрузила пальцы в его волосы и попыталась оторвать его от себя.

«О Боже! Я мог бы овладеть ею прямо здесь, прямо сейчас, под этим персиковым деревом, — подумал он. — И я хочу этого! Да, хочу! Сейчас...»

Он сел и откинул волосы назад.

— Что?..

— Я стараюсь проявлять благоразумие сегодня ночью... Нет! Не надо! — Он успел поймать ее руку и не дал прикрыть грудь. — Я хочу посмотреть... Мне это нравится.

Вид ее маленькой грудки с острым соском заставил его задрожать, ее платье было открыто достаточно, чтобы он мог видеть нежную кожу ее живота, на котором было бы так мягко лежать. Она села, глядя ему прямо в глаза. Лицо ее приняло странное выражение, губы задрожали. Неожиданно Бьянка рывком сбросила одежду, обнажившись до талии, и протянула к нему руки.

— Вы будете сердиться утром. — Он опять положил ее на траву и прижался лицом к ее груди, касаясь губами нежной кожи.

— Возможно, — вздохнула она. — Возможно, я перемену свое решение еще сегодня вечером.

Фридрих встал на колени и совсем раздел ее.

— Скажи мне, если такое случится.

Ветки склонялись почти до земли, окружая их словно бы кружевной стеной. Любой, кто прошел бы мимо, должен был бы наклониться, чтобы увидеть их. Цветы как будто сияли, озаренные волшебным лунным светом. И он вдруг подумал, что она едва ли была бы так уступчива, если бы они все-таки отправились в павильон. По сравнению с его кожей ее казалась теплой и нежной, под его пальцами она как будто становилась еще шелковистее.

— А что ты скажешь сестрам?

— Я скажу им, — ее голос дрожал, — что вышла подышать воздухом.

Утром они все будут знать. Весь двор будет знать. Но он не сказал ей об этом. Пусть она сделает это открытие утром. Обнаженные, они лежали в весенней траве, овеваемые воздухом, напоенным ароматом цветов персика. Она не могла смотреть ему в глаза, и он увидел, как медленно покрываются ее щеки и шея краской. Когда он сбросил одежду, она закрыла глаза и отвернулась. Она была робка и пуглива, и он заставлял себя сдерживаться. Она дрожала в его объятиях, ее губы нежно касались его кожи. За живой изгородью слышались голоса юноши и девушки. Юноша горячо шептал что-то. Девушка кокетливо возражала.

«Сделайте это среди цветов, дети...» — подумал он.

Он целовал ее бедра, и тело Бьянки трепетало.

«Ты еще хочешь этого?»

Фридрих прижимал ее все сильнее и сильнее, и ее тело дрожало, призывая его. Однако она все еще сомневалась.

«Я сумею заставить тебя захотеть!»

На ее волосы упали цветы персика, подобные диковинным жемчужинам. Ее руки скользнули по его бедрам, и она прошептала:

— Возьми меня. Возьми...

Каждой клеточкой своего тела он ощутил сладчайшую, ошеломившую его агонию наслаждения, овладев ею. Он старался быть предельно осторожен, чтобы не причинить ей боли. Она была девицей, но все завершилось совершенно неправильно — она лишь вздохнула, а он закричал.

Гроссмейстер отправился из Бриндизи в Акру. Архиепископ уехал в Риэти, чтобы ходатайствовать о деле Фридриха перед папой и выяснить все, что удастся, о его планах на время отсутствия императора. Энрико собрал небольшой флот, который был готов отплыть из

Бриндизи через несколько дней после солнцестояния, в день, который Микаэль Скот назвал наиболее благоприятным. Фридрих сбросил плащ и распахнул ворот камизы. Было жарко, и ветерок ни одним дуновением не развеивал духоты.

Ринальдо Сполетский приставал ко всем, докучая просьбами посоветовать, как обеспечить безопасность Сицилии во время отсутствия Фридриха, который еще даже не уехал. Каким-то образом все связанное с крестовым походом вышло из-под контроля. Фридрих не мог толком вспомнить, когда он окончательно принял решение отправиться в поход, просто еще две-три недели назад он говорил: «Если я отправлюсь в поход...» Теперь же эта фраза несколько трансформировалась и звучала уже: «Когда я отправлюсь...»

— Папа, папа, — настойчиво попросил Энцо, — давай вместе спустимся и посмотрим слона!

Фридрих вздрогнул от неожиданности и посмотрел вниз — он не слышал, как подошел мальчик.

— Не сейчас, Энцо. Мне нужно подумать.

— Но, папа, ты же собираешься уехать! И так надолго!

Фридрих наклонился и крепко обнял ребенка:

— Я знаю, сыночек. — Он поцеловал мальчика в шейку как раз над выпачканным воротом. — Я буду очень скучать по тебе. — Но у меня еще так много дел.

Руки Энцо обвились вокруг его шеи.

— Ты даже не можешь спуститься вниз и посмотреть на слона?

— Нет, малыш. Мне очень жаль... Но я приду вечером, перед тем как ты ляжешь спать. И расскажу тебе интересную историю.

— Правда? — Энцо поцеловал его. — Только не забудь!

Фридрих выпрямился.

— Я не забуду.

Энцо побежал по галерее к лестнице, ведущей вниз, миновал пару нотариусов, возвращавшихся из кабинета Пьеро, и, на миг остановившись у лестницы, повернул-

ся и помахал Фридриху рукой. Тот усмехнулся и помахал в ответ. Микаэль Скот поднялся по лестнице, обогнул мальчика и оглянулся, наблюдая, как тот спускается вниз. Жара была непереносима, и Фридрих надеялся, что Микаэль не расположен вести долгие разговоры — было так хорошо стоять здесь, на галерее, прислонившись к стене, и ничего не делать.

— Сир, — обратился к нему Скот. — Вы должны как-то повлиять на Ринальдо. Его уже никто не выносит! Он всех извел.

— С ним будет все в порядке. — Фридрих подтолкнул к себе стул и уселся на него. — Он просто хочет, чтобы все поняли, какая он важная персона. Вы сделали гороскоп Бьянки?

— Да. — Скот облокотился на перила рядом с глицинией. — Она удивительно одаренная девушка. Удивительно одаренная. Прекрасная и юная особа. С вашей стороны было мудро ввести в свое окружение человека знака Огня — ведь многие из ваших друзей принадлежат к тригону Земли. Да и вы тоже — Козерог...*

— У-у-гум.

— И я проверил, что ожидает вас в то время, которое вы проведете в пути. Вас постоянно будет сопровождать прекрасная погода. Это будет чудесное путешествие.

— Проклятье! А я-то надеялся на шторм. Я никогда не был на море в бурю. Энрико еще не вернулся из Бриндизи?

— Нет еще. — Брови Скота весело поползли вверх. — Он, возможно, прочесывает прибрежные таверны в поисках новых пиратских историй — в своей обычной манере. От него и гроссмейстера мы определенно до тошноты слушаемся военных историй.

— Не насмешничай над ними, а то я стану вышучивать тебя. Гроссмейстер тебе не ярмарочный шут! Ты составил гороскоп на...

Он посмотрел в сторону перил. Вдали показался

всадник. Люди во дворе смотрели на него, крича и смеясь.

— Что это?

Неожиданно веселье возросло. Скот сделал вид, что вот-вот свалится за перила, побуждаемый любопытством. Он посмотрел вниз.

— Курьер в ливрее императрицы. — Он повернулся и добавил: — Сир.

Фридрих рванулся вперед и перегнулся через перила.

Двор был заполнен людьми — там толпились слуги, пажи, они топтались на месте и размахивали руками. Курьер, направив коня прямо через толпу, остановился как раз напротив императора. Его лицо было покрыто толстым слоем пыли, но даже пыль не была способна скрыть ликования, написанного на нем. В городе начал звонить колокол.

— Сир! — воскликнул посланник. — Ваше величество, императрица разрешилась от бремени прекрасным мальчиком!

Фридрих откинул голову и круто повернулся:

— Мальчик!

Он схватил Скота и, завертев, толкнул к выбежавшим на галерею придворным, которые разразились восторженными возгласами и приветственными криками.

Зазвонили другие колокола Барлетты, и веселье во дворе удвоилось. На галерее появились пажи с кубками вина. Откуда-то выскочил Эццо, заключил императора в объятия и звонко расцеловал в обе щеки.

— Конрад! — воскликнул Фридрих. — Я назову его Конрад.

Он глубоко вздохнул, грудь его теснило чувство восторга и гордости. Еще один сын! Неожиданно он раскинул руки и засмеялся от счастья. Все придворные подхватили его радостный смех. Фульке Анчеррский протянул ему кубок с вином.

— За Конрада!

— За короля Иерусалимского! — провозгласил

Фридрих. — Долгого ему царствования! — Он выпил вино. Аделаида и Бьянка появились одновременно, но с противоположных сторон галереи. К которой подойти первой? Виночерпий вновь приблизился, и император протянул ему кубок. Все вокруг выкрикивали имя Конрада и произносили тосты. Неожиданно появился Пьеро. Он пробивался сквозь толпу с лицом печальным и напряженным. Фридрих замер, так и не поднеся кубок к губам. Что-то случилось! Пьеро подошел, взял его за рукав и тихонько отвел в сторону.

— Сир, дитя здорово, но императрица... Посланец сказал, что она, возможно, умирает.

Фридрих уставился на него. Умирает... Он словно бы перестал слышать звон колоколов. Веселье и радость развеялись как дым. Он перевел глаза с печального Пьеро на лица веселившихся придворных. Содрогнувшись, он вновь посмотрел на Пьеро, смуглое лицо которого приняло неопределенное выражение. Император развернулся и, слепо натыкаясь на встречающих, двинулся прочь. Придворные расступились, и он прошел в темноту и прохладу пустой комнаты.

За спиной послышался голос Пьеро:

— Вы поедете в Андрию?

Фридрих кивнул:

— Принеси плащ, позови сарацин и вели седлать коней.

— Я уже отдал все распоряжения, сир. Они ждут вас у Южных ворот.

— О!

Стены приглушали шум бешеного веселья, доносившийся снаружи.

«Ей же всего семнадцать! Она не должна умереть!»

Вошли пажи, и он позволил им переменить на нем одежду, почти не заметив, как они это сделали.

«Я не люблю, когда люди умирают! Это глупо! Вечно они все умирают!»

Не дав пажам закончить его туалет, он повернулся и, широко шагая, двинулся к выходу.

У подножия лестницы его уже ждал Айюб, одетый для верховой езды. Не говоря ни слова, он последовал за императором. Внезапно появился Юсуф, который пошел впереди императора. Зал был пуст, даже часовых не оказалось на месте. Все веселились... Сарацины распахнули перед ним двери, и он прошел в опустевший двор. Мрачно он прислушивался к шуму веселья. Конечно! Наследник, сын, король! Есть повод радоваться!

Хасан вывел лошадей, и Фридрих вскочил в седло.

— Господин... — начал Хасан. — Мы из Лучеры... — Он заглянул в лицо Фридриху и пожал плечами. — Потом.

Развернув свою кобылу, он поскакал к воротам. Дракон поскакал следом, хотя Фридрих и не понуждал его к этому.

«Она никогда не просила...» Он закрыл глаза. Смешно предаваться печали из-за смерти какой-то девчонки, которая никогда для него ничего не значила. Она не давала ни радости, ни удовольствия, всегда была слишком бледна и худа, всегда уступчива и смиренна.

Они промчались к окраине города через запруженные ликующими людьми площади и выехали на дорогу в Андрию. Похоже, никому не было до них дела. Никто их не узнал.

«Почему со мной это происходит? Почему что-то подобное вообще коснулось меня?» — думал он. Но грудь его сжималась и сердце билось, отзываясь болью в ритм перестуку копыт.

«Пьеро знал, что я захочу увидеть ее. Это можно было предугадать. Даже Пьеро додумался. Замечательно! А я-то всегда думал, что он ни о чем не имеет представления! Я-то думал, что знаю его очень хорошо. Настолько хорошо, что могу представить себе все, на что он способен, но это... Да я, оказывается, совсем его не знаю! И ведь он знал, что я не люблю ее. А она так молода...»

Сарацины скакали, окружив его плотным кольцом. Ровным галопом они двигались на запад, мимо уже по-

темневшей под апрельским солнцем травы. Встречаемые ими повозки купцов и всадники спешили убраться с дороги. Временами копыта лошадей стучали в слаженном ритме, временами сбивались с него.

«Я убил ее! Я! Я убил ее тем, что сделал беременной!»

Перестук копыт отвлекал его от грустных мыслей, успокаивал. Они преодолели подъем. Впереди лежала ровная дорога, уходящая за горизонт, затянутый облаками. Они все еще слышали гул колоколов Барлетты.

«Конрад... Конрад...»

Он облизал губы и почувствовал едкий вкус пыли.

«Она всегда предпочитала Андрию. Говорила, что ей нравятся живущие там люди. И я никогда не спрашивал, кого она имеет в виду. Я бы удивился... Но и меня она никогда не любила».

Солнце садилось. Он подумал, что непрерывный стук копыт и последние лучи заходящего солнца, бившие в глаза, сведут его с ума, но каждый раз, когда состояние его становилось невыносимым, он делал глубокий вдох и закусывал губу. Это помогало. На узком каменном мосту они обогнали группу деревенских парней и девушек, которые буквально оглушили их приветственными, радостными криками и скоро исчезли, скрывшись в клубах пыли.

«Просто невозможно двигаться так быстро! Все так и мелькает, пропадая из виду. Нет, это происходит не со мной... Не здесь и не сейчас... Я не понимаю, что все это значит...»

Он сжал шенкелями бока Дракона и позволил коню нести себя в темноту.

«Я не хочу умирать... Может быть, я так страдаю именно из-за этого?»

Чуть позже Хасан сделал остановку, чтобы поменять лошадей, перекусить и выпить разведенного водой вина. Фридрих, абсолютно погруженный в себя, словно укрытый пеленой напряжения, чувствовал отстранен-

ность от всего, даже звуки доходили до него как бы с отдаления. Все, что окружало его, было ему безразлично.

«Но у меня родился еще один сын. Разве этого мало?»

Он взглянул на небо, на котором сияло неисчислимое множество звезд, ярких и крупных. К нему подвели другую лошадь. Он опустошил кубок и поставил ногу в стремя.

И вновь зазвучал ритмичный перестук копыт.

«Бедная маленькая девочка. Бедная маленькая девочка...»

Хасан, скакавший впереди, держал в руке факел, озарявший его ярким желтым светом.

«Что-то не так со мной, если я не могу...» И вновь его горло сжалось, вновь на него накатило ощущение невыносимой тяжести, от которого он не мог избавиться, так как источник его находился в нем самом.

«Это ноет и болит моя душа... Бьянка тоже очень молода. Если она забеременеет от меня, не убьет ли это и ее?»

Они промчались через небольшую деревню, все жители которой давно мирно спали.

«Анаис тоже будет там».

Взошла луна, заливая все вокруг серебристым светом. Он дышал пылью и чувствовал острый запах конского пота.

«Они все умирают. Моя мать, Франциск, все! Мой пес Кадар. Дипольд отравил его за то, что он слишком громко и часто лаял. Констанс умерла. Она, конечно, отправилась прямиком на небо и теперь наблюдает за мной оттуда. Ну так, значит, в смерти нет ничего плохого?» — уговаривал он себя, но чувствовал — есть! Есть! Он закрыл глаза, и мир словно завертелся вокруг него, вызывая тошноту и свиваясь в огромную удушающую петлю.

Позднее Хасан сделал еще одну остановку, чтобы все они могли размять ноги. Фридрих накинул капю-

шон и закутался в плащ. Он не хотел, чтобы кто-либо на него смотрел ни с сочувствием, ни как-то еще.

«Действительно ли я виноват? К чему вопросы? Конечно, виноват! Вот и все. И ничего больше. И нечего об этом думать и говорить...»

Но он вновь вспомнил об Иоланде и закусил губу. Он развернулся, вскочил на коня и помчался вперед, будто за ним гнался сам дьявол. Сарацинам пришлось поторопиться, чтобы догнать его.

Впереди, выше уровня равнины, по которой они ехали, появился огонек. Это фонарь на звоннице Сан-Андрии. Он выпрямился и почувствовал боль в спине. Дворец располагался как раз с той стороны города, к которой они направлялись. Сильно напрягая глаза, он разглядел квадратные силуэты его вздымавшихся к небу башен.

Нигде ни огонька! Они все давно спят или молятся в капелле за ее выздоровление или благостное упокоевание. Благостное упокоевание! Или ухаживают за ней. Колокола не звонят. Не похоже, чтобы они праздновали рождение наследника! Он наверняка приехал слишком поздно... И времени ни на прощание и прощение у смертного ложа, ни на долгие речи не будет. Так бывает только в песнях. Оказавшись на деревянном мосту у ворот, он придержал коня.

Хасан закричал, и стражи на стене откликнулись. Фридрих, прислушиваясь к шуму поднявшейся суматохи, плотнее закутался в плащ. Пусть никто не увидит его! Никто! Но почему? Почему? Лошадь двинулась вперед, и он вслед за Хасаном въехал во двор. Над их головами, на стене, слышались шаги. В центральном строении сквозь ставни пробивался неяркий свет.

«Она всегда приказывала закрывать окна на ночь, говорила, что ночной воздух... Как легко вспоминать все, что она мне говорила! Ведь мы проводили вместе совсем мало времени. И почти всегда кто-нибудь при этом присутствовал. Ваше величество, ваше величество... Да, сир, да, миледи...»

Подбежали грумы, чтобы забрать лошадей. Старик Танкред, комендант, прошел по каменным плитам двора и остановился перед ним. Фридрих сбросил капюшон, Хасан с факелом подошел ближе.

— Ваше величество! — Танкред опустился на одно колено, а затем поднялся: — Примите мои поздравления по случаю рождения сына и мое сочувствие в связи со смертью императрицы.

Все внутри у Фридриха против воли сжалось. Она умерла. Она должна была умереть. Но ведь всегда есть шанс... Он слепо шагнул вперед. Перед ним мелькнуло лишенное всякого выражения лицо Танкреда.

— Она лежит в капелле, сир.

— Спасибо. — Он едва расслышал собственный голос. Свернув налево, он почувствовал, что Хасан слегка подтолкнул его локтем. Да, конечно, надо идти прямо, а не налево. Он сделал сарацинам знак остаться, а сам медленно двинулся по каменным плитам двора по направлению к двери капеллы.

Сквозь щели виднелись мерцающие слабые огоньки, и еще он услышал голоса — сухие дребезжащие голоса старух. Женщины встречают человека при его рождении и провожают в последний путь. Женщины. Он заставил себя открыть дверь и войти внутрь.

Женщины, столпившиеся вокруг мраморного постамента перед высоким золоченым алтарем, перешептывались и бросали на него украдкой любопытные взгляды. Он заставил себя пройти вперед — ноги словно бы отказывались подчиняться ему — и увидел Иоланду. Она лежала на смертном ложе и казалась еще более юной, чем при жизни, еще более худенькой. Руки ее уподобились восковым свечкам. Прямые волосы были распущены по плечам.

— Мы не надеялись, что вы приедете, — проговорила Анаис по-французски. Женщины зашушукались и зашевелились. Он взглянул на нее, удивляясь тому, что она осмеливается говорить, а затем опять перевел взгляд на мраморную плиту.

— Вы приехали взглянуть на ребенка или на нее?

Он оглянулся. Она стояла, наклонившись вперед, поджав губы, и смотрела на него:

— Вы приехали...

— Оставьте меня!

На миг их глаза встретились. Его собственный глухой голос эхом отдавался в его ушах. Она резко повернулась и вышла, двумя руками придерживая юбку. Другие женщины заворчали что-то, явно выражая одобрение, корча за ее спиной гримасы. Он окинул их всех взглядом и вновь посмотрел на женщину, нет, ребенка, лежавшего на плите. Какая разница, помолится он или нет? Он, отлученный от Церкви? Его суставы болели, руки дрожали. Он был измучен.

Опустившись на колени, он прижался щекой к ледяному камню у ее ног.

Ребенок морщил личико. С уголка его губ стекала струйка молока. Он, туго спеленатый шелковыми с монограммами пеленками, пытался шевелить ручонками и ножонками. Фридрих огляделся, взглядом ища няню, чтобы передать ей младенца. Подошла деревенская девка и протянула руки.

— Он прелестный ребенок, — проговорила она.

— Все они прелестные, — бросила герцогиня Чиарская. — Особенно рыжие.

Фридрих с сомнением взглянул на ребенка. Дитя выглядело чересчур огромным для того, чтобы выйти из тела, которое, как он только что видел, перенесли из капеллы в мавзолей, находившийся под ней. Все эти женщины, стоявшие вокруг, раздражали его. Он повернулся к герцогине, которая напряженно ожидала, какие последуют указания.

— Его нужно окрестить, когда я уеду. Пьеро делла Винье все организует. Он свяжется с вами. Его крестной матерью будет город Кремона. Не беспокойтесь о том, чтобы короновать его. Некоторое время это потер-

пит. Ему нужен двор и персональный штат слуг... — Как инфанту? Как королю Иерусалимскому! — Я пришлю сюда архиепископа Капуанского, чтобы он все с вами обсудил.

Он оглянулся на ребенка. Служанки окружили его, склонившись над ним. Солнечный свет лился в распахнутые окна детской — он заставил их открыть ставни.

— Он останется здесь, ваше величество?

— Ради любви к Господу! Не повезете же вы новорожденного младенца через всю страну? Да? И в любом случае — Андрия ведь принадлежала императрице!

В нем росло нетерпение. Он хотел вернуться в Барлетту. Он так устал от всего, что навалилось на него здесь! Он двинулся к двери, и Айюб поспешил распахнуть перед ним дверь:

— Ваше величество.

Дверь как раз напротив распахнулась, и из нее вышла группа женщин. Фридрих остановился и взглянул на них. К юбкам находившейся в середине женщины жалась крохотная девочка в желтом. Ее волосы были причесаны во французском стиле, а рыжие глаза чуть навывкате смотрели испуганно.

— Ваше величество, — произнесла высокая женщина и поклонилась. Девочка спрятала лицо в ее юбках. Фридрих облизал губы.

— Иоланда, — сказала нянька. — Поприветствуй его величество, твоего батюшку.

Фридрих напрягся еще больше. Девочка украдкой бросила на него взгляд и опять спрятала лицо. Он возразил:

— В этом нет необходимости, я...

— Иоланда! — повторила нянька, полностью игнорируя его. — Ну же, поприветствуй его величество!

Девочка, пепельно побледнев, повернулась и на деревянных ногах направилась к нему. Фридрих глубоко вздохнул. Маленькая девочка на него не смотрела, глаза ее были опущены, казалось, она разглядывала его колени. Она двигалась как кукла, неуклюже и неуверен-

но. На полпути между ним и нянькой она остановилась, неловко сделала реверанс и сказала на плохом итальянском:

— Доброе утро, ваше величество.

Немудрено, ведь ее мать говорила только по-французски.

— Доброе утро, Иоланда, — ответил он по-французски.

Девочка испуганно вскинула голову, и он заставил себя улыбнуться и кивнул. Она опять сделала реверанс, развернулась и опять кинулась под прикрытые спасительных нянькиных юбок. В комнате в углу захныкал ее маленький братец.

— Э-э... Пусть она тоже остается здесь, — приказал Фридрих герцогине и, повернувшись на пятках, вышел вон.

Хасан ждал его в крытой галерее. Он доложил, что лошади готовы. Фридрих остановился, окинул взглядом пыльный двор. Процессия плакальщиц опять направлялась в капеллу молиться.

— Что-нибудь еще?

— Нет, господин.

— Тогда поехали отсюда.

* * *

С тронного помоста он видел все движения двора, видел все течения и водовороты, видел, как вились придворные возле тех, кто считался в фаворе. Он замер на миг, перебирая пальцами новые августалии и наблюдая за теми, кто кружил возле Аделаиды. Она стояла близко к помосту, рядом находились ее служанки. Она то и дело отсылала их с поручениями — то наполнить ее кубок вином, то принести поднос со сладостями. Но она не была весела и не сводила с него своих соколиных, пронзительных глаз. Он усмехнулся, поднял руку и сделал вид, что рассматривает лежащий на столике перед ним план.

— Чтобы добавить здесь крыло, ваше величество, нам придется разрушить эту стену. Там полно подходящего камня, и конечно...

— Да, да...

Он посмотрел в дальний угол зала, на колонны, поддерживавшие балкон, около которых роилась молодежь.

Некоторые играли на лютнях и гитарах. Неопытная Бьянка не умела поддерживать порядок в их рядах, и их яркие, разноцветные одежды мелькали, клубясь в постоянном движении, как пенящиеся воды в водовороте. Она научится. Просто она растерялась, неожиданно оказавшись в центре всеобщего внимания.

— Манфредо, можешь снести эту стену, чтобы пристроить крыло...

Ее брат поднял голову и кивнул, он был одет во все черное — носил траур по императрице. Все обо всем знали, особенно после того, как он дал небольшие привилегии ее брату и сестрам, две из которых теперь находились в услужении у короля Иерусалимского. Фридрих вновь взглянул на Бьянку. Он не спал с ней с того первого раза — ему мешали воспоминания о смерти Иоланды, они действовали ему на нервы. Он отступил и окинул взглядом весь зал, тех, кто окружал Аделаиду, включая Эццо и Фульке. К нему подошел торжественный, серьезный Корсо.

— Сир... — Паж поднялся по ступеням помоста и скромно остановился между архитектором и Фридрихом. — Прибыл Великий адмирал, сир.

— Где он?

— В Павлиньем зале.

Фридрих кивнул и повернулся к Манфредо:

— Разберись с этим. — Он указал на план архитектору и спустился по ступеням помоста. Корсо последовал за ним. Так, чтобы не слышали остальные придворные, император сказал: — Пришли Бьянку в Павлиний зал.

— Да, сир... — Корсо удалился, проскальзывая меж-

ду дамами и кавалерами, которые внимательно наблюдали за ним. У двери в Павлиний зал выпрямился и потянулся к ручке двери Айюб.

Энрико да Мальта стоял в дальнем конце зала, возле окна, и нюхал белую лилию. Услышав шаги, он мгновенно повернулся:

— Ваше величество!

— Добрый день, Рико.

Фридрих повернулся, чтобы убедиться в том, что дверь закрыта. Айюб вошел следом за ним и прислонился к стене возле двери, напротив павлинов, золоченые хвосты которых сияли в солнечных лучах.

— Мы можем отплыть в любой момент, — сказал Энрико. — Мне нужно всего несколько дней.

— Я отправлюсь в Бриндизи завтра. Мы отплывем на восьмой день.

На рукаве Энрико была повязана черная траурная лента. Он носил траур, как и остальные, стараясь не акцентировать на этом внимания, поскольку Фридрих траура не носил. Грызущее чувство вины и беспокойства коснулось края его сознания.

— Можем мы разместить всю мою свиту на одном корабле?

Энрико покачал головой:

— Я посоветовал бы вам взять с собой только пажей и лакеев. Остальных же разместить на других кораблях. Иначе будет слишком тесно и ни о каком комфорте не будет и речи.

Маленькая дверка за тронотом открылась и закрылась — вошли Бьянка и ее паж Асторри. Они обошли трон, находившийся на возвышении, и остановились. Она посмотрела на Энрико, затем на Фридриха и покраснела.

— Айюб, — позвал Фридрих. — Скажи Хасану, чтобы он пришел ко мне. Я дам ему указания относительно плавания. Рико, мы будем завтра в Бриндизи и там все обсудим. Благодарю вас.

— Сир, — Энрико поклонился, развернулся и на-

правился к выходу, проговорив: — Я пришлю Хасана. Пусть Айюб остается на своем посту.

Фридрих повернулся к Бьянке, замершей возле трона. Асторри отступил в угол, в тень.

— Я не уделял вам должного внимания. — Он коснулся ее руки. — Вы сердитесь?

Она покачала головой.

— О нет, нет! Так даже лучше. Мне нужно было привыкнуть ко всему этому...

Она вновь покраснела, но ее огромные глаза были устремлены прямо на него, а тонкие пальчики сжимали его руку. Он взял ее ручку и нежно поцеловал.

— Никому ничего не обещайте. Вот и вся премудрость. — Ее пальчики пахли розовой водой. Внезапно он заключил ее в объятия и, крепко сжав, страстно зашептал: — Бьянка, Бьянкетта!

Фридрих поцеловал ее, а она обвила руками его шею и всем телом прижалась к нему. Под расшитыми драгоценными камнями одеждами он почувствовал ее волнующие бедра. Он закрыл глаза.

— Я завтра уезжаю в Бриндизи. Поедьте со мной? Двор останется здесь — они все отправятся в Тройю в ближайшие дни. Я скажу вашему брату, чтобы привез вас в Бриндизи.

— Я не должна... Они...

Ее голова склонилась к нему на грудь. И он удивленно посмотрел на нее.

— Вы хотите сказать — узнают? Они уже знают!

Дверь открылась, послышался гул голосов, и в зал вошел Хасан.

— В Бриндизи мы обсудим все, что касается нашего будущего... — Он запустил руки под ее сюрко. — Я хочу дать вам кое-что до отъезда. Вы должны иметь больше слуг, дворец и личную охрану.

Он выпрямился, и она отстранилась. Она быстро взглянула на своего пажа и сарацин. Фридрих заметил, что она опустила ресницы.

— Они не смотрят.

— Нет, — возразила Бьянка. — Они просто слишком хорошо вышколены.

— Я хочу, чтобы у вас все это было, — заявил он. Он стянул через голову ее сюрко, край которого был вышит маргаритками. — Я не хочу, чтобы вы оставались в одиночестве, пока я буду отсутствовать.

— Я не хочу, чтобы вы уезжали. — Она закусил губу. Люди, находившиеся в комнате, тревожили ее, и она украдкой бросала на них взгляды из-под длинных ресниц. Он усмехнулся.

— Вы привыкнете.

— Но я стыжусь! — жалобным голосом проговорила она.

Он поцеловал ее в лоб.

— Асторри, проводи госпожу. Я скажу вашему брату, чтобы привез вас в Бриндизи. Не беспокойтесь. Я люблю вас, Бьянка... Не беспокойтесь.

Так-то, конечно, лучше. Она нежно улыбнулась ему и удалилась через дверку за тронem. Асторри сопровождал ее. Он пожал плечами и повернулся к Хасану:

— Женщины! Как это возможно, что они все столь одинаковы, но в то же время одни наводят на меня смертную скуку, а другие волнуют?

Хасан тоже пожал плечами.

— Возможно, узнав их лучше, вы раскроете этот секрет, господин?

— Я знаю их настолько хорошо, чтобы понимать, что я вовсе не знаю их. — Он обхватил себя руками за плечи и огляделся по сторонам освещенной солнцем комнаты:

— Принеси мне стул, что ли.

Завтра. Вот и наступило завтра...

Он ехал вдоль берега, окруженный своими сарацинами, и разглядывал стоявшие на якорях у берега корабли. Над водой повсюду виднелись головы. Это местные детишки выпрашивали подачки у моряков. Рабы

таскали багаж — завтра галеры* будут смердеть, как плавучие гробы. Гроб Озириса*, возможно, не пах только потому, что был сделан из кипариса. Сокол, сидевший на его руке, издал пронзительный крик.

— Хасан!

Хасан подскочил к нему, и Фридрих указал на флагманский корабль флотилии.

— Понаблюдайте за ним сегодня. С берега. На всякий случай.

— Да, господин.

Он повернул коня и позволил ему медленно брести по мокрому песку, вдоль разбитых ракушек и морских водорослей, отмечавших линию прибоя. На сей раз он не сможет отступить. На сей раз он должен пройти через все это. На сей раз он должен принять все это. К нему вернулось воспоминание о смерти Иоланды. Он надеялся, что с помощью Бьянки сумел похоронить воспоминания о ней, но сейчас он ехал на ее родину, и ее призрак, как никогда отчетливо, встал перед ним.

Солнце садилось, и морские волны сверкали золотом и яростной рыжиной апельсина. На кораблях зажглись огни. «Нет, моя жертва не напрасна. Это кое-что докажет. Раз и навсегда. Да... — Неожиданно Фридрих почувствовал себя лучше. Он натянул поводья и, остановив коня, стал смотреть на море. — Если я сумею добиться успеха... Как ребенок! Если я увижу на ярмарке белого коня, мне повезет! Но все поверят в это, даже если я сам в это не поверю. Даруй мне победу, Господи! Даруй!»

На морские волны опустилась тьма, густая и тягучая, как масло. На небе зажглись яркие звезды. Повернувшись спиной к зашедшему солнцу, он поехал прочь, в глубине сердца чувствуя жгучую радость. Он надеялся победить.

Фридрих отдернул занавеску, закрывавшую вход в помещение, выгороженное для слуг, уловил острый запах рвоты и поспешно отступил. Тем не менее краем глаза он успел увидеть Корсо, Джанкарло, Марко и Фе-

ликса, корчившихся в спазмах, с зелеными лицами и слезящимися глазами. На некоторых морские путешествия действуют именно так. Он подумал о своем желудке и с удовольствием отметил, что у него таких проблем не возникает. Зато возникла другая проблема: как ему одеться без посторонней помощи?

Он прошелся мимо занавески, не обращая никакого внимания на стоны и молитвы, доносившиеся из-за нее. Галеру сильно качало на волнах, и ему пришлось ухватиться за столб, чтобы не упасть. Кто-то из мальчиков жалобно вскрикнул.

Фридрих понял, что ничего не изменится, пока не прекратится качка. Свежий воздух и немного еды — больше он ни в чем не нуждался. Он откинул крышку сундука и выбрал штаны и льняную камизу.

Лет тридцать ему не приходилось одеваться самостоятельно. Это породило в нем ощущение свободы, как если бы он выбрался по веревке, сделанной из занавесей и лент от колокольчиков, из окна дворца и тайком сбежал в город через задние ворота. Он набросил рубаху и стал разглядывать штаны, пытаясь сообразить, как их надеть. Собственная беспомощность рассмешила его.

— Сир...

— Чего тебе?

Он забавлялся со штанами, заставляя их как бы плясать.

Корсо снова всхлипнул:

— Я умираю... Пожалуйста, помогите мне...

— Ничего ты не умираешь. У тебя просто морская болезнь. Скоро все пройдет.

Он присел и натянул штаны. Корсо выполз из-за занавески и, жалобно стеная, скорчился у ног господина.

— Ох, умираю! Ох, я умираю!

— Не будь плаксой.

Он надел сюрко и затянул на талии пояс, затем одной рукой поднял Корсо, как тряпичную куклу.

— Пошли-ка на палубу. Там ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Корсо горько заплакал. Фридрих перенес вес на одну ногу, выволок его через низкую дверцу и поднялся по лестнице на палубу.

Палуба на корме, обнесенная золочеными перилами, высилась перед ним, как замковая башня. Капитан, Энрико и рулевой, стоявшие там, посмотрели на него. Над головой Фридриха круто изгибался наполняемый ветром парус. Корабль мчался вперед. Он сделал столь глубокий вдох, что воздух чуть не разорвал его грудную клетку. Он только сейчас понял, насколько душно было в каюте. Свободные от вахты матросы перекрикивались с кормы до носа. Снасти гудели. Он опустил Корсо на палубу и двинулся к мостику. Но, оглянувшись на полдороге, увидел, что Корсо с трудом поднялся на ноги и заковылял к наветренному борту. Фридрих вернулся и оттащил мальчишку к борту подветренному.

— Сиди здесь. А то еще ветром снесет! — Он оставил скорчившегося мальчика, который изо всех сил вцепился в перила, и вскарабкался на снасти, чтобы посмотреть на другие корабли. Небольшой флот, рассыпавшись, приближался к берегу. Он с трудом разглядел узкую синюю полосу земли вдалеке. Все паруса были подняты — черные с красными, зелеными и желтыми полосами. Он подумал о том, что может пристать к этому берегу, захватить города и ограбить все население. Ветер приятно ерошил его волосы. Он спрыгнул на палубу и побежал на корму. Прыгая через три ступеньки, он поднялся на мостик и остановился перед Энрико да Мальта. Капитан и офицер опустили на колени, следом за ними поклонился Энрико, за спиной которого находились резные перила. И только рулевой не оторвался от румпеля, который не мог оставить.

— Веди корабль, забудь, что я здесь, — приказал Фридрих капитану. Он оглянулся через плечо, взглядом оценивая, какой путь проделал по качавшейся палубе корабля, и добавил: — Энрико, я должен чаще путешествовать морем.

— Разумеется, раз вы так прекрасно себя чувствуете! — сказал адмирал. — Я все утро провел, не поднимая головы от бадьи, у меня все кишки вывернуло. Так же страдают от морской болезни и все остальные из вашей свиты.

— Да все у них скоро пройдет, — отмахнулся Фридрих и перегнулся через перила, чтобы посмотреть на бурлившую за кормой воду. — Как ты думаешь, отсюда можно ловить рыбу?

— Возможно, сир.

— Эрик, ты действительно страдал морской болезнью? Ведь ты же адмирал!

— Да я же вам об этом и говорю. Страдал, как, впрочем, и все ваши слуги. — Он выразительно взглянул на так и не зашнурованное сюрко Фридриха.

Тот оттолкнулся от перил, выпятил грудь и, усмехась, спросил:

— Ну как, похож я на моряка?

— Вы похожи на уличного хулигана, сир.

Фридрих расхохотался. Галера провалилась вниз, сбившись с ритма, и дернулась. Энрико побледнел. Избегая смотреть императору в глаза, он вцепился в перила и судорожно стиснул зубы.

— Ты разочаровываешь меня, Энрико. Всерьез разочаровываешь.

— Я не был на море...

Корабль качнуло на новой волне, и он провалился в новую яму. Энрико зарычал и перегнулся через перила. Его стошнило. Фридрих скорчил насмешливую гримасу.

Корсо поднялся на ноги, держась одной рукой за перила и подняв голову, смотрел на снасти. Фридрих шагнул к перилам кормовой палубы и едва не упал. Он постоял немного, стараясь уловить ритм качки корабля. Моряки, стоявшие внизу, потихоньку посмеивались, прикрывая рты ладонями. Он пошел, широко расставляя ноги, и это помогло ему удерживать равновесие. Перегнувшись через перила, он позвал Корсо:

— Эй, ты голоден?

Держась за живот, Корсо поднял полные муки глаза и облизал губы.

— Н-не-ет.

— Лучше бы тебе что-нибудь съесть. — Фридрих повернулся к капитану. — Прикажи принести сюда мяса и хлеба. И немного легкого вина.

Капитан громогласно отдал приказание матросам, стоявшим на шкафуте. Корсо что-то невнятно бормотал. Фридрих махнул рукой, приглашая мальчика подняться на корму. Без колебаний тот, проявляя невероятное мужество, вскарабкался по трапу.

— Простите меня, сир, — сказал он, отвесив неглубокий поклон. — Я не хотел...

— Ш-ш-ш. Займись делом. Перестань думать о том, что тебе плохо, и сразу станет легче. Энрико, ты поешь со мной?

Энрико повернулся и кивнул, кусая губы. Корсо опять затошнило, Фридрих отвернулся и отошел в сторону, чтобы не смущать его. Команда снимала настил над нижней палубой, где находились рабы-гребцы. Фридрих с удовольствием наблюдал за ними, ему нравилось, как слаженно и быстро они работали. Нестерпимая вонь ударила ему в нос, и он стал стараться дышать ртом.

«Все эти люди, там внизу, живут, утопая в собственном поту и нечистотах... Мне не нравится это. Но ведь все они преступники? Или мавры». Он стал рассматривать лица рабов, которые находились достаточно близко. Они сидели на скамьях, развалясь, но движения их рук и ног ограничивали цепи, в которые они были закованы. На их хилых спинах, на исхудавших плечах и руках почти не было мускулов, а измученные, тоскливые глаза на заросших бородами лицах напоминали глаза заезженных кляч. Он в замешательстве поспешно отвел глаза. И подумал: а чего же он ждал? Злобы? Свирепости? Возмущения?

Принесли еду, и он отослал прочь человека, неуклюже пытавшегося расставить тарелки, взял ломоть

хлеба и большой кусок солонины и отошел к гакаборту, чтобы поесть. Чайки более не сопровождали корабль, но косяки рыб на юге бороздили морские волны. Он решил, что это дельфины. Ему нравились дельфины. Когда-то кто-то прислал ему маленькую античную статуэтку, изображавшую дельфина. Но когда он увидел пеликанов, выхватывавших из воды добычу, он понял, что это просто мелкая рыбешка.

— Вина, сир?

— О да! — Фридрих поспешно отправил в рот остаток хлеба и мяса и, приняв из рук адмирала бутылку, с удовольствием сделал глоток. Он встретился глазами с матросом, стоявшим у руля. Всем своим весом навалившись на перекладину румпеля*, он замедлил его движение.

— Это тяжело? — спросил Фридрих.

Адмирал пожал плечами:

— Надо иметь сноровку. Ветер меняется гораздо чаще, чем вы думаете.

— А можно мне попробовать?

— Конечно. — Энрико повернулся к капитану, который тоже был генуэзцем: — Император желает постоять у руля.

— В любой момент! — отозвался капитан. Фридрих улыбнулся ему и подошел к рулевому.

— Покажи мне, как с ним управляться!

Матрос побледнел, это было видно даже под его коричневым загаром. Он взглянул на Энрико, и тот сказал:

— Покажи ему. Не бойся, ничего не случится.

— Есть! — Моряк словно боялся смотреть Фридриху в глаза. — Просто держите его, а когда ветер переменится, вам нужно удержать его, чтобы удержать парус.

— Великолепно. — Фридрих положил руку на румпель. — Если бы вы сказали мне, что я должен выучить еще один иностранный язык, Энрико...

Матрос отошел от руля, и перекладина едва не вырвалась из рук Фридриха. Он присвистнул, покрепче ухватился за нее и навалился всем своим весом, удерж-

живая в нужном положении. Когда руль держал матрос, ему казалось, что это не трудно, но теперь перекладина походила на извивавшуюся, бившуюся змею, так и норовившую вырваться из рук. Он посмотрел на парус и на нос корабля, чтобы сориентироваться в ситуации. Энрико подошел к нему сзади.

— Смотрите за парусом. Когда он начнет терять ветер... Когда он начнет хлопать, знайте, что вы теряете ветер. На себя! Поднимите выше! Хорошо, держите его. Вы сейчас упустите ветер! Вот так.

Фридрих засмеялся. Корабль, качавшийся на волнах, вдруг показался ему живым существом.

Энрико спросил:

— Вы чувствуете ветер? Это трудно. Когда у вас будет больше опыта, вы сможете управляться с рулем, чувствуя ветер по его дуновению на ваших щеках. Взгляните, как натянуты снасти, запомните их положение и старайтесь, чтобы в таком они и оставались.

— Неудивительно, что ты любишь плавать. — Фридрих быстро привык к движению румпеля, ставшего послушным в его руках, он понял, что от него требовалось только одно — четко держать равновесие.

— На маленькой лодке это еще приятнее, — сказал Энрико. — Возможно, на Кипре...

«Черт бы его побрал!»

— Не говори мне ничего о Кипре! — Он взглянул на парус и вновь сосредоточился на румпеле. — Ну как я справляюсь?

— Замечательно. Просто великолепно, правда.

— Во мне же все-таки течет и кровь норманнов. А они все были настоящими пиратами. — Ему показалось, что парус недостаточно хорошо натянут, и он налег на румпель. Когда полосатые паруса захлопали, он несколько ослабил нажим. Заметив, что Энрико наблюдает за ним, он спросил:

— Что-то не так?

— Все хорошо. Вы все правильно поняли. Именно

так и нужно управляться с парусами. Вы хотите еще вина?

— Да. Пожалуйста.

Моряк поспешил подойти, чтобы сменить его, но он только отмахнулся. Подошел капитан.

— Посмотрите в кильватер, Рико.

Энрико, который держал в руке бутылку, взглянул за корму.

— И не поймешь, что он император! Ведь он ведет себя так же, как все остальные!

Фридрих оглянулся на воду за кормой. След от корабля тянулся к горизонту. Его грудь стеснило чувство гордости.

Румпель дернулся в его руках, и он едва справился с ним. Затем ему пришлось потрудиться, чтобы, прижав румпель ногами, освободить руки. Тогда он, хмурясь, принял бутылку от Энрико и с удовольствием хлебнул вина.

— Энрико, я хочу научиться поднимать паруса и... — Он больше ничего не придумал и добавил: — И всему, чему только возможно!

Энрико усмехнулся.

— Тогда поворочайте веслом!

Фридрих пожевал губами. Он взглянул в сторону нижней палубы, вспомнил угрюмые, изможденные лица рабов и кивнул:

— Что ж! Хорошая мысль!

— Сир, вы...

— Я тебе приказываю! Где мой паж? Где Корсо?

К нему подскочил Корсо, который выглядел куда более жизнерадостным, чем прежде.

— Я хочу на обед рыбу. Рыбу из моря. Это мясо гнилое.

— Мясо для матросов, — пожал плечами Энрико. — Они не хотят есть рыбу.

— Хм.

На грот-мачте реял его собственный флаг с орлами Гогенштауфенов. На мачтах других кораблей развева-

лись флаги сицилийского флота, и на каждом из них были свой капитан и своя команда.

Он откинул со лба волосы, которые лезли ему в глаза.

«Я мог бы претендовать на то, чтобы...» Сияние голубого моря, бледно-голубое небо и яркое солнце вновь пробудили в его душе радость. Он вдохнул полной грудью и опять навалился на румпель. Если бы другие корабли подошли ближе, никому и в голову не пришло бы поинтересоваться, что это за рыжеволосый мужчина стоит у руля. И уж точно никто не подумал бы, что это он — император Фридрих!

Рабы, прикованные к веслам, носили только набедренные повязки. Возможно так было легче грести. Рукава, наверное, мешали бы. Он подумал о том, что скорее всего справился бы с веслом... Уж рабы-то, наверное, возражать не стали бы.

Корсо забросил с кормы удочку и с удовольствием, весело беседовал с матросом, который сплел ее для него. Солнце палило обнаженную грудь и плечи Фридриха, на голове под волосами кожа взмокла от пота. Он скоро обгорит до красноты! Станет алым как маков цвет. Он подумал о Бьянке. Какие мысли зароились бы в ее прелестной головке, если бы она увидела его сейчас — полуобнаженного, ведущего корабль к Кипру?

— Энрико...

— Нет. Я отказываюсь. Наотрез!

Фридрих прошелся по небольшому помещению, наклоня голову, чтобы не удариться о перекрытия.

— Энрико, ты помнишь, когда...

— Вам лучше выбросить из головы эту нелепую затею, так как я все равно не...

— ... когда тебя принесли ко мне, о, много лет назад, связанного и окровавленного...

— Никогда! Никогда и ни за что!

— ... и я сказал, что вполне могу и повесить тебя, и

сделать адмиралом, а ты сказал, что предпочитаешь стать адмиралом?

— Это была ваша собственная мысль. Вы сами так решили. Не надо...

— Энрико, а как тебе понравится, если я тебя все-таки повешу?

Адмирал положил на стол свои огромные кулаки и сверкнул глазами.

— Если вы меня повесите, Генуя начнет с вами войну, вы потеряете Мальту и половина вашего флота взбунтуется.

— В конце концов я всегда могу взять пизанцев. А ты-то будешь мертв, Энрико! И тебе уже ничего не поможет.

— Вы блефуете! — Энрико откинул голову.

Фридрих усмехнулся.

— Да что вам в голову взбрело? Что за радость спускаться на грязную вонючую палубу? Что за удовольствие ворочать тяжелое весло? Уж я-то пробовал — ничего забавного в этом нет!

Фридрих наклонился:

— А я говорю, это будет и забавно и волнующе. Ну? Пошли? Пожалуйста!

— Иисус! — Энрико, будто все еще не веря себе, смотрел на него. Он сгорбился. — Вы, я и кто еще?

— Анджело. Я сговорился с ним утром, когда учился управляться с румпелем.

— Анджело? Но он же простой моряк! Последний, кого мы... Но это же смешно! — Энрико отвел глаза в сторону и поскреб подбородок. — И надолго?

— Пока не устанем. Я же просто хочу попробовать, на что это похоже.

— Как же я буду командовать флотом, если на глазах у моряков поставлю себя на одну доску с рабами?..

— Но рядом с тобой будут не только рабы, но и я! Энрико, пожалуйста!

— О Боже! Ну хорошо, хорошо! Но как только нам

надоеет или мы устанем, мы прервем это безумное развлечение!

— Отлично! Пошли.

Энрико взвизгнул:

— Сейчас?!

— Конечно. На море штиль, и грести придется весь день. Пошли!

Фридрих наклонился, чтобы не стукнуться головой о низкую притолоку, и вышел на палубу. Солнечный свет ослепил его на миг. Было жарко и безветренно. Его обожженная на солнце кожа опять начала болеть. Нос совсем облутился. Энрико вышел, ворча, Фридрих оглянулся, усмехнулся и пошел к капитану, который кричал что-то наблюдателю, находившемуся на верхушке мачты.

— Капитан, мы собираемся спуститься вниз и погрести, — сказал Фридрих.

Капитан резко повернулся; поклонился и спросил, облизав губы:

— Прямо сейчас?

— Вот и я об этом... — проворчал Энрико. Он повернулся и заорал, подзывая Анджело, который поспешно спустился с полюта. С нижней палубы доносились монотонные стоны и скрежет уключин. Фридрих чувствовал вонь, долетавшую оттуда.

— Это глупо... — промямлил капитан. — О, ладно, ладно! Позвольте, я предупрежу Дуранте.

Он спустился и закричал, обращаясь к надсмотрщику.

Анжело, усмехаясь, проговорил:

— Все спорят, что мы не продержимся там и десяти взмахов весел.

Фридрих огляделся по сторонам и заметил Корсо.

— Первый, кто сдастся, отправится покупать двум другим вина, как только мы прибудем в порт!

Император сбросил рубашку и штаны. Через мгновение другие двое последовали его примеру. Капитан вернулся.

— Хорошо, пожалуйста, идите вниз, если вам так хочется. Они, как всегда, готовы. — Он неодобрительно покачал головой, отвернулся и принялся смотреть на морские волны, будто ожидая, что увидит там нечто необычное.

Фридрих спустился на нижнюю палубу в сопровождении Энрико и Анджело. Сжимавшие прикованные к ним весла рабы повернули головы, чтобы разглядеть их. Подбежал Дуранте с перекинутым через плечо бичом. Он остановился и кланялся Фридриху, пока тот осваивался в удушающей жаре и вони, царивших вокруг. Почти задыхаясь, он с удивлением думал, что дышать здесь вообще невозможно. Жара окутала его, пот немедленно потек по спине. Другой матрос освободил от цепей троих рабов, сидевших рядом на скамье. Другие загомонили, косясь на счастливых и выражая желание тоже быть освобожденными. Дуранте несколько раз щелкнул бичом, и они утихли.

— Ну? — сказал Энрико.

— Не заставляй меня лишний раз вдыхать этот ужасный воздух! — Желудок Фридриха готов был взбунтоваться. Удары весел громом отдавались в его ушах, сопровождаемые грохотом задававшего ритм молотка. На спинах ближайших к нему рабов он увидел огромные язвы и шрамы от ударов бичей, подобные бороздам, некоторые полузажившие, некоторые совсем свежие. Под перекладинами скамей хлюпала жидкая грязь. Трое рабов, те, которых освободили, отступили, опустились на корточки и склонились друг к другу. Их бороды и всклокоченные волосы кишели вшами.

— Иногда, — проговорил Фридрих, опускаясь на скамью, — я испытываю истинное счастье от того, что родился богатым. — Он вытянул ноги и, примериваясь, положил руки на весло. Рабы перестали грести и буквально извернулись, чтобы посмотреть на него.

Он откинул волосы назад.

Энрико пронзительно крикнул:

— Один раз неосторожно махнешь своей змеей, Дуранте, и я с тебя с живого шкуру спущу!

— Конечно, Рико, — ухмыльнулся надсмотрщик. Их голоса разнеслись по нижней палубе и отозвались от бортов эхом. Изнутри судно казалось похожим на чрево огромного фантастического морского чудовища. Фридрих схватился за весло и сказал Анджело:

— Запомни, первый, кто сдастся...

— Готовы? — заорал Дуранте. — Раз, два, три...

Начал бить молот, и все спины вокруг разом наклонились. Фридрих навалился на весло и почувствовал, что оно сбалансировано так, что для того, чтобы двигать им, требуется куда меньше усилий, чем он ожидал. Упершись ногами в опорный брус, он начал грести. Вперед — назад, вперед — назад... Между каждым гребком был небольшой интервал — время передохнуть. Он чувствовал рядом руку Анджело, двигавшуюся четко в такт, и руку Энрико, который на несколько ударов весла выбился из ритма. Послышался свист бича. Затем дерево ударилось о дерево, весла скрипели в уключинах, раздирая визгом барабанные перепонки Фридриха. В завершение каждого взмаха из легких сотни рабов вырывался вздох, который сливался с ударами молота.

Энрико прокричал:

— Вы счастливы, сир?

— Это интересно. Но я никогда не смирился бы с мыслью... — толчок весла, — что мне придется провести всю свою жизнь так...

Ладони и пальцы Фридриха начали гореть. Наверняка будут волдыри. Не надо слишком усердствовать. Следует экономить силы. Он заливался потом. Бич опустил на спины рабов, сидевших через два ряда от него. Он услышал стон и увидел, как на весло прямо перед ним упали капли крови. У него заболел позвоночник.

— Как много ударов мы делаем? — крикнул Энрико.

— Восемь, — откликнулся Дуранте.

Волосы Фридриха опять упали ему на глаза. Он от-

кинул их, тряхнув головой, и ухмыльнулся Энрико в лицо.

— Готов сдаться?

Лицо адмирала исказила неопиcуемая гримаса. Он с усилием потянул на себя весло, вздохнул и крикнул:

— Да!

— Еще разок! Только разок! Давай.

— Сир... — Они качнулись вперед. Теперь Фридрих слышал слабое журчание воды под килем, как ему показалось, прямо у него под ногами.

— И еще один... — воскликнул он. — Последний.

Ладони его кровоточили, он видел следы своей и чужой крови на весле. Они еще раз навалились на весло, и он поднял руки:

— Довольно!

Дуранте приказал остановиться, и рабы опустили весла, уронили руки и наклонились, часто и тяжело дыша. Фридрих поднес ладони к лицу и взглянул на них. С полдюжины волдырей открылись на каждой, руки стерлись до мяса и кровоточили. Он встал и подтолкнул локтем замешкавшегося Андже́ло. Энрико с трудом поднялся, глаза его были закрыты. Фридрих вышел в середину трюма.

— Дуранте!

Надсмотрщик подскочил к нему, широко улыбнулся и поклонился:

— Мы были счастливы находиться в вашем обществе, сир...

— Прекрасно. В следующий раз, когда мы пойдем на парусах, вымойте здесь все. Наведите порядок. Можете использовать рабов.

У Дуранте отвисла челюсть:

— Но...

Фридрих развернулся и двинулся к трапу. Рабы провожали его взглядами — мрачными, тупыми и удивленными. Только когда он взялся за перекладыны трапа, он понял, как болят руки. Выбравшись на палубу, он

постоял, вдыхая свежий чистый воздух, и голова у него закружилась.

Анджело и Энрико присоединились к нему, тяжело дыша.

— Зачем там мыть? — спросил Анджело. — Все равно скоро загадят.

— Проследи, чтобы навели порядок. И вообще поддерживали чистоту. Я понимаю, что они рабы, но они проживут дольше, если будут дышать более чистым воздухом.

Он опять взглянул на свои ладони. К нему подбежал Корсо, который принес чистую одежду и ведро воды.

— Это соленая? — спросил Энрико.

Корсо кивнул:

— Говорят, она годится...

— Правильно. — Энрико опустил руки в воду. — Ах как много времени прошло с тех пор, как я в последний раз делал это.

Фридрих последовал его примеру. Соленая вода проникла в раны, и он стиснул от боли зубы.

— Это хорошее дело. Я, правда, незнаком с таким приемом, но верю, что это разумно.

Он вытащил руки из ведра, и Корсо их тщательно вытер, причитая над мозолями. То, что происходило внизу, оставило в его душе след — скрип весел, свист бича, удары молотка. Корсо обмотал его ладони полосками полотна и помог одеться. Он поднялся к борту, облокотился на перила и стал смотреть на море...

— Земля! — закричал Корсо. Он галопом выбежал на нижнюю палубу и подскочил к императору, обогнув двоих моряков, игравших с ним в кости. — Сир, земля!

— Кефалония, — сказал Фридрих. — Я видел ее сегодня утром. Пико, бросай.

Корсо издал легкий взглас, полный разочарования и даже слегка сердитый, Фридрих наклонил голову,

чтобы паж не заметил его улыбки. Пико, первый помощник, собрал кости в стаканчик и подул на него на удачу. Цепляясь за снасти, Корсо раскачивался, не сводя глаз с затянутой дымкой линии горизонта, где уже была видна узкая полоска берега. В трюме дико закричал какой-то раб, и Фридрих вскинул голову.

— Ха! — Пико бросил кости. — О, Иисус! — Его лицо искривилось, и остальные моряки засмеялись. Анджело бросил медную монету, взял кости и потряс их.

— Кто хочет заключить пари?

Фридрих откинулся назад, опершись на локти. Пико выбросил два, и никто не собирался заключать пари. Исход игры был очевиден. Свежий соленый воздух овеивал его лицо, закрыв глаза, он увидел яркое, оранжево-красное сияние. Он почувствовал, что его наполняет первобытная, животная сила. Моряки вокруг веселились без особого энтузиазма — Анджело, как все и ожидали, бросил кости и, естественно, выиграл. Фридрих открыл глаза и взглянул в сияющее небо.

— Ваша очередь, император.

Это сказал Миклос, наглый низкорослый грек. Фридрих закрыл глаза. Очень скоро он отправит этого Миклоса ко всем чертям. Он один из всех матросов вел себя без должного почтения. Но сейчас не тот момент. Прикосновение ветра к щекам слишком волновало и отвлекало от всего остального.

— Я пас.

— У-у...

Фридрих встал. Они тоже встали, причем Миклос последним, и он пристально взглянул на нахального матроса, который, ухмыльнувшись, повернулся к нему и прошел к борту, встав рядом с Корсо. За его спиной Анджело что-то раздраженно проворчал, но слишком тихо, чтобы император расслышал хоть слово.

— Ветер меняется, — заметил Фридрих. — Скоро можно будет поднять паруса?

Корсо стрельнул в него глазами, полными неосла-

бевавшего беспокойства. Фридрих сидел с непроницаемым лицом.

О, жизнь моряка! Такие простые удовольствия и незатейливые радости. Вот и вписаны новые страницы в книгу его собственного познания мира. Весла скрипели в уключинах, разрезая волны, погружаясь в воду и толкая галеру вперед. Весла взбивали волны в пену, и вдали волны моря Кефалонии сливались с густым, пропитанным солнцем воздухом.

— Долго еще, сир? — спросил Корсо.

— Понятия не имею, — пожал плечами Фридрих. — Спроси Энрико.

Остальные корабли флота вертелись вокруг галеры императора, яркие, красивые корабли в ярком волновавшемся море. Струйки пота бежали у Фридриха между лопаток, как маленькие змейки, и он потянулся, чтобы стереть их со спины. Корсо наблюдал за ним с хитрющим видом.

— Что будет с вашей спиной, когда мы приедем?

— Ха... — Фридрих тяжело облокотился о поручни. — Да ничего. То же, что и на Сицилии. Не морочь мне голову.

Корсо сморщил нос, и Фридрих засмеялся. Волосы мальчика, выгорев, посветлели с тех пор, как они уехали с Сицилии. А кожа его загорела и слегка посмуглела — в отличие от Фридриха, который почти не носил рубахи, он ни разу не обгорел. «Корсо выглядит приятнее, чем я!» — подумал Фридрих. Он оценивающе взглянул на себя — на груди, над кожаными штанами, которые обычно носили матросы, рыжие волосы поблескивали бледным золотом на фоне загорелой кожи.

— Сир? — обратился к нему Анджело, собрав кости в стаканчик.

— Погоди, — он поднял руку. — Корсо, поди и принеси мне что-нибудь поесть. И немного вина. Понял?

Паж поклонился и убежал, а Фридрих вернулся к группе матросов и опустил на корточки.

— Какая ставка?

— Ваш первый бросок, — сказал Пико.

— Если вы опять не пасанете, — ехидно проговорил Миклос и загоготал.

Фридрих взял стаканчик и высыпал кости на ладонь.

— Вам следует признать, что ставки незначительны, Миклос.

Он поднял голову и усмехнулся.

Пико переступил с ноги на ногу.

— Нам скоро идти наверх, и не надо бы теперь...

Миклос смотрел на Фридриха, сузив глаза:

— О?

— Игра слабая, — промурлыкал Фридрих. — Определенно.

— А я не знал, что нас наняли развлекать вас.

— Если бы кого и нанимали, то уж никак не стали бы выбирать для этой цели маленьких косматых греков.

Миклос стиснул зубы так, что у него заходили желваки. Анджело шагнул к нему, переводя взгляд с Фридриха на него и обратно. Миклос сказал:

— Так на что же вы хотите играть, император?

Фридрих сжал кулаки:

— Может быть, на что-то поинтереснее денег?

Прибежал Корсо с небольшой корзинкой хлеба, кувшином вина и чашей. Пока он расстилал салфетку и наполнял чашу, Миклос неотрывно следил за его руками. У Фридриха начался от волнения зуд — кожу словно иголками кололо: о Миклосе ходили кое-какие слухи, весьма интересные и экзотические. Фридрих взял чашу и выпил, смакуя, приблизительно половину вина.

— Ты любишь вино, Миклос? Хорошее вино?

— А?

Глаза Миклоса сощурились. Остальные обеспокоенно хмурились. Фридрих отставил чашу.

— К примеру, это вино?

Маленький грек проворно протянул руку и схватил чашу.

— Ха! — Он быстрым движением влил остатки вина

в глотку, не сводя глаз с лица Фридриха. Какое-то время он помалкивал и только дико вращал глазами, но вдруг ухмыльнулся.

— Хорошее вино, император. Ага, хорошее. И сколько его?

— Целый бочонок. Ты сможешь напиться на протяжении всего пути до Акры.

Лицо Миклоса расплылось от уха до уха в неприятной, зловещей ухмылке.

— Если капитан не прикажет выбросить меня за борт.

— Я прикажу ему оставить тебя в покое, — заявил Фридрих. Он отщипнул кусочек хлеба от белой мягкой краушки и бросил его в рот.

Пико нервно переступил с ноги на ногу.

— И-ису-ус!

На лице Миклоса все еще играла наглая ухмылка.

— А что я должен поставить против этого?

— Сколько у тебя гашиша?

Анджело вскрикнул. Пико прошептал:

— О Иисус Христос!

— Достаточно, — ответил Миклос. Ухмылка исчезла с его лица, два красных пятна выступили на щеках сквозь темный загар. — Достаточно, чтобы вы не выходили из забытья до самой Акры, император.

Фридрих бросил кости. Они рассыпались по палубе и подкатились к ногам Пико. На мостике раздался голос Энрико, прокатившийся по всей галере:

— Поднять паруса!

— Десять, — проговорил Пико. Миклос разразился ругательствами и богохульствами.

Фридрих поднялся:

— Поднимайте паруса.

Он пнул кости пальцами босой ноги и помчался к мачте. Анджело ринулся следом за ним, на полпути они разделились, и Фридрих направился к мачте. Десять очков — почти верный выигрыш. Если у Миклоса нет столько гашиша, чтобы игра того стоила, он спустит с

него шкуру! Бодрящее, явственно осязаемое покалывание опять охватило его тело. Перебирая руками, он карабкался по снастям.

«Мне нравится быть моряком, но быть императором тоже неплохо!» Он преодолел последние два фута, взбираясь по нок-рее, и неуклюже поднялся на самый верх. Анджело уже уверенно стоял на раскачивавшейся деревянной круглой перекладине, не прилагая видимых усилий, чтобы удержать равновесие, и освобождал веревки.

Это была самая тяжелая часть работы. Фридрих опустился на корточки, стараясь обрести равновесие, и уцепился за веревки. Настоящие моряки никогда этого не делали. Он попытался разогнуть колени, но у него закружилась голова и спазматически сжался желудок. Перекладина качалась под его ногами, точно стремилась его сбросить. Он задержал дыхание. Не смотреть вниз! Сверкающие морские волны казались невообразимо далекими и палуба тоже. Он наклонился и потянул за веревку, отпуская полотнище паруса, но, поскользнувшись, чуть не сорвался. Анджело закончил и, усмехаясь, наклонился с мачты. Фридрих взглянул на него, глубоко вздохнул и отпустил веревку, за которую цеплялся. Он едва не свалился, согнул колени, зашатался, с трудом удержал равновесие и распустил другие десять футов паруса.

— Не смотрите вниз, — прошипел Анджело. — Откуда вы узнали, что у него есть гашиш?

Фридрих выпрямился и, распрямив плечи, пошел по перекладине к мачте. С каждым шагом его уверенность в себе возрастала, и неожиданно из легких его вырвался глубокий вздох облегчения. Он наклонился и, дернув последнюю веревку, окончательно распустил парус.

— А я должен об этом говорить?

Фридрих был достаточно близко от Анджело, чтобы слышать его тихий смешок. Он тоже усмехнулся и столкнул парус с перекладины.

— Давай! — крикнул снизу капитан, и Пико и Марко потянули за веревки снизу. Парус развернулся и, натянутый, затрепетал на ветру. Фридрих стоял, гордо выпрямившись, и кровь тяжелыми молотами стучала в висках. Теперь он стоял на перекладине, ни за что не держась. Оглянувшись на Анджело, он увидел, что тот улыбается, и ответил улыбкой на улыбку.

— Хорошая работа! — воскликнул Анджело и добавил: — И все-таки я хочу знать...

— Ой, замолчи, я ничего тебе не скажу!

Они закрепили парус и сверху и снизу. Теперь оставаться наверху не было необходимости, даже несмотря на то, что ветер, который приятно ерошил его волосы и охлаждал разгоряченное, покрытое потом тело, казался ему столь сладким. Анджело повернулся и стал провожно спускаться на палубу.

«Я хочу быть впередсмотрящим!» — Император откинул голову и позволил телу самому искать равновесие. Тут, наверху, на самом верху мачты, словно звучала золова арфа*.

«Я хочу быть впередсмотрящим!» — Он с легкостью спустился на палубу, обвив канат ногой и рукой, и ступил на ее поверхность. И тотчас же взглянул на Энрико, ожидая, что тот обязательно будет смеяться. Но адмирал стоял, откинув голову, напряженно выпрямившись, и смотрел совсем в другую сторону. Удивленный Фридрих даже остановился. До него впервые дошло, что Энрико, наверное, все время с ужасом следил за каждым его движением. Если император, играя в матроса, свалится с мачты... Движением марионетки Энрико развернулся, оказавшись к императору спиной. Фридрих присел на корточки и с любопытством заглянул в лицо Пико. Но Пико как будто вовсе не был расстроен.

— Так игра продолжается? — спросил Анджело.

— Давайте сюда кости! — Миклос протянул руку. — С Божьей помощью... — Он подкинул кости на руке и пошептал на них.

Анджело сказал:

— Ветер продержится до рассвета. Готов поспорить.

— Так мы играем?

Анджело часто изрекал подобные вещи и неизменно оказывался прав. Он плавал в этой части Средиземноморья почти всю жизнь. Он чувствовал погоду, казалось, собственной кожей, ему не нужны были для этого ни глаза, ни уши. Миклос все тряс кости, наконец он так сильно и резко бросил их, что они разлетелись, попав Анджело в грудь.

Пико прикрыл упавшие на палубу кости ладонью и заорал:

— Бросок действителен или нет?

Его крик был так резок и громок, что Фридрих даже вздрогнул.

— Да, — столь же громко вскричал Миклос. — Я хочу получить свое вино. Показывай!

Продолжая прикрывать кости рукой, Пико оглянулся на Фридриха:

— А вы? Примете вы результат?

Фридрих небрежно кивнул. Он подумал:

«Неужели жульничество? Неужели кости со свинцом?»

Пико медленно убрал руку. Миклос наклонился с полуоткрытым ртом и внимательно посмотрел. Горло Фридриха пересохло от волнения. Он не хотел смотреть даже уголком глаза — пусть сами скажут.

— О дьявол! — прорычал Миклос, и Фридрих перевел дух. Он взглянул на усмевавшегося Пико.

— Семь. Достойный выигрыш.

— Не слишком, — проворчал Миклос. — Он поставил бочонок вина, которых у него дюжины, а я — весь гашиш, какой у меня только есть. Я говорю...

Анджело толкнул его.

— Неси уж! Только не попадись капитану.

Миклос возразил:

— А вот и не понесу! Пусть сам идет и ищет, если хочет.

Фридрих встал. Миклос немедленно, кособочась и пригибая колени, как краб, пробежал через палубу прочь от него. Глаза его горели злобой и ненавистью. Матросы расступились. В полосатой тени перил борта он остановился, приняв боевую стойку, и рука его скользнула к ножу, висевшему на поясе.

— Сир, — прозвучал голос Энрико. — Могу ли я чем-нибудь быть вам полезен?

Он подошел незаметно и встал как раз между Фридрихом и Миклосом. Голос его, спокойный и ровный, звучал деревянно, но глаза горели яростью и беспокойством.

— Вовсе нет! — отмахнулся Фридрих. — Оставь меня.

— Сир...

— Оставь меня, — улыбкой Фридрих смягчил жесткость своего тона.

Энрико развернулся на пятках и зашагал прочь, в бешенстве сверкая глазами. Кто-то за спиной Фридриха с шумом вздохнул. А Миклос, провожая взглядом удалявшегося Энрико, облизал губы. Фридрих сунул большие пальцы за пояс.

— Поди и принеси мне то, что проиграл, Миклос.

Пальцы маленького грека затеребили ножны кинжала.

— Сейчас же!

По палубе зашаркали ноги. Миклос посмотрел в сторону Фридриха, но мимо его лица, и прикрыл глаза. Словно выплескивая скопившуюся в нем ярость, он оттолкнулся от перил и ринулся к люку, который вел в трюм.

— Иисус, — пробормотал Пико.

— Ненавижу! Ненавижу каждый день этого путешествия! — сказал Энрико. — И совершенно уверен, что не меньше буду ненавидеть все оставшиеся дни! Я не успокоюсь, пока оно не кончится!

— Энрико, как ты можешь? Прекрасное морское

путешествие! Свежий морской воздух, небо... — Фридрих взглянул на звезды, сиявшие разными оттенками — небо словно перцем усыпали. — А мне так нравится!

— Сир, простите, если я выхожу за рамки... Не проявляю должного почтения... Ну почему вы не ведете себя как император?

— О? Как это я могу вести себя не как император? — Он всем своим весом навалился на румпель и подождал, пока выровняется парус. Управлять кораблем ему нравилось больше всего.

— Вы... — Энрико издал сердитый возглас и подвинул фонарь ближе. — Вы знаете! Знаете, о чем я говорю!

— Я император. А значит, все, что бы я ни сделал, это то, что делает император. — Фридрих пожал плечами. — Не могу согласиться с твоей точкой зрения!

Он едва ли толком слышал то, что говорил Энрико.

— А что, если бы Миклос достал все-таки свой нож, после того как вы приказали мне удалиться?

Гашиш был достаточно мягким, его можно было резать, как масло, ножом, и Миклос не врал, уверяя, что его хватит не меньше чем на неделю. Фридрих попытался удержаться от смешка, но это было трудно. Энрико не знал, что он наелся гашиша и «плавает».

— Да не посмел бы он.

— А если бы? — Энрико опустил руки на перила и стал смотреть на море.

— Тогда я бы его убил. Или вы.

— О Господи! Он же моряк, он умеет сражаться!

— И я умею.

— Вы себя унижаете!

— Да что ты?

Румпель под его рукой дернулся, и он ставшим уже привычным жестом поправил его. Энрико зябко повел плечами. В свете фонаря морщины на его лице казались более резкими и глубокими.

— Нет. Но вы просто унижаете себя. Вы ведь понимаете это, не правда ли?

— Почему?

— Потому что мы... — Энрико поднял руки. — Мы же любим вас. И не потому, что вы император. Потому что вы — Фридрих! Потому что вы — это вы!

— О! — Это было приятное утверждение. Туман гашиша потихоньку развеивался, это было ощущение, подобное тому, как если бы в теплую комнату вдруг начали проникать холод и сырость. — Энрико, я никогда не думал, что вы увлекаетесь диалектикой государственного управления.

— Наверное, я умнее, чем вы думали. Хорошо. Все, что вы делаете, — поступки императора. Замечательно. Я больше не буду об этом беспокоиться. Но вы хотя бы обещаете, что не позволите себя убить?

— Обещаю.

— И когда в следующий раз соберетесь попробовать гашиш, держитесь подальше от яркого света, а то у вас глаза как блюдца.

Император вздрогнул от неожиданности. Энрико поднес фонарь к самому его лицу, посмотрел и усмехнулся:

— Я же говорю — я умнее, чем вы думали.

Фридрих засмеялся.

— Кипр, ваше величество, — сказал капитан, кивая. Фридрих хмуро улыбнулся:

— Вижу! — И пошел вниз, переодеваться.

Они все ждали его в Лимазоле, на Кипре — гросс-мейстер, архиепископ, Томазо д'Аквино, Рикардо Филанджери, дюжина баронов, разочарованных правлением регента, посланники тамплиеров и госпитальеров, посланники из Антиохии, Акры и Тира, и он чувствовал себя так, словно из чистого воздуха моря попал в миазмы выгребной ямы. Все они толпились вокруг него, бубнили что-то на протяжении всего пути от пристани до Лимазола, и каждому что-то было нужно,

и каждый должен был что-то сообщить ему. Короля и балы королевства Кипр — Жана Ибелина среди них не было. В самом замке Фридриху пришлось вынести длинную и нудную церемонию приветствий, на которой речи произносили чуть ли не все подряд граждане Лимазолы, включая коменданта замка. Он дважды багрово краснел, сбивался, начиная жестоко заикаться, и все ужасно нервничали при этом. С этим ничего нельзя было поделать. Пока старик мучился, борясь с собственным языком, все остальные стояли и беспомощно смотрели, делая вид, что ничего особенного не происходит. Наконец все завершилось и всех пригласили к столу. Но пища оказалась холодной и столь своеобразно приготовленной и приправленной, что Фридрих никак не мог разобраться, какое мясо ест — баранину или говядину. Он по ошибке приказал Корсо наполнить свою чашу вином, сорт которого не соответствовал блюду, и мальчик чуть не упал от удивления.

Гроссмейстер, сидевший слева от него, к счастью, помалкивал, но комендант, расположившийся справа, то и дело раздражался истерическим бормотанием, стремясь поведать ему о делах на острове и заикаясь на каждом слове. Фридрих механически, не слушая, бросал весьма краткие реплики в ответ: «О, неужели!», «Несомненно справедливо!» «Очаровательно!» и «Да, конечно!» — и отделывался ими, используя исключительно в определенном порядке, когда ему волей-неволей приходилось отзываться. Комендант, видимо, ничего не замечал. Посланник тамплиеров, мрачный худощавый высокий мужчина в дорогих шелках, мрачно наблюдал за ним на протяжении всей трапезы.

Амори Барлэ, киприота, который прежде претендовал на место балы, занятое теперь Жаном Ибелином, не было видно, и сразу после завершения банкета, когда началось представление, Фридрих спросил о нем гроссмейстера.

— Он здесь, — ответил гроссмейстер. Он пододвинул свой стул поближе к императору, так, чтобы гово-

рить, не боясь, что его услышит кто-нибудь из дюжин окружавших их людей. — Он не сидит за столом, так как считается на Кипре вне закона. Почему вы спросили? Вы хотели поговорить с ним как можно скорее?

— В этом нет необходимости, — Фридрих небрежно махнул рукой. — Я увижусь с ним позже.

Жонглеры и акробаты усердствовали прямо напротив него, девушки-помощницы кувыркалились и ходили на руках.

— Несмотря на тот факт, что у вас крайне дурное настроение, вы, ваше величество, очень хорошо выглядите. Похоже, морское путешествие пошло вам на пользу.

— Оно было забавно... — Он взглянул на грессмейстера и усмехнулся. — А что, разве так заметно, что у меня скверное настроение?

— Для тех, кто вас хорошо знает, это нетрудно заметить. Томазо, Берардо и я пришли к такому заключению независимо друг от друга.

Фридрих взглянул на архиепископа, который разговаривал со своим соседом по столу. Сосед заметил взгляд Фридриха и локтем подтолкнул архиепископа, который тотчас же посмотрел на императора, вопросительно подняв брови. Фридрих слегка наклонил голову и сразу откинулся назад. Хорошенькие помощницы жонглеров были одеты в полупрозрачные шаровары и короткие обтягивающие лифы. Его это волновало.

— Сир, — проговорил грессмейстер. — Я весьма скорблю об императрице.

Желудок Фридриха отозвался спазмами.

— Я почти забыл...

— Сожалею, что напомнил вам. Берардо...

Архиепископ передвинул свой стул и сел справа от Фридриха, напротив грессмейстера — комендант удался раньше, он так нервничал, что почувствовал себя почти больным.

— Сир! Мои поздравления.

Фридрих еще думал об Иоланде. Он вздрогнул и поднял голову.

— Вы ни разу не зевнули на протяжении всей церемонии.

Фридрих кашлянул.

— Я был очень близок к этому.

Он оглянулся на девушек. Не время терзаться чувством вины. Он очень быстро выделил среди девушек двоих — рыжеволосую и другую — с длинными-длинными черными волосами и оливковой кожей.

— Может быть, вы расскажете мне о Кипре, Берардо? Это так скучно — быть в чем-то несведущим.

— Барлэ мог бы рассказать вам обо всем гораздо лучше, чем любой из нас. Или Томазо. А я полагаю, сир, что вы...

Зрители вокруг издали единодушный крик, который заглушил его голос. Жонглеры подбрасывали в воздух горящие факелы, которые, казалось, летали везде и всюду и вертелись, словно превращаясь в огненные колеса, а девушки исполняли сальто между ними. Рыжая была не столь легка, ловка и изящна, как черноволосая, и Фридрих, наблюдая за ними, усмехнулся. Он слегка толкнул стоявшего за ним Корсо, дав ему знак.

— ... затем вы призовете всех баронов Утремера на Кипр и посоветуетесь с ними, до того как ехать в Акру.

Фридрих кивнул, этого он и ожидал.

— Конечно, если кто-нибудь скажет: «Благодарю покорно, нет!», я окажусь в сложном положении, разве нет? Что насчет Жана Ибелина?

Он сделал небольшую паузу, наблюдая за девушкой, сделавшей весьма сложное сальто.

Корсо вернулся и встал за спиной гроссмейстера.

— Его здесь нет, — смущенно сказал гроссмейстер.

— Очевидно. Его сюзерен приехал на Кипр, а балы королевства не явился приветствовать его. Да и порученный его заботам король — тоже.

— Ибелины не поступают как обычные люди, —

проговорил архиепископ. — Я уверен, что Барлэ говорил вам об этом.

— Он даже послал на Сицилию человека, чтобы увериться в том, что я знаю об этом. Гэвена какого-то или еще кого-то.

— Сир, — сказал гроссмейстер. — Барлэ весьма и весьма преубежден.

— Я знаю, — усмехнулся император и подумал:

«И я тоже! Ибелин должен был явиться сюда!»

Затем он продолжал:

— Прошу простить меня, одну минуту, Герман!

Он кивнул Корсо, который вертелся между ним и гроссмейстером. Фридрих притянул мальчика к себе за воротник и прошептал:

— Скажи Рикардо, что я беру черноволосую, а он может взять рыжую.

Корсо выпрямился, поклонился и, улыбаясь, направился к Филанджери, который с не меньшим интересом, чем Фридрих, разглядывал девиц.

Гроссмейстер произнес:

— В любом случае, сир, если вы встретитесь с важными людьми здесь, у вас будет шанс разобраться, что происходит в Утремере, до того, как вы прибудете туда сами.

Фридрих заявил:

— В конце концов гораздо более важно для меня получить своего рода подтверждение моих прав на регентство при моем сыне. Так кого мы пригласим?

— Гюи Амбриако Джебайльского, — начал архиепископ.

— Почему?

— Он богат.

— Хорошо. Мне нужны деньги. Гюи Амбриако. Очевидно, Боэмунда Антиохийского*. Кого еще?

— Двоих или троих из Триполи. И кое-кого из менее значительных баронов с юга. И Балиана Сидонского. Он наиболее расположен к вам, чем кто-либо из

всех, важных и не очень, и он весьма влиятелен. Он крепко связан со всеми к западу от Иордана. Возможно, и к востоку тоже.

— Я думал, что Боэмунд управляет Триполи.

— Это так, но там немало влиятельных людей, не принадлежащих к его партии.

— Боэмунд не является вассалом короля Иерусалимского? Нет? Жаль. Но он им будет.

— Я слышал, ребенок здоровенький? — спросил гроссмейстер.

— Ничего особенного. Выглядит как все дети, которых мне случалось видеть.

Представление жонглеров кончилось, теперь дрессировщики заставляли зверей проделывать разнообразные трюки. Фридрих выпил еще чашу вина. Он почувствовал себя пьяным, и вдруг ему стало до смерти скучно! Буквально все захотелось послать ко всем чертям. И крестовый поход тоже.

— О дьявол, — пробормотал он. — Я спать хочу! Могу я уже уйти?

— Скоро сможете, ваше величество, — отозвался архиепископ. — Сюда идет Томазо.

И правда, к ним быстро приближались Томазо д'Аквино и Энрико. Подойдя, они поклонились, и Фридрих раздраженно махнул рукой, приказывая им остановиться.

— Где Рикардо?

— Пошел удостовериться, что ваши феи не ускользнули. — Энрико удобно устроился, опустившись на корточки неподалеку от Фридриха. — У вас изысканный вкус. Вы убедитесь в этом, когда сможете лучше ее рассмотреть.

Архиепископ озабоченно нахмурился:

— О, ваше величество! Может быть, не стоит давать новую пищу для разговоров...

— Шшш. — Гроссмейстер легонько похлопал его по

руке. — Ваше величество, когда будете разговаривать с Барлэ, помните: он ненавидит Ибелинов.

— О Господи! Да помню я, помню...

— И у Томазо есть кое-что...

Д'Аквино ошетинился:

— Я вполне способен сказать то, что должен сказать, мессир Герман, благодарю вас! Сир! Я детально разработал доклад, который мне хотелось бы предложить вашему вниманию так скоро, как только вы пожелаете. До того, как кто-нибудь еще явится сюда, чтобы мутить воду!

— Разумеется. Послушайте, как вы полагаете, могу я сейчас уйти?

— Вы император, сир! Вам не обязательно...

— Ну, пожалуй, и правда пора вспомнить, что я — император.

Он встал, и все, кто находился в огромном зале, в тот же миг повскакивали на ноги. Дрессированные собаки и обезьянки, делавшие забавные трюки, подчиняясь приказам своего дрессировщика, внезапно тоже замерли, а затем все вместе дружно поклонились. Фридрих расхохотался.

— Дайте ему денег. И жонглерам тоже дайте. Здесь и правда жарко или у меня начинается лихорадка? — Он зашагал к двери, расположенной за высоким столом. Придворные покинули свои места и поспешно окружили императора, каждый стремился оказаться к нему поближе. Но те, кто был рядом, оттеснили толпу. Пока пажи и караульные раскрывали перед ним двери, он оглянулся и окинул всех взглядом. По сияющим едва ли не безумным восторгом глазам придворных он понял, что для них это самое значительное событие в жизни. Прибытие императора, отправляющегося в крестовый поход! Он прошел в двери, миновал небольшой зальчик и направился к лестнице.

— Провинциалы, — пренебрежительно проронил Энрико и ехидно добавил: — А почему вы не рассказали всем, как вам удалось загореть дочерна, сир?

— Замолчите! И не вздумайте сами болтать! — На верхней ступени высокой каменной лестницы он остановился и озадаченно посмотрел сначала направо, а потом налево. — И куда мне теперь идти?

— Сюда, ваше величество! — Корсо вынырнул из тени ниши, в которой ожидал императора. — Там прекрасные покои. Вы будете довольны, сир!

— А что в них?

Корсо позволил себе тихонько хихикнуть:

— Я не думаю, что она говорит по-итальянски. — Он выразительно взглянул на человека, стоявшего рядом с ним, и тот пошел вперед с важным видом. Фридрих начал распускать завязки сюрко, идя следом за Корсо между архиепископом и Томазо.

— Посол тамплиеров. Кто он?

— Казначей ордена. Жан де Невиль.

Томазо сделал несколько быстрых шагов, чтобы подойти к двери раньше Фридриха и придержать ее для него, и перехватил ее у пажа, собиравшегося сделать это.

— Часть моего доклада посвящена тамплиерам! — прошептал он.

— Очаровательно.

Они прошли через небольшую прихожую и оказались в гардеробной. Фридрих спешил избавиться от одежды и разбрасывал ее на каждом шагу.

— Можете начинать, — сказал он. — Рикардо... он здесь? Эй, Рико!

— Сир! — Филанджьеры легко преклонил колена. — Я глубоко сожалею, что не имел возможности приветствовать вас лично раньше....

— Знаю, знаю. Сколько у тебя сейчас людей?

— Четыре сотни девяносто четыре. Двое умерли во время пути и четверо с момента приезда в Акру. И у герцога Лимбургского до сих пор несколько тысяч, но они каждый день собираются уехать домой. Я бы тоже не отказался.

Фридрих похлопал его по плечу.

— Позже. Вы хорошо поработали. И совершенно необходимы мне здесь. Подумай о Томазо, он не был дома много лет.

Император прошел к столу, на котором стоял кувшин с водой, и стал плескать воду себе в лицо, стараясь избавиться от ощущения, что выпил слишком много вина.

— Так я пошлю приглашения баронам, сир? — спросил архиепископ.

— Да. — Фридрих повернулся, и Корсо протянул ему полотенце. — И будьте крайне вежливы. А где Барлэ?

— Сейчас придет, — отозвался Томазо. Он делал какие-то заметки на листе и не смотрел в его сторону.

— Хорошо. Докладывай.

Пока Томазо подробно осветил ситуацию с поставками в Акре, поведал об оборонительных укреплениях Утремера, о связях между баронами, о событиях, происходивших в Высшей курии, о тайной и явной дипломатии в королевстве и внешней политике по отношению к дворам арабских правителей, Фридрих, переодевшийся в легкие шелковые одежды, сидел и внимательно слушал. Томазо еще вел свой бесстрастный рассказ, когда пришел Барлэ. Он поклонился, прошел немного вперед и, в нерешительности остановившись, замер. С ним был Гэвен де Шениши. Фридрих вспомнил о девушке, которая ожидала его в соседней комнате, и отошел к окну, чтобы полюбоваться на луну. Было далеко за полночь. Он стоял у окна, слушая Томазо и глядя на огни, мелькавшие в соседней башне — пажи провожали гостей в отведенные им комнаты, освещая им дорогу.

— Сир, — сказал Томазо. — Некоторые детали моего доклада я предпочел бы сообщить вам с глазу на глаз.

— О? Вот как? — Фридрих повернулся к нему. — Хорошо. Оставьте меня все, кроме Томазо.

Барлэ шагнул вперед:

— Сир?

— И вы тоже. Я приму вас утром. Я устал. Герман, посмотрите, может быть, я упустил что-то?

Он сел на стул и, приняв из рук Корсо гребень, ото-

слал и его, как остальных. Те же удалились весьма тихо. Они тоже наверняка очень устали.

Фридрих принялся расчесываться.

— Прежде всего, — начал Томазо, — это дело с Жаном Ибелином. Я знаю, что Барлэ и его друзья сказали вам, что он нарушил обычную процедуру вступления в должность бальи.

— Да. Говорят, он запускает руку в государственную казну.

— Ну, в каком-то смысле так оно и есть. Но теперь этот человек — наиболее любимый и уважаемый вельможа на всем франкском Востоке. Если вы будете обвинять его в совершенных злоупотреблениях, ничего хорошего это вам не принесет. Вы никогда не добьетесь суда над ним без помощи Высшей курии. Его брат Филипп был бальи. И таким образом, когда он умер, Жан просто занял его место. Его никогда не избирали, не назначали и не утверждали в этой должности. Все, что он делал, так или иначе устраивало и Высшую курию Кипра, и нобилитет вообще, и они никогда не допустят, чтобы вы заменили его кем-то. К примеру, сицилийцем.

— А вы?

Томазо пожал плечами.

— Они меня не любят. Я заставлял их делать то, что им не нравится. Мне это удавалось, и это им не нравилось еще больше.

— У-гум.

— Но я крайне настоятельно советую вам что-то с ним сделать. Он считает естественным, что занимает пост бальи только потому, что был после брата вторым в роду.

— Это опасно. Кроме того, король еще ребенок, и пока продлится регентство... — Он нахмурился. — Я знаю, что происходит, когда регентство длится слишком долго.

— Разумеется, сир.

Томазо помолчал некоторое время, задумчиво глядя

в окно. Фридрих внимательно наблюдал за ним, словно изучая. Томазо был самым толковым, деятельным и полезным человеком из всех, кого он знал, включая его самого. Он выглядел несколько усталым и встревоженным, но таким он казался всегда.

— Вы просили меня, помнится, осторожно расследовать, каковы связи и дела военных орденов в Акре.

— Да. Садитесь.

Гребень зацепился, и ему пришлось выпутывать его из волос пальцами.

— Я исполнил ваше пожелание. Не в Высшей курии, которая, как вы знаете, не поддается никакому контролю со стороны, и уж тем более контролю имперских агентов. Мои источники небезупречны, но достаточно хороши, и сведения их я позаботился проверить по возможно большему числу источников.

— Я знаю, как добросовестно вы работаете.

— Во-первых, и тамплиеры и госпитальеры гораздо богаче, чем тевтонские рыцари*.

— Я знаю об этом.

— Да, но есть кое-что более важное. Смысл их существования давно утрачен. Они еще проводят кампании, но больше для виду. Госпитальеры... кажутся просто пресыщенными и амбициозными. Тамплиеры — это кое-что другое. Они близко соприкасаются — в некоторых случаях особенно близко — с тремя наиболее важными арабскими государствами, и с Хорезмом в том числе.

Фридрих бросил на него изумленный взгляд.

— Их интересы и финансовое положение вплотную связаны с ситуацией в Утремере, которой они стремятся манипулировать в собственных целях — увеличившееся давление на определенные территории со стороны арабов, например, приводит к тому, что некоторые районы начинают больше зависеть от тамплиеров. Учитывая, что королевство сейчас не больше чем лоскут на карте, такое поведение с их стороны эгоистично и недальновидно. Арабы могут легко выбить их. Похоже,

они платят дань аль-Камиллю. Я уверен, что они платили аль-Муаззаму, пока он не умер, но ан-Назира не считают достойным их беспокойства.

Томазо остановился. Он выглядел усталым и болезненным. Фридрих украдкой покосился на него:

— Продолжайте.

— Им нельзя верить. Ни одному из орденов. Их собственные интересы для них превыше всего. К тому же они вас ненавидят, особенно тамплиеры. И, что касается тамплиеров...

Он опять сделал паузу. На сей раз Фридрих молча ждал, пока он опять заговорит. Его сжатые кулаки лежали на коленях.

— Этот слух так невероятен — я даже не поверил в него, когда услышал впервые. Но я вновь и вновь слышал об этом, и наконец мне представили доказательства. Правда, они несколько своеобразны... То есть не таковы, чтобы их можно было предъявить Высшей курии. Обвинение, подкрепленное подобными доказательствами, Высшая курия не поддержит. А суть его в том, что тамплиеры — еретики.

Фридрих вздрогнул. Томазо, замолчав, повернулся, чтобы посмотреть на него. Его длинное бородатое лицо хранило мрачное выражение.

— Я сам еретик, — мягко сказал Фридрих. — Будьте точнее.

Томазо облизал губы.

— Мне принесли шкатулку, которую выкрали из одного из домов ордена. Это было... Ну, короче, там было деревянное распятие с приколотенной к нему летучей мышью.

— О Боже! И что вы с ним сделали?

— Сжег.

Фридрих перевел дух. Его сердце гулко билось в грудной клетке.

— Итак...

— Что это значит?

— Вы должны знать, вы же сицилиец. Горцы иногда

до сих пор используют талисманы такого рода в ритуалах. Даже тамплиеры стали язычниками. Или они служат сатане!*

Томазо кивнул:

— И я так думаю.

— Как скверно с их стороны!

Томазо молча опустил глаза и стал разглядывать свои руки.

— Я предпочел бы, чтобы вы не сжигали мышь.

— Я должен был сделать это. Я просто не мог хранить ее! Она меня пугала.

Фридрих кивнул. Тамплиеры-сатанисты! Это было потрясающе, поразительно, это было слишком даже для него. Но после первого взрыва волнения он понял, что от этой информации нет никакого толку. Если он обвинит их в этом, ему никто не поверит — слишком многие люди говорят то же самое о нем. Но знать такое, безусловно, интересно хотя бы для того, чтобы иметь возможность вынести истину на свет божий в подходящий момент... Он вспомнил, как на него во время пира смотрел посланник тамплиеров. Внезапно по спине его поползли мурашки.

— Хорошо. Увидимся утром, Томазо. Оставьте свой доклад здесь. Я перечитаю его.

— Сир...

Томазо встал, поклонился и двинулся к выходу. Когда он оказался возле двери, Фридрих окликнул его, и он повернулся.

Фридрих улыбнулся:

— Благодарю вас.

Томазо поклонился опять, усмехнулся и вышел. Тишина, воцарившаяся после его ухода, показалась Фридриху странной и даже тревожной. Спустя некоторое время он вдруг понял, что это от того, что он впервые за последний месяц остался в одиночестве. Он встал и вновь пошел посмотреть на луну.

Тамплиеры. Неудивительно, что Томазо так неохотно об этом рассказывал. В этом есть что-то пугающее,

это безотнositельно нарушает душевное равновесие хотя бы потому, что он сицилиец, как Фридрих, и знает об этом куда больше, чем большинство других людей. Все огни в башне напротив погасли, но за стеной не умолкая лаяла собака. Кипрская собака.

Здесь все прогнило. Снизу доверху. Все.

— Сир.

— Иду.

— Вот сюда.

Со свечой в руке Корсо провел его через маленькую и темную комнатку в большую, слабо освещенную масляными лампами. На краю кровати, стоявшей там, сидела, подогнув ноги, черноволосая девица. За то время, которое потребовалось Корсо, чтобы затушить все лампы, кроме одной, Фридрих успел рассмотреть девушку. У него создалось впечатление, что она испугана. Однако, когда Корсо удалился, она подняла голову и взглянула на него, и в глазах ее он прочитал острый интерес. Корсо, выйдя, плотно закрыл за собой дверь.

Девушка соскользнула с кровати и направилась к Фридриху, снимая на ходу легкий балахон. Ее длинные волосы рассыпались по маленькой нежной груди и плечам. Подойдя к нему, она подняла руки, чтобы помочь ему освободиться от одежды, но он схватил ее, прежде чем она успела коснуться его. Все его тело словно кололо иголочками, то, что он видел, обонял и осязал наконец, после столь долгого перерыва, женщину, вызывало у него головокружение. Он жадно поцеловал ее, она раскрыла губы и ответила на поцелуй. Ее руки проникли под его одежду, и она стала ласкать его спину и грудь. Он глубоко вздохнул.

— Не делай этого со стариком.

Она сказала по-гречески:

— Я не говорю по-итальянски.

— Ну и хорошо. Зачем нам разговаривать?

Фридрих вновь поцеловал ее и повел к кровати. Она

так и льнула к нему. На полпути к постели он наклонился и, подхватив девушку, понес ее на руках.

— Что вы мне сказали?

Он опустил ее на кровать.

— Что я слишком стар для таких волнений.

Сладостная боль прошла волнами по его телу. Она губами касалась его кожи, затем притянула его к себе, раскинув ноги, чтобы принять его. Слепая, безумная страсть охватила его, он набросился на нее как бешеный, ослепнув и оглохнув, и это продолжалось до того, как в мозгу его словно произошла яркая вспышка пламени. Он издал звериный рык, содрогнувшись в последний раз, и замер.

Прошел не один миг, прежде чем Фридрих вздохнул:

— Уфф!

Ее нежный смех зазвенел колокольчиком словно бы издалека.

— Вы удовлетворены, ваше величество?

— Дьявол! Я думаю, я умираю. И не обращай внимания, я не говорил по-гречески многие годы. — Он повернул голову и поцеловал ее. — Тебе бы следовало сказать мне, что я не так уж и стар.

— Глупо утверждать то, что и так очевидно. — Она нежно гладила его по спине. — Но если говорить по правде, мы ожидали увидеть седовласого мужчину с надменным взглядом.

Он закрыл глаза:

— А-ха. А еще тебе следует сказать, что когда ты танцевала, то, посмотрев на меня, влюбилась сразу!

Она опять засмеялась. Ему нравился ее смех. Ему нравился и ее голос, и ее легкие, волнующие прикосновения, и ее мягкая оливковая кожа. Он засыпал.

— Можно мне остаться?

Он с трудом разлепил налитые свинцом веки.

— Разумеется. А куда тебе идти?

— Как куда? Туда, где остальные. — Она обвила его руками. — Иногда мужчины не хотят, чтобы мы оставались с ними всю ночь.

— Не говори глупостей. — Фридрих запустил руки в ее длинные шелковистые волосы. — Оставайся здесь. Я чувствую себя очень одиноким, когда сплю один.

Постепенно она расслабилась. Он подвинулся, и она улеглась возле него, положив голову ему на плечо. Играя ее волосами, он ждал, когда дрема опять охватит его. Наполовину заснув, он вдруг вновь пробудился и спросил:

— Как тебя зовут?

— Феофано.

— Как зовут меня, ты знаешь. — Он зевнул и зарылся в подушки. — При моем дворе на Сицилии меня называют Рыжик Великий. За спиной, конечно.

Она молчала недолго, а потом вдруг разразилась серебристым смехом и хохотала, пока не начала задыхаться. Она потянулась и прижалась к нему всем телом. Чувствуя тепло ее рук, он положил руку ей на голову, закрыл глаза и провалился в сон.

Барлэ напряженно проговорил:

— А я вас уверяю, Ибелин воровал и ворует.

— Я пригласил его сюда, и он ответит за это, если виноват. Расскажите мне о королеве Алисе.

— На самом деле ее влияние невелико. С тех пор как она вышла замуж за сына Боэмунда, все считают, что она слишком глубоко заинтересована в делах Антиохии и Триполи.

Фридрих наклонился и прикрыл глаза. В стране, где дети-мальчики умирают гораздо быстрее и чаще, чем девочки, королевы всегда имели большое значение.

— Какова она?

— Да сука. — Барлэ шагал, описывая небольшой круг. Его темный силуэт как ножом разрезал золотом озарявшие противоположную стену солнечные лучи, в которых кружили в танце пылинки. — И она принадлежит к роду Ибелинов.

— Нет. Она связана с ними через бабуку, на которой

женился Балиан Ибелин после того, как умер дед королевы. Не преувеличивайте. Насколько силен Жан Ибелин на Кипре?*

Барлэ пожал плечами.

— Силен достаточно, чтобы доставить вам беспокойство, ваше величество.

«И он не пришел приветствовать меня. Он что, расчитывает, что я сам стану разыскивать его?» — Император откинул со лба волосы и посмотрел на Барлэ, который сразу засуетился. Дверь за их спинами открылась, и Марино — камергер — просунул в нее голову.

— Минутку, Марино.

Барлэ оглянулся и вновь повернулся к императору.

— Ваше величество...

— Да. Со мной нет настоящей армии. Только две сотни людей. Вы сможете поднять больше?

С усмешкой, изменившей все его лицо, Барлэ кивнул.

— Столько, сколько вы могли бы собрать на Кипре.

— Хорошо. Думаю, так много нам не понадобится. Скоро сюда приедут некоторые сирийские бароны. Спасибо за информацию и поддержку. Когда будете уходить, прикажите Марино организовать все так, чтобы вы могли открыто находиться здесь. Все эти игры в прятки действуют мне на нервы.

Сияя, Барлэ дважды поклонился и удалился. Фридрих скорчил ему в спину гримасу, встал и, потягиваясь, прошелся по комнате. Внезапно он услышал голоса в прихожей. За решетчатым экраном в одном углу сидели, скрестив ноги, Хасан и Айюб. Он помахал им. Открылась боковая дверь, и появился Корсо с двумя другими пажами.

— Сир! — Корсо отослал других пажей в соседнюю комнату. — Этот Ферранте, хозяин труппы жонглеров...

— Я думал, ему заплатили.

Фридрих распахнул ворот сюрко и запустил руку за пазуху, чтобы расправить камизу*.

— Ему заплатили, но он спрашивает, когда ему вер-

нут девушку. Он говорит, что она ему нужна. — Корсо покосился на дверь, за которой все еще оставалась черноволосая Феофано. — И еще... она не хочет как-нибудь одеться, чтобы мы могли войти и убрать комнату?

— Что значит не хочет? О! Скажите Ферранте, что я еще не решил, отпускать ее или нет.

Он направился было обратно в спальню, но опять появился Марино, собиравшийся его о чем-то спросить. Фридрих, немного поколебавшись, опять отмахнулся от Марино, отослав его, и ушел в спальню.

Обнаженная Феофано сидела под окном, нежась в солнечных лучах и расчесывая волосы. Она либо на слыхала, как он вошел, либо не обратила на него внимания. Он стоял, замерев, и восхищенно смотрел на ее будто сиявшую под солнцем кожу и тонкую, гибко изогнутую талию.

— У тебя есть какая-нибудь одежда?

Она резко повернулась, выронив гребень.

— О, вы напугали меня! Что вы сказали? — Ее огромные черные глаза широко открылись, голос звучал неуверенно.

— У тебя есть какая-нибудь одежда?

— Нет. Нормальной нет. — Она встала. Ее руки скользнули по телу, как будто она хотела прикрыться от него. Но потом она уронила их. — Теперь мне пора уходить?

Ее поза дикого зверя, готового к прыжку, ее прекрасное тело акробатки очаровывали его. Она, казалось, вот-вот или ринется бежать, или пройдет колесом.

«Она прекрасна!» — подумал он и едва не произнес эти слова вслух, но вместо этого сказал:

— Нет. Не уходи. Но папам нужно войти и убрать в комнате. А пока ты не оденешься, они не могут этого сделать. Ничего, я позабочусь об этом.

Она засмеялась и опустила глаза:

— Благодарю вас.

Она вновь подняла на него глаза, и все внутри у

него сжалось. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец он повернулся и, выйдя, увидел, что Корсо ждет за дверью. Фридрих отправил его вниз, приказав привести двух женщин, говорящих по-гречески, чтобы они прислуживали Феофано, и не забыл распорядиться, чтобы они принесли много разных нарядов, чтобы она могла выбрать любые понравившиеся ей. И опять Марино просунул голову в дверь. На сей раз Фридрих кивнул и опустил на стул.

Марино называл какие-то имена, но Фридрих не слушал его. Все девушки так делают, это трюк, которому они выучиваются с колыбели, — опускать глазки, смущенно улыбаться, а потом опять смотреть сквозь кокетливо опущенные ресницы. Аделаида так делала, и Бьянка, даже Иоланда и та... Хотя и очень редко. И все знают, что это — трюк. И все равно попадают. Но все-таки он не мог понять, как Феофано удалось поймать на эту уловку его — его, столь многоопытного, столь здравомыслящего?

«Феофано... — подумал он. — Мне нравится даже ее имя!»

Держа на вытянутых руках парадную мантию, Корсо неловко вскарабкался на стул. Фридрих подставил плечи, и паж накинул на него мантию.

— Господи, какая тяжелая!

— Они все здесь, — проговорил грессмейстер. — Итак, видите, вы еще пользуетесь влиянием в Сирии. Можете судить хотя бы по тому, что они все прибыли так скоро, как только смогли.

— Да кто все?

Парадная мантия, затканная золотом с вышитыми на ней орлами Гогенштауфенов и вензелями Фридриха, при движении шуршала. Он прошелся среди толпившихся в приемной придворных, привыкая к ее весу и стараясь почувствовать себя в ней свободнее.

— Хорошо. Где эта чертова корона?

— Жан Ибелин, — начал перечислять Томазо. — Король Кипра. Очень милый мальчик. Ни грана ума, но при этом сама уравновешенность. Его мать, королева Алиса, Боэмунд Антиохийский и Триполисский и его жена Мелисанда. Балиан Сидонский. Между прочим, Мелисанда принадлежит к роду королей Иерусалимских и должна быть вашей кузиной. Гюи Амбриако и около тридцати его родственников. Патриарх Иерусалимский, великий магистр тамплиеров, великий магистр госпитальеров.

— Изумительно. — Фридрих наклонил голову, чтобы дать Корсо возможность надеть ему на шею цепь. Хасан и Айюб приблизились с короной в руках. — Натуральный странствующий зверинец.

Уголкем глаза он заметил реакцию на его слова: человек двадцать придворных, находившихся в комнате, вздрогнули и обменялись огорченными взглядами. Да! Любуйтесь! Вот вам император, у которого возникло желание пошутить. И знайте, что его шутки далеко не всегда безобидны. Ничего, пусть поволнуются и побеспокоятся, это им полезно. Он остановился перед золотым зеркалом и, оглядев себя с ног до головы, хлопнул в ладоши.

— Хорошо! Давайте же произведем впечатление на захолустный нобилитет.

Он развернулся столь резко, что широкие рукава и тяжелая мантия рассекли воздух, как острейшие лезвия, и подмигнул гротескмейстеру. В углу Эццо захлопнул ладонью рот, чтобы удержаться от смеха, Фульке усмехнулся.

Хасан и Айюб сопровождали его до двери, пока остальные суетливо занимали места в процессии, следовавшей за ним.

Двигаться в тяжелой, весившей почти столько же, сколько Феофано, мантии являлось настоящей задачей по механике — огибая углы, он должен был слегка наклоняться, инерция увлекала его вниз по лестнице,

так что ему приходилось быстрее переставлять ноги, чтобы удержать равновесие.

«Меня постоянно должны носить на носилках десятков рабов-нубийцев...»

Архиепископ и здешние прелаты* ожидали с другой стороны медных дверей в зале. Услышав, что он приближается, они поднялись, окруженные слугами, и приказали открыть двери. Фридрих остановился, и вокруг него закружились пажи, отряхивая мантию от несуществующих пылинок, поправляя цепи и медальоны и даже корону. Он двумя руками легонько отстранил пажей и отодвинул их назад. Край золотой короны давил на лоб, под ее тяжестью голова его чуть клонилась. В зале заиграли рожки и флейты. И когда дверь открылась, до него долетел гул голосов и шорох одежд. Он прошествовал — «вошел» было бы слишком слабо сказано — в пространство, ярко освещенное факелами, где на него жадно смотрело множество глаз.

В первый момент он замечал только движение — все в искажающем, неверном свете слилось для него в единое целое — мантии, головы, руки, спины, изогнутые в поклонах, сияние драгоценностей на расшитых золотом и серебром костюмах. Он прошел прямо к трону, и с каждой стороны его сопровождали прелаты. Рядом с ослепительным, гигантским, отделанным мрамором и украшенным драгоценными камнями тронном, с подушками, тисненными золотом, у подножия меньшего трона, стоял король Кипра, буквально клонившийся под государственными регалиями, его окружали более взрослые люди. Поставив ногу на нижнюю ступень подножия трона, Фридрих встретился с мальчиком взглядом и улыбнулся:

— Привет, Анри.

Глаза мальчика округлились, но он немедленно улыбнулся в ответ. Томазо находился справа от него. Фридрих поднялся по ступеням и повернулся лицом к залу, заполненному людьми. И только сейчас он разглядел некоторых в сверкающей, пестрой толпе. Ге-

рольды все еще продолжали перечислять его титулы, рога трубили. После провозглашения каждого титула гудение толпы усиливалось, придворные кланялись все ниже. Маленький король тоже поднялся к своему трону. Один из них был Жан Ибелин. Возможно, седобородый мужчина в красном атласном костюме. Или другой, в черном, стоявший прямо за ним. А рядом ожидала женщина с длинным подбородком и горящими глазами. Она не поклонилась, а спокойно стояла, скрестив на груди руки. Это была королева Алиса.

Не поворачивая головы, он окинул взглядом зал. Колышимые сквозняком, трепетали дюжины знамен, вышитых вручную, — Иерусалима, Кипра, Антиохии, Триполи, Акры, Сидона и Бейрута — Жан Ибелин являлся сеньором Бейрута — с изображениями орлов, крестов, грифонов, единорогов. Среди них струился и его императорский стяг.

В промежутках между гобеленами и картинами, нарисованными на дереве, виднелись шероховатые стены из серого камня, убожество которых противоречило ИХ вызывающему богатству, ИХ нарядам, ИХ драгоценностям, ИХ слугам. Каменный пол не был покрыт ковром, его усыпали тростником, в котором, как он был уверен, кишели насекомые. Не имеет значения, как ОНИ богаты, все равно двор Кипра — всего лишь провинциальный двор. Он пожалел о том, что не взял немного гашиша, церемония обещала быть скучной, долгой и утомительной.

Патриарх Иерусалимский приблизился со своей кадилницей. Это было смешно — поскольку Фридрих был отлучен от Церкви, требуемая религиозная церемония должна была осуществляться перед двором, а вовсе не перед ним. Он стоял и слушал, как старик бормочет молитвы на посредственной латыни. Пьеро умер бы от смеха: патриарх упорно использовал творительный падеж в предложениях, в которых дательный был бы куда более предпочтителен.

В конце концов все, кроме Фридриха, перекрестились. Настало время для торжественной речи.

— Нас приветствовали как нельзя лучше в нашем вассальном королевстве Кипрском, и наше удовлетворение, и благодарность ввиду чести, оказанной нам... — И так далее и тому подобное.

Это была одна из стандартных речей, составленных Пьеро на случай приезда в страну, не совсем дружественную, полная фраз энергичных, но осторожных. Корона давила на лоб, Фридрих вспотел под мантией. Когда он закончил речь, все опять поклонились, и он сел.

Молодой король ответил короткой речью, в которой содержалось приветствие посетившему Кипр Фридриху и предложение ему располагать силами государства во время крестового похода.

У-гум! Никто не упоминал об отлучении, естественно! Ведь не было такого прецедента, чтобы король, больше того, император возглавлял крестовый поход, находясь под церковным отлучением. После речи Анри спустился с трона, обошел его вокруг перед Фридрихом и, преклонив колено, принес формальную вассальную присягу, что заставило Фридриха встать опять. Анри взял руку Фридриха и прижал ее к своему лбу, и Фридрих попросил его подняться.

— Мы весьма рады лицезреть нашего кузена и преданного вассала...

И так далее. Он опять сел, а аристократы выстроились в ряд, ожидая, что их представят. Свита Фридриха выстроилась вокруг него полукругом. Фульке, стоявший на левом краю дуги, перехватил взгляд Фридриха и легонько покачал головой.

— Ваше величество, — начал юный король. — Позвольте представить вам мессира Жана Ибелина Бейрутского, бальи и регента Кипра.

Фридрих напрягся. Он встретился глазами со сверкающими глазами старика.

— Кузен, почему вы явились перед нами в трауре?

Он ошибся, Жан оказался мужчиной в черном, старше других, незелантным.

— Ваше величество, я все еще ношу траур по своему брату.

Вельможа говорил уверенно, сочным, сильным голосом, и высокомерие, с которым он держал себя, Фридрих счел своего рода вызовом.

Император проговорил:

— Прибытие сюзерена избавляет вас от такой необходимости. — Он повернулся направо: — Томазо, проследи, чтобы мессир Жан впредь одевался соответственно своему рангу. — Повернувшись опять к Жану, он сказал с улыбкой: — Мы хотим, чтобы вам оказывался почет, кузен. Ибо когда вы в почете, в почете и мы...

Черные глаза вельможи сузились, губы его дрогнули, раздвинулись, и он ответил:

— Всегда к вашим услугам, ваше императорское величество.

«Черт бы тебя побрал! — подумал Фридрих. — Но первую стычку я выиграл».

Затем были представлены два сына Ибелина. Они неуютно чувствовали себя в траурных одеждах, и, вполне возможно, их взбесили слова Фридриха, с которыми он обратился к их отцу. Ибелины удалились, и королева Алиса заняла свое место, сопровождаемая новым мужем — сыном Боэмунда. Она выглядела напряженной и несколько раздраженной — ей, видимо, все-таки не слишком нравилось то, что Ибелины прошли впереди нее. Фридрих пустил в ход все свое обаяние. Улыбаясь, он мягко сказал, как счастлив ее встретить, и она слегка оттаяла.

Парад продолжался. Худой и нервный Боэмунд — о, сколько их! — и его хорошенькая, но бледненькая жена. Оживленный, веселый Балиан Сидонский.

«Господи, как это глупо! Я никогда не запом...»

Внезапно он увидел стоявшую за придворными, разодетую в шелка Феофано. Она подняла на него огромные глаза и улыбнулась. Все смотрели на нее. И он ви-

дел, как многие женщины наклонялись, чтобы прошептать восхитительную сплетню на ухо своим соседям и соседкам. Напряжение слегка уменьшилось, и он продолжил прием — перед ним возник следующий из бесконечной череды баронов.

Постепенно он стал различать людей по тому, как они вели себя перед ним. Многие из них чувствовали себя неуютно, избегали его взгляда, и это были враги или потенциальные враги. Некоторые, как Балиан Сидонский, казалось, были счастливы быть представленными ему — это, несомненно, союзники или те, кто хочет от него что-нибудь получить. Мантия и корона слишком давили, чтобы Фридрих мог придумывать подходящие к случаю фразы, все его нервировало, но, когда ему казалось, что он больше не выдержит, вскочит и уйдет, он смотрел на Феофано и успокаивался.

«Я разберусь с этим позже».

Конец ряда постепенно приближался. В голосе Анри, который уже дрожал от напряжения, он уловил нотки удовлетворения и облегчения. За его спиной Томазо что-то тихонько говорил гроссмейстеру и архиепископу, определяя по фьефам и генеалогическим линиям людей, которых представляли императору.

«Это никогда не кончится! Они уже все приняли решения... По крайней мере, большинство из них. Томазо предупреждал, что, если он займет деньги у Гюи Амбриако, это привяжет того к императорской партии, но из всех остальных только двоих или троих можно будет заставить поменять позиции или хотя бы сделать нейтральными».

Великий магистр тамплиеров стоял перед ним с откровенно враждебным видом. Ноздри Фридриха затрепетали, он смотрел за спину Пьера де Монтегю и бормотал в ответ безликие, невыразительные фразы. Летучая мышь, приколотая к кресту... Он вдруг почувствовал, как его окутывает паутина ненависти и страха, и почти физически ощутил воздействие сил, направленных против него.

«Я не могу уехать с Кипра, не наведя здесь порядка! Мы должны...»

Наконец-то длинный ряд кончился! Остальные были не столь знатны и благородны, чтобы их представили самому императору.

На какое-то время воцарилось молчание, поскольку каждый ждал, что действовать начнет кто-то другой. Мальчик, сидевший на соседнем троне, выглядел измученным. Фридрих заставил себя подняться на ноги. Все обеспокоенно зашевелились, загомонили, так как церемониал был нарушен и никто не знал, как в таком случае следует поступать. Император протянул руки и щелкнул пальцами. Из-за двери, расположенной прямо за тронем, выбежали паж и сарацины. Толпа перед ним зашевелилась: все были удивлены и растеряны.

«Я знаю, что обычно так не поступают, господа, но...»

Он опять сел, чтобы паж мог снять с него корону, и снова встал, давая слугам возможность освободить его от парадной мантии. Король Анри стоял и смотрел на него, пораженно открыв рот. Он, похоже, завидовал. Фридрих откинул волосы, спустился со ступенек трона, повернулся и улыбнулся. Мальчик тоже поспешно сбежал вниз, сообразив, что стоит выше своего сюзерена.

— Можно я... — Он подошел к Фридриху, но, понимая, что должен спросить кого-нибудь другого, растерянно оглянулся по сторонам, однако Жан Ибелин ушел переодеваться, и он опять обратился к Фридриху: — Можно я надену что-нибудь другое?

— Вы король! — ответил Фридрих. — Делайте то, что вам хочется!

Он положил на миг руку на плечо мальчика, а потом двинулся сквозь толпу придворных. Его свита последовала за ним, Томазо, архиепископ, Фульке, Эццо, гроссмейстер окружили его, отделяя от киприотов и сирийцев.

Гул разочарованных, огорченных голосов угас, и придворные почувствовали некоторое облегчение, настроение их изменилось. Принесли еду и вино. Посте-

пенно разговоры стали громче и веселее. Фридрих огляделся в поисках Феофано и увидел ее возле двери. Она собиралась уйти, но тотчас же оглянулась, словно почувствовав на себе его взгляд, улыбнулась и ушла, сопровождаемая пажом в его ливрее — это был Джанкарло. Он подумал, что она откуда-то знала, что он не выдержит всего этого без нее! Или она пришла просто посмотреть на яркое безвкусное представление? А может быть, все-таки посмотреть на него? Как бы там ни было...

Неожиданно в центр его маленького круга — двора внутри двора — проникла улыбающаяся королева Алиса. На пальцах ее сияло множество перстней.

— Ваше величество...

Он улыбнулся: следует быть любезным с потенциальными друзьями.

— Ваша светлость, у вас очаровательный сын. — Предложив ей опереться на его руку, он медленно повел ее в дальний конец зала. Двое ее пажей влились в его свиту. — И прекрасный двор.

Она засмеялась:

— И все же едва ли его можно сравнивать с сицилийским! Вы слишком добры к нам, ваше величество.

— Вовсе нет.

Она говорила по-французски с ужасающим акцентом, и ему приходилось слушать очень внимательно, чтобы понимать ее.

— Я уверен — и, мне кажется, с достаточными на то основаниями, — что Кипр находится в надежных руках, чего я никак не могу сказать об Антиохии и Триполи.

— О! Жан. В нем нет понимания тонкости этикета. — Ее рука покоилась на его локте. — Приглядитесь к нему, сир. Он трудный человек.

— Благодарю вас. — Королева раздражала его, и он стал оглядываться, вертя головой в поисках ее мужа, чтобы вернуть ее ему. Тот расхаживал среди придворных с чашей в руке.

— Миледи, — мягко сказал он, приблизившись, и

поклонился Фридриху. — Сир, неужели никто не догадался услужить вам? Так позвольте мне? — Он щелкнул пальцами и отдал приказ какому-то пажу. Он был значительно моложе Алисы и двигался с почти женственной грацией. Его зеленые глаза, казалось, никогда полностью не открывались. Алиса отпустила императора и взяла под руку мужа. Он сказал: — Позвольте мне сейчас, еще до моего отца, сир, выразить вам преданность Антиохии великому делу, которое вы взяли на свои плечи.

Примчался паж с кубком вина и подносом, полным лакомств. Фридрих только взглянул на них и взял кубок.

— Благодарю вас.

Вновь встретившись глазами с молодым человеком, он улыбнулся. Тот неожиданно откинул голову и засмеялся:

— Позвольте мне выразить свое восхищение вами, сир. С вашего разрешения, сир.

Увлекая за собой сопротивлявшуюся Алису, он поклонился и покинул круг Фридриха.

Приблизился Фульке.

— Предательством буквально веет в воздухе, а? — Он взял из рук императора кубок и попробовал вино.

— Во имя любви к Господу. — Фридрих встревожился. — Я не думаю, что это необходимо!

— Не расстраивай его, Фульке, — кисло проговорил Томазо и обратился к императору: — Сир, здесь Гюи Амбриако.

— Черт возьми, я пригласил его, чтобы занять денег.

Он дошел до конца зала, повернулся, двинулся вдоль стены, остановившись только для того, чтобы глотнуть вина, и направился дальше. Малозначительные бароны и их жены кланялись и во все глаза смотрели на него. Боэмунд Антиохийский направил к нему свои стопы.

— Ваше величество. — Боэмунд наклонил голову в поклоне. — Гм... очень рад... гм... — Он колоссальным

усилием собрался с мыслями: — Я к вашим услугам на все время, которое займет крестовый поход.

— Я полагаюсь на вас, — мягко проговорил Фридрих. — Княгиня. — Он улыбнулся Мелисанде.

Та сделала глубокий реверанс.

— Мы рады видеть вас здесь, ваше величество. — Она положила руку на руку Боэмунда и увела его прочь.

— Боже, — проговорил архиепископ. — Как морозом обдало.

Эццо пробормотал:

— А все-таки чертовски хороша!

Фридрих остановился и передал свой кубок пажу. Неожиданно в дальнем конце зала протрубил рог, и все повернулись в том направлении. Сирийцы и киприоты поспешно двинулись к дверям. Пришел Жан Ибелин. Фридрих, как того и хотел, повернулся к нему спиной, причем как раз вовремя, и стал смотреть в противоположном направлении. С возрастающим беспокойством он понял, что большинство находившихся в зале ринулись приветствовать Ибелина и очень мало кто остался рядом с ним. Хорошо, пусть все откроется! Он взглянул на свое знамя, тихо колыхавшееся под сводами потолка. Если он возьмет верх над Жаном, устроит небольшой шум, они должны будут обратить на это внимание. Это было глупо — лить бальзам на свое больное самолюбие, тешить гордость... Он сжал кулаки. Можно сделать и кое-что другое, куда более полезное!

Повернувшись, он заметил, что великий магистр тамплиеров наблюдает за ним. Глаза его сверкали, а губы открыли зубы в отвратительнейшей ухмылке, какую Фридриху доводилось видеть когда-либо в жизни. Посмотри, как бы говорило его лицо, какая честь оказывается Ибелину, а кто он по сравнению с тобой? Фридрих выдержал его взгляд, сохранив равнодушное и спокойное выражение лица. Осторожно, за спиной, он сложил из пальцев охранный знак — сцепив в кольцо пальцы левой руки перед ладонью и выставив вперед указательный и мизинец. Он медленно и столь торже-

ственно вытащил руку из-за спины, что привлек внимание магистра.

Тамплиер побелел как полотно, и его рот приоткрылся. Фридрих заметил, что он с трудом сглотнул. Его взгляд устремился в лицо императора. Тот звучно отхаркнулся, сплюнул на пол и демонстративно втер плевков каблуком в тростник, укрывавший пол. Тамплиер, все еще бледный как мел, глубоко вздохнул.

Фридрих круто повернулся и удалился через ближайшую дверь.

— Я боюсь, что мы не сможем обеспечить вам достойный прием, ведь нам далеко до Сицилии, сир, — сказал Жан Ибелин. — Мы на Кипре ведем скромную жизнь, послушные Богу и законам.

— О, как благородно с вашей стороны. — Фридрих играл вилкой, проводя борозды в мясе, толстые ломти которого быстро стыли на тарелке перед ним. Сын Жана в качестве виночерпия прислуживал знатым гостям, сидевшим на верхнем конце стола. Все остальные за пиршественным столом чавкали и булькали без чьей-либо помощи, из чего Фридрих сделал вывод, что это — обычный для киприотов способ поглощения их абсолютно невкусной пищи. Он потянулся к своей чаше. — А как вы развлекаетесь?

Жан выпрямился на стуле, почти смеясь:

— Лично я нахожу молитвы и размышления куда лучшим времяпрепровождением, чем охота с соколами и псами. Я нахожу такую трату времени бессмысленной. — Он завертел головой по сторонам и озирался, пока не увидел одного из сарацин Фридриха, Юсуфа, который наполовину спрятался за колонной. — Конечно, сарацины обеспечивают нас и более интересной охотой.

Юный король тянул шею, чтобы слышать. Фридрих покосился на него:

— Плохо, когда дичь считает свою точку зрения не

менее значимой, чем точка зрения охотника. Но в подобной игре такие различия быстро становятся очевидными. И все встает на свои места.

— Да, — сказал Жан. — Я понимаю, что ваши симпатии лежат скорее на стороне врагов христианского мира.

Фридрих откинулся на спинку стула и свободно положил руки на стол. Глаза его блуждали по лицам людей, сидевших в зале.

— Мои симпатии, как человека, смею вас уверить, с этим не связаны. Моя единственная цель — безопасность и процветание королевств моего сына и моего кузена и вассала — короля Анри.

Перед обедом они провозгласили императора регентом королевства Иерусалимского, что являлось достаточным до тех пор, пока Высшая курия не соберется и не вынесет своего официального решения. Томазо сказал, что они не будут противиться.

— Как скучно, должно быть, вам, — проговорил Жан, — демонстрировать свои сверхъестественные таланты перед жалкими провинциалами. Я надеюсь, мы сможем все-таки развлечь вас.

Двери высотой до потолка были открыты, и через них за спинами обедавших вошли люди. Никто, очевидно, их не замечал. В дальнем конце зала встал Филанджьеры и поднял руку, привлекая внимание Фридриха.

— Вы сможете, — сказал Фридрих, взглянул на короля, а потом опять обвел взглядом людей, сидевших за столами. Они жевали, пили и разговаривали с соседями, никто из них не выглядел расстроенным, а по всему залу стояли стражи, опираясь на свои мечи. Жан рядом с ним неожиданно встал. И Фридрих отодвинул свой стул. Шорох ног по устилавшему пол тростнику ворвался в шум разговора, и все посмотрели на него. — Например, если вы попытаетесь отчитаться передо мной по доходам короны Кипра, которые вы присвоили.

Все разговоры стихли. В молчании ворчание собак

под столами стало звучать особенно громко и резко. Жан посмотрел на Фридриха и растерянно оглянулся по сторонам. Люди у стены по сигналу Филанджьеры шагнули вперед, сбрасывая плащи. Все они были в кольчугах. Мужчины и женщины замерли от ужаса. Продолжая жевать, они уставились на возвышение, где находился император.

— Это предательство! — громко вскричал Жан. — Меня предупреждали, чтобы я не верил в ваши добрые намерения и не принимал приглашения! Меня предупреждали о том, как поступает безбожный император. — Он вскинул одну руку. — Перед всеми этими свидетелями посмеете ли вы так несправедливо поступить с человеком, который стремился лишь к одному — бескорыстно служить?

— Так служите. — Фридрих заметил, что сжимает в руке свой нож, и заставил себя осторожно положить его на стол. — Так что с доходами Кипра? Ну и заодно в связи с этим вам бы следовало отчитаться и по своим делам в Бейруте.

— Вы не имеете права требовать этого от меня! — заявил Жан. Его голос достигал самых дальних уголков зала.

Фридрих посмотрел на сидевших за столом. Бозмунд встал, но сын потянул его за рукав и заставил опуститься на свое место. Тишина становилась все более тягостной и напряженной.

— У меня есть на это все права, — сказал Фридрих. Он старался говорить тихо. — Как сюзерен Кипра и...

Громко, как охотничьи рога, залаяли две собаки, передравшись из-за кости. Фридрих вскочил и схватился за кинжал, висевший у него на поясе. Женщины закричали, а мужчины забожались высокими, срывающимися голосами. Двое стражников кинулись к грызшимся собакам, растащили их и вышвырнули в ближайшую дверь. Королева Алиса встала, глядя на сына. И опять в зале повисло тяжелое, словно предгрозовое молчание. Фридрих заметил, что у него трясутся руки. Он при-

гнулся, как будто собирался драться. Он заставил себя выпрямиться, стараясь расслабить мускулы.

— Я сюзерен Кипра и регент Иерусалима, и я имею все права требовать от вас ответа в ваших действиях.

— Ваше величество, — проговорил Жан, все еще стараясь, чтобы его слышали все в зале. — Как бальи Кипра, я должен отчитываться только перед Высшей курией. И пока Высшая курия не обратится к вам, по закону вы не можете вмешиваться. А в том, что касается Бейрута, вы можете требовать от меня отчета только в том случае, если к вам обратится один из моих вассалов. По закону вы не можете самовольно требовать от меня отчета.

«Я проиграл», — подумал Фридрих. Толпа, слушавшая разговор, разразилась взволнованными разговорами. Он посмотрел на Томазо. Тот нахмурился — его не предупредили о том, что собирается сделать император. Встретившись взглядом с Филанджери, он покачал головой из стороны в сторону.

Жан спокойно добавил:

— И вы понимаете, что, если отмахнетесь от этого, вы подорвете доверие к любым своим действиям, которые предпримете в Сирии.

Фридрих прикрыл глаза. Он не совершал столь грандиозной ошибки многие годы. Он забыл о французских законах, а и Кипр и Сирия подчиняются именно французским законам.

Волны жара поднялись в нем.

«Я должен что-то сделать... Спасти лицо... Как угодно! Нет. Это точный знак, что я...» — Он открыл глаза и улыбнулся Жану, брови которого поднялись от изумления.

— Послушные Богу и закону... Вы говорили не без оснований, как я теперь вижу. И вы, конечно, на хорошем счету. — Он все еще дрожал, но он уже нашел выход. Не лучший, но в конце концов терпимый. — Мессир Жан, поле за вами. — Он отступил на пару шагов. —

В конце концов, вы не можете сказать, что я не умею проигрывать?

Он поклонился, и пораженный Жан поклонился в ответ. Фридрих развернулся и удалился. Юный король наблюдал за ними, закусив нижнюю губу.

В маленькой комнате за троним император с минуту постоял в одиночестве, закрыв глаза, и успокаивался, уравнивая дыхание. Над ним будут смеяться — Жан одержал блистательную победу. Чертов старик! Фридрих сжал кулаки и поднес их к лицу, в глазах его стояли слезы.

— Ну, — сказал Томазо, — это просто ужас что! Какого черта вы не переговорили сначала со мной? Чья это была идея?

Фридрих выдохнул:

— Моя.

— Барлэ! — возразил гроссмейстер. Остальные — архиепископ, Филанджьеры, Фульке, Эццо — все собрались вокруг него и смотрели с удивлением.

— Нет, — упрямо сказал Фридрих. — Только моя. Томазо, найдите мне комнату не в тех покоях, которые отведены мне, где я мог бы поговорить... Берардо, вы и Герман... — Он сделал паузу, затрудняясь выразить свою мысль. — Вы и Герман вернетесь и скажете мессир-у Жану, что я хочу поговорить с ним с глазу на глаз...

— Он никогда не согласится, — проговорил архиепископ.

— Помолчите и послушайте меня. Скажете, что я хочу поговорить с ним и готов отдать вас и Германа в руки преданных ему людей как гарантию моей доброй воли.

Гроссмейстер фыркнул, но архиепископ только кивнул.

— Хорошо. Я надеюсь, вы хоть сейчас понимаете, что говорите и поступаете верно, — пробормотал он.

Фридрих двинулся к нему, но гроссмейстер встал у него на пути.

— Успокойтесь. Вы заслужили это. За всю свою

жизнь я ни разу не видел, чтобы вы делали что-нибудь столь же безрассудное, как только что разыгравшийся фарс. Придите в себя. — Он говорил так тихо, что Фридрих сомневался, слышал ли его кто-нибудь еще. Герман взял императора за плечи и легонько встряхнул. — Успокойтесь.

Фридрих закрыл глаза.

— Да. Я успокоюсь. Я прошу прощения.

Он до сих пор не мог расслабить мышцы, и их сводило от боли. Он пощелкал языком, стараясь привести свои мысли в порядок. Его мозг, казалось, кипел.

— Сир, — сказал Томазо. — Мы можем использовать комнату на третьем этаже в северном крыле, мои люди как раз сейчас обставляют ее.

— Очень хорошо. — Фридрих взглянул на грессмейстера. — Вы попросите его, Герман.

— Да, — ответил архиепископ и вместе с грессмейстером вышел из комнаты в большой зал. Когда дверь открылась, Фридрих услышал всплеск шума голосов, он знал, о чем говорили все придворные, и его лицо вспыхнуло от стыда. Повернувшись на пятках, он двинулся к дальней двери, и остатки свиты устремились за ним, готовые, как щитом, заслонить его собой от врагов, которые могли ожидать снаружи.

* * *

— Я хотел бы... извиниться, — проговорил Фридрих. Он откинул голову на спинку стула и уставился в потолок. — Я получил кое-какие сведения и поспешил с выводами.

Жан долго молчал. Уголком глаза Фридрих заметил, что он нахмурился. Наконец он сказал:

— Очевидно, я должен принять извинения. Могу ли я посоветовать вашему величеству впредь сдерживать необдуманные порывы? Вы уже нажили здесь врагов. Без поддержки здешнего нобилитета вам нечего и надеяться добиться успеха в Сирии.

«Ну это мы еще посмотрим».

— Я в неловком положении. Будучи сюзереном короля Кипра, я, что совершенно естественно, должен составить свое мнение обо всем, провести надлежащую проверку. Выяснить, что здесь происходит. Особенно учитывая, что король юн. Были ли вы официально назначены бальи?

Последовала заметная пауза.

— Конечно, был. Законы Кипра священны для меня, и я никогда их не нарушаю.

— В таком случае у вас не должно быть возражений против того, чтобы мои люди проверили отчеты о доходах в ваших канцеляриях?

— Как я уже имел честь доложить вашему величеству, такие отчеты могут быть предоставлены только по требованию Высшей курии.

Фридрих кивнул. Он сконцентрировал свои усилия на том, чтобы голос его звучал мягко, почти льстиво.

— Я собираюсь действовать на основании законов. Трудность в том, что я, по крайней мере в ближайшие несколько недель, не смогу поехать в Никозию, где, как известно, соберется Высшая курия и где хранятся отчеты. Могу я просить вас собрать курию и организовать подготовку документов?

Глядя сквозь ресницы полуприкрытых век, он увидел, что лицо Жана заострилось. Они были одни в холодной маленькой комнате. Ее привели в порядок слишком поспешно, и расставленная в ней мебель казалась выбранной неудачно, а голые стены выглядели холодными и унылыми.

Жан произнес:

— Я к услугам вашего величества, как я уже говорил раньше. Все, что я могу сделать, чтобы ускорить ваш отъезд в Сирию, я сделаю.

«То есть сделаешь все, чтобы выставить меня отсюда».

— Благодарю вас. Я должен просить вас оставить мне знак вашей доброй воли...

— Заложники? — Жан нахмурился. — Конечно, если ваше величество верит...

— Я верю. Кипр уже враждебен мне. И я не могу надеяться привлечь его на свою сторону. Но за недолгое время я смогу сделать его нейтральным. Чтобы выиграть время, мне нужен мир. А эти люди, ваши приверженцы, не имеют ни вашей чести, ни вашей прозорливости. Однако я смогу защититься от их атак, если мне будет предоставлена возможность заняться воспитанием молодого короля и, скажем, ваших двух сыновей.

Старик скривился.

— Ваше величество, я могу уверить вас, что никто и не вздумает нападать на вас....

— Как вы сказали, я уже наделал врагов. — Фридрих придал своему голосу оправдывающиеся, молящие нотки. — Я робкий человек, мессир Жан.

Опустив голову, Жан зашагал из угла в угол.

— Конечно, если ваше величество требует этого, то я не могу сделать меньшего для сюзерена Кипра.

— Я рад, что вы поняли мою позицию. Итак, до встречи в Никозии?

— Как пожелаете, государь. — Жан коротко поклонился. Фридрих упорно делал вид, что разглядывает грифона, вырезанного над дверным проемом. Наконец Жан осознал: ему дают понять, что он свободен и ему пора уходить. С трудом подавив раздражение, он поднялся. — Ваше величество... — Его голос слегка дрожал. — Доброго вам вечера.

— Доброй ночи, мессир.

Конец фразы Фридрих скомкал, произнес едва слышно, и Жан, который уже направился к двери, на мгновение остановился и обернулся. Наверное, злость, охватившая Фридриха, просто читалась у него на лице, потому что старик вскинул подбородок, собираясь что-то сказать, но лишь кивнул и вышел. Дверь закрылась за ним без стука.

И он еще смеет говорить: «Конечно». Никто его не назначал, он самозванец, который просто воспользо-

вался моментом, юностью короля и вырвал власть из рук королевы Алис! Власть, если уж не деньги. Украсть власть?

Фридрих выбрался из кресла и проследовал к выходу, чтобы вернуться в отведенную ему часть замка. Сарацинская стража ждала за дверью. Он прошел дальше, не обращая внимания на них, размышляя о том, что притянуть Ибелина к ответу вряд ли удастся, коль скоро он смог внести изменения в документы, ему ничего не стоит пойти дальше и вовсе уничтожить их. Миновав несколько пустых помещений, император вошел в свою приемную, полную персонала, занятого разговорами. Придворные повскакивали с мест и усталились на господина.

— Ну и как? — спросил Томазо.

— Все закончено, — ответил Фридрих. — Не скажу, что такого рода работенка мне по душе, но она сделана. К утру его здесь не будет, но сыновья его и сам король останутся моими заложниками. Я, правда, не сказал ему, что он уже не балли, но к этому мы еще вернемся.

Император стянул с себя котту и бросил ею в Корсо.

— Вы с ним здорово повздорили? — поинтересовался архиепископ. — Вы выглядите взбешенным, сир.

— Да, я, наверное, заметно побледнел.

— Они не повздорили, — проговорил гротсмейстер, поворачиваясь и обращаясь к Филанджери. — Если наш государь с кем-нибудь повздорит, он никогда не чувствует после этого раздражения.

Томазо спросил негромко:

— А что с налогами?

— Возьмем отчеты в Никозии. Я уверен, они будут в полном порядке. Я не ощущаю в себе желания найти где-нибудь какие-нибудь погрешности.

«Я не смею! Я. Просто. Не смею!»

Он раскинул руки, запрокинул голову и закричал. Просто закричал, не произнося при этом ни слова.

— Думаю, государь, — начал Томазо, — нам, с вашего позволения, лучше уйти.

Сказав это, он направился к двери.

— Если мне нельзя кричать на своих приближенных, на кого мне тогда кричать?

— С вашего позволения, сир... — Все прочие, отведав церемонные поклоны, последовали за графом. Ему показалось, что они прятали усмешки. Наверное, так оно и было.

Явившиеся пажи и слуги принялись раздевать господина.

— А ну-ка вон! Мне надоело, что со мной обращаются, как с ребенком. — Он ударил Корсо по рукам: — Пошли все прочь! Прочь, я сказал!

Корсо резво попятился, увлекая за собой пажей; что же касается слуг-киприотов, не привыкших к подобному поведению высокородных сеньоров, то они вылетели вон белее извести и мела. Корсо же осведомился:

— Будут какие-то еще пожелания, сир?

Фридрих резко провел ладонью по лицу, точно избавляясь от наваждения. Он почувствовал на коже легкую щекотку от бороды:

— Нет, доброй ночи.

— Доброй ночи, — проговорил Корсо. Остальные пажи тем временем на цыпочках покинули комнату, Корсо же задержался, чтобы проверить, есть ли в кувшине вода. — Приятного вам сна, сир.

— Ну, разумеется.

Паж удалился.

Фридрих прошелся по комнате. Он совершенно не чувствовал усталости, ему вдруг очень захотелось окаться снова в Сицилии. Он подумал об Ибелине, старике, исполненном утонченного высокомерия. Что можно было сделать с ним? Ничего. Ничего, хотя он предавал своего короля.

Император ополоснул лицо водой из кувшина.

— Вы еще не бросаетесь вещами? — раздался голос Феофано.

— Что?! — Он резко повернулся. Кутаясь в небрежно наброшенную меховую накидку, она стояла в прохо-

де, который вел в его гардеробную. Император выпрямился; вода капала с его рук.

— Я слышала ваш крик... Я спала, и он разбудил меня. Я просто хотела узнать, вы уже бросаетесь предметами или еще нет? — Она прошла в комнату, зевнула и поправила мех на плечах. — Говорят, вечер у вас выдался трудный?

— Бог мой! — Он вытер лицо и руки полотенцем и небрежно бросил его на пол.

— Вы здорово смотрите в полном облачении. Словно персонаж из пьесы. Почему бы вам не пойти в спальню и не позволить мне размять вам спину? — Вы простав руку из-под меха, она позвала: — Идем же.

— Ты — прелесть. — Фридрих подошел к Феофано и обнял ее за талию. — Как ты угадала, что мне нравится быть ребенком?

Глядя в ее лицо, в ее огромные темные глаза, он не мог удержаться от улыбки.

— Угадать нетрудно. Зачем бы еще вам вести себя по-детски? — Она прижала его к себе. Они прошли через гардеробную в спальню. — Мне принесли удивительные одежды. Помните то платье зеленого шелка, которое было на мне, когда я приходила в большой зал?

— Да. Великолепное платье. — Она смело посмотрела ему в глаза, точно у нее и не существовало никаких причин, чтобы отвести взгляд. Остатки раздражения покинули его. Он провел ладонью по ее волосам. — Ты ведь поедешь со мной в Сирию, правда?

— Если вы захотите. — Она взялась за кончики завязок его рубахи. — Вы выглядите уставшим, позвольте мне уложить вас в кровать?

Она сбросила мех и ногой отшвырнула его в сторону, оставшись совершенно обнаженной. В то время пока Феофано освобождала его от одежды, Фридриха переполняло сожаление о том, что он и в самом деле так устал сегодня. Придется все же подождать до утра.

— Ты ешь гашиш?

— Когда он у меня есть. — Она стрельнула в него

глазами, нахмурилась и принялась стягивать с него рубашку. Он поднял руки и нагнулся, чтобы Феофано было удобнее снять с него одежду. — А зачем вы спросили? — осторожно поинтересовалась она.

— Просто у меня есть немного. Там в ларце из вишневого дерева.

— Порой вы так поражаете меня... Хотите? — Она повела Фридриха к кровати.

— Нет. Я устал. Мне нужно поспать, а позже, утром...

Он знал, она поедет с ним в Сирию и будет есть с ним гашиш, и мысль об этом делала его счастливым, счастливым по-глупому, по-дурацки... по-детски. Раскинувшись на кровати, он смотрел, как она, обнаженная, не спеша ходит по комнате и прикручивает лампы. Огромное, мягкое, обволакивающее, радостное ощущение теплоты и счастья наполняло императора.

Жана Ибелина не оказалось в Никозии, когда Фридрих наконец добрался туда. Старик удалился в отдаленный замок, называвшийся Бог Любви. Томазо хмурился, когда, делая доклад, упомянул о факте отсутствия Ибелина.

— Он отослал туда всех своих женщин и младших детей, едва приехал сюда. Я полагал, что вы и в самом деле решили проблему.

— Решил. — Фридрих подписывал бумаги, даже не утруждая себя тем, чтобы ознакомиться с их содержанием. — Когда наши пути-дорожки снова пересекутся, он будет вести себя, как примерный мальчик. Есть ли где-нибудь хоть какая-то запись о назначении его на пост бальи?

— Нет. Архиепископ как раз и занимается сейчас тем, что проверяет все документы и отчеты. Для чего вы созвали сюда всех этих сирийских баронов? Они никому не добавляют приятных минут — только и делают, что ходят и жалуются на то, что плохо устроены. — Произнося эти слова, Томазо расхаживал по террасе,

шаркая ногами. — Не подумайте, что я виню их в этом. Никозия отвратительное местечко, к тому им тут совершенно нечего делать...

— Пусть привыкают ко мне.

Гроссмейстер Тевтонского ордена поднял глаза, отрываясь от письма, которое читал:

— Им придется нелегко.

— Не очень-то учтиво так говорить, Герман. — Фридрих обмакнул перо в чернильницу и оставил на бумаге свой росчерк.

Томазо уселся на скамью.

— Отчего же? — улыбнулся он. — У нас у каждого на это ушло по крайней мере по несколько лет.

— Хартии... Если никто не назначал его, то, чтобы сместить его, мне не нужны все эти хлопоты с Высшей курией. Я могу просто назначить другого.

— Не так-то это *просто*. Возможно, даже очень не просто, если, конечно, вы не хотите, чтобы все закончилось усобицей, — вновь улыбнулся Томазо. — Если же вам именно этого и хочется, просто позвольте вашей даме побольше времени проводить в обществе сирийцев. Они буквально без ума от нее... она — прелесть.

Фридрих усмехнулся. Он позволил Феофано... *приказал* Феофано присутствовать на маленьком приеме накануне вечером, и все бароны земли хвостом за ней ходили.

Тут на террасу поднялся Фульке, увидел их и подошел:

— Когда мы поедем?

— Поедем куда? — переспросил гроссмейстер.

— Да в любое место, — ответил Фульке, — где хоть немного лучше, чем здесь. Государь, а можно нам с Эццо сегодня съездить поохотиться?

— Сейчас не сезон для соколиной охоты.

— А мы с собаками.

— Давай-давай. Бросай меня тут! Меня, погребенного под тяжким грузом непосильных забот...

— Спасибо. — Фульке ушел.

— Хорошо, — проговорил гроссмейстер, — вот приедем мы в Dieu d'Amour, и что?

— Я поставлю его в известность, что он больше не балуй, и он поблагодарит меня за то, что я освободил его от такой трудной обязанности.

Наступила тишина.

Покончив с подписанием бумаг, Фридрих позвонил в маленький серебряный колокольчик, чтобы позвать пажа.

Во дворе копошились стайки голубей, трава пробивалась в промежутках между плитами, и маленькие деревца протягивали свои кривые ветки-щупальца от стены. Император поднялся и прошелся по террасе, разминая затекшие ноги. Он подумал о том, что ему, пожалуй, и правда нужно сменить прическу. Феофано обещала причесать его по-новому сегодня после обеда.

— Отчего это тот замок называется Бог Любви? — спросил гроссмейстер.

— Греки называют его Дидимис, — как будто читая заученный текст, ответил Томазо. — Это одно из наиболее трудных для осады мест на острове.

Фридрих стоял, повернувшись к нему и гроссмейстеру спиной, засунув большой палец в колокольчик, и наблюдал за ястребом, кружившим над невысокой горкой к западу.

— И старый король пожаловал этот замок сеньору Жану несколько лет назад, — громко произнес Томазо.

Пришел паж, и император отослал его за Балианом Сидонским.

— По французским законам, — продолжал граф все так же громко, — ни один барон не может быть лишен...

— ... лишен замка, пожалованного ему прежним монархом, если нынешний король еще не вошел в возраст и управление государством находится в руках регента, — закончил за него Фридрих. — Мне это известно.

Полуденное солнце искрами вспыхивало на крохотных частичках слюды на поверхности плит, которыми

был вымошен двор, где топтались и курлыкали голуби. Вдалеке кто-то что-то прокричал на кипрском наречии греческого языка.

— Будет, на мой взгляд, разумнее, если на Кипре будут установлены сицилийские законы.

— Думается, у вас возникнут некоторые сложности с этим, — произнес Томазо.

— Вероятно. Позже мы попробуем. Такая система управления никуда не годится. Она неуклюжа, неудобна и оставляет слишком много простора для толкований законов.

— Государь, — произнес Герман фон Зальца, — людям редко нравятся радикальные перемены законов. Они начинают беспокоиться, бунтовать... Отчего бы вам не отправиться на охоту с Фульке и Эццо?

— А кто работать будет? — Император откинул прядь волос, упавшую на лоб. — В Dieu d'Amour через два дня. Или даже раньше, все будет зависеть от того, как скоро Берардо закончит разбираться с бухгалтерией.

Из-за угла в сопровождении двух своих братьев появился Балиан Сидонский. Увидев Фридриха, он радостно отсалютовал ему и что-то бросил через плечо одному из спутников, который повернулся и быстро скрылся в боковой калитке. Балиан же поднялся по ступеням, кланяясь и расплываясь в улыбке:

— Утро доброе. Как вам Никозия?

Фридрих поморщился, а Балиан рассмеялся:

— И мы не в восторге. Чем могу служить?

— Если вас не затруднит. — Балиан, такой же светлый и радостный, как и вся атмосфера дня, нравился императору, который не мог ничего поделать с этим. — Вы ведь родственник Жана Ибелинского, не так ли?

— Мы тут все родственники. Братья.

— А я разве нет? Но это мало помогает мне. Не можете ли вы послужить своеобразным буфером между нами? Он зол на меня, так? Ведь в противном случае он не стал бы столь поспешно уезжать в свой замок?

— Он... нет... — Балиан почесал нос. На пальце у ба-

рона было кольцо с большим рубином; отражавшееся от него солнце отбрасывало на его темные волосы множество красных солнечных зайчиков. — Нет, государь, он не зол на вас. Вероятно, излишне взволнован... Жан всегда артачится, если кто-то заставляет его что-нибудь делать.

— Думаете, нам удастся поладить?

— Надеюсь. Полагаю, что мы сможем все утрясти. Я хочу сказать, что вы же не собираетесь воевать с ним, хотя, конечно, можете доставить ему немало неприятностей. — Балиан улыбнулся. — Между тем и он также может причинить вам множество хлопот, сир.

— Я знаю. Хорошо, я вижу, что могу на вас рассчитывать. Что ж, давайте же отправимся в *Dieu d'Amour* как можно скорее... Мой флот будет поблизости от этого места, чтобы сразу же там подобрать нас и отвезти в Сирию.

Улыбка покинула лицо Балиана. Он бросил короткий взгляд на Томазо, стоявшего позади Фридриха, затем качнул головой и проговорил:

— Вам вряд ли понравится Акра. Ну что ж, с вашего позволения я покину вас.

— Несомненно.

Балиан поклонился, попятился, сделав три больших шага, развернулся и ушел.

— И что это означает? — произнес Томазо.

Фридрих покачал головой:

— Вероятно, ему не нравится Акра, и, учитывая, что у нас с ним одно мнение относительно Никозии, он решил, что и там мне также не понравится.

Между тем император понял, что означали слова барона Сидона, и, нахмурившись, уставился на пыль, роившуюся в лучах солнечного света.

— Если бы я был королем Кипра, я бы сровнял с землей этот замок. — Глядя на *Dieu d'Amour*, Фридрих перекинул ногу через луку седла.

— Отчего же? — поинтересовался король Анри.

— Боже мой, неужели не понятно? Это же настоящее орлиное гнездо.

Он повернулся и посмотрел на зеленую равнину, где шелковыми цветами расцветали походные рыцарские шатры. Лошади не спеша бродили между ними, пощипывая травку. Слуги сновали по лагерю из конца в конец с корзинами и подносами. Тут император подумал, что, если у него нет возможности повести настоящую войну против баронов земли, следует сделать это как бы понарошку. Пожалуй, сирийцам должна понравиться инсценировка осады, они будут чувствовать себя так, словно участвуют в настоящем крестовом походе.

Вдалеке, как бы немного выше его головы, находилась украшенная дрожавшими на ветру вымпелами и знаменами башня. Казалось, будто она выросла из самой высокой скалы, доминирующей над узким перевалом. Император видел горных козлов, разгуливавших внизу, там, где склоны были более отлогими, и два пика, благодаря которым место и получило свое греческое название.

— Загадайте нам еще одну загадку, — попросила Феофано.

— Но я еще ту не решил. — Слегка смущенный юный король подвинулся поближе к женщине, не сводя с нее полного обожания взгляда. — А вы?

— Ну-у-у... монаха звали Эах.

Король в изумлении поднял брови. Внезапно он рассмеялся:

— Дошло!

— Загадайте нам еще одну загадку, Рыжик, — попросила она.

Сарацины-стражники захохотали, и Фридрих, повернувшись, огрел их уничтожающим взглядом:

— Мне надо возвращаться, у нас будет большой совет.

— А вы нам загадайте загадку по дороге. — Король

вытянул руку. — Только на сей раз какую-нибудь полегче.

— Согласен. Если мы сейчас же и отправимся, то как раз к тому моменту, когда доберемся до лагеря, я что-нибудь да придумаю. — Император вдел ногу в стремя и развернул коня. Увешанные всевозможными корзинами сарацины и слуги Анри зашептались между собой... Это король настоял, чтобы Фридрих взял с собой всех четырех своих телохранителей, которые, как признался Анри, навевали на него романтические мысли о Сирии. Что же до самого пикника, устроить его была идея Феофано. Они поскакали рысью по склону одного из холмов, входившего в горную гряду, на которой раскинулись неровные извилистые стены *Dieu d'Amour*. Феофано держалась рядом с Фридрихом и улыбалась ему.

— Вы злитесь на меня за то, что я называю вас Рыжиком?

— Нет. — Он заставил своего коня приблизиться к лошади Феофано и взял ее за руку. — Называй меня Рыжиком когда твоей душе будет угодно.

— Я польщена.

Оба одновременно наклонились друг к другу, Фридрих, взявшись одной рукой за ее седло, поцеловал Феофано. Кто-то из сопровождавших молодого короля издал возглас ужаса. Император снова сел прямо и, обернувшись, бросил взгляд на спутников:

— В конце концов, разве этот замок не называется Бог Любви?

Анри с завистью посмотрел на императора — король был очарован Феофано во время пира в Никозии. Фридрих улыбнулся, и мальчик воспринял этот жест как приглашение, приглашение присоединиться к императору и Феофано, оказаться рядом с ней.

— Вы придумываете загадку?

— Ну... ну... — начал Фридрих. Внезапно что-то в лагере привлекло его внимание... Знамя, знамя Жана Ибелина! — Господе Иисусе!

— Что случилось?!

— Нужно спуститься туда... А вот вам загадка: если наполнить одну чашу до половины вином, а другую водой... до половины. И если... — Сомнений быть не могло: да, это было *его* знамя, знамя Жана Ибелина, развевавшееся на верхушке красного шатра, расположенного в центре лагеря. Император привстал в стременах и, повернувшись, посмотрел на Хасана. — Итак, если добавить ложку вина в чашу с водой, а потом ложку получившейся смеси в чашу с вином, станет ли тогда больше вина в чаше с водой или больше воды в чаше с вином? — Сказав это, он усмехнулся, глядя на Феофано: — Надеюсь, на сей раз твой хитрый умишко завяжется узлом.

Губы женщины шевельнулись; между тем Анри, взгляд которого был обращен в пустоту, выглядел совершенно отсутствующе. Фридрих ударил пятками в бока коня, пуская его в галоп. Сарацины-стражники немедленно бросились за ним; люди в маленьком лагере что-то кричали, указывая на всадников. Хасан пустил лошадь во весь опор, чтобы обогнать господина, и тот, видя это, сбавил темп скачки.

— Твоя взяла, Хасан! — закричал Айюб.

Фридрих же повернулся и показал ему фигу.

На рыси они подъехали к лагерю, на окраине которого прачки развесили белье, блиставшее ослепительной белизной в лучах полуденного солнца. Сами женщины ушли, оставив у белья мальчишку с прутом, чтобы он отгонял коз и птиц.

Но не успели они доехать трех шатров до главного, красного шатра, навстречу им пешком вышел гросс-мейстер:

— Мы уж собирались послать за вами, когда увидели вас у выхода из перевала. Они только что прибыли. Похоже, все идет как надо.

Сказав это, Герман фон Зальца крикнул грума, чтобы тот взял коня Фридриха.

— Ему сказали о результатах проверки?

— Да. Он совсем не удивился. И, похоже, не слишком-то мучается угрызениями совести.

Фридрих спешил и вместе с гроссмейстером направился к шатру:

— Пожалуй, надо послать за его сыновьями.

Закрывавший вход в шатер полог открылся, и оттуда вышли Томазо, архиепископ Берардо и Боэмунд Антиохийский. Руки последнего, как всегда, нервно подрагивали. Когда император подошел, все трое вельмож поклонились ему.

— Хорошо провели время на прогулке? — спросил архиепископ. — Он согласился на ваши условия, и теперь наступает момент для поцелуя примирения.

— М-м-м... — начал Боэмунд... — Ваше величество, когда мы... м-м-м... когда мы отправимся в Сирию?

— Как только будет возможность, мессир, не беспокойтесь.

— Это хорошо, весьма... весьма... э-э-э... мне надо бы вернуться... неотложные дела в государстве...

— Да-да, я знаю, вы мне говорили... — Фридрих последовал за ним в шатер, скрежеща зубами. В тусклом свете он какое-то время ничего не видел, но слышал шуршание одежд и скрип отодвигаемых стульев: все поднялись, приветствуя его. Он махнул рукой: — Садитесь, пожалуйста.

Теперь, когда глаза его привыкли к освещению внутри шатра, император увидел Жана Ибелина, стоявшего напротив знамени, напоминавшего по цвету пламя факела.

— Ваше величество, — холодно проговорил барон.

Задержавшись на какое-то время на нем взглядом, Фридрих посмотрел по сторонам и увидел Балиана. Тем временем в шатер за спиной императора вошел Гюи Амбриако с несколькими спутниками. Помещение наполнялось. Император почтил Жана поклоном и вместе со своими людьми проследовал к одной из сторон шатра.

Архиепископ и Томазо устремились на поиски кресла для господина.

— Не утруждайтесь, я постою, — бросил он им, потирая не слишком чистые ладони одна о другую.

Тут в шатер поспешно вошел Амори Барлэ и, стремясь побыстрее рассмотреть всех собравшихся, часто захлопал глазами. Жан Ибелин поднялся и сердито посмотрел на него. Фридрих вновь окинул взглядом сирийских нобилей. Князь Боэмунд расположился в углу особняком, как ни в чем не бывало потягивая вино, тамплиер, посланный орденом на совет в качестве наблюдателя, находился среди свиты Ибелина.

Негромкое рокотание голосов звучало под сводами шатра. Большинство из собравшихся находились вне лагеря и занимались своими делами, когда получили приглашение принять участие в совете, они не успели переодеться и потому выглядели совсем не торжественно. Фридрих сбросил с плеч плащ. Он упал на пол, и паж нагнулся, чтобы подобрать и унести его.

Балиан вышел в центр шатра:

— Все ли, кто должен был прийти, собрались?

— Да, — ответил Гюи Амбриако. — Давайте начнем.

— Мессир, гроссмейстер Герман отправился, чтобы позвать сыновей сеньора Жана. Нам лучше дождаться их.

Он взял чашу, стоявшую поблизости от него на столе. Она оказалась пуста.

«Вот тебе половина чаши воды и половина чаши вина», — подумал император и протянул кубок, в который кто-то налил вина.

Тут в шатер вошли Эццо и Фульк, все в пыли после охоты.

Неожиданно Боэмунд с поспешностью покинул свой тихий уголок и занял место прямо в центре сторонников Ибелина.

— Дурак ты, князюшка, — едва слышно пробормотал Гюи Амбриако за спиной у Фридриха.

Кто-то из тех, кто был рядом с Жаном, хихикнул. Так или иначе, до двух третей всех присутствовавших под колыхавшимися от ветра шелковыми стенками шатра собрались возле Ибелина. Однако Фридрих уже

достаточно пробыл на Кипре, чтобы его мог смутить подобный расклад сил. Император с невозмутимым видом потягивал вино.

Тем временем в дверях появились сыновья Ибелина; улыбаясь, они прошли прямо к отцу и приветствовали его, преклонив колени. Жан коснулся головы одного, потом другого чада. Фридрих закатил глаза к потолку, представляя, что на следующей картине должны, вероятнее всего, возникнуть мать и дитя в окружении херувимчиков.

Снимая плащ, Герман фон Зальца двинулся к своему императору.

— Ну теперь, я полагаю, мы могли бы начать? — произнес Балиан. — Все вы знаете, что нас сюда привело... дело Жана Ибелинского, сеньора Бейрута, ранее занимавшего пост бабьи Кипрского королевства...

Немедленно все принялись шептаться, то и дело бросая взгляды то на Фридриха, то на Жана. Сыновья последнего стояли с каменными лицами. Боэмунд потихонечку отодвинулся к краю толпы сторонников Ибелина. Чтобы скрыть улыбку, император опустил глаза, делая вид, что разглядывает содержимое своего кубка.

«Как веревочка ни вейся...» — пришло на ум Фридриху.

В это время Балиан, выдержавший достаточную паузу, прокашлялся:

— В Лимазоле в знак доброй воли на все время проведения проверки документов придворной канцелярии сеньор Жан дал заложников его величеству Фридриху, императору Запада. В Никозии архиепископ Берардо ди Палермо провел проверку всех записей и актов и обнаружил, что они находятся в порядке. На основании этого заложники возвращаются, выдвинутые же обвинения снимаются. Кроме того, король Анри Кипрский вновь принесет торжественную вассальную присягу императору, и вместе с королем весь Кипр поклянется

его величеству Фридриху в верности. Королева Алис останется регентшей до совершеннолетия короля.

Боэмунд тихонечко, шаг за шагом передвигался в направлении той стороны шатра, где стоял Фридрих.

— Император, — продолжал Балиан, — назначит нового бальи, а сеньор Жан, как только возможно будет созвать совет Высшей курии Иерусалимского королевства, предстанет перед высоким собранием, дабы защитить свои права на обладание фьефом Бейрут.

— Как же он на такое согласился? — прошептал Томазо.

— Я пообещал оставить ему его удел, — отозвался Фридрих. — Лично мне хотелось удостовериться, что он намерен поехать с нами в Сирию.

С улыбкой на лице Балиан протянул одну руку в направлении Ибелина, другую — в сторону Фридриха. Оба подошли; на лице у Жана было кислое выражение. Держа руку Балиана в своей ладони, император произнес, обращаясь к Ибелину:

— Ну же, ну, братец, все только к лучшему.

Бровь барона земли опустилась ниже кончика его носа:

— Вы еще так молоды, а уже так высокомерны.

— Ш-ш-ш-ш-ш... — Балиан схватил их за запястья, заставляя пожать руки. — Приветствуйте один другого, как подобает добрым друзьям. Ваш спор исчерпан.

Рукопожатие состоялось. Оба, и император и сеньор Бейрута, смотрели в пространство через плечо друг друга. Все прочие нобили во все глаза уставились на главных героев представления. Держа ладонь на плече старика, Фридрих подался вперед и коснулся его щеки своей...

«Боже, как глупо, — подумалось ему. — Ничего не кончено. Ничего».

Он не сомневался, все остальные считают так же.

Наконец примиряющиеся стороны разжали объятия, и император, увидев искаженное злобной гримасой лицо Ибелина, с любопытством попытался пред-

ставить себе, о чем думал его противник. Если, конечно, он вообще о чем-нибудь думал. Может быть, он *только чувствовал*.

Балиан призвал всех прочих быть свидетелями свершившегося факта, и каждый из них произнес положенные к случаю слова. Обычно в конце подобного рода процедуры священнику полагалось прочесть определенные молитвы, но, поскольку Фридрих находился под отлучением, пришлось пренебречь данной формальностью. Хотя при Жане, конечно, имелись священники.

Фридрих вернулся на свое место:

«Что, если и он думает так же? Как-то мы поладим в действительности?»

— Как только вы сможете прибыть в Фамагусту, мы поднимем паруса. Большинство из вас, как мне известно, собираются в Акру. Ни для кого из тех, кто принес персональную присягу королю Анри, нет нужды подкреплять ее специальной клятвой лично мне. Будет довольно присяги вашего короля. Благодарю вас.

Все принялись кланяться и один за другим покидать шатер*.

Теперь все закончилось; он знал, что преодолел последствия своей ошибки, совершенной в Лимазоле. Никогда нельзя принимать поспешные решения, следует помнить об этом на будущее, когда они будут в Сирии. Кипр был лишь проверкой.

Фридрих заметил, что Боэмунд топчется у выхода, не спеша покидать шатер прежде, чем император не увидит, что он, князь Антиохии, на его стороне.

— Князь Боэмунд, — произнес император громко, так, чтобы слышали все, и, подойдя к князю, положил ему руку на плечо. — Я что-то не припомню, чтобы вы приносили мне клятву за Антиохию... может, я что-то забыл?

Лицо Боэмунда потемнело, он открыл рот, потом закрыл и сглотнул подкативший к горлу комок. Фридрих широко улыбнулся и со смехом покинул шатер.

— Сицилийские коменданты в каждом замке, Амори Барлэ — балы, король принес вам персональную присягу... да вы просто до смерти их запугали, — сказал архиепископ и добавил: — Все вышло как нельзя лучше. Только смотрите не доведите их до паники.

— Стараюсь.

— Да уж вы стараетесь, — покачал головой Томазо. — Сказать Боэмунду, чтобы он принес вам оммаж* за Антиохию! Да, уж конечно, вы этим никого не напугали.

Он наклонился и выглянул в иллюминатор. Шел дождь.

— Ну я же просто пошутил. Он раздражал меня.

Архиепископ рассмеялся. Он забрался с ногами на табурет и позвал Корсо.

Капли дождя барабанили по корпусу корабля, вспенивали волны за бортом судна. Фридрих неторопливо намазал мед на очередную лепешку.

— Далеко не у всех людей чувство юмора развито в такой же мере, как у вас, — произнес граф. — Они примут ваш поступок за проявление безграничного высокомерия и далеко идущих амбиций. Империя никогда не контролировала Антиохию.

— Боэмунд Первый был вассалом короля Сицилии. Вот вам и прецедент*. — Он принял из рук Корсо чашу и с удовольствием съел намазанную медом лепешку, макая ее в вино.

— Прецедент? — переспросил Томазо. — Похоже, вы трактуете прецеденты в весьма оригинальной манере. Боэмунд Первый держал в Италии Таранто, а как князь Антиохии, он ничьим вассалом не был... Боже, эта поездка сведет меня с ума.

— Я знаю.

На этих чертовых кораблях они чувствовали себя ужасно, им казалось, что эти условия пригодны только для перевозки скота, и были все, не только Томазо. А вот Боэмунд от участия в походе уклонился под предлогом того, что здоровье его резко пошатнулось. Его люди в Фамагусте пустили слух, что князь чуть ли не

при смерти. По всей видимости, замечание графа относительно высказывания императора в адрес Боэмунда было не лишено смысла. Все прочие бароны всполошились.

— Их здорово беспокоит наложенное на вас отлучение, — произнес Томазо. — А что касается вашей сарацинской стражи... Брать ее в Святую Землю...

Фридрих отложил свой нож:

— Томазо, если вы не перестанете ныть, я велю пересадить вас на другой корабль. А сейчас, сделайте одолжение, заткнитесь.

Граф вспыхнул и отвел взгляд, и архиепископ вдруг страшно заинтересовался тем, как выглядит дальняя стена каюты. Корсо завалился спать, на сей раз морская болезнь уже не беспокоила его, однако дождь навевал на него ужасную тоску. Там, за перегородкой, оставалась Феофано, что она делала? Наверное, спала, а может быть, расчесывала волосы, и Фридрих подумал о том, не пойти ли ему к ней и не разделить ли с ней остатки гашиша.

— В каком возрасте юноша считается совершеннолетним на Кипре?

— В пятнадцать, — ответил Томазо.

— А Анри всего восемь?*

Ветер бросил в иллюминатор капли дождя, и граф захолопнул створку:

— В Иерусалиме же — двадцать пять*.

— Не так уж трудно будет перенести эту практику на Кипр?

— Не особенно трудно. Анри слишком мягок, чтобы заартачиться. В то время пока его мать — регентша, неприятностей с этой стороны не будет. Кроме всего прочего, вы уже сделали себя фактическим правителем королевства.

— Я просто прикидывал, как долго может сохраниться подобное положение вещей.

— Семнадцать лет. Вполне достаточно.

— Нет, — возразил Фридрих и, взяв свой нож, потянулся за еще одной лепешкой.

— Здесь вам понадобилось куда меньше времени, чем на Сицилии, — произнес архиепископ. — А начали вы с полной анархии.

— Вот потому-то и потребовалось меньше времени. Но это лишь первый этап. На Сицилии все воевали со всеми, вся система взаимоотношений между управляющими органами и подданными разных уровней была разрушена. Кроме того, там у меня были норманнские законы. На Кипре нам придется сначала ломать, избавляться от французских законов, а уж потом строить, поднимать на должную высоту королевскую власть... — Он положил лепешку обратно. — Ничего не выйдет...

— В Иерусалиме будет еще труднее. По крайней мере, Кипр вам будет полезен, — сказал Томазо.

— Примерно в той же степени, что и Милан. Сколько времени я пытался привести в порядок итальянцев? И чего достиг? Да ничего!

Архиепископ рассмеялся и поудобнее уселся в кресле:

— Миланцы не верят в законы.

— Миланцы прирожденные бунтовщики.

«Нет, все же хорошо будет иметь Кипр своим... — Император стал думать о том, как бы ему половчее обойти баронов земли. Поместить в замки своих комендантов — полдела. Надо разработать механизм, чтобы за время регентства свести на нет одни традиции и ввести в обиход другие. Ну по крайней мере попробовать это сделать...»

Он понимал, что киприоты и сирийцы ненавидят его, и надеялся на то, что ему удастся каким-нибудь образом утишить их страхи за время похода.

Дождь стучал в ставень иллюминатора; до Акры оставалось еще два дня пути.

Феофано находилась за перегородкой в соседней каюте... Фридрих закрыл глаза, представляя себе, как хорошо лежать там в ее объятиях, сплетая руки и ноги с ее руками и ногами. Ее огромные, чуть раскосые глаза...

Казалось, он мог быть с ней вечность. И что же? Приходится сидеть тут и ждать! Эта необходимость доводила императора до иступления.

«А что, если она не испытывает ко мне столь же жгучего желания, какое испытываю к ней я?»

Архиепископ и Томазо сидели, едва не прижавшись друг к другу, дабы в тесной каюте осталось побольше места для императора, чтобы он мог вытянуть ноги.

«Они все равно что мои руки. Они делают то, что велю я. Не всегда... Помнится, в Капуе, когда мы потратили целых три дня, обсуждая тот закон, никто не верил, что он будет работать. Но он, конечно же, заработал, потому что не было и нет другого пути, как заставить всех на Сицилии исполнять законы. Всех, а не только нобилитет!»

Мысли его все время возвращалась к Феофано. Как она сказала? «У вас совершенно невозможные головоломки. Отчего ваши загадки всегда по сути своей — геометрические задачи?» Она заметила, а многие люди даже и не подозревают об этом.

«Ах, если бы никого больше не было на борту... я был бы простым матросом...»

Он поднялся, и Томазо с архиепископом чуть лбами не столкнулись, вскакивая.

— Пойду немного отдохну. Разбудите меня к ужину, хорошо?

* * *

Дождь в Акре лил как из ведра, делая все вокруг серым.

Фридрих обратился к грессмейстеру:

— А я думал, что здесь и дождя-то никакого никогда не бывает.

— Так и есть, — отозвался тот. — Такая погода совершенно нетипична для здешних мест.

Грязь из луж летела из-под конских копыт во все стороны, стекая по близким камням зданий, стоявших

по обеим сторонам улиц. Ни толп зевак, ни восторженных приветствий; посланцы папы потрудились на славу, за много недель до приезда императора они явились сюда, чтобы с амвонов внушать пастве непреложную истину: Фридрих Гогенштауфен — антихрист. Можно говорить все, что угодно, рассказать любую страшную сказку, все равно в конце концов в нее поверят. Правда, Фридриха отсутствие встречающих трогало мало, не то что магистра Германа. Император повернулся и посмотрел на портшез*, в котором несли Феофано. Все сооружение приобрело весьма жалкий вид; краска на орнаменте из шнуров не выдержала испытания водой и отвратительными красными разводами растекалась по стенкам портшеза.

Хасан заставил свою кобылу идти шаг в шаг с конем господина, дабы иметь возможность держать зонтик ближе к его голове.

— Никого нет, — произнес Айюб по-арабски.

— Пусть тебя это не беспокоит, — ответил Хасан.

Рыцари, скакавшие впереди, держали копыта поднятыми, отвечая на приветствия толп взволнованных горожан, бароны, несмотря ни на что, не снимали своих роскошных плащей и мантий. Все молчали; гулкий перестук лошадиных копыт о камни мостовой сливался в единый рокот. Через щелки между ставнями за кавалькадой, конечно же, следили десятки и сотни пар глаз любопытных горожан. Фридриху казалось, что он входит в город после неудачной битвы, когда человек не думает ни о чем, кроме того, чтобы поскорее проскочить в свой дом, запереться на все замки и тогда лишь почувствовать себя в безопасности. Когда они проезжали под аркой, императору послышалось воркование спрятавшихся там голубей.

Большинство баронов, уразумев, что никакой торжественной церемонии не состоится, разбежались по своим домам вскоре после того, как кавалькада оказалась в городе. Оставшиеся проехали через опустевший рынок, лавки захлопнули свои двери перед дождем и

перед императором. Широкую площадь покрывала огромная куча мусора, грязь из которой стекала в сточную канаву. Когда они наконец свернули в сторону, большая часть людей, следовавшая за императором, куда-то подевалась. По сути дела, в колонне теперь оставались лишь слуги, друзья и личная охрана Фридриха. Мальчишка-оборванец, примостившийся под каменным крыльцом запертой церкви, во все глаза смотрел на всадников сквозь закрывавшие его лицо пряди черных гладких волос. Ребенок казался стариком. Нищий. Жизнь на улицах быстро делает детей стариками.

Мальчишка напомнил Фридриху его самого в юные годы, когда Марквальд с триумфом входил в Палермо, а он вот так же стоял и смотрел.

«Говорят, в Иерусалиме полным-полно нищих... Интересно, о чем думает Феофано?»

После детского крестового похода Бриндизи и Барлетта были полным-полны таких вот детей, но их лица не казались ни болезненными, ни старческими. Утрата. Морю суждено стать для нас первым шагом на пути к искуплению и обретению на дороге в Иерусалим. Мальчишка исчез; они проезжали через улицы, где дома были украшены резьбой и растущими в коробах цветами, казавшимися красными и пурпурными пятнами на сырых серых камнях.

«Ненавижу я крестовые походы!»

— Сюда, сир.

Они въехали в железные ворота; люди в окнах дома с внутренней стороны стен радостно приветствовали кавалькаду, они смеялись, что-то кричали и махали руками. Фридрих с шумом втянул воздух. Все эти люди были немцами — слуги Тевтонского ордена, рыцари и сержанты*. Они, выбежав навстречу приехавшим, обступили их со всех сторон и принялись совать букеты цветов, лезли обниматься. Герман фон Зальца спешил и взял коня Фридриха под уздцы. Толпа рыцарей и монахов стояла рядом, все они расплывались в улыбках,

переводя глаза с гроссмейстера на императора и снова на гроссмейстера.

— Государь...

Когда он спрыгнул на землю, все они преклонили колени, раздалось приветствия на немецком языке. Томазо улыбался, архиепископ громко смеялся. Фридрих раскинул руки, как будто бы собирался заключить в объятия всех сразу:

— Не здесь, не здесь. Тут слишком сыро. Давайте пройдем в помещение.

Рыцари поднялись и закричали:

— Да здравствует император!

Они всей толпой повалили к открытым дверям, туда, где горел свет. Почувствовав робкие прикосновения, Фридрих обернулся, и смельчаки немедленно спрятались за спинами не перестававших улыбаться товарищей. Он засмеялся и, протянув руку, крепко взялся за плечо гроссмейстера. Громкие звуки немецкой речи заглушали даже шум дождя. Людская река принесла императора в огромный зал, где было тепло и пахло мокрой шерстью. Но вот Фридрих различил запах жареного мяса, свежее выпеченного хлеба и... Он принялся старательнее.

— Пиво?

Герман фон Зальца повернулся и кивком подтвердил правильность его догадки.

Фридрих сбросил плащ.

Конрад фон Гогенлоге, который путешествовал с сюзереном, только все время оказывался на другом корабле, устремился к императору, ведя за руку какого-то рыцаря:

— Государь, помните братца моего Рихарда?

За ним и другие, тесня и отталкивая друг друга, старались приблизиться к Фридриху. Возгласы делались все громче.

— Сир. — Гроссмейстер вручил ему высокую кружку пива. — Вы, поди, и не ожидали, что попадете тут прямо в эту маленькую Швабию? Располагайтесь

здесь, садитесь, а мы постараемся призвать этих деток хоть к какому-нибудь подобию порядка.

Затем он отвернулся и громко позвал повара.

Хасан и Айюб, стоявшие плечом к плечу с императором, заметно нервничали, а некоторые из рыцарей, раскрыв в удивлении рты и хлопая глазами, смотрели на них. Фридрих же продолжал попытки осмотреть помещение, заглядывая поверх плеч и голов. Не переставал он также принохиваться. Все тут напоминало ему кухню в каком-нибудь замке где-то в Германии, даже деревянные скамьи, стоявшие тут, а также металлические вилки и ложки, аккуратно развешенные на стенах. Фридрих позволил гроссмейстеру подвести себя к креслу и усадить в него. Как раз в этот момент вошла Феофано.

Она на мгновение остановилась, оглядываясь вокруг, и тут все рыцари, заметив ее, разом умолкли, уставившись на нее в мгновенно воцарившейся тишине.

«Здесь женщин не было, наверное...» Фридрих поднялся. Феофано заметила его и направилась к нему сквозь толпу пораженных немотой мужчин с таким независимым видом, как будто всю жизнь жила здесь. Она поставила скамеечку вплотную к креслу и села у него в ногах, глядя на него и улыбаясь ему. Сарацины выстроились вдоль стены за спиной господина.

Тут комната вновь ожила. Фридрих опорожнил свою кружку и протянул ее тому, кто стоял ближе всех, чтобы ее вновь наполнили. Император погладил волосы Феофано и шепнул ей:

— Напомни мне при случае, чтобы я сделал тебя императрицей.

Она засмеялась:

— Чего ради?

Начали приносить блюда. Все выпивали. Два рыцаря подошли к Фридриху и преклонили колена, устремив на него горящие взоры:

— Ваше величество, вы нас помните?

— Вы были в Аахене, — проговорил он, — на коронации.

Оба просияли, один в порыве чувств протянул руку, и Фридрих пожал ее.

У каждого из рыцарей висел на шее крест на цепочке. Так как и кресты и цепочки были одинаковыми, император подумал, что те двое рыцарей — братья. Он что-то сказал им, и они зарделись от удовольствия, им очень льстило, что сам Фридрих помнит их, говорит с ними. Наконец кружка вернулась к хозяину, наполненная пивом, увенчанная пышной пенной шапкой. Император с удовольствием сделал несколько глотков. Феофано осторожно, так чтобы никто не видел, положила руку ему на колено. Слуга принес им обоим деревянные тарелки, полные мяса и хлеба. Единственным человеком, который сидел здесь, был Фридрих, все прочие стояли; они делали все одновременно: говорили, смеялись, жестикулировали, держа в руках свои блюда и кружки, роняя на каменный пол куски и разбрызгивая повсюду пену. Конрад фон Гогенлоге бросался ко всем и каждому с поцелуями, хватал людей, заключая в свои медвежьи объятия, — среди собравшихся было немало его друзей, многих из которых он не видел по несколько лет. В углу менестрель настраивал свою лютню.

Архиепископ подошел к Фридриху.

— Боже мой, да я уже пьян. Ваши апартаменты будут в соседнем здании, сир, вы знаете об этом?

— А где будете вы с Томазо?

— В другом конце города, в доме Томазо около ворот Святого Антония.

Эццо о чем-то говорил с менестрелем.

— Это тот, которого привез с собой Конрад? — спросил император, толкнув локтем архиепископа.

— Этот-то? Да, наверное. Его зовут Фрайданк.

— Как же я соскучился по музыке, — сказал Фридрих и подумал: «Господи, что за компания: отлученный монарх, вольнодумец, греческая танцовщица и семьдесят тевтонских рыцарей!»

Он погладил Теофано по волосам.

Эццо направился к императору, следом шел Фрайданк. Он склонил голову, его светлые волосы были убраны цветами, как у девушки. Рыцари притихли в ожидании.

— На каком языке они говорят? — спросила Теофано.

— На немецком, родном языке моего отца, — ответил Фридрих. Он развалился в кресле, закинув одну ногу на подлокотник, и подумал: «Когда рядом немцы, мой отец как будто завладевает мной. Я становлюсь более им, чем самим собой».

— Государь, — начал Фрайданк чистым глубоким грудным голосом. — Мадам, — добавил он с поклоном и продолжал: — Благородные братья-рыцари Тевтонского ордена и просто благородные господа *не* из Тевтонского ордена.

Два цистерцианца вошли в боковую дверь и остановились в сторонке; они о чем-то тихо шептались, пряча сложенные на груди руки в длинные рукава ряс. Фульке подошел к Эццо, взял его за руку и что-то тихонько сказал на ухо. На его темном лице вспыхнула улыбка.

Фрайданк проговорил:

— Предание гласит, что, когда император въедет в Иерусалим, начнется Золотой Век и все вновь станут счастливыми, как было то в стародавние времена.

Цистерцианцы и некоторые другие из присутствующих засмеялись.

— А кто сомневается, что император сумеет въехать в Иерусалим завтра, если он того пожелает?

— Я сомневаюсь, — пробормотал Фридрих себе под нос, но никто не услышал его.

— А раз так, песня наша посвящается новому веку, новому времени.

Менестрель взял аккорд и начал петь. Фульке приблизился к императору и преклонил колено, собираясь что-то сказать, но так и не сказал, заслушавшись песней. Она была проста, и Фрайданк прекрасно играл на

лютно, так что с самых первых слов все притихли, стараясь ничего не пропустить:

— *И смерти не будет в дни, что грядут...*

— Да он еретик, — прошептал Фульке.

— Заткнись.

Фрайданк медленно двигался по залу в такт песне, устремив свой взгляд в бесконечность, и рыцари расступались, освобождая ему место, а менестрель рисовал картины Золотого Века, в котором не будет ни смерти, ни войн, зато каждому воздастся, каждому будет дано...

— Жизнь праздную

Ведет нобиль ныне,

Рабы его стирают в кровь колени...

В новом веке, в новой жизни такого, конечно же, быть не должно; такого *не* будет — по крайней мере, люди всегда так думают. Все это пришло на ум Фридриху, и он сказал себе: «Мы просто не смогли бы жить иначе, ведь мы не просто умираем, мы умираем, чтобы вознестись на Небеса».

Он повернулся к Фульке, который тихо спросил:

— Можно будет нам с Эццо уйти немного погоды?

Когда Фрайданк допел приблизительно до половины, императору вдруг привиделась таверна, он ясно видел ярко раскрашенные лица шлюх, горящие глаза игроков в кости, он даже представил себе, как проигравший вцепляется в глотку партнеру.

«Уйти? Ну уж нет! Если мне нельзя, то вам-то и подав...»

— Да, конечно...

Каждый путь свой обретет. И

Не будет он потерян

В Золотой Век, что грядет.

«Боже мой, скука-то какая, — подумал Фридрих. — А ведь мы никогда не прекратим своих попыток привести мир к порядку, к порядку, как *мы* его понимаем. Между тем, если бы нам только удалось осуществить это, мы бы все оказались в самом что ни на есть безумном кошмаре».

Поймав взгляд Томазо, он одними губами сказал графу, чтобы тот заплатил Фрайданку.

Певец поклонился, и зал взорвался громом аплодисментов. Тогда менестрель, как бы из признательности к публике, так высоко оценившей его талант, продолжил, добавив к песне несколько куплетов, где особо подчеркнуто говорилось о папе... как можно было понять, об одном из тех, кто *потерял свой путь*... в годы, предшествующие Золотому Веку.

Феофано тем временем, съев все самое вкусное со своей тарелки, кормила остатками пищи мокрую кошку, забежавшую погреться с улицы. Поскольку пили они все практически безостановочно, император начал чувствовать, что все больше пьянеет. Когда Фрайданк вновь раскланялся, Томазо подошел к нему и вручил увесистый кошель. Менестрель отвесил изящный поклон и затем поклонился особо Фридриху:

— Благословенна будь прославленная щедрость императора.

Монарх замеялся:

— Если бы я не заплатил тебе, Вольнодумец, как долго бы я был императором?

Некоторые из рыцарей засмеялись, а другие закричали:

— Всегда!

— Попробуй прогневать менестреля, эта братия так разрисует тебя в своих зонгах, что рад не будешь. Послушав их, люди станут представлять тебя совсем другим. Что уж говорить, если менестрель спихнул с трона Оттона Гвельфа, — сказал Фридрих и добавил уже про себя: «Исхлестал всего до кровавых рубцов, распластанного на каменном полу собора».

Фрайданк приблизился:

— Менестрель и один прекрасный принц из волшебной сказки, что пришел с юга, не так ли?

— И папа, за благочестием скрывающий злобу. Спой мне песню про любовь.

Поэт бросил оценивающий взгляд на Феофано и улыбнулся:

— Я не большой мастер по части любовных песен, государь.

— Правда? Ну что же... — Фридрих поднялся и окинул взглядом собравшихся. — Давайте поставим опыт. Юсуф?

Тот немедленно вышел вперед в свободных, развевавшихся у него за спиной белых одеяниях. Рыцари вновь зашептались, они еще не привыкли к сарацинам в роли друзей, а не врагов. Император взял лютню у Фрайданка и протянул ее Юсуфу, сказав ему по-арабски:

— Сыграй-ка мне что-нибудь.

Хасан очень тихо произнес:

— Господин, они не слишком-то нас тут жалуют.

— Все равно пусть играет.

Юсуф взял лютню, посмотрел вокруг отсутствующим взглядом и принялся настраивать инструмент.

— Уже интересно, — прокомментировал Фрайданк.

— Садись и слушай.

Рослый менестрель улыбнулся одними губами и присел подле Фридриха, скрестив ноги по-восточному. Юсуф, держа лютню в руках так, будто все еще сомневался, играть или нет, проговорил:

— Господин, вы знаете, я не привык к таким вот...

Цистерцианцы подошли поближе и откинули капюшоны плащей. Рыцари вновь зашептались, пихая друг друга локтями и хмурясь. И Томазо и архиепископ казались очень взволнованными.

Юсуф завел песню, которую, бывало, пели в горах Сицилии. Здесь, в этом громадном зале, наполненном запахом пива, среди рыжеволосых рыцарей и монахов, рваный ритм и непривычные для ушей большинства европейцев сложные аккорды арабской музыки звучали по меньшей мере странно, и... Фридрих закрыл глаза, мысленно переносясь на Сицилию. Горло его перехва-

тило, все звуки исчезли, даже бормотание, даже шелест одежды и тот прекратился. Отзвучала несравненно более сложная, чем песня Фрайданка, арабская музыка, и последние звуки ее словно повисли в воздухе, слегка дрожа.

— Ты можешь петь о Золотом Веке, пока не охрипнешь, — обратился император к Фрайданку и спросил: — Но скажи, разве эта песня не прекрасна?

— Да, — ответил менестрель. — Я бы не смог сыграть ее, но она и правда великолепна.

— Так вот, пока все прочие не начнут думать так же, никакого золота ждать не стоит.

— Если вы думаете так, государь, вам не следовало отправляться в крестовый поход.

Император представил себе Эццо и Фульке, веселящихся в местном притоне, и не ответил.

Юсуф, закончив песню, возвратил лютню хозяину и занял свое место у стены. Рыцари принялись прокашливаться и заговорили о чем-то своем. Внезапно глаза Фрайданка округлились: Феофано протянула руку к инструменту:

— А можно мне? — Менестрель посмотрел на императора. — Скажите им, что это греческая песня, если спросят, — обращаясь к нему, добавила женщина.

Она начала петь, и толпа собравшихся заколебалась, одни, пораженные тем, что происходило, отодвигались назад, другие, наоборот, делали шаг-другой вперед, дабы оказаться ближе и ничего не пропустить. Эта песня звучала совсем по-другому, она не была похожа ни на ту, которую пел Фрайданк, ни на ту, что исполнил Юсуф. Фридриху пришлось вслушиваться, чтобы уловить прелесть звучания ритмически рубленных музыкальных фраз, словно бы скачущих свободных нот и аккордов, которыми исполнительница жонглировала, как шарами или зажженными факелами. Фрайданк весело засмеялся и принялся хлопать в ладоши в такт мелодии, и рыцари один за другим подхватили. Феофано

тоже засмеялась и принялась раскачиваться вперед и назад.

— Она сицилийка? — спросил подошедший цистерцианец.

— Гречанка, — ответил Фридрих.

Фрайданк вскочил и, не переставая хлопать, пустился в пляс. Наблюдая за ним, рыцари ухмылялись и отпускали шуточки. Менестрель же бросил взгляд на Хасана и подмигнул ему.

— Ну и как? — спросила Феофано, садясь на место и кладя лютню себе на колени. — Разве не здорово?

Глаза ее сияли, как черные бриллианты, и Фридрих, протянув руку, проговорил:

— Грандиозно.

— Сыграй еще, — попросил менестрель, и император перевел его слова Феофано.

— О нет! — воскликнула она. — Скажи ему, что я смертельно устала.

Феофано положила голову на колено Фридриху, но тотчас же снова выпрямилась. Он видел, с какой завистью смотрели на них рыцари, пока она говорила с Фрайданком, и сознание этого наполнило его гордостью. Он даже вытянул руки и напряг мышцы, дабы сдержать овладевшее им ликование.

* * *

— Они такие милые, эти рыцари, — проговорила Феофано, — такие прямодушные.

— Если кто-нибудь из них со всем его прямодушием примется флиртовать с тобой, я со всем своим прямодушием вздерну его на ближайшем суку.

Фридрих был занят тем, что делал заметки, чтобы не забыть чего-либо в течение завтрашнего дня, обещавшего быть очень и очень напряженным. Ему предстояло выполнить одну весьма нелегкую, весьма деликатную задачу — привести сирийскую армию под свое командование. Время от времени бросая взгляд на

большое золотое зеркало, висевшее напротив, император наблюдал, как камеристки раздевают Феофано.

— Да разве такое возможно? Нет-нет, они же монахи. Кроме того, они такие робкие. — Освободившись от рубахи и переступив через нее, Феофано, как была обнаженной, двинулась через комнату. — Нет, Мария, это мне не нужно...

Служанка с ночной рубашкой отошла назад, прочие же девицы принялись собирать разбросанные по полу детали одежды. Внизу под перечнем нобилей, которых он желал видеть, император написал: карта города. Она была необходима ему, поскольку, не имея рядом Томазо и архиепископа, Фридрих вовсе не желал лишать себя возможности найти дорогу в любую точку города. Прощебетав свое: «Доброй ночи», служанки ушли.

— Отчего вы злитесь? — спросила Феофано. — Оттого, что никто не встречал нас в порту?

— М-м-м... что тут поделаешь? Крик бы не помог, верно? Я не знал, что ты играешь на лютне. — Он посыпал страницу песочком, чтобы подсушить чернила.

— Разве я играю? Так... немножко. А вы не смогли отказать себе в удовольствии послушать арабскую музыку... — Она отвернулась и засмеялась. — Вы же знаете, что то, что делала я, вовсе не было грандиозно, это было так себе.

Она села на кровать.

— Феофано... — начал Фридрих и, подумав о том, как сильно он любит ее, хотя и не говорил никогда об этом, закончил: — Забирайся в постель и закрой полог.

Она улыбнулась и потянула за край тяжелой ткани, исчезая за занавесью. Фридрих поднялся и дернул за шнурок звонка. На зов явились Корсо и Джанкарло, которые подошли к господину и принялись снимать с него одежду. Следом за слугами, не прекращая ранее начатой беседы, в спальню вошли гроссмейстер и Баиан Сидонский с его халатом и ночными туфлями.

— Когда вы намереваетесь завтра подняться, государь? — спросил барон.

— Не с рассветом, попозже. Мне надо выспаться.

Вошли странноватого вида пажи, выделенные в распоряжение императора своим хозяином, которые принялись тушить свечи. Увидев это, Джанкарло негромко крикнул им:

— Оставьте одну, пусть горит!

Его высокий мальчишеский голосок вызвал ухмылку Фридриха.

Услышав стук в дверь, Балиан подошел к двери и, открыв ее, впустил в спальню Гюи Амбриако.

— Сир, позвольте мне пожелать вам доброй ночи.

— Благодарю вас. — Фридрих откинул назад волосы обеими руками. — Корсо, утром мне хотелось бы принять ванну, надоело мыться под дождем.

— Я распоряжусь, — ответил вместо Корсо Балиан. Он бросил взгляд в сторону кровати и, хмуря брови, обратился к одному из странноватого вида пажей: — Открой кровать его величеству, юноша.

Фридрих предостерегающе вскрикнул, но тут вмешался Корсо:

— Не трогай кровать, мальчик. Мессир Балиан, позвольте нам служить господину по нашим правилам.

— Простите... — Барон пожал плечами и с недоумением посмотрел на императора. Внезапно сеньор Сидона понял причину столь неожиданной, по его мнению, реакции и густо покраснел. — Прошу простить меня...

— Забудьте об этом. — Фридрих повернулся спиной к Корсо, чтобы тот надел на него халат. — Я хотел бы попросить вас, мессир, и сеньора Гюи оказать мне завтра кое-какую помощь. Не возражаете?

— Почтем за честь, ваше величество, государь. — Гюи поставил на пол шлепанцы, и император сунул в них ноги. Тем временем Джанкарло отправился на поиски неиспользованного пера, чтобы положить его возле кровати. Он нагнулся и заглянул под письменный стол, так что Фридрих просто не мог сдержаться и не отвесить слуге пинка. Джанкарло вскрикнул от неожиданности, чем вызвал бурное веселье собравшихся.

— Доброй ночи, государь, — сказал Балиан и направился к двери в сопровождении Гюи.

— Спокойной ночи, Герман, будете завтра обедать со мной?

— Конечно, — с улыбкой ответил гроссмейстер. — Приятных сновидений, сир.

— Спасибо. Доброй ночи. — Император пошел к кровати.

Пажи, собрав грязную одежду, один за одним тихонько вышли из комнаты. Когда дверь закрылась за Корсо, Фридрих сбросил халат.

Дверь приоткрылась:

— Спокойной ночи, государь.

— Спокойной ночи, Корсо, крепкого тебе сна.

— Томазо, впустите меня.

Граф в удивлении высунулся из-за спины слуги:

— Боже мой, Леоне, впусти его! Скорее же!

Нерасторопный слуга, недовольный такой спешкой, сделал шаг назад, и Фридрих бесцеремонно ввалился в помещение. Томазо немедленно преклонил колени:

— Сир, что вы...

Тут наконец и до Леоне дошло, *кто* к ним пожаловал. Он бухнулся на колени. Император пихнул его носком сапога:

— У вас бдительный сторож. Кого попало за здорово живешь не впустит. Спасибо, что пришли на помощь, а то уж я думал, что так и придется идти обратно.

— Леоне, марш на кухню! — Выглянув наружу, Томазо сам закрыл дверь. — Вы что, один? Хотя что это я удивляюсь?.. Знаете, тут нельзя держать двери открытыми, в Акре полным-полно всякого сброда. Государь, какого дьявола, простите, вы шатаетесь один по улицам?

— А что тут такого? Мне что, и прогуляться уже нельзя? — Фридрих прошел через прихожую в следую-

щую комнату. Свет еще не зажигали, и было довольно темно. — Я хотел поговорить с вами.

— Вы могли бы послать за мной. — Граф дернул за шнур звонка. — Я бы никому не посоветовал ходить по Акре в одиночестве, сир...

— Никто даже и не знает, кто я. Вот смешно-то. Я по базару прошелся... — Он сбросил плащ, не без удовольствия наблюдая, как Томазо пытается прийти в себя. — По-моему, сегодня день как-то не так начался.

— Конечно, никто вас не узнал, — бурчал себе под нос граф, — со стражником-сарацином и с вашим сицилийским акцентом. Никто, никто вас не узнал. — Вбежали слуги, и господин принялся раздавать им приказы, велел зажечь свет, принести чего-нибудь выпить. Император сел и углубился в изучение мозаичного узора пола. — Что не так у нас сегодня?

— О!.. Двое францисканцев* и патриарх заявили ко мне в полдень. Мы даже еще не сделали ничего, дабы разобраться с ситуацией здесь, а они потратили уйму времени, объясняя, что я зря сюда приехал. — Внезапно его охватило какое-то тягостное беспокойство. Он почувствовал себя не в своей тарелке. — Они изъяснялись весьма недвусмысленно.

— Отчего бы вам было не вышвырнуть их прочь?

— Патриарха и эту парочку посланцев папы?

— Ну... вы уже отлучены... что еще он сможет вам сделать? — Томазо направился было к креслу, но вспомнил, что еще не испросил разрешения сесть, и посмотрел на императора. Тот кивнул.

— Вы же сами всегда говорили мне, чтобы я проявлял такт в общении с ними.

— Такт — да, но не чрезмерный. Что вы решили с командами? Как будете их отдавать?

— О, мы с Германом все утро прикидывали и так и сяк и в конце концов пришли к решению. Сделаем вот что: все приказы будут исходить от грассмейстера, от вас или от военного совета. Где сейчас аль-Камиль?

— В Наблусе. С ним огромная армия, но он ничего

не предпринимает. Однако, могу поспорить, скоро он решит прощупать вас. Кого вы к нему пошлете?

— Одного из умников Пьеро просто с тем, чтобы передать письма.

— Угу... — Томазо потер пальцем щеку. — Вам нравится Акра?

— Мне нравится базар. Тот, который тянется вверх по улице. Со всеми его аркадами. — Он сбросил сапоги. — Остальной город меня раздражает. Он что, всегда такой вот пустой и дома заперты на сто засовов?

— Он *не* пустой, не стоит впадать в заблуждение. Здесь несколько десятков тысяч жителей*, и каждый из них, даже самый последний, побаивается соседа, здесь каждый за себя... так-то вот.

— Тогда понятно, отчего тут таким образом строят дома, — проговорил Фридрих и представил себе высокие стены без окон, башни и тщательно охраняемые ворота. Проходя мимо одного забора, он слышал во дворе шум занятых игрой детишек, но все дети, которых ему удалось увидеть, были нищие или сыновья бедняков.

— В Акре никто ни с кем не ведет речей, если не знает, к какой партии принадлежит собеседник, — пояснил Томазо. — Они строят козни за завтраком и плетут заговоры в ночи, когда занимаются любовью.

— Похоже на Милан.

— Похоже на любой город, граждане которого не знают, будут ли они жить тут завтра.

— Что слышно об ан-Назире?

Граф пожал плечами:

— Он в Дамаске.

— Полагаю, ему и аль-Ашрафу следует послать весточку. Просто так, из вежливости.

Томазо нахмурился, зачем-то потрепал собственное предплечье и, глядя куда-то в пространство, спросил:

— Чего ради?

— Из вежливости, как я уже сказал. Кроме того, они

могут пригодиться. Незачем понапрасну игнорировать их.

— Конечно, государь, как пожелаете.

— Я пожелаю именно так. Ведь аль-Камиль не слишком сильно обложил племянника в Дамаске, верно?

— Нет. Так, просто не дает забыть о себе. Ан-Назир будет совсем дураком, если отдаст дяде Дамаск.

Фридрих отбросил со лба прядь волос:

— Я пошлю к нему послов.

— Зачем? — Томазо посмотрел на императора с еще большим удивлением.

— Он может оказаться полезным. Я оставил Хасана у вас в саду... как вы думаете, с ним там ничего не случится?

— Разумеется, нет, если только он не боится темноты. Зачем вы его вообще с собой взяли?

— А ваш привратник был здорово озадачен моим появлением.

Граф протянул руку к шнуру звонка:

— Что касается войск, думаю, от кого бы распоряжения ни исходили, они все равно будут противиться им, не желая подчиняться приказам отлученного от Церкви монарха. Хотя в конце концов, вы же не собираетесь делать ставку на местную армию?

— Нет. — Фридрих взял чашу шербета из рук раба и стал пить. Ему снова вспомнились башни и серый камень стен города, закрывшего перед ним свои двери и окна.

«Они отворачивались от меня... Конечно, они знали, кто я такой! Вспомнить хотя бы, как там, на базаре...»

— Не то что Палермо, правда? — спросил Томазо.

— Нет. — Император допил шербет. — Это город, он... он... здесь я ни на мгновение не могу чувствовать себя спокойно.

— Да, тут следует проявлять осторожность. Абу, подай его величеству еще шербета.

Раб подошел и наполнил из кувшина протянутую Фридрихом чашу.

— Вчера они предавали меня анафеме во всех церквях Акры. И не постеснялись сообщить мне об этом! Так и сказали, прямо в лицо.

— Вы пойдете на мессу? — спросил граф и обратился к появившемуся в комнате Леоне: — Пожалуйста, скажи сарацину, который ждет в саду, чтобы вошел в дом.

— Сколько лет вы меня знаете? Видели ли вы хоть раз, чтобы я ходил на мессу?

— Нет.

— А теперь я просто не могу сделать этого.

— Ну так что же обращать внимание на церковников? Фридрих вскочил как ужаленный:

— Томазо, черт возьми! Мне *нравится* нравиться людям!

— Мне тоже, но не все разделяют мои устремления. Успокойтесь, государь.

— Я пытаюсь.

— Вы голодны? Может, желаете отужинать?

— Нет. Мне полагается есть в компании Гюи Амбриако. Пожалуй, мне пора идти.

— Позвольте мне распорядиться относительно лошадей, — произнес Томазо, вставая.

— Не нужно, я пойду пешком.

— Как пожелаете, разрешите мне по крайней мере послать с вами несколько моих людей?

— Нет-нет, ничего не нужно. — Император обвел взглядом комнату. Все здесь: ковры, мебель, фрагменты античных скульптур, дорогие стеклянные сосуды на полках, даже столы, все говорило о личности хозяина. Это жилище как нельзя лучше подходило графу. — Замечательный дом.

— Тут довольно уютно. Заходите поужинать как-нибудь, мой повар — сицилиец. — Томазо улыбнулся. Он проследовал вместе с Фридрихом в прихожую, где, сложив руки на груди, стоял Хасан. Кинжал поблескивал у него на поясе. Увидев хозяина, слуга поспешил к двери, чтобы распахнуть ее перед ним.

— Завтра мы встречаемся с тамплиерами и госпитальерами, — сказал Фридрих. — Думается, это будет не менее забавно, чем общение с францисканцами. Хотел бы видеть вас там. У меня есть для вас копия письма к аль-Камилю, хочу, чтобы вы ознакомились.

— Хорошо. — Граф поклонился. — Будьте осторожны на улице.

— Да, конечно. Идем, Хасан.

— О, государь, — воскликнул Томазо, — совсем забыл! Я собираюсь познакомить вас с евреем-математиком.

Фридрих обернулся и, улыбнувшись, произнес:

— Хотите занять меня чем-нибудь? Ну что ж, хорошо. Увидимся завтра.

Он вышел в сад, Хасан последовал за господином. Непривычный запах сирийских цветов щекотал ноздри.

«Я просто еще не освоился здесь, и ничего более. От этого-то я и чувствую себя так...» — В Палермо или в Барлетте, как в Бриндизи или в Капуе, он мог позволить себе без всякого опасения в одиночестве посещать самые бедные кварталы. Император остановился, ожидая, когда Хасан откроет перед ним калитку.

— По крайней мере тут вечером тепло, — произнес сарацин.

— Да, теперь, когда дождь наконец кончился.

Они окунулись в темноту улицы и зашагали по ней, стараясь держаться поближе к стене. В доме напротив горел свет, но в других окна уже погасли — хозяева отправились спать. Фридрих поднял голову и посмотрел на усыпанное звездами небо.

— Дауд скорее всего будет с аль-Камилем, когда произойдет наша встреча.

Хасан кивнул:

— Я был бы рад вновь повидать господина Фахр ад-Дина.

«Отчего я лучше умею ладить с сарацинами, чем с кем бы то ни было еще?»

Они с Фахр ад-Дином провели многие и многие

часы вместе, зачастую просто болтая о пустяках или со смехом решая мировые проблемы, или сравнивая достижения, сделанные в области астрологии, философии и медицины в странах Запада и Востока.

Фридрих увидел горевшую впереди лампу; она предупреждала о том, что впереди перекресток. Нога императора заскользила по гладкой поверхности булыжника — следовало сократить шаг.

— Здесь, похоже, вообще никто по улицам не ходит, — изрек Хасан.

Конечно, не ходит. У Фридриха не проходило ощущение того, что кто-то подглядывает за ними из-за захлопнутых ставен. Когда оба они свернули на другую улицу, император попытался заставить себя успокоиться. Там, где они шли, не было ни огонька.

— Господин...

— Вижу. — Фридрих остановился. Не так далеко внизу на улице появились два человека. Сначала они просто стояли около ворот, но потом направились к императору и его телохранителю. — Есть кто-нибудь сзади?

Зашуршала одежда Хасана.

— Еще двое, — спокойно ответил он. — У вас нож есть?

— Да.

Фридриху подумалось, что незнакомцы, вероятно, не были разбойниками. Они разделились: один, двигаясь легко, будто бы скользя, шел вдоль стены по левую руку от императора, другой шагал прямо на них посередине улицы. Хасан принялся тихонько читать по-арабски молитву.

— Стойте где стоите! — окликнул незнакомцев Фридрих. — Кто такие?!

Мужчина, державшийся стены, резко двинулся вперед, стараясь зайти императору за спину. Хасану же пришлось атаковать двух других незнакомцев, тех, которые подходили сзади. Раздался чей-то истошный крик. Четвертый, находившийся на середине улицы, по

виду толстяк, изготовился, чтобы напасть. Фридрих обнажил кинжал и бросился на первого противника, в отведенной для удара руке которого блеснул длинный нож. Император отразил выпад, но незнакомец по инерции продолжал двигаться. Они столкнулись и, потеряв равновесие, полетели на мостовую.

Падая, Фридриху удалось извернуться и уберечь от удара голову. Он грохнулся о булыжники бедром и плечом, изо всех сил стараясь не выронить оружие. Толстяк уже бежал к дерущимся. Император почувствовал, как противники буквально припечатали его руку к камню, но сумел перехватить кинжал и нанести удар. Лезвие уперлось в металл — они носили кольчуги! На мгновение в поле зрения Фридриха оказался нависший над ним толстяк: он держал меч и злобно скалил зубы.

Напарник толстяка привстал над императором и, схватив его за грудки, швырнул об стену. Фридрих не остался в долгу и пнул противника, так что тот закричал. Толстяк с мечом крутился рядом, стараясь уловить удобный момент для удара. Император бросил кинжал и, схватив противника за запястье, попытался вывернуть ему руку, когда это ему не удалось, ударил врага ногой. Освободившись, Фридрих попытался встать, но что-то ударило его в бок. Толстяк взмахнул мечом. Засвистело, рассекая воздух, железо. Император метнулся в сторону... Кровожадная сталь, не найдя добычи, клацнула о камень, рассыпая тучи искр.

Его рука наткнулась на что-то гладкое и острое. Кинжал. Фридрих схватил оружие и быстро поднялся на ноги. Он бросился на противника и стал, почти не глядя, наносить ему удары. Толстяк истошно вопил и размахивал мечом, примериваясь для удара, но, по счастью, всякий раз не успевал нанести его. Бок императора причинял ему боль при каждом вздохе. Понимая, что долго протянуть так ему не удастся, Фридрих атаковал со всей решительностью и ухитрился вонзить острие ножа прямо в лицо человеку, с которым сражался. Император почувствовал, как железо, скользя по

кости, уходит все глубже и глубже в мягкую податливую плоть. Издав дикий крик, мужчина так быстро рванулся назад, что Фридриху, дабы не потерять равновесия, пришлось выпустить оружие, слишком крепко застрявшее в голове врага. Наконец-то настал момент для толстяка нанести удар. В самое последнее мгновение император успел увернуться, и клинок просвистел у него над головой.

В несколько прыжков он оказался у стены и, прижавшись к ней спиной, огляделся. Их осталось двое против него одного. Хасан, не подававший признаков жизни, лежал на мостовой. Рядом с ним валялся поверженный противник. Тот, в чьем теле остался нож Фридриха, продолжал стонать. Двое его товарищей топтались перед императором, набычась и опустив оружие.

Не сводя с них глаз, он тяжело дышал, стараясь собрать все свои силы, превратившись в единый комок нервов и мускулов. Что ему еще оставалось делать? Ведь у него не было даже ножа. Убийцы атаковали сразу вдвоем. Он выбросил вперед одну руку, почувствовав, как лезвие кинжала оцарапало предплечье, но зато ему удалось схватить того из противников, который стоял ближе к нему, и толкнуть его на другого.

Императору подумалось, что те, с кем судьба столкнула его этим вечером, не были уличными бойцами — их выдавала манера ведения схватки. Тут на память ему пришел старый как мир трюк. Он обратился в бегство, но, когда один из противников, бросившихся преследовать его, вырвался вперед, резко остановился и бросился на него. От сделал выпад ножом, Фридрих поднырнул под руку и швырнул мужчину через бедро. Тот упал и ударился о стену. Однако толстяк уже спешил на помощь товарищу. Он немного не рассчитал собственной скорости, и Фридрих сумел увернуться от его выпада и ударом кулака сбить его наземь. Между тем время торжествовать победу еще не пришло; первый поднялся и бросился на императора, но тот очень удачно уго-

дил сапогом ему в пах. Мужчина завизжал высоко и пронзительно, будто женщина, схватился за мошонку и, сделав два-три неверных шага, рухнул на мостовую.

Тем временем поднялся на ноги толстяк, в руке он по-прежнему держал меч. Фридрих огляделся вокруг в поисках какого-нибудь оружия, меча, кинжала, хотя бы ножа, но не нашел ничего. Первый его противник, превозмогая боль, пытался встать. На него император и бросился, толстяк же, подняв оружие, ринулся на помощь товарищу.

Увернуться от его удара не представлялось сложным, беда заключалась только в том, что дыхание Фридриха все учащалось, а предплечье онемело. Он пригнулся, и меч просвистел у него над головой. Не дожидаясь повторного, возможно, более точного удара, император бросился бежать, слыша за собой шаги преследователей. Именно так, преследователей, а не преследователя. Он поскользнулся и упал, перевернувшись через голову и оцарапав о камни лицо и руку.

«Вставай же, вставай! Они приближаются! Они приближаются! Вставай! — говорил он себе, не находя сил подняться. — Ну и лежи! Лежи и жди, пока они...»

Он все же нашел в себе силы встать, но не успел еще почувствовать под собой ног, как был вновь сбит наземь сильнейшим ударом ноги. Они все-таки одолели его... Сам не понимая, как же это удалось ему, Фридрих вскочил и помчался по улице в направлении перекрестка неподалеку от дома Томазо. Преследователи не оставали, но вот внезапно один из них издал предупреждающий возглас, и шаги за спиной императора стихли. Фридрих на бегу обернулся и увидел, как противники его во всю мочь мчатся в прямо противоположном направлении. В следующее мгновение он с разгона налетел на лошадь.

— Что тут происходит?

Император не отвечал. Чтобы не упасть, он вцепился в конскую гриву и теперь изо всех сил старался совладать со своим дыханием. Всадники говорили на си-

рийском диалекте французского языка. Кто они? Вероятно, ночная городская стража. Он стоял, прижавшись к шее лошади, чувствуя, как тело его начинает охватывать дрожь. Животное не собиралось стоять на месте, оно двигалось, увлекая за собой императора. Всадники что-то кричали.

— Тут мертвый язычник, — долетело до сознания Фридриха.

Он сглотнул подступивший к горлу комок.

Кто-то схватил его за плечи, а он, не чувствуя под собой почвы, задергал ногами, пытаясь освободиться от цепкой хватки.

— Держите его крепче... Дайте ему по голове, чтобы не вырывался!

— Только троньте меня, я вас уничтожу! — рычал он. — Будьте вы прокляты!

— Господи Иисусе! — воскликнул всадник. — Еще один вонючий итальяшка! А кто же остальные?

Фридрих безуспешно пытался высвободиться из нежелательных объятий.

— О Боже ты мой! — раздался голос одного из сирийцев. — Один из них, похоже, храмовник.

Император перестал барахтаться.

— Дайте огня, черт побери! — крикнул всадник.

— Отпустите меня!

— Отпустить? Как бы не так? Ты арестован!

Пламя вспыхнуло прямо над самой головой Фридриха. Он опять попытался вырваться, но его подхватили под мышки.

— Если еще раз дернешься, я выпущу тебе кишки! — ласково пообещал сириец.

Когда его поставили на землю, император увидел перед собой трех крепкого сложения мужчин в кольчугах, но без кольчужных чулок. Еще один сидел в седле, а двое других осматривали тела убитых. Капитан стражников, тот, который был на лошади, нахмурился:

— Не хотел бы я оказаться на твоём месте, если ты убил храмовника...

— А я не хотел бы оказаться храмовником, если убитый — храмовник, — произнес Фридрих. — Отпустите меня, черт вас возьми, или я прикажу всех вас повесить!

Державший его человек, начал выкручивать ему руку. Внезапно капитан спешился и закричал:

— Отпусти его, Раймунд! Отпусти во имя... — Начальник отряда рухнул на колени. — Это же император!

Раймунд на мгновение лишился не только дара речи, но и перестал дышать. В следующее мгновение он отпрянул от Фридриха. Тот, облизывая губы и сплевывая солоноватую кровь, посмотрел по сторонам: четверо мужчин стояли перед ним на коленях, а двое, осматривавшие убитых, повернулись и уставились на него в удивлении. Император, превозмогая боль в членах, подошел к тому из лежавших, про которого солдаты сказали, что он тамплиер. Оба воина встали на колени.

— Факел мне.

В наступившей тишине было слышно, как тяжело вздохнула лошадь. Один из солдат помчался выполнять приказание, а Фридрих тем временем уставился на распростертое тело. На одежде мертвеца отсутствовали какие-либо опознавательные знаки, и император мог заявить с полной уверенностью, что он никогда раньше не встречал этого человека.

— Точно храмовник?

Молодой воин, все еще продолжавший стоять на коленях, покачал головой.

— Ты же только что утверждал обратное.

— Мы ошиблись, месси... ваше величество.

— Я должен знать наврное.

Он принял из рук второго солдата факел и подошел к Хасану. Тот определенно был мертв; через белую материю кеффе проступала кровь. Рядом лежал убитый франк. Сколько их было, четверо или пятеро? Фридрих не помнил точно. Тот, которому он воткнул нож в лицо, успел улизнуть. Кажется, все-таки четверо... или

пятеро? С этой мыслью он похромал обратно к притихшей страже.

— Дайте мне вашу лошадь, капитан. Я опаздываю к ужину.

Начальник караула протянул Фридриху поводья. Он положил руку на луку седла и почувствовал, как ярость буквально закипела в нем.

— Если вам сегодня ночью встретятся еще тамплиеры, передайте им, пусть не рассчитывают на то, что они уже заплатили за человека, которого убили, — сказал император, оборачиваясь к капитану. Он с большим трудом вскарабкался в седло и правой ногой не сразу смог найти стремя. — Я же позабочусь, чтобы наши счета были в порядке.

Фридрих развернул лошадь и, хлестнув ее кончиком уздечки, пустил в галоп. Рука его от запястья до локтя буквально горела, так что он едва мог сжать пальцы на поводе.

«Я с них кожу сдеру! Поджарю их живьем!»

Стирая кулаком слезы с глаз, он мчался и мчался по улицам Акры.

* * *

Депутация тамплиеров прибыла на следующий день, в шестом часу пополудни. Гроссмейстер сообщил об их появлении Фридриху, когда тот сидел на балконе и в задумчивости смотрел на море. Солнце сияло на поверхности воды, отражалось от желто-серо-черных скал на берегу, припекало шрамы и ссадины на предплечье, причиняя дополнительную боль. Когда Герман фон Зальца вышел на балкон, император даже не повернулся.

— Великий магистр ордена Храма Соломонова...

Не поворачивая головы, Фридрих смотрел на волны вдалеке.

— Сир, — проговорил гроссмейстер. — Сказать им, что вы заняты?

— Нет-нет, я буду очень, очень рад видеть его. Их. Госпитальер ведь тоже с ним?

— Да.

— Я не уверен, что есть твердые доказательства того, что напавшие на нас люди были храмовниками.

— Да. — Герман фон Зальца встал перед ним. — А где сарацины?

— Хоронят Хасана. Моя охрана в соседней комнате.

«Я должен убить их. Убить сейчас! Закрыть ворота, чтобы ни один не ушел, и одного за другим варить в котле с кипящим маслом. Сколько времени со мной пробыл Хасан? Разве я смогу привыкнуть к тому, что его не будет больше рядом? Никогда. Никогда, потому что он мертв. Я должен убить, убить всех их!»

— Пусть поднимаются.

— Государь. — Гроссмейстер преклонил колено, преданно глядя на императора. — Если вы не чувствуете в себе сил говорить с ними, позвольте мне? Я отошлю их прочь. Почему вы должны вести себя с ними как... как с союзниками, когда они...

— Пусть идут сюда, Герман. Я вполне готов к общению с ними. — Он улыбнулся. — И им это должно быть известно.

Гроссмейстер поднялся и вышел. Фридрих потрогал ссадины на лице... Увидев его вчера, Феофано сказала, что он выглядел ужасно. Гюи Амбриако чуть не свалился, когда император явился к ужину.

Просовывая руку в рукав, Фридрих наблюдал за небольшой лодочкой, сновавшей среди кораблей в запруженной судами гавани. Она перевозила товары и людей от галеры к галере.

«Яффа...» — подумал он.

— Сир.

Император поднял одну руку и, поприветствовав вошедших, трех магистров и их помощников, небрежно уронил ее на колено. Оба француза, гранмэтр* Храма Пьер де Монтегю и магистр Госпиталя, Бертран де Тесси, выглядели вполне упитанными и куда менее по-

ходили на настоящих солдат, чем гроссмейстер тевтонов — сытая жизнь на Востоке явно шла им на пользу. Герольд начал длинную и скучную речь, формальное представление. Пока все занимали места, Фридрих не мог ни думать, ни говорить...

«Они хотели убить меня... Они убили Хасана...»

Внезапно скованность прошла, он улыбнулся и жестами ответил на их поклонны.

— Господа, мы не будем беседовать долго, поскольку я знаю, что вы не горите желанием подвергать ваши бессмертные души опасности, находясь рядом со мной... — Тут, запыхавшись от долгого подъема по длинным и крутым лестницам, на балконе появился патриарх Иерусалимский Жеро де Лозанна. Фридрих приветствовал его кивком головы: — Благий отче.

— Сир...

— Садитесь, пожалуйста. — Патриарх сел. — Герман, пошлите пажей за вином и закусками, пожалуйста. Господа, позвольте выразить мое восхищение богатством и великолепием вашего города.

Пьер де Монтегю, мужчина средних лет, с тяжелой челюстью и поросячьими глазками, сев, глубоко погрузился в кресло:

— Ваше величество оказывает нам честь. Мы все прежде всего хотели бы принести вам извинения от имени всего города за то ужасное происшествие...

— О! — Фридрих шевельнул рукой, этот жест тоже причинил ему боль. — Небольшое недоразумение. К тому же... не каждый город — Палермо.

Он улыбнулся, и рыцари улыбнулись в ответ, однако весьма принужденно. Солнце заставляло их щуриться, поскольку било им в лицо — патриарх даже поднял руку, чтобы закрыть глаза, — император же сидел спиной к свету.

— Господа, мы уже обсуждали с вами ранее планы ведения военных действий. Совершенно ясно, что, если я лично приму командование, никому это радости не доставит. — Он вновь улыбнулся, сам поражаясь

тому, как легко у него это получалось. — И я намерен предпринять определенные шаги, дабы никто не был вынужден выполнять приказы изгоя Церкви. Кроме того, я собираюсь положиться на ваши суждения в том, что касается выбора кандидатур лиц, которые будут глашатаями моих приказов.

Пьер де Монтегю нахмурился и подался вперед:

— Сир, мы...

Появились пажи; слышалось негромкое шарканье их туфель по коврам, постеленным на каменном полу балкона. И вот голоса слуг затихли. Краем глаза Фридрих наблюдал, как руки гостей потянулись к медовым лепешкам, кубкам со сладким сицилийским вином и тягучим сладостям из Дамаска и Каира. Теперь император понимал, отчего не юные уже магистры французских орденов выглядели столь свежо. Значит, говорите, целомудрие, бедность и смирение?* Когда пажи принесли чаши шербета на золотых подносах, Фридрих взял одну и непринужденным изящным движением подхватил лепешку.

— Я не люблю тяжелой пищи. — Он посмотрел на грессмейстера и продолжал: — Итак, если вы возьмете на себя ответственность за организацию местных дружин и примете на себя обязанности по обеспечению взаимодействия с ними... а патриарх, разумеется, в свою очередь выступит гарантом лояльности местной Церкви... я со своей стороны буду очень и очень признателен вам. Ибо это, безусловно, облегчит груз возложенных на меня трудов.

Он посмотрел на собравшихся, поднял брови и кивнул. И один за другим все они также начали кивать, словно бы он вызвал своеобразный ветер, который и привел их в движение. А ведь магистры и патриарх со своими помощниками пришли сюда, вероятнее всего — он почти не сомневался в этом, — с целым пакетом требований, не исключено, что даже и претензий, и вот, не успел еще прием начаться, как он, император, сворачивал его. Бертран де Тесси открыл было рот.

— Итак, — Фридрих поднялся, — я благодарен вам за вашу поддержку.

Естественно, и они все также встали.

— Я покину вас, господа, дабы не подвергать вас опасности из-за длительного общения со мной. Обсудите все детали с сиром Германом. Благодарю вас за то, что со вниманием выслушали меня. Не стесняйтесь, угощайтесь, попробуйте все образцы кулинарного искусства моих поваров, то есть поваров моих друзей.

С этими словами он поднялся и оставил балкон, удалившись в более прохладные внутренние покои.

— Государь! — воскликнул патриарх, но возглас его утонул в громких звуках голоса грессмейстера.

Корсо с двумя рыцарями находился в той комнате, куда вошел император; не говоря ни слова, все трое последовали за ним в соседнее помещение, где Фридрих наконец позволил себе расхохотаться. Приглушенное звучание смеха создавало такое ощущение, как будто он задыхался.

— Государь...

— Корсо, ты говорил с этим... ну как его там зовут?.. С Лотаром, что ли... о том, что касается ночной стражи?

— Да, сир. — Корсо поспешил распахнуть перед господином следующую дверь. — Марино как раз послал меня сказать, что там... что у вас в покоях гонец...

— Гонец? — Он остановился посередине залитой солнечным светом комнаты и, нахмурившись, спросил: — От кого?

Сцепив пальцы в замок за спиной, с вытянутым лицом, Корсо только пожал плечами.

— Хотя бы скажи, от христиан или мусульман?

— Я не видел его, государь, — ответил слуга.

— Угу... — Фридрих направился к дальней двери. — Отправляйся-ка и узнай, как Феофано? Может быть, ей что-нибудь нужно?

— Сир. — Корсо умчался.

Марино никогда бы не послал гонца прямо в покои Фридриха, если бы не был уверен, что тот принес очень

важные вести, скажем так, поважнее, чем тамплиеры. Вероятно, прибыл посланник аль-Камиля. Он, все еще сопровождаемый рыцарями, распугал стайку служанок-девиц, которые при его появлении буквально распластались по стенам, и прошагал через комнаты пажей. Нет, аль-Камиль наверняка еще не знает, что император приехал в Акру. Разве что шпионы сообщили ему? Да, скорее всего у него здесь полным-полно шпионов. При виде императора трое пажей вытянулись в струнку, казалось, они вот-вот выпрыгнут из своих штанов. Не обращая на них внимания, Фридрих продолжал мчаться дальше. Первая комната оказалась пустой, а во второй двое секретарей с испугу открыли рты.

— Где Марино?

Секретари вскочили и бухнулись на колени возле стола:

— Он там, государь.

Император направился к ближайшей двери, и один из рыцарей забежал вперед, чтобы открыть ее перед ним. Послышалось шуршание шелка, внезапно его окатила волна запаха жасмина. Залитая солнцем комната оказалась совершенно пустой, если не считать...

— Сир...

Марино вышел вперед, и Фридрих увидел, что позади него за высокой спинкой стула стоит мусульманин в сером одеянии, напоминавшем рясу монаха какого-нибудь из священных орденов. Император отмахнулся от поспешных объяснений Марино.

— Спасибо, я знаю. — Марино поспешил к выходу. — И рыцари тоже.

Аскетичный мужчина в сером, перепоясанный красным кушаком, вышел из-за кресла, улыбаясь в черную бороду. Фридрих заметил у него на поясе прикрытый складками одежды длинный кривой кинжал в красных ножнах.

Император произнес по-арабски:

— Мое почтение к вашему господину, да продлит Аллах его бесценные дни.

Гонец поклонился:

— Великий султан, господин мой и сам о том же призывает к Аллаху. С теми же словами и я явился к тебе от Старца Горы, повелителя Аламута и господина ассасинов*. Да пребудет Аллах с султаном Запада в делах его. Шейх же, господин мой, молит и нижайше просит султана считать его таким же другом, как самые близкие из тех, кто живет в доме султана.

Фридрих сделал глубокий вздох. Тем цветущим типам, которые остались на балконе, он мог противопоставить хозяина аскетичного бородача и всю их секту. Она могла бы стать для них занесенным над головой топором. Император хлопнул в ладоши и приказал явившемуся на зов пажу:

— Шербета, а посланцу ассасинов розовой воды.

Гонец сдержанно улыбнулся, а Фридрих произнес, усаживаясь:

— Я весьма уважаю ваш орден, эмир.

— Султан, вы оказываете мне незаслуженно высокую честь. Я всего лишь скромный слуга.

Вошли пажи с подносами, уставленными чашами со шербетом и розовой водой и вазами с миндальным печеньем. Фридрих ополоснул руки и вытер их о протянутое слугой полотенце.

— Это мне оказана незаслуженная честь, поскольку ваш хозяин отправил мне в качестве гонца посвященного. Разве скромный слуга Старца Горы не есть эмир в сравнении с обычными людьми?

Аскет улыбнулся и протянул руку к печенью:

— Но разве я нахожусь рядом с обычным человеком? Мой хозяин велел передать вам, султан, что из всех монархов на земле лишь вы поразили его воображение настолько, что он просит вас взять его под свою защиту.

— Да будет так, — ласково произнес Фридрих. — Можете сообщить ему, что во мне весьма мало милости к тем, кто на словах изъявляет высокий пиетет к моей вере, но сам обнажает меч в земле, где ступала нога

Христа. Я готов поставить твоего господина и его людей на место более высокое, даже нежели то, которое занимают те, кто, раздуваясь от чувства собственной значимости, разгуливает по улицам этого города.

Сказав это, Фридрих улыбнулся; ассасин также улыбнулся. В какой-то момент, потягивая шербет, они сидели молча, император обдумывал подходящие к случаю слова и фразы. Гонец же поставил свой кубок и сказал:

— Мой господин хочет, чтобы вы знали, что не в его обычае подменять знаками дружбы саму дружбу. Моя миссия завершена, лишь одно осталось сообщить мне, прежде чем я покину вас... Акра закрыта для меня и моих братьев.

Он поднялся, и император также поднялся, весьма озадаченный.

— Если ваш хозяин проявляет столь высокие знаки дружбы, любой знак дружбы с моей стороны будет оскорбителен для него. Пусть же знает, что в Палестине и Сирии я буду служить ему, как подобает преданному другу.

— Прекрасно. — Ассасин направился к двери. — Вот то последнее, что я еще не сказал вам, султан: тамплиеры, как вам известно, жаждут вашей смерти...

— Весьма благодарен за известие. — Фридрих натянуто улыбнулся.

— Ассасины же готовы сделать все, что в их власти, дабы оградить вас от попыток свиней осуществить их намерения и защитить вас от них.

Удивление было столь велико, что в той или иной мере, по-видимому, отразилось на лице императора. Ассасин, не сказав больше ни слова, молча улыбнулся и вышел. Фридрих опустил в кресло. Сердце его забилося неровно. Этот визит мог значить очень много... Нет, не для христиан, конечно. Для них имеют силу лишь торжественно принесенные клятвы, обмен подарками и заложниками. Однако ассасины в Сирии снискали к себе уважение прежде всего потому, что

всегда держали данное слово, с какой бы видимой легкостью они его ни давали. Но как же быстро появился гонец! И это учитывая, что Акра весьма небезопасное место для ассасинов!

Аль-Камиль также не любит их. Ну что ж, никто не может нравиться всем.

Пришедшие пажи принялись наводить порядок в комнате, они тихонько обменивались замечаниями, говорили о чем-то своем, совершенно не замечая господина. Мягкие тонкие руки юноши потянулись к опустевшей чаше шербета и поставили новую, полную.

«Люблю я грушевый шербет».

За дверями в одной из ближайших комнат о чем-то говорили люди, однако различить слова Фридрих не мог.

«Я — защитник ассасинов, — раздумывал он, — которые в свой черед собираются защищать меня. Вот интересно, *как*, каким образом они собираются приступить к решению этой задачи?»

Он никак не мог остудить волнение, будоражившее его сознание, все, вообще все казалось ему просто несказанно очаровательным.

— Государь...

— Да, Корсо?

— Сир Герман хотел бы...

— Пусть придет. — Жаль, что он не мог разделить своих мыслей с гроссмейстером, который бы... — Герман, как там наши свинки наверху?

Великий магистр Тевтонского ордена, улыбаясь, направился к креслу и сел в него:

— Они не понимают, как вышло так, что вы милостиво даровали им то, что они и так имели, да еще и поблагодарили за то, что они любезно согласились принять вашу волю, и при этом удалились, даже не дав себе труда выслушать то, ради чего они и пришли... Нет, спасибо... — Последние слова были обращены к пажу, который хотел предложить гроссмейстеру шербета и печенья.

— Они французы, не сицилийцы. Ничего, привыкнут. Какие же новости?

Герман фон Зальца тяжело вздохнул и механически погладил вышивку на рукаве:

— Хорошего мало. Вчера вечером несколько шаек из орды аль-Камиля совершили набеги на селения христиан, пожгли, пограбили и ушли, практически никем не преследуемые. Местные бароны до хрипоты спорят, выясняя между собой, кто виноват в случившемся.

— Ну а на что еще они способны? — Фридрих сделал большой глоток грушевого шербета и, прежде чем проглотить напиток, немного подержал его во рту, ощущая весь букет прохладной ароматной жидкости. — Полагаете, можно осуществить попытку взять под контроль оборону границ?

Гроссмейстер состроил глубокомысленную мину и посмотрел в сторону. Шнурок от одежды, обернувшийся вокруг его узловатой кисти, потемнел от пота:

— Полагаю, вы уже все решили.

— Конечно. Хотите услышать?

— Разумеется!

— Единственная причина, почему мусульмане до сих пор никак не могут стереть с карты Сирии форпосты Утремера — за исключением Акры и Бейрута, которые им удалось захватить после Хаттина, а также Триполи и Антиохии, до которых у них просто руки не дошли, — состоит в том, что мусульмане просто не знают, куда направить удар, поскольку никогда нельзя с точностью сказать, где находятся главные силы государства. Здесь как будто бы и нечего защищать*. Резонно?

— Резонно. Но вы же всего два дня как приехали...

— Просто я иногда читаю перед сном. Короче говоря, Герман, королевство моего маленького сына мистическим образом защищено.

— Ну так чего же вы еще хотите, государь?

— Ничего. Сам принцип обороны противоречит ес-

тественной логике. Полагаю, что вызову немалое удивление сирийских баронов, если попытаюсь представить всю ситуацию в таком виде...

— Государь...

— Я не собираюсь делать этого. Объяснять им что-либо — себе дороже. Попробовал было я что-то втолковать им на Кипре, и что вышло? Чуть было мне мой сительный зад не надрали. В Акре я сидеть больше не буду. Мы уходим отсюда.

— Бейрут и Антиохия также исключаются.

— Верно. Я думал о Яффе.

— Бог мой, сир! — Гроссмейстер вскочил. — Яффа лежит в развалинах!

— Успокойтесь. По счастью, у нас тут немало добрых вояк, которые, по сути дела, ничем, кроме поисков неприятностей, не заняты. И, пока мы находимся в Акре, ничего, кроме неприятностей, нас не ожидает. Я уже кое-что понял, патруль был искренен, называя меня *вонючим итальяшкой*. Яффа имеет превосходную гавань, к тому же она куда ближе к Иерусалиму, чем главные центры Утремера. Кроме того, она не принадлежит ни одному из баронов земли. Мы пойдем к ней и заново укрепим ее.

Сказав это, Фридрих сделал еще глоток шербета.

Герман фон Зальца улыбнулся, ему нравился конкретный разговор, обсуждение тактики и стратегии военных действий:

— Когда выступаем?

— Как только я дождусь известий от аль-Камиля. Кроме того, я получил весточку из Бриндизи. Миссия Ринальдо провалилась, и папа готовит вторжение на Сицилию. Как вам это нравится?

Лицо старика стало жестким. Он пытался осмыслить сказанное.

— Вторжение на Сицилию?

Фридрих кивнул.

— Разумеется, это лишь слух? Ложный слух? — Герман фон Зальца отказывался верить тому, что слышал.

— Не стоит недооценивать опасность. Напротив, размах приготовлений папы вполне может соответствовать подобной задаче.

Гроссмейстер снова сел, упирая локти в широко расставленные колени. На какое-то мгновение могло показаться, что мысли его витают где-то в иных мирах. Он смотрел на все невидящим взглядом:

— Святейшая курия всегда клялась в том, что будет защищать владения любого крестоносца от нападений врагов...

— Да полно вам, Герман, *этот* крестоносец отлучен от Церкви.

— Но по закону, отправившись в крестовый поход, вы этим очистились от всех грехов.

— Разумеется. Но *это* — закон, а *то* — папа. *Особенный* папа.

— Не могут ли новости оказаться просто провокацией?

— Ринальдо захватил Анкону с окрестностями. Она принадлежала мне, но была украдена. Конечно же, это была провокация. Я сам — провокация. Папа ненавидит меня и будет делать все, чтобы уничтожить меня, весь род мой выкорчевать с корнем. Моих детей пришлось перевезти из Андрии в Палермо.

— Его ввели в заблуждение. Настроили против вас.

Фридрих вздохнул:

— Да, конечно. Его ввели в заблуждение и настроили против меня. — Он вдруг физически почувствовал охватившее старика горе. Им словно бы повеяло в теплом, неподвижном воздухе. Неожиданно император пожалел, что выложил гроссмейстеру все, что знал. — Герман, мне очень жаль, но это правда... Правда, что это провокация, и в конце концов, он всего лишь человек, такой же, как я. Я не лучше. Полагаю, что вы...

— Он — святой отец, он не имеет права...

— Не нужно перебивать меня. Ступайте и займитесь подготовкой нашей отправки в Яффу. Да, хорошо бы, чтобы Энрико был под рукой. Мне вовсе не улыбается

перспектива оказаться приколотым к суше, точно булавкой, не имея возможности отплыть отсюда в нужный момент. Кроме того, нам, безусловно, придется организовать снабжение продовольствием и всем необходимым, когда мы доберемся до места. — Он встал и начал снимать котту. — По крайней мере на первые десять дней, пока мы как следует не обоснуемся там.

— Да, сир. — Гроссмейстер поднялся, могучий, ширококостный. — Как вам будет угодно, государь.

— Прошу прощения.

Герман фон Зальца коротко поклонился и вышел. Фридрих подавил в себе волну раздражения. Старик не знал, он просто не в силах представить себе... Сбросив котту, он позвал пажа, чтобы тот принес ему чистую одежду.

Всю следующую неделю Фридрих выслушивал отчеты о событиях, происходивших на севере, юге и востоке. В субботу Балиан Сидонский вернулся из Антиохии с письменными свидетельствами о состоянии оборонительных сооружений и боеспособности войск, о передвижениях неприятеля, а также с докладами шпионов о ситуации вокруг Дамаска. Во второй половине дня, после обеда с местными нобилями, каждый из которых хоть что-нибудь да хотел от императора, он принимал послов из Бейрута. Они только подтвердили то, что уже говорил ему Балиан, и выразили уверения в дружбе и верности Жана Ибелинского. Весь вечер Фридрих занимался тем, что сочинял письмо аль-Камиллю.

— Трудная у императора работенка, — посочувствовала ему Феофано и засмеялась.

— Точно. И беда в том, что мне придется всю свою жизнь быть императором.

— Можно ли мне коснуться вашего лба и прошептать слова ободрения?

— Я бы предпочел, чтобы ты коснулась меня немного ниже.

Уже после, лежа в лунном свете возле круглого окна, он думал о словах ассасина:

«А вот бы переодеться и пойти прогуляться по Акре, чтобы никто не узнавал меня. Фульке и Эццо могли бы составить мне компанию. Мы завернули бы в какое-нибудь злачное местечко, перекинулись бы в кости, потешились бы, отпуская шуточки в адрес местных. То-то бы у них от нас глаза на лоб полезли!»

Феофано, примостив голову у него на плече, что-то тихо бормотала во сне, и ее волосы темнели на шелке постели. Он укутал ее покрывалом. В Палермо...

Он спал и во сне видел себя в Палермо, маленьким мальчишкой, воруящим апельсины с лотка уличного продавца, гоняющимся по заваленным мусором улицам за заполошно кудахтающими от страха курами. Во сне его жила музыка, безумная, ритмическая музыка, не похожая ни на мусульманские, ни на христианские песни, она, казалось, звучала в самом его теле, наполняя его легкостью и непередаваемым восторгом. Пробиваясь обратно к границе сознательного бытия, он слышал, как музыка превращалась в обыкновенную мелодию, которую кто-то играл на обыкновенной лютне. От ощущения утраты, которую он понес, Фридриху захотелось расплакаться. Когда он открыл глаза, то увидел, что Феофано, как была голая, сидит на табурете возле окна и играет на лютне.

— Что это?

— Что-то арабское, я думаю.

Скорее мелодия была отчасти французской, отчасти сирийской, некий странноватый гибрид...

— Ты что-нибудь еще играла?

Женщина задумчиво покачала головой. Она как-то по особенному посмотрела на него, без тени улыбки на лице. Свет луны делал ее кожу какой-то бесцветной и холодной, чуть ли не прозрачной, словно у ледяной статуи. В восхищении и в некотором испуге он смотрел

на Феофано до тех пор, пока музыка и ее тяжелый взгляд вновь не усыпили его. И, оказавшись там, в своем сне, он всюду искал ту странную, вызывающую столь противоречивые чувства музыку.

— Вы хорошо спали?

— Нет.

— Я знаю, вам снились дурные сны — вы даже разбудили меня однажды. Пытались сказать что-то, и, хотя глаза у вас были открыты, вы спали.

— Ого!

— Я знаю, что вы спали, но глаза ваши были открыты. Не хотелось будить вас, но признаюсь, я очень испугалась.

— Извини.

— А что вам снилось?

— Мне... я... я не помню.

Он помнил. Ему снилось множество деревьев с торчавшими во все стороны сучьями, больше похожими на шипы. Он был узником этих деревьев, превратившихся в некое подобие клетки, а вокруг кружили и кружили невиданные хищники, и при виде его в глазах их светился голод.

— Говорят, вы собираетесь в Яффу?

— Да. Хочешь со мной?

— Если вы того пожелаете.

— Поедешь.

Феофано обняла Фридриха, и он прижался щекой к ее круглому гладкому плечу. Неясный ужас, навеянный воспоминанием о снах, начал отступать. Император услышал голоса пажей в соседней комнате. Слуги ждали его команды. Как только они войдут, начнется новый день, *его* новый день.

Намазав мед на печенью, он сунул его в рот Феофано и громко позвал Корсо. Она по горло завернулась в покрывало и подмигнула Фридриху. Он засмеялся. С ней все было легче, все.

«Люблю ли я ее? Должно быть. Да, так и есть...»

Явился Корсо с другими пажами, и, продолжая жевать печенье и запивать его молоком, император позволил им одеть себя, а потом вышел в приемную. Толпа просителей ринулась было к нему, и сарацины-стражники устремились вперед, чтобы оградить от них господина.

«Боже мой... — На какое-то мгновение Фридриху привиделась физиономия зверя из ночного кошмара, император даже замер на мраморном полу возле двери, не решаясь сделать следующий шаг. Но тут подошел Фульке с кипой документов, а с ним еще три секретаря с ворохом писем, которые ему надо было подписать. — Тихо, тихо, государь мой. Успокойтесь, императоры не...»

Он протянул руку к бумагам, которые принес Фульке, и, читая их, выслушивал обращения, просьбы и жалобы. Первые две петиции он по обычаю удовлетворил — в одном случае речь шла о назначении содержания, в другом — о возвращении некоего лица ко двору, — остальных же ходатаев отослал обратно с тем, чтобы возвращались завтра утром. Когда они наконец ушли, комната словно бы выросла в размерах, стала больше.

— Эццо, как идет заготовка продовольствия?

— Заканчивается, государь, — с поклоном ответил стоявший у стены Эццо. — Доложить подробнее?

— Да нет, не надо. — Он указал на занавеси на окне, и паж поспешил раздвинуть их. Другой вошел с целой охапкой свежих цветов для других комнат. — Найдите Энрико, ему предстоит заниматься снабжением.

— Мы снова опросили всю стражу, — негромко проговорил Фульке. — Никто из них не признается, что...

— Забудь об этом. Доказательства у меня есть. Для суда они не годятся, но они есть. Конрад.

С широчайшей улыбкой Конрад фон Гогенлоге устремился к императору:

— Когда мы отправляемся в Яффу?

— Скоро. Что еще?

— Все, государь.

— Так, Эццо, твоя очередь, возьми воинов и сделай небольшой рейд по округе. Чтобы никаких безобразий, понял?

— Сир. — Эццо отошел от стены и покинул помещение.

— Надеюсь, вы больше не станете разгуливать в одиночку по улицам ночью? — проговорил Фульке.

Айюб прикрыл дверь за Эццо и, хмурясь, вернулся на свое место — замечание Фульке ему не понравилось.

— Это почему же? — поинтересовался Фридрих.

— Потому, — произнес Фульке, скрестив руки на груди. — С того времени как... после того случая, что произошел с вами, в Акре убили четверых мужчин. Убийцы не найдены.

— Ну и что?

— Трое из погибших были рыжими.

— Совпадение, — вмешался Конрад.

Фульке не удостоил его даже взглядом; сарацины же, стоявшие у стены, нахмурились. Он продолжал:

— Рыжие волосы не так уж часто встречаются у жителей Акры. Трое из четверых... почти невероятно.

Фридрих укусил губу:

— К чертям. Мы только зря теряем время. Теперь в Акре рыжих и вовсе не будет. Один я останусь. Пока.

Тут Фульке ни с того ни с сего захохотал, и даже сарацины заулыбались.

— Я не буду больше гулять один, — пообещал император. — Марино.

Марино вошел и, остановившись ровно в двух шагах от двери, поклонился:

— Сир, вас ожидают посетители. Вы пожелаете принять их?

— У них что-то важное?

— Нет, государь. Вероятно, это ходатаи более высокого уровня.

— Скажи им, что я всех и каждого приму... м-м-м... послезавтра. Надеюсь, меня уже здесь не будет. Ты, Конрад, пойдешь с Фульке, чтобы выяснить, кто те

рыжие, которых убили. Марино, все хартии по Кипру принеси мне в сад.

— Государь.

Они раскланялись, и Фридрих вернулся в спальню к Феофано, чтобы сменить официальный наряд на короткую котту и штаны.

Сад так сильно напоминал ему о Сицилии, что он не всегда даже мог оставаться там. В сопровождении секретаря, передававшего императору бумаги и принимавшего из его рук те из них, которые он уже прочитал, Фридрих расхаживал по аккуратно посыпанным галькой дорожкам, разглядывая цветы.

«Людей убивают только из-за того, что они похожи на меня...»

Огненно-рыжий от солнца локон упал на его лицо, и Фридрих принялся разглядывать его. Персики уже созрели, их вид соблазнял, император взял один из плодов и с удовольствием съел его. Затем он велел секретарю подставить спину и подписал грамоту, дававшую ему самому право взимать налоги со всего населения Кипра от имени короля Анри.

— Господин.

Айюб спешил к Фридриху по боковой дорожке; галька хрустела под подошвами его башмаков. Если бы Хасан был жив, он мог вот так же спуститься в сад и под его башмаками так же хрустела бы галька. Мысль о том, что этого не может быть, никогда уже не будет, вызвала в императоре прилив бешенства. Он бросил перо секретарю:

— Что?

— Там человек... — Айюб улыбнулся. — Вам лучше посмотреть самому.

Не успел крайне разгневанный император сделать и трех шагов, следуя за своим стражником, как увидел гостя, сидевшего на скамье за абрикосовым деревом. Фридрих остановился как вкопанный. Мужчина поднял-

ся, отряхивая нападавшие на одежду листики, и, улыбаясь, двинулся вперед.

— Дауд! — закричал Фридрих. Он помчался вперед, чуть не сбив с ног Айюба, который успел отскочить в сторону. Визитер вынырнул из-за ветвей абрикосового дерева:

— Султан, я так надеялся увидеть вас...

Император заключил Дауда в объятия:

— Аль-Камиль послал тебя? Вот не думал, что он... Я так ждал...

Фахр ад-Дин откинул голову назад и сквозь смех проговорил:

— Я настоял... А вы прекрасно выглядите, вы должны остаться в Сирии! — Он в свою очередь обнял Фридриха. — Что с вашим лицом?

— Упал на улице... Помнишь Айюба?

— Ну конечно, а где Хасан?

— Эмир, — пробормотал Айюб.

Фридрих повернулся к нему:

— Если ты еще не забыл о субординации, почему бы тебе не пойти и не позвать кого-нибудь из этих бестолковых пажей, чтобы они принесли нам... Дауд. — Император махнул рукой. — Я думал, он пошлет ко мне одного из этих его чертовых докторов...

Фахр ад-Дин снова засмеялся:

— Я заверил его, что обрушу на вас всю мощь философии и математики, что заговорю вас до полусмерти. Мне приказано тянуть время.

— Мне это не нравится. — Фридрих жестом показал Айюбу и секретарю, чтобы они оба скрылись с глаз. — Так что, он никак не решится? После всего? После всех своих обещаний?

— Да святится имя Всевышнего, — негромко проговорил Фахр ад-Дин. — Если аль-Камиль просто отдаст все, что обещал, непримиримые поднимут вой. Если уж откровенно, я должен постараться приготовить вас к тому, что он вообще не сможет вам ничего дать.

— Правда? — Фридрих остановился возле скамейки

под персиковым деревом, поднимая носки сапог и перенося весь свой вес на пятки. — Давай-ка присядем, я знаю, что ты не любитель вести серьезные разговоры стоя. Не пытайся водить меня за нос, Дауд, я так же хорошо осведомлен о ситуации, в которой находится он, как он — о ситуации, в которой нахожусь я. Кстати, он в самом деле понимает, в какой я ситуации?

— Конечно, если только... О! — Фахр ад-Дин сделал резкий и глубокий вдох, при этом ноздри его раздулись. Бороду он не подстригал, а носил на манер бедуинов, отчего внешностью посланец султана Египта напоминал императору старого еврейского философа, которого он знал в детстве. — Как я понимаю, вам интересно узнать, принял ли мой повелитель вашего посланца?

— Насколько я могу судить, принял, по крайней мере однажды. — Фридрих скользнул взглядом вокруг в поисках Айюба, но не увидел его.

— Да-да, конечно. Да, однажды. На вашем месте, султан, я бы заменил его... у него не очень получается с моим повелителем, не то что у Томазо д'Аквино или архиепископа Берардо. Если Томазо здесь, лучше послать его.

— О да, я и забыл, что граф у нас искусен в шахматах.

— А то, что говорят о вашем походе в Яффу, правда?

Фридрих посмотрел на собеседника, подняв бровь:

— Не надо хвастаться, я и сам вижу, что шпионы ваши даром времени не теряют. Я...

Фахр ад-Дин посмотрел за спину императору и просял:

— Корсо. А я еще сомневался?

Корсо подошел и преклонил колено, протягивая Фридриху и его гостю поднос и кланяясь обоим:

— Я слышал, что несравненный эмир здесь, и просто не мог не прийти, чтобы не сказать ему, что по крайней мере один сицилиец вне себя от радости из-за того, что он вернулся.

— Однако говорите вы по-итальянски, — заметил

Фахр ад-Дин. — Я ваш язык не забыл, а вот вы мой забыли.

Корсо вспыхнул:

— Некогда было попрактиковаться. Оставить поднос, государь?

— Да. — Фридрих покачал головой, разочарованно глядя на слугу. — Ты опозорил меня.

— Сир. — Лицо Корсо приняло подобающее случаю виноватое выражение, и он поспешил ретироваться.

— Ну что ж, как видно, вы не испытываете недостатка в привычных для вас на Сицилии вещах. — Фахр ад-Дин взял в ладонь плод. — Однако персики у нас тут лучше, чем ваши.

— Я учту это и прихвачу саженцы, когда поеду домой. Если я, конечно, когда-нибудь уеду отсюда. Наверное, нет. А в таком случае поступлю в медресе, выучусь и выйду настоящим докой во всех науках. Ты же знаешь, вернуться назад без Иерусалима я не могу.

— А как здорово было бы, если бы вы остались. Навсегда. Если уж вести речь о доках во всех науках, вы помните того математика, что приезжал со мной на Сицилию?

— Нет.

— Это оттого, что он вам не нравился. Ну тогда вам приятно будет узнать, что его застукали на том, что он использовал чужие открытия в области натуральной геометрии и выдавал их за свои. Пришлось продать его в рабство. Буквально за гроши. Никто не хотел покупать его.

— О-го! — воскликнул Фридрих. — Вы ужасно строги... А шпионы у вас что надо, а? Я должен идти в Яффу.

— Просто из-за того, что она ближе к...

— Нет, потому что тут все больше народу желает моей смерти.

Шутливое выражение исчезло с лица Фахр ад-Дина, он по-новому посмотрел на ссадины на лбу и щеках императора:

— Вас что, столкнули с лестницы?

— Нет, это так, шутка. Устроили мне засаду прямо на улице. Хасан мертв, его убили.

— Кто?

— Тамплиеры.

Фахр ад-Дин обнажил зубы:

— Вот дьяволы. Нет, наши шпионы об этом не докладывали.

— Доложат. В Акре только об этом и говорят.

Эмир вновь приклеил к своему лицу дежурную улыбочку:

— Яффа как раз то место, где можно спокойно гулять одному. Очень уединенное, и, как мне говорили, там весьма много садов.

— Да. А как там у нас теперь отношения с Хорезмом?

— С Хорезмом? — Густые брови Фахр ад-Дина поползли вверх. — О друг мой, нельзя же так! Да ваши шпионы ничуть не хуже наших!

— Ну и?..

— Хорезм любит нас, как брата.

— Насколько мне понятно, новый шах не менее ревнив в вопросах власти и чести, чем его отец, и он, в отличие от своего предшественника, не извлек пользы из горького урока, преподанного его отцу одним племенем, про которое нам определенно придется поговорить. Как бы там ни было, говорят, что шах зарится на Сирию. Правда, Багдад не в его власти, а Багдад без...

— Резонно. Так и есть. Джелаль ад-Дин не добавляет радости моему господину, и Муаззам со своей стороны признавал сюзеренитет Хорезма над Дамаском, а это только лишний раз доказывает ту истину, что вовсе не надо быть христианином, чтобы совершать глупости.

Персик сам лез в нос Фридриху, словно бы живой, и император отпихнул его тыльной стороной ладони. Тень падала на покрытые белой материей колени Фахр ад-Дина:

— Ладно. Скажи мне, что за Хорезмом?

— Про монголов?

— Да.

Эмир бросил косточку персика в кусты:

— Если бы вы только видели их, то решили бы, что это не люди, а звери. Они маленькие, коренастые, кривоногие и невыносимо противные. У нас года два назад были послы, два их хана. Невероятно, но они люди, причем весьма хваткие в том, что касается обучения. Все очень быстро усваивают. Десять лет назад, когда мы впервые встретились с ними, они и понятия не имели, как вести осаду городов, но теперь... Это настоящий кошмар — умные звери*.

— Да, у бодливых коров должны быть короткие рога. Как продвигается твоя книга?

— О-о! — Фахр ад-Дин был явно смущен. — Я прочитал ее и сжег.

— Это очень плохо. Но зачем?

— Потому что получилось отвратительно. Одно дело говорить, это я умею, а писать, нет, я не писатель. Откровенно говоря, язык — все, что у меня есть. Слава Аллаху, что я родился в семье шейха, а то бы быть мне рабом.

Фридрих засмеялся:

— Сомневаюсь я. Как поживает аль-Камиль?

— О! Сейчас он в своей стихии. Он любит вести переговоры. Он торгуется с ан-Назиром, играет в игры с аль-Ашрафом, с вами дипломатию развел, в общем, загружен работой по самую макушку. Ему все и обо всем известно. Такая жизнь ему по душе, а самое главное, есть повод нить день и ночь, что нет ему ни отдыха ни покоя. Да что говорить, вы ведь его знаете?

— Ну... не знаю. Я бы так не сказал, однако мы обменялись несколькими весьма приятными письмами.

— И вот еще что, — добавил Фахр ад-Дин, глядя на императора с улыбкой. — Он остался весьма поражен тем письмом, которое вы послали с Уберто. Все гадал, где вам удалось заполучить такого писца-араба. Я сказал ему, что вы, должно быть, писали письмо сами.

— Естественно. Неужели он думает, что я доверю столь важные сведения писцу?

— Да. Он говорит, ваш арабский просто дьявольски хорош.

— Кто бы сомневался? Идем в другую часть сада, я познакомлю тебя со своей новой подругой.

Когда они миновали Кесарию, дорога на Яффу совсем приблизилась к морю, такому синему, что Фридрих не раз замечал — Феофано часами смотрит на волны. Вскоре после того, как они выступили из Акры, к числу стражников-сарацин присоединился еще один немногословный, обстоятельный человек по имени Фейзал. Узнав, что он ассасин, император постарался сделать так, чтобы Фейзал и Фахр ад-Дин не встречались, Фридрих даже приказал Айюбу специально следить за этим.

У берега волны становились белыми, точно сливки, а вообще вода была такой чистой, такой прозрачной, что, находясь на высоком холме, становилось возможным видеть большие камни и валуны, покрывавшие дно. Дальше, ближе к линии горизонта, синева становилась необыкновенно глубокой, насыщенной. Ближе к линии горизонта... Где-то там за горизонтом лежала Сицилия. Она снилась ему прошлой ночью, когда он лежал в объятиях Феофано в ее портшезе. Фридрих видел землю родины, голую, высушенную, выжженную солнцем после длинного лета. Видел заросли камыша у болотистого берега в Журавлиной бухте.

Снабжение было налажено из рук вон плохо, поскольку флот подевался неизвестно куда. Иногда император, натягивая поводья, останавливал лошадь на вершине какой-нибудь горки и, обернувшись, смотрел назад на длинную колонну следовавших за ним людей. Они медленно шли по покрытой пылью дороге, поросшей по обочинам низким бурым кустарником. Народу набралось много, дело в том, что немецкие пилигримы,

которых нашлось немало в Акре, потащились за своим государем, надеясь, что он приведет их в Иерусалим*. Это тяготило Фридриха. Отчего, отчего они так верят в него? Никто, ни один человек, не должен настолько полагаться на другого человека. Через какое-то время он пришел к выводу, что думает подобным образом из-за того, что опасается собственного провала. Ведь Фахр ад-Дин ясно дал понять, что в конце концов все может обернуться отказом со стороны аль-Камиля.

Чем же, чем же заплатить? Он вновь тронул коня; они двигались очень медленно из-за того, что большинство людей шли пешком. Портшез Феофано, выцветший от солнца, ставший серым, как дорожная пыль, покачивался у самого подножия холма.

«Чем же, чем заплатить? — вновь и вновь спрашивал себя император. — Аль-Камилю нужен мир? Пусть получит мир. — Он разговаривал сам с собой. — Мир? Но я уже предлагал ему мир. Ты хочешь мир, и ты его получишь, только отдай мне Иерусалим. Если ты сделаешь это, я обещаю, больше не будет ни одного крестового похода...»

Христиане устали от этих игр, они в самом деле устали. То они посылают на верную гибель детей, то вместо Каира разоряют Константинополь*. Нет, идея сама себя изжила. Да она с самого начала никуда не годилась.

Далеко впереди император увидел Фрайданка, который пел для группы рыцарей. Фридрих вспомнил слова менестреля, сказанные им в первый день в Акре за ужином:

«Если вы думаете так, государь, вам не следовало отправляться в крестовый поход. Зачем вы здесь?»

«Да потому что... потому что, потому...»

Жара и солнце пробуждали мучительную жажду, но воды не было, и ее не будет еще час или больше. Рядом, глядя на море своими черными глазами, скакал безмолвный ассасин.

«Вот бы самому побывать в Аламуте, повидать шейха».

От размышлений Фридриха оторвал подъехавший Фульке:

— Эмир едет сюда.

— А, спасибо. — Император повернулся и посмотрел назад. Длинный пыльный шлейф ясно показывал, где находился Фахр ад-Дин, на рыси приближавшийся к пригорку, на котором находился Фридрих. Он посмотрел на ассасина.

— Поезжай к портшезу, Фейзал.

Ассасин, не говоря ни слова, ударил пятками в бока лошади и поскакал вниз. Фульке занял его место рядом с господином. Заметив, что император наблюдает, как он утирает лицо шейным платком, Фульке улыбнулся.

— А ты никогда не спрашивал себя, какого дьявола мы тут делаем? — спросил Фридрих.

— Нет, я оставляю решение этого вопроса вам, сир.

«Размышления и постоянные поиски ответов на вопросы очень вредны для ума. Мне следует поменьше думать, потому что, сколько ни думай, хоть в узлы себя завяжи, думая, все равно ни до чего путного не додумаешься».

Пассивное состояние угнетало его. В ожидании Фахр ад-Дина, в преддверии беседы с ним Фридрих повернулся и стал смотреть на море. Ему вдруг ужасно захотелось домой.

— О чем вы думаете?

— О Сицилии.

Она коснулась его руки, сидевший по другую сторону костра Фахр ад-Дин поднял глаза от своей книги и улыбнулся. Фридрих вновь опустил подбородок в ладони.

— Может быть, позвать для вас Фрайданка? — спросила Феофано.

— Нет, я устал от его музыки. Оставь меня, все будет в порядке.

Она не стала докучать ему — такое поведение следовало признать крайне необычным для женщины. Он стал думать об Аделаиде, которая всегда приносила ему подарки и настаивала, чтобы он говорил с ней, когда он чувствовал себя так, как сегодня.

«Чувствовал, как сегодня? А разве я когда-нибудь прежде чувствовал себя так? Несомненно. Я даже знаю, что последует за этим. Я начну злиться и кричать на окружающих. Так, выходит, я вполне предсказуем?! Боже ты мой, да перестань же ты думать!»

Феофано занялась беседой с Фахр ад-Дином. Говорила она медленно и с сильным акцентом.

«Она со всеми мила, так же как и со мной. Хорошо это или плохо? — Фридрих попытался представить себе, испытывает ли Фахр ад-Дин то же волнение, которое испытывает он, когда она на него смотрит. А если эмир захочет что-нибудь сказать, станет ли она слушать и скажет ли потом: «Да, это верно. А я даже и не догадывалась. Вот оно как?» Сейчас Фахр ад-Дин рассказывал ей про одного поэта из Кордовы. — Черт побери! Она должна говорить со мной!»

Император поднялся, и оба они, и эмир и Феофано, с удивлением посмотрели на него. Не говоря ни слова, он отошел от костра и направился к скале, нависавшей над морем. Сарацинская стража немедленно собралась около него.

«Я не могу побыть один. Мне не позволяют даже такой мелочи, как побыть одному!»

Они прошли мимо рыцарей и паломников; и никто из них не заметил Фридриха. Холмы покрывали тысячи светлячков — костры большого лагеря. Отвернувшись от огней, он сел, согнув ноги, прямо на камень на самом краешке скалы, слушая шум прибоя и шипение волн внизу под ногами. Сарацины поняли и отошли подальше, позволяя господину побыть одному.

«А что, если я не смогу заполучить Иерусалим? — Так или иначе он все равно заставлял себя об этом думать. — Отправлюсь домой несолоно хлебавши? Ниче-

го другого не останется. Буду воевать с папой за каждый клочок земли Сицилийского королевства. Как же будет радоваться папа! Он сможет тыкать мне в нос моим поражением... Или, может быть, не возвращаться? Остаться здесь? Поселиться вдвоем с Феофано на скале над морем. Раствориться в забвении. Исчезнуть из людской памяти. Ничего лучше и придумать нельзя. Пусть сделают императором *Хайнриха*. Пусть *Хайнрих* убедится на деле в том, что доброхоты, донося ему, нашептывая прямо в уши, извращают факты. Мой сын... маленький, глупый и готовый идти на поводу у...

Фридрих вдыхал запах пыли, который приносил ветерок с берега.

«Продуктов у нас хватит на два дня, не больше, — подумал император. — А что мы станем делать потом? То же, что и всегда: отправим отряд, который ограбит окрестные селения, а когда крестьяне придут жаловаться, встанем в позу и бросим им к ногам деньги. Мои деньги. Нет, не мои, а Гюи Амбриако. Если я не смогу заполучить Иерусалим, то не смогу поехать домой, а значит, не смогу и компенсировать ему затрат. Прости, Гюи, прости, старина, похоже, ты останешься внакладе!»

Почувствовав движение возле себя, он резко обернулся. Феофано села рядом:

— Это всего лишь я, Рыжик.

— О... — Она пошла за ним. Фридрих почувствовал себя необычайно удовлетворенным. Феофано положила руки ему на плечи и, встав на колени, принялась разминать ему спину. Он сделал выдох и позволил себе расслабить мышцы. Она зашла спереди и сняла с него сначала котту, а потом и рубаху. Пальцы Феофано принялись мять его голую спину.

— Ниже, немного ниже. Нет, еще чуть-чуть. Теперь вправо. О-о-о-о-о!

Он запрокинул голову. Феофано продолжала массировать натруженные мышцы, и император дышал в ритме ее движений:

«Забудь Сицилию, забудь Иерусалим, забудь все. Сейчас есть только это...»

Он выгнул спину, и по коже его побежали мурашки:
— Не останавливайся.

Она тихо рассмеялась. Позади нее сарацины образовали полукруг, охраняя господина.

Он открыл глаза и посмотрел на море, вздрагивая от ее прикосновений и чувствуя себя теперь много, много лучше.

— Вы только посмотрите на это! — проговорил Фульке.

— Да уж, не очень-то похоже на райские кущи. — Фридрих прошелся по нескольким уцелевшим доскам пола и, приставив руку ко лбу козырьком, окинул взглядом Яффу. Яркие солнечные лучи освещали разбросанные в беспорядке камни на берегу возле гавани, где, безучастные ко всему, шелестели волны равнодушного морского прибоя. Сколько ни вглядывался император, он не мог отыскать ни одного целого дома; у иных отсутствовали крыши, у других крыши как будто находились на месте, зато не хватало стены, другие превратились в груды бесполезного строительного мусора и, засыпанные пылью, напоминали курганы. И все же в некоторых из домов жили люди, крыши нищенских хижин покрывали дальний склон холма, на котором стояло то, что осталось от города. Укреплений, конечно, не было. То, что видел Фридрих за полумесяцем гавани, напоминало ему неубранную кровать, грязную, со скомканными простынями. Однако, как выяснялось, вода в большинстве колодцев все еще вполне годилась для питья. Что же до строительного материала, его тоже хватало.

— Ну и с чего мы начнем? — спросил Фульке и передернулся.

— Мне нужно где-то жить. Всем нужно где-то жить. — Фридрих прошелся туда-сюда по доскам пола

сохранившегося уровня башни Ангела, на верху которой они все стояли, подошел к краю, посмотрел вниз и вернулся к придворным, державшимся середины. Три верхних уровня башни разрушились, и все сооружение напоминало пень очень толстого дерева, которое за чем-то срубили очень высоко. Император посмотрел себе под ноги. Через зиявший дырами пол внизу можно было видеть кучи камней, торчавшие повсюду металлические скрепы и... крыс. Фридрих поднял голову и указал куда-то вдаль: — Жить будем там.

Фульке поднял голову, чтобы посмотреть туда, куда указывал господин, и увидел развалины огромного здания; только при очень внимательном взгляде на него и наличии некоторой фантазии становилось возможным представить, где раньше находились террасы, куда прикреплялись балкончики, где располагались арки дверных проемов. Однако фундамент и весь первый этаж, можно сказать, уцелели.

— Там? — очень неуверенно переспросил Фульке.

— Да. Я должен сам все осмотреть. — Фридрих подошел к краю башни и спрыгнул вниз, едва ли не прямо на головы своим сарацинам. — Давайте вернемся в лагерь и займемся выработкой планов.

Проезжая через город, император видел рыцарей и паломников, блуждавших в развалинах; надо полагать, люди осматривали их на предмет пригодности в качестве временного пристанища. Хотел он того или нет, ему пришлось остановиться, понимая, что, если сейчас дать солдатам и пилигримам расслабиться, их будет просто заставить серьезно поработать, чтобы все привести в настоящий порядок. Он ударил лошадь пятками и направился дальше, осторожно объезжая рытвины и обломки камней, валявшиеся на пути. Как показалось Фридриху, некоторые из улиц замостили еще в античные времена; римляне умели строить дороги. Ему захотелось проверить свою догадку. Он направил коня в самое узкое место улицы, где развалины лежали так, что

едва оставляли возможность проехать одному всаднику. Ассасин и Юсуф держались впереди.

Первое, что им предстояло сделать, очистить от обломков камней здание, которое он выбрал в качестве своей будущей резиденции. Да едва они приступят к работе, как дело станет спориться! Пример для паломников, конечно же, покажет гроссмейстер, который созовет своих людей и велит им взять в руки носилки и лопаты. Все отреагируют по-разному, некоторым не понравится отрывать свои зады от нагретых солнцем камней. Однако найдутся и такие, кто возьмется за работу с радостными возгласами: цистерцианцы, им физический труд всегда был по душе. Ну, может, и не всем, но таковы уж традиции ордена.

«Если я покажу им пример, всем придется работать. Надо устыдить ленивых».

Фридрих вспомнил, во что превратились его ладони после того, как он поработал веслом на галере, и поморщился. Он и его спутники достигли окраины города, где виднелись поросшие травой и пропыленным кустарником остатки крепостных стен. Посмотрев на них, император пустил своего коня в легкий галоп.

Фахр ад-Дин, Балиан Сидонский, Конрад фон Гогенлоге и гроссмейстер находились возле шатра Фридриха, когда он подъехал к ним, они спешили. Юсуф с ассасином поспешили удалиться, но от внимания Фридриха не укрылось, каким внимательным взглядом провожал этих двоих посланец аль-Камиля. Император снял пропылившийся плащ и запустил им в полог шатра. Попал.

— Господа. — Он сцепил пальцы и улыбнулся одними губами. — Не желаете ли повеселиться?

Фульке тяжело вздохнул и что-то еле слышно пробурчал. Фахр ад-Дин заулыбался, однако все прочие, неплохо представлявшие, что в понятии их господина означало предложение *повеселиться*, заволновались. Все они стояли так, что образовывали что-то вроде не-

большого круга, в середину которого Фридрих и прошел, потирая руки.

— Герман, соберите ваших рыцарей и дайте им мешки, пусть таскают мусор. Конрад, вы обеспечите телеги, чтобы вывезти подальше всю эту дрянь из города. Вы, Балиан, займитесь паломниками, организуйте их, снабдите всем необходимым для расчистки завалов. Фульке...

— Простите, государь, — прервал его гроссмейстер. — Каковы наши планы?

— Ну, во-первых, мы очистим мой дворец и, во-вторых, заново возведем башню Ангела. Затем, в-третьих, постараемся привести в порядок стены, и, возможно, в-четвертых, мы восстановим причалы в гавани...

Балиан открыл рот в изумлении, а Конрад сказал:

— Сир, местные крестьяне, безусловно, могли бы...

— Праздность, — веско проговорил Фридрих, — лучшая подруга дьявола. Шевелитесь, мы все принимаемся за работу.

Фахр ад-Дин довольно засмеялся:

— Я посол, у меня есть привилегия ничего не делать, только смотреть.

Фридрих покосился на него, ничего не сказал и, улыбнувшись всем прочим, исчез за пологом шатра. Феофано, окруженная стайкой служанок, подобранных из местных девиц, посмотрела на императора широко раскрытыми глазами:

— Где вы были? Вы испачкались...

— Занимался осмотром поля работ. — Он позвал Корсо и, прежде чем тот подошел, сбросил с ног сапоги. — Отошли своих служанок, пока я буду переодеваться.

Горничные поднялись и ушли.

— По лагерю ходят слухи, что продукты на исходе, — проговорила Феофано. — Некоторые уже принимают прятать провизию.

— Я добуду им пищу. Хорошо хотя бы уже то, что воды у нас вдоволь.

Корсо помог господину облачиться в чистую рубаху и штаны. То, что люди прячут еду, плохой знак, значит, они не верят своему вождю. Наверное, он должен собрать их и накормить хлебами и рыбой, как Иисус Христос*.

«За кого они меня принимают?»

В углу суетились два пажа, подбирая разбросанные служанками куски материи и нитки. Они шили, когда появился император. Правда, Феофано не шила, а только смотрела.

Он опустил на одно колено и поцеловал ее:

— К ужину я вернусь.

Ее руки скользнули по его шее:

— Опять такой же грязный? — Лицо Феофано было рядом, и он не видел ничего, кроме ее улыбки. — Иди играй, Рыжик.

Он снова поцеловал ее и вышел прочь.

Под ослепительно яркими лучами солнца раздетые до исподнего рыцари, кто лопатами, кто просто руками, складывали на носилки и в корзины, которые дали крестоносцам местные жители, обломки камней и прочих не годный в дело строительный мусор. То, что можно было использовать, отовсюду на впряженных в волокуши мулах свозили к специально выбранному Фридрихом месту у главных ворот. Он же приказал доставлять работавшим воду, чтобы никто не чувствовал жажды. Стоя на стене, император чувствовал, что истекает потом от жары. Внимание императора сосредоточилось на подъемном механизме.

— Что ж, используем это изобретение. — Он спрыгнул на землю. Рубашка почернела от пота и грязи, и он стащил ее с себя, словно чулок.

Освобождаясь от мешающей ему детали одежды, он одним глазом наблюдал за тем, как новоявленные стро-

ители опускают на землю веревочную сеть. Их товарищи принялись раскачивать большой камень, чтобы подкатить его к сети. Фридрих в волнении прошелся туда-сюда, бросая взгляды то на рыцарей, то на лебедку. Тут мимо проехала волокуша, и император поспешил дать распоряжения, куда направить мула, тащившего ее.

Камень закатился в сеть, и люди, катившее его, принялись крюками цеплять края сети к главной веревке подъемного механизма. Еще трое мужчин на стене взялись за края веревки. Фридрих вновь забрался на стену, и тут его осенило:

— Мы же можем использовать мула, пусть животное тянет веревку! Людям дело найдется.

С того места, где он стоял, император имел возможность заглянуть в свои будущие комнаты. Часть их уже расчистили, так что стали видны даже плиты пола, другие же только предстояло освободить от мусора. На ум Фридриху пришла мысль об авгиевых конюшнях, и он засмеялся. Строители опустили камень на волокушу, и мул увез его через дверь на улицу. Император отправился осмотреть блок «цапли».

«Я счастлив, счастлив потому, что работа отвлекает меня от бесплодных раздумий. У меня просто нет времени на размышления о...»

Он заставил себя сосредоточиться на механизме и принялся проверять угол между скобой и коромыслом. Кто-то из людей отправился за водой и принес императору целую чашу, которую тот выпил с удовольствием. Солнце жгло ему спину, хотя последствия ожога, полученного на пути в Кипр, уже давно прошли.

«Надо как-то заставить аль-Камиля пошевелиться... — подумал он, когда рыцари убрали щебенку и мусор, препятствовавшие доступу в следующую комнату. — Может, сделать какой-нибудь набег?»

Беда заключалась в том, что в Наблусе у аль-Камиля была сосредоточена огромная армия, и если Фридриху

всерьез пришло бы в голову совершить набег на мусульманские территории, дело могло обернуться так, что даже и восстановление укреплений Яффы оказалось бы бесполезным. Может быть, сделать небольшой, пробный рейд? Потревожить логово султана?*

Тут кто-то за спиной императора закричал:

— Парус! В гавани парус! — Фридрих напрягся, приготовившись к самой неприятной неожиданности, но, поняв, что имел в виду кричавший, вздохнул с облегчением и улыбнулся. С того места, где находился император, он не видел кораблей, однако некоторые из строителей видели. — А вот еще! Два! Нет, уже три! Три! Еще! Да тут целый флот! — радостно восклицали они.

Фридрих взбежал наверх, немедленно покрываясь потом. Он слышал, как начальники рабочих кричали на своих людей, чтобы те не вздумали бросать работу:

— Вас ждет отличный ужин после того, как мы убежим отсюда эту дрянь!

Когда Фридрих получил возможность рассмотреть приближавшиеся к берегу суда, первые из них уже спустили паруса, и гребцы налегли на весла. Император спрыгнул вниз и, пробежав через несколько комнат, выскочил на улицу.

Сарацины-стражники последовали за своим господином, отпуская между собой шуточки в адрес рыцарей, занятых столь черной работой:

— Свины, они и есть свиньи, грязь — их стихия.

Фридрих резко повернулся и сердито посмотрел на Айюба, который, немедленно посерьезнев, пихнул локтем ассасина. Хасан никогда бы не сказал ничего подобного. Ведь он знал, что многие из этих рыцарей говорят по-арабски. Да он бы и сам говорил сейчас на итальянском.

Фридрих перешел улицу и оказался на другой, уже отчищенной от грязи и мусора и частично отремонтированной. Работа продолжалась, повсюду люди вытаскивали из домов негодные камни, а мулы увозили их на волокушах. Фридрих прикинул, что, если дело будет

идти так и дальше, пожалуй, еще до заката удастся очистить целый квартал, прилегающий к дворцу. Взяв протянутую Юсуфом рубашку, Фридрих набросил ее на плечи и радостно улыбнулся.

Впереди улица заканчивалась старинной аркой, за которой открывался вид на море. В нос ударил запах сырой штукатурки. Император подумал, что арка скорее всего построена еще в античные времена — было в ней что-то римское. Тут он попытался вспомнить, существовала ли Яффа во времена Древней Римской империи. Конечно! И сомнений нет — некоторые фрагменты построек выглядели куда старше, чем иные из развалин самого Рима. Оказавшись под аркой, Фридрих почувствовал себя так, словно на него вылили ушат холодной воды. Он остановился, чтобы надеть рубашку, и, подойдя к стене, потрогал ее, желая посмотреть, как выполнена кладка.

По другую сторону арки люди занимались очисткой улицы, один из них, русоволосый паломник, выпрямился и уставился на Фридриха. Император посмотрел на него и провел пальцами по стене, все еще не будучи в силах прийти в себя от восхищения работой древних строителей — зазоров между камнями фактически не было. Внезапно Айюб забеспокоился:

— Вам не кажется, что где-то мы его...

Он не закончил фразу, потому что, заметив движение, повернулся и посмотрел на ассасина, бросившегося прямо на паломника.

Фридрих открыл рот, чтобы закричать, а пилигрим, резко развернувшись, побежал. Три других стражника-сарацина бросились вдогонку. Выругавшись, император вышел на солнце, глядя вслед своим охранникам и незнакомцу, которого они преследовали. Он совершенно не мог понять причин поведения ассасина — может быть, тот перебрал гашиша? Когда паломник поспешно перебирался через кучу мусора, Фейзал, оттолкнувшись от земли, сделал невероятно длинный прыжок и приземлился прямо на убежавшего. Остальные рабочие

принялись кричать, обращая взгляды то на сарацин, то на Фридриха. Он, снова выругавшись, побежал в сторону дравшихся.

Ассасин обхватил паломника обеими руками, и оба они катались в грязи, изо всех сил работая руками и ногами. Остальные стражники, так же как и их господин, не понимавшие, что происходит, окружили обоих противников. Айюб поднял глаза, вопросительно глядя на императора. Тот приказал прекратить драку, и Юсуф, бросившись к дерущимся, схватил пилигрима, которому почти совсем уже удалось высвободиться из захвата Фейзала. Айюб и Масуф повисли на руках ассасина.

— Это храмовник! — закричал он, вырываясь. — Храмовник! Не дайте ему уйти!

Фридрих вновь приказал прекратить потасовку. Краем глаза он взглянул на толпу за своей спиной — все рабочая команда и парочка-другая зевак находились на расстоянии, с которого вполне могли слышать крики Фейзала.

«Паломники... Христиане-богомольцы...»

Пилигрим закричал и попытался вырваться.

— Айюб! — зарычал Фридрих, очень надеясь, что никто из толпы не понимает по-итальянски. — Заткни его как-нибудь!

Он посмотрел назад; пилигримы перестали вопить, но все еще были настроены весьма решительно, они о чем-то переговаривались и, выразительно жестикулируя, то и дело бросали взгляды на сарацин. Фридрих подошел к лежавшему паломнику, опустил на одно колено и спросил ассасина:

— Ты уверен?

— Я знаю всех храмовников в Сирии, — тихо проговорил тот, — оттого-то я и здесь, с вами.

Император посмотрел на лицо паломника. Мужчины уже приходил в себя. Он открыл глаза, но из-за лучей яркого солнечного света вновь закрыл их.

— Вы в порядке? — спросил Фридрих по-немецки. — Встать можете?

— Да, но... мне немного нехорошо. — Паломник повернулся на бок и затряс головой. Император поднялся и протянул лежавшему руку.

Внезапно, делая движение в направлении императора, пилигрим выхватил кинжал. Фридрих подался назад и, вцепившись руками в плечи противника, с силой ударил его коленом по лицу. Тот крикнул и рухнул в пыль. Кровь струйками побежала из разбитых губ и носа. Фридрих отошел, посмотрел на стражников, затем на поверженного злоумышленника.

— Полные идиоты! Настоящий уличный боец разделяет любого из них под орех. — Император ткнул пальцем в Айюба. — Уведи его куда-нибудь, мы с ним еще побеседуем.

Затем он посмотрел на ничего не понимавших зрителей. Один из них осмелился спросить:

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Фридрих. — Этот бедолага, должно быть, перегрелся на солнце. Принимайтесь за работу, сегодня вечером вас ждет настоящий пир.

Император в сопровождении ассасина и Юсуфа направился в гавань, остальные же стражники увели храмовника. Внезапно Фридрих осознал, что означало присутствие здесь тамплиера, а также наличие среди его собственных телохранителей ассасина.

«Проклятье! Они хотели убить меня!» — Он повернулся и посмотрел на Фейзала:

— Спасибо.

— Господин. — Фейзал скромно улыбнулся, стряхивая пыль с одежды.

— Тамплиер покончил с собой, — проговорил Фридрих. — Его заковали в цепи, и он задушился ими.

Сказав это, император уставился в одну точку на стене, пытаясь представить себе, как кто-нибудь может проделать над собой то, что совершил захваченный

стражниками храмовник. Невероятно, просто невероятно, что люди решаются на подобные вещи.

— Он все равно ничего не сказал бы вам, — утешил его Фахр ад-Дин. — По крайней мере, ничего такого, чего бы вы уже не знали... Ведь ваш любимчик-ассасин неплохо просветил вас.

Фридрих подался назад, наблюдая за руками Феофано, которая отрезала ему кусок мяса. По приказу императора Энрико отправил в Акру три корабля за мебелью для дворца, который они уже подвели под крышу:

— Как ты узнал?

— Что? Что он ассасин?

— Злишься на меня? — Он пристально вглядывался в лицо Фахр ад-Дина.

— Да не особенно. — Посланец аль-Камиля нахмурился и принялся глубокомысленно жевать кончик бороды. Затем вытер руки салфеткой и продолжал: — Сам факт меня вообще не злит. Кто он, я понял сразу, таких, как он, легко распознать, этакий доморощенный сирийский герой. Между тем наличие рядом члена подобной секты заставляет меня... заставляет меня быть все время начеку. Вот представьте себе, если бы среди вашей свиты внезапно оказался миланец?

— Представляю. Думаю, что представляю. Вот и приходится держать вас отдельно одного от другого, задачка вроде той, которую решают в детстве, как поступить с волком, козлом и капустой. Я рад, что...

— Простите? Что там с этими?..

— С волком, козлом и капустой? А, вон что? Так эта загадка существует еще со времен Карла Великого. Неужели не слышал?

— Нет, расскажите, — попросила Феофано, протягивая Фридриху кусок мяса. Обращаясь к Фахр ад-Дину, она добавила: — Его загадки не дают мне спать. Иной раз целую ночь напролет.

— Это не называется загадками, дорогуша, — с улыбкой произнес император, а Фахр ад-Дин рассмеялся, да так, что чуть не задохнулся. Он очень смутился и,

справившись с удушьем, принялся делать вид, что просто прокашливается:

— Расскажите нам загадку, Фридрих.

— Ну хорошо, хорошо. Насколько я помню, начинается она так: человеку надо переправиться через реку на маленькой лодчонке. У него с собой волк, кочан капусты и коза. Из-за величины лодочки он может за один раз взять с собой только кого-то одного или что-то одно. Загвоздка тут вот в чем: если он оставит волка с козой, волк ее съест, если же оставит козу с капустой...

— Мне кое-что становится понятно, — сказал Фахр ад-Дин. — Довольно странные компании составляют себе путешественники у вас в стране. Какого дьявола ему таскать с собой волка?

— Наверное, надо первой перевезти козу, — предположила Феофано. — Если сначала взять козу, отвезти ее, вернуться, и... нет-нет, так ничего не получится.

— Отчего же не получится? — переспросил Фахр ад-Дин. — Перевезете козу, оставите на берегу, вернетесь, возьмете капусту, перевезете, заберете козу. Оставьте животное на другом берегу, возьмете волка и... спите спокойно.

— О-у! Ну отчего я не подумала об этом? — Она стукнула кулачком по столешнице. — Просто оставляем волка на нужном нам берегу и возвращаемся за козой...

— Все дело кончается трагично, волк с голоду кусает вас, вилок капусты успевает завянуть, а у козы начинается морская болезнь, — хлопая в ладоши, подвел итог посланец аль-Камиля. — Но задача решена.

Фридрих засмеялся, а Фахр ад-Дин произнес:

— У нас в Каире есть похожая головоломка: три только что поженившиеся пары оказываются на берегу такой вот реки в таких же вот обстоятельствах, и ни один из мужей не хочет отлучиться, оставив свою жену в обществе других мужчин.

— Ну, эта задачка посложнее будет. — Фридрих откусил кусок мяса. Воздух вокруг пах пылью; пламя фа-

келов плясало, подчиняясь воле легкого ветерка. — Мне отвечать развернуто или я просто могу коротко обозначить количество операций, которые потребуются?

— Пусть отвечает развернуто, — вмешалась Теофано, — а то он схитрит, просто рассчитает задачку с помощью математических действий.

Фахр ад-Дин рассмеялся и потрепал ее по руке, а Фридрих произнес:

— Одиннадцать.

— Отлично. А теперь вот так: к востоку от Хорезма и к югу от монголов живет народ, очень искусный в алгебре и геометрии. У них есть священный город, называемый Бенарес, там находится храм, в нем три бриллиантовых иглы, на одну из которых Бог в момент Сотворения жизни по каким-то одному Ему известным причинам поместил шестьдесят четыре золотых диска — самый большой внизу, самый маленький наверху, — расположенных так, что ни один из дисков не лежит на меньшем, чем он сам.

— Мне это напоминает книжку, которую я читал, когда был совсем маленьким.

— Я — учитель по природе. Священники в Бенаресе проводят целые дни, занимаясь тем, что перемещают диски с одной иглы на другую, диск за диском, диск за диском, так что ни один из дисков не лежит на меньшем, чем он сам. Когда священникам удастся переместить все шестьдесят четыре диска с той иглы, на которую их поместил Бог, на другую, наступит конец мира.

— Они очень стараются? — поинтересовалась Теофано.

— Не волнуйся, у нас еще есть немного времени, — заверил ее Фридрих. — Примерно миллион миллионов миллионов лет или что-то в этом духе.

— Чуть больше.

— Откуда вы узнаете подобные вещи? — спросила Теофано. — Похоже, в моем образовании есть изрядный пробел.

— Мы оба просто очень много думаем, — изрек Фахр ад-Дин, откидываясь на спинку кресла, покрытую ковром. — Математика заставляет людей размышлять о вещах абсолютно мирных.

— Это самый рациональный способ мышления, — произнес Фридрих. — Все так или иначе может найти выражение в математических формулах, если при этом отсеять все предубеждения и погрешности, привносимые конкретной личностью...

«Вот отчего ошибки, которые совершаю я, столь велики!»

— М-да, — пробормотал Фахр ад-Дин, — а не скажете ли, что имеют в виду люди, когда говорят, что в жилах у вас течет ледяная кровь?

— У меня? Кто говорит такое? — Он даже выпрямился.

Феофано усмехнулась:

— Да все, наверное, почти все. Гюи Амбриако сказал своей жене, а ее камеристка сказала моим горничным, которые уже успели сказать мне, что у вас глаза как у змеи.

— А у Гюи Амбриако глаза как две грязные лужи!

— Не все может найти выражение в математических формулах, — уверенно заявил Фахр ад-Дин. — Мастерство политика, конечно, оттого-то вы и добились такого успеха в этой области деятельности, но...

— Единственное, что не может найти выражение в математических формулах, — Бог, и, как я подозреваю, потому лишь, что у нас недостаточно информации о Боге.

Феофано возвела глаза к небу:

— Бог или Аллах? — Она воспользовалась греческим словом «бог».

Фахр ад-Дин рассмеялся и потянулся к подносу с печеньем:

— Дитя, только не начинайте этой дискуссии снова! Мы не одну неделю потратили в Сицилии на обсужде-

ние природы восприятия Бога различными народами и племенами.

— Когда ты знаешь имя или название какого-нибудь явления или просто предмета, ты можешь управлять им, — сказал Фридрих, — в этом заключается основная суть ведовства. Разве не так? Вот мы и ссоримся из-за точки зрения на имена, которыми называют Бога.

Император откинулся на спинку кресла и вытянул ноги; обстановка комнаты, негромкая, неторопливая беседа успокаивали его, Фридрих даже прикрыл глаза.

Феофано коснулась пальцами его руки:

— Расскажите мне о мастерстве политика и математике.

— Позвольте мне это сделать, — вмешался Фахр ад-Дин. — Ему будет весьма неловко рассказывать о себе.

Фридрих засмеялся:

— Рассказать? Да ничего проще нет! Если Мухаммед не идет к горе, гора должна идти к Мухаммеду.

— Вот об этом я и говорю. Скромность не есть одно из достоинств человека, добившегося личного успеха, насколько я могу это себе представить. — Зубы Фахр ад-Дина впились в печенье. — Когда задача неразрешима, Фео, нужно вывернуть ее наизнанку, в общем, подогнать под ответ... который устраивает тебя. Когда в государстве творится полная анархия, когда государь не управляет абсолютно ничем, нужно просто заявить, что вся власть принадлежит королю и больше никому, что, вне сомнения, и есть единственное желательное решение. Далее государю следует править так, будто он и правда контролирует ситуацию не в теории, а на практике.

— Это как это?

— Все просто, — заверил женщину Фридрих, — это всего лишь элементарная геометрия. Если вся власть по закону принадлежит мне, и никому другому, даже и не нобилитету, все равны перед законом, то есть передо мной. Фактически все в стране вне зависимости от занимаемого положения подсудны только мне. Посколь-

ку Сицилийское королевство создали норманны, которые хорошо знали, что делали, любой закон, который может мне понадобиться, уже существует, надо только покопаться в архивах и отыскать там нужную хартию. Таким образом власть все время была у меня, представь себе, за первые три года после того, как я вернулся из Германии, мне не пришлось издать на Сицилии ни одного нового указа.

— И что, все вот так запросто подчиняются? — медленно проговорила Феофано.

— А куда им деваться? Если один барон отказывается повиноваться, другие помогают мне наказать его за нарушение законов. — Император посмотрел на нее и улыбнулся. — Все просто.

— И все же я не понимаю, отчего бы им всем не собраться вместе? Они могли бы...

— Хорошо, хорошо, хорошо, тут же все понятно... Отчего *ты* не нарушаешь законы?

— Я и так могу делать все, что хочу.

— Отлично. Но вот в чем дело, большинство баронов также желают делать то, что *они* хотят, и то, чего закон им *не* позволяет. Однако то, что *они* хотят, нарушает права других баронов, которые тут же вспоминают про законы. Что же касается всех прочих, тех, кто к числу баронов не принадлежит, таковые граждане вообще не поняли, чего от них хотят, поскольку не привыкли ни за что отвечать. Это произвело на них столь сильное впечатление, что они даже вовремя не сообразили, что могут пожаловаться.

Она покачала головой:

— Это слишком просто.

— Вероятно. Такой механизм работает только в делах, где никакой закон не работает вообще, когда никто не может подчиняться закону... если ты подчиняешься одному закону, то нарушаешь другой. В том, например, что касается Кипра, на котором все подчиняются законам, мне удалось сделать не много. Я, конечно, постараюсь, но сомневаюсь, что многого добьюсь.

— Постараетесь? *Что* вы постараетесь? — осведомился Фахр ад-Дин.

— Довести все до ума. Там же творится настоящий беспорядок, потому просто ничего не возможно сделать*.

— Все франкские законы такие. Я пришел к подобному заключению после изучения проблем законотворчества в странах Запада, законы тут специально устроены, чтобы не работать.

— Оттого-то их так и лелеют, эти законы, потому что они написаны одними баронами для других. — Фридрих протянул руку к руке Феофано, и пальцы их переплелись. — Они вполне ими довольны; как бы там ни было, это равновесие между скучным кошмаром и кошмарной скукой.

Пришли пажы, чтобы забрать подносы и подать господам шербета и вина.

Фахр ад-Дин поднял брови:

— Это — новая теория, кажется, я ее еще не слышал?

— Я создал и развил ее во время путешествия с Кипра в Акру. — Фридрих улыбнулся одними губами и сел. — Это моя лучшая теория, я просто без ума от нее. Могу я высказать ее?

— В Сицилии у него была другая, не менее сумасшедшая теория относительно мотивов, двигающих людьми, — пояснил Фахр ад-Дин Феофано. — Их у него, что облаков на небе. Подует ветер, унесет старые, принесет новые.

— Это просто игра. Хотя игра приятная. Ведь в конце концов, жизнь — ужасна; ничто не ждет нас впереди, лишь смерть, да и она может прийти, когда ей вздумается. Или вот, например, какой-нибудь владыка, самодур и тиран...

— Как вы? — спросила Феофано.

— Я — *добрый* тиран. Да... Или вы можете умереть от голода и жажды... все вообще совершенно неопределенно, и это обескураживает. С другой стороны, все то,

что определенно, — утомляет, и люди бывают на все готовы, лишь бы избавиться от скуки. Абсолютно на все, что угодно.

— Как можно догадаться, путешествие с Кипра в Акру было весьма скучным и утомительным? — произнес Фахр ад-Дин, обращаясь к Феофану.

— Да. Он по большей части спасался от скуки гашишем.

— Как бы там ни было, все, чем мы занимаемся, есть попытка или оградить себя от кошмара, подстерегающего нас на каждом шагу, или же прогнать прочь скуку.

— Как бы там ни было, столь глобальная точка зрения на устройство мироздания заслуживает обсуждения. — Фахр ад-Дин выпил шербету. — Приведите примеры.

— Возьмем хотя бы крестовые походы, какой-нибудь пример из числа моих дальних родственничков... вот, скажем, Фульке Нерра, граф Анжуйский. Он трижды отправлялся в паломничество, чтобы искупить грехи. У себя в Анжу он был олицетворением кошмара, он беспрестанно воевал. Или поход Урбана? Божий мир не работал, и рыцари, дабы избавиться от скуки, в постоянные усобицах опустошали окрестности. Вот Церковь и направила энергию баронов туда, где они если и не делали ничего полезного, так хотя бы не причиняли вреда... Европе*.

— Так что же тогда *вы* здесь делаете?

— Понятия не имею.

В последовавшей за этим высказыванием тишине слова звучали как-то необычно, как если бы он слушал их под воздействием гашиша.

— Ваши теории всегда строятся таким образом, чтобы шокировать тех, кто исповедует общепринятую мораль, — произнес Фахр ад-Дин. — Кто занимает у вас теперь должность придворного мудреца?

— Я. — Фридрих оскалился в улыбочке:

«Ну же, Дауд, ну же. Давай поспорим!»

— Вы не верите, что люди могут совершать определенные поступки, руководствуясь чувством альтруистического вдохновения, во имя высших идеалов?

— Иногда, наверное. В редких случаях. Для того, чтобы руководствоваться высшими идеалами, которые зачастую весьма нежизнеспособны, человек должен быть избавлен от влияния таких категорий, как страх и скука.

— Конечно. Но человек, подобный мне, как раз и находится в такой ситуации. Для меня стремление к достижению всецело приемлемого идеала ценно само по себе, ибо он может стать подтверждением реальной, познанной и действующей гипотезы жизни или просто образом жизни, где неудобства и количество раздражителей сведены к минимуму и где моя личная свобода гарантирована на практике. И вы в такой же ситуации, но постоянно отрицаете ценность общественной морали.

— Это оттого, что я не верю, будто кто-либо может идти путем познания и прогресса от одной идеи к другой, если отказывается принимать минимум неудобств и раздражителей и гарантированную на практике личную свободу. Вот смотри, Дауд, мы доходим в уровне владения тем или иным искусством или ремеслом только до высот, требуемых в конкретный момент. Разве нет?

— Что вы хотите сказать? — Фахр ад-Дин жестом подозвал пажа и отправил его за новой порцией печенья.

— Возьмем, к примеру, птиц. Ни птицы, ни мухи не учатся ходить, хорошо ходить, просто потому, что это им не нужно. Птица, живущая на воде, теряет возможность жить на земле, поскольку ей не приходится жить на земле. Так же и люди, вам приходится намеренно ставить себя в непривычные, сопутствуемые неудобствами условия, подвергать себя воздействию раздражителей, дабы развивать свои интеллектуальные способности.

Феофано сложила ладони:

— Да. Это верно.

— Вот вам подтверждение более высокого порядка, — сказал Фахр ад-Дин и качнул головой в сторону женщины. — Согласитесь, Фридрих, что за время ее кочевой жизни в поисках лучшей доли конкретно для себя, для одной, отдельно взятой женщины, она, вне сомнения, сталкивалась с большими трудностями и видела большее многообразие жизни, чем каждый из нас.

«Наверное... — Император протянул руку к кувшину с шербетом, помещенным в ведро со льдом. — Отчего я думаю подобным образом? Может, оттого, что я помню ощущения своего детства, когда я был маленьким, одиноким и должен был...»

— Желаете шербета, Дауд?

— Спасибо. — Фахр ад-Дин протянул свою чашу. — Немного раньше сегодня вы высказали интересную идею... или, вернее, дали замечательное обоснование одному явлению. Перенесению направления активности воинственных людей в конкретную точку. Я имею в виду крестовые походы. Не думаете ли вы, что большая часть того, что вы называете кошмарами и так называемой скукой, существует лишь в воображении людей, и очень часто они стараются найти выход в приложении своих эмоций к совершенно посторонним и никак не связанным с реальным положением вещей объектам. Возьмем тот же Иерусалим. Совершенно ясно, что путешествие в земной Иерусалим не принесет спасения никому, кто не смог прежде отыскать Иерусалима в собственной душе.

— Ну конечно! Истинный Крест, мощи святых, всевозможные реликвии — все это магия и колдовство. Ваши дервиши* другой тому пример. Или вот Франциск... помнишь, я говорил тебе о нем?

— Тот, у которого на руках раны Христовы. Да?

— Раны на руках, ногах и на боку. Особенно любопытны те, что на руках. Ты когда-нибудь видел распятого?

Фахр ад-Дин поморщился:

— Не видел и видеть не хочу.

— Нельзя никого распять, прибивая ладонями к дереву. Под воздействием собственного веса казнимого тело его упадет, вырвав плоть. — Он сделал глубокий вдох: «Сколько мы воевали с сарацинами в горах Сицилии? Все сделались кровожадными, и я не исключение. Ударил того эмира шпорой. Сам виноват, вывел меня из себя!»

— Так что же получается? Если у святого Франциска раны самого Бога, — проговорил Фахр ад-Дин, — где же должны они быть?

— На запястьях*.

— Тут с уверенностью сказать нельзя, — вмешалась Феофано. — Разве можно говорить такое? Да это и не важно, где раны.

— Нет важно, — возразил Фридрих. — Поскольку это так, как я говорю, Франциск получил свои раны не от Господа, а благодаря своему фанатизму, что показывает, что все церковное вероучение — ложь, и дело тут вовсе не в одном этом факте.

— Многие люди вдохновляются подобным фанатизмом.

— Точно. Подобное вдохновение требует от веры определенной глубины, на которую я, например, желания погружаться не имею.

И они все разом погрузились в молчание. Их окружала тишина, нарушаемая только шумом ветра, гулявшего в лишенном пока крыши здании.

«Завтра... Завтра, возможно, я получу весточку от аль-Камиля. Нет... не думаю. Не быть уверенным, не знать наверное — это же кошмар! Так что я тут делаю?»

— С вашего разрешения, Фридрих, — произнес Фахр ад-Дин, поднимаясь, — можно мне откланяться? Я хотел бы лечь спать. Хочу, не дожидаясь утра, увидеть весь город не просто поднятым из руин, но и утопающим в зелени садов. Спокойной ночи.

В сопровождении слуг посланец аль-Камиля вышел прочь. В последний раз его шитые золотом одежды

мелькнули в колеблющемся свете факелов, которые держали в руках слуги.

«Может быть, когда я проснусь, я окажусь на Сицилии? — отчего-то подумалось Фридриху. Все казалось каким-то нереальным, ненастоящим... все путешествие. Все происходило с такой быстротой, что он не успевал ни к чему привыкнуть. — Что я тут делаю? Наверное, если б знал, не делал бы. Во всем этом столько же смысла, как и в том, что я говорил здесь сегодня вечером».

— Хотите, чтобы я оставалась с вами, Рыжик? Я так устала...

— Нет, ступай. Я скоро приду.

Она встала, и другая стайка слуг окружила ее, появившись из темноты. Кое-что в словах Фахр ад-Дина было безусловной правдой; он сказал, что Феофано знает о жизни больше, как будто она рассказывала ему о чем-то таком, о чем никогда не говорила Фридриху. Феофано, помощница жонглера! Императрица Феодора, жена Юстиниана Первого, и вовсе была шлюхой*. Ну и что такого?

«Нет, я не могу позволить себе жениться на Феофано. Когда-нибудь мне опять придется заключить брак по политическим соображениям, ведь сделки между политиками, подкрепленные браками, самые выгодные. Может, у аль-Камиля есть какая-нибудь незамужняя дочь? — Подумав о том, как подобный альянс может шокировать христиан, он оскалился в улыбке. — А что такого? Ведь вот, например, король Ричард посвятил в рыцари Салах ад-Дина?* Я могу для всего найти прецедент, я настоящий дока в юридической казуистике!»

Ан-Назир, безусловно, выиграл от предприятия Фридриха, когда император двинулся к Яффе, дамаскцы сделали рейд на территорию Наблуса, чтобы перерезать артерии снабжения армии аль-Камиля.

«Я ставлю своих союзников в странное положение. Было мудро послать людей к ан-Назиру. Я даже не

знал, для чего делаю это, но вышло все как нельзя лучше. Чем более сложным будет положение аль-Камиля, тем скорее закончится угнетающая меня неопределенность. — Тогда же Фридрих послал гонца к Томазо, находившемуся при дворе султана в Наблусе, с тем чтобы граф довел до сведения аль-Камиля, что император готов пойти на то, чтобы оставить Харам ас-Шариф в Иерусалиме под контролем мусульманской администрации, если остальная часть города будет отдана ему. Легко торговаться относительно того, что тебе не принадлежит. Харам ас-Шариф включал в себя Дворец и Храм Соломона, места, священные для мусульман. — Томазо сообщает, что переговоры продолжаются, однако архиепископ в своем письме куда менее оптимистичен. Кому из них я больше верю?»

Завтра...

Теперь работа шла быстрее, поскольку для нее привлекали рабов с некоторых из кораблей. Один из кварталов, расположенный недалеко от дворца, оказался почти целым, так что теперь становилось возможным взяться за возведение городской стены.

«В конце концов аль-Камилю придется сказать мне что-то, сказать «да» или «нет». — Горькая волна отчаяния прокатилась в его душе. — *Пожалуйста, Господи, даже если Ты и не жалуешь меня!*»

Фридриху стало смешно от собственных мыслей, показавшихся ему забавными.

Когда император поднялся, третья группа слуг вышла из мрака и последовала за ним, освещая ему путь к постели, где ждала его Феофано.

— Вы уверены, что надо было брать ее с собой? — прошептал Фульке. — Это же безумие. Мы обречены на то, что нас обязательно поймают.

— Замолчи. Ну и что с того, что нас поймают? — Фридрих нагнулся, чтобы пролезть через дыру в стене. Можно было бы, конечно, выйти через главный вход,

но идея заключалась в том, что императору *хотелось убежать*. Оказавшись снаружи в темноте улицы, он немного подвинулся, чтобы пропустить остальных. — Нас когда-нибудь ловили, а?

— Он спятил, — проговорил Эццо, пролезая в дыру и протягивая руку, чтобы помочь Феофано. — Это же не Сицилия. Что, если там мы наткнемся на какого-нибудь храмовника?

— Это входит в программу развлечений. — Император огляделся по сторонам — улицу освещали фонари, расположенные через равные интервалы один от другого. Пустой город без стен отчего-то напомнил Фридриху Акру, даже волосы на затылке у него встали дыбом. Феофано стояла рядом, поправляя прическу.

— Ты прав, Эццо, — произнес Фульке, — это точно не Сицилия, на Сицилии у нас были бы лошади.

Сказав это, он направился вдоль улицы, и император, обняв за талию Феофано, последовал за Фульке. Позади всех, что-то бормоча себе под нос, тащился Эццо.

Феофано засмеялась и прижалась к Фридриху:

— Что, если ваши подданные увидят, как вы обнимаете пажа?

— Что ж, у них будет о чем поговорить. — У Фульке был меч, у Эццо тоже, тем не менее оба они казались весьма взволнованными. Император сказал Феофано: — Мы на Сицилии часто так делали, очень забавно.

Дойдя до перекрестка, они повернули направо и вышли на главную улицу. Ветер доносил из гавани запах соли и гниющих водорослей. Фридрих зашагал шире, увлекая за собой Феофано. Мимо, совершенно не обращая внимания на императора и его спутников, прошли в направлении только что отстроенных казарм двое рыцарей, закутанных в плащи с накинутыми на головы капюшонами. Большая часть домов, как правило, невысоких, приземистых, крытых прямыми крышами, были уже отремонтированы, там теперь жили паломники, некоторые из немцев даже развели зелень у

дверей, однако все здесь принадлежало теперь Фридриху.

Монах вышел на улицу, тщетно пытаясь зажечь погасший фонарь...

Дорога спускалась вниз, к гавани. Император наблюдал за шедшим впереди Фульке, который, скользя на булыжниках, передвигался мелкими шажками, почти семеня, бормоча ругательства себе под нос.

В темноте город казался совсем другим, словно бы он и не лежал в руинах совсем недавно, а всегда, с незапамятных времен, так и стоял и даже успел состариться, как человек.

Они прошли под аркой, где ассасин заметил тамплиера. В темноте раздалось женское хихиканье и мягкий, воркующий голос мужчины.

«Когда мы пришли сюда, Яффа была мертва, лишь несколько сотен человек жило тут. А что теперь?.. Хотя прошло всего-то каких-нибудь пару недель!»

Внизу у подножия холма император видел пену прибоя и огни фонарей на кораблях, пришвартованных к пирсу.

Способы поведения. Он обратил внимание на двух молодых людей, которые пробежали невдалеке; один прокричал другому что-то по-немецки. Фридрих подумал о том, сколько потребуется времени большой группе людей, чтобы выработать новые способы поведения в чужой стране. Отдельный человек в такой ситуации просто станет вести себя так же, как и местные жители, сольется с ними, так что и не отличишь. Перед мысленным взором императора промелькнул некий абстрактный человек, заключенный как бы в клетку из собственных поведенческих стереотипов. Наверное, надо иметь рядом людей, которые бы понимали значение того, что ты делаешь.

Шедший впереди Фульке свернул в переулок.

— Никакого отребья, — проговорила Теофано.

— Точно.

И это было одной из бесспорных примет того, сколь

недавно была поднята из руин Яффа. Несмотря на это, в городе уже появились даже публичные дома, таверны и, конечно, преступники. Он стал развивать эту мысль, думая о том, что в том, как устроен мир, есть какой-то высший смысл, некое откровение. В переулке оказалось теплее, чем на улице. Вскоре они остановились у какой-то двери и переглянулись, а затем Фульке постучал.

— Эццо, помнишь, когда мы собрали всех сарацин острова в Лучере?

Эццо кивнул:

— Десять тысяч сарацин. Это было удивительно.

— Сколько времени им потребовалось, чтобы обжиться?

— Зачем вы это сделали? — спросила Феофано.

— Немного, — произнес Эццо, отвечая на вопрос императора, — год, наверное.

— Меньше. Надо спросить Айюба.

Дверь открылась, и они вошли в ярко освещенную комнату, заполненную моряками, шлюхами и прочим народом. Пахло вином. Фридрих быстро обвел взглядом помещение и, не найдя ни одного знакомого лица, прошел через толпу вслед за Фульке. Громкие голоса возбужденных мужчин резали слух; кто-то, не глядя по сторонам, подался назад и налетел на Фридриха, и император, даже не задумываясь, оттолкнул его от себя. Феофано вцепилась в котту императора, всерьез испугавшись, что отстанет. Подойдя к столу, Фульке вытащил меч и плашмя стукнул им по столешнице. Некоторые из посетителей, находившихся рядом, обернулись, однако Фульке так посмотрел на них, что они сразу же отвернулись. Он сбросил плащ.

— Ну вот, — проговорил Эццо, садясь, — по крайней мере мы хотя бы сможем напиться.

Фридрих усадил Феофано спиной к стене, а сам устроился напротив нее. Молодой человек с «фонарем» под глазом поспешил к ним через толпу.

— Вина или пива? — напрягая связки, чтобы перекричать стоявший в корчме гам, спросил Фульке. Им-

ператор засмеялся, а лицо Фульке вспыхнуло, все дело в том, что он по привычке говорил на греческом, которым они пользовались из-за Феофано, не знавшей итальянского. Слуга трактирщика смотрел на них с тупым видом.

— Принеси нам вина, — по-немецки приказал Фридрих и, отвязав от пояса кошель, бросил его на столешницу.

Парень, повторив: «Вина», умчался. Сидевший за соседним столом огромный матрос, раскинув руки, случайно облил Эццо пивом из большой деревянной кружки. Тот с криком вскочил и, схватив матроса за ворот рубахи, закричал на него по-итальянски, брызгая ему в лицо слюной. Матрос и его друзья в ответ завопили на лингва франка*. Все яростно жестикулировали. Феофано, перегнувшись через стол, прошептала:

— Вы что же, позволите ему ввязаться в драку?

Фридрих засмеялся:

— Неплохая идея, правда?

Он встал и крикнул:

— Эй, Эццо, помощь нужна?

Красный от злобы Эццо, примеривавшийся для удара, не удостоил императора даже взглядом. В зале стояла жара, и Фридрих с интересом разглядывал дорожки, которые оставляли струйки пота на покрытой грязью груди матроса. Император стянул с себя котту и перебросил через спинку кресла.

Кто-то из друзей матроса схватил Эццо за рукав, отводя занесенную для удара руку. Эццо повернулся к новому противнику, но тут между ними вырос огромный чернокожий мужчина, практически голый, если не считать набедренной повязки. Феофано что-то прошептала Фульке. Чернокожий легко отпихнул Эццо и приятеля матроса в разные стороны, с высоты своего роста взирая на них с совершенно невозмутимым видом. Эццо поднял глаза и застыл в изумлении — чернокожий был выше его больше чем на голову. Нелепо дернувшись и

изобразив нечто вроде короткого поклона, Эццо повернулся и сел на место.

— Кто это такой?

Чернокожий посмотрел на Эццо, бросил взгляд на моряка и его друзей и перевел глаза на Фридриха, проговорив на лингва франка:

— Садитесь. Не делайте ничего дурного, и вам никто ничего не сделает, или вам придется уйти отсюда.

Сказав это и издав какой-то фыркающий звук, он пошел прочь.

Фридрих сел, вполне довольный подобным исходом ситуации:

— Кто это, Фульке?

— Зовут его Муту, он откуда-то из Африки. Он держит тут несколько таверн. Крепкий мужик, запросто может взять и открутить человеку голову, вот так... — Фульке вытянул руки и, не касаясь сидевшей рядом Феофано, показал, что может сделать Муту с головой человека. — Он не любит скандалов, потому-то я и подумал, что здесь будет безопаснее всего.

— Отлично, — проговорил Фридрих, — нам придется устроить Муту маленький скандалчик.

— Нет! — воскликнула Феофано. — Он убьет вас.

Слуга принес им вина, и Фульке, заплатив ему, отправил его за кувшином.

Феофано поправила волосы, желая удостовериться, что они не торчат из-под шапочки.

— Откуда он взялся? — спросил Эццо. — Я его прежде никогда не видел.

— Думаю, он пришел сюда из Акры, — сказала Феофано. — Муту — личность известная. Он был в Константинополе в одно время со мной, некоторые утверждают, что Муаззам выгнал его из Дамаска за торговлю опиумом.

— Опиум? — переспросил Фридрих. Он усмехнулся, а Фульке закрыл глаза.

Матрос со своими друзьями ушел, но человек, кото-

рый чуть было не ударил Эццо, вернулся и, приблизившись, с вызовом бросил:

— Ты и я, мы...

— Когда скажешь, — ответил Эццо и, вскочив на ноги, ударил его и снова сел.

Кулак угодил моряку прямо в губы. Брызнула кровь. Мужчина отлетел назад прямо на стол. Раздался грохот ломающегося дерева. Кто-то из присутствующих закричал. Однако народ тут собрался, привычный к подобным зрелищам: кто-то отскочил, освобождая место для упавшего матроса, другие принялись крутить головами в поисках Муту. Поверженный моряк сел и выплюнул на пол два зуба. Эццо взял свою чашу и, осушив ее, начал было вставать.

— А вот и наш Муту, — проговорил Фридрих, покосившись на Феофано.

Эццо, раздумав вставать, уселся поудобнее и завел разговор с Фульке. Матрос наконец пришел в себя, сжал кулаки и изготовился для удара, как вдруг громадная черная ручища протянувшись, точно коромысло «цапли», с помощью которой рыцари отстраивали дворец императора в Яффе, схватила моряка за волосы и подняла его над полом. Толпа заревела, заматавшись в узком пространстве. Муту же, даже и не взглянув на Эццо, поволок верещающего и тщетно пытавшегося высвободиться матроса прочь.

Фридрих вскочил на стол, чтобы ничего не пропустить:

— Господи Иисусе! Он просто неподражаем! Интересно, на что еще способен этот человек?

— Можно мне на миг отлучиться? — проговорила Феофано. — Я тут кое-кого знаю.

Она юркнула в толпу, Фридрих же продолжал переминаться с ноги на ногу на столе.

— Он возвращается.

Император прыгнул вниз. Но Муту, конечно же, видел, как Фридрих стоял на столе, и устремился прямо к нему, расталкивая толпу, которая, впрочем, сама с

поспешностью освобождала ему дорогу. Эццо пододвинул свое кресло ближе к стене. Муту подошел и остановился, уперев руки в бока и глядя на Фридриха.

— Зачем ты влез на стол? Мне не нравится, когда кто-нибудь влезает на стол.

Чтобы смотреть в лицо чернокожему, императору пришлось запрокинуть голову.

— Мне было интересно, хотелось все увидеть, — пояснил он.

— Мы встречались раньше? — Глаза Муту сузились. Фридрих тоже упер руки в бока:

— Возможно.

Феофано возвращалась, теперь она еще меньше походила на пажа, чем раньше. Мужчины пристально разглядывали ее.

Между тем ответ императора чернокожему пришелся явно не по душе.

— Ну ты! — прорычал он и ткнул Фридриха в грудь огромным пальцем. — Я не люблю такого дерьма. Не вздумай... — Тут он заметил Феофано, и глаза его округлились от удивления: — Фео.

Муту протянул было к ней руки, но Фридрих ударил по ним:

— Она со мной, Муту.

Чернокожий попятился:

— Она мой старый друг, она твой новый друг.

Император схватил Феофано и велел ей встать у него за спиной. Он отшвырнул стул:

— Я же сказал, что она со мной, Муту.

— Разве я не могу просто поговорить с... — Чернокожий протянул руку, чтобы убрать Фридриха со своего пути, и тот схватил Муту за запястье. Мускулы чернокожего, казалось, были сделаны из железа, а толщина его руки просто поразила императора.

Муту нахмурился и сделал угрожающее движение, но тут Фульке снова плашмя ударил мечом по столешнице. Муту повернул голову и увидел спутников Фрид-

риха, изготовившихся для драки. Чернокожий с удивлением посмотрел на Феофано и проговорил:

— Что такое, Фео?

— Не трогай его и позволь ему делать то, что он хочет, а то тебя убьют, — сказала она и обратилась к Фридриху: — Позвольте ему сесть с нами, Рыжик? Я хочу поболтать с ним.

Император и Муту отступили друг от друга. Чернокожий придвинул себе стул, и все сели — Фридрих напротив Муту. Фульке и Эццо позволили себе немного расслабиться.

— Ты всегда так вмешиваешься в драки? — спросила Феофано у Муту, который проворчал:

— Он из итальянцев.

— Да. Я думала, что ты в Антиохии.

— Я был там, но люди Боэмунда начали слишком назойливо совать нос в мои дела. — Чернокожий бросил взгляд на Фридриха. — Говорили, что ты была с императором. Что же случилось?

Феофано пожала плечами:

— Такое долго не длится. У тебя ведь найдется гашиш? Правда?

— Здесь нет. Но я мог бы достать... вся Акра на нем помешалась, все иоанниты и храмовники принимают его.

— Откуда они его берут? — спросил Фридрих.

Муту развел руками:

— Из Дамаска привозят или из Каира. У них весьма крепкие связи с мусульманами.

Император сузил глаза. Ясно, дипломатические каналы... Умение франков в Сирии ладить с соседями просто поражало его, они из всего умудрялись извлекать пользу. Пожалуй, они вполне могли бы сами обо всем договориться с мусульманами без всяких там гостей из-за моря. Он подумал, сколь сильный дисбаланс вызовет его соглашение с аль-Камилем в Сирии... Хотя с другой стороны, при сложившейся ситуации официальный мир будет проще установить.

— Муту, что ты знаешь о сарацинских шпионах в Яффе?

— Ровным счетом ничего, они сюда стаями не заходят. — Чернокожий взял опустевшую чашу Эццо, наполнил из кувшина и опрокинул себе в рот. — Они ошиваются в Старом квартале... там, где люди жили до прихода императора. Мутак — тот, кто тебе нужен, если, конечно, у тебя есть, что ему предложить.

Вот так-то!

— Не сейчас, может быть, позднее. Не мог бы ты... м-м-м... свести меня с ним, когда... когда я буду готов?

Чернокожий пожал плечами:

— Я все могу.

Фридрих запрокинул голову и засмеялся, а Феофано прошептала:

— Муту, достань мне гашиша.

— Сколько нужно?

— Побольше. Кувшинчик.

Кто-то закричал, и Муту вскочил:

— Опять драка, я сейчас!

Он проследовал к двери, откуда доносились крики и смачные звуки ударов. Фридрих проводил чернокожего взглядом и сделал несколько глотков вина:

— Интересно. Ты никогда не говорила мне, что у тебя есть подобные приятели.

Феофано усмехнулась, а Эццо спросил:

— Отыскать этого Мутака?

— Нет. Коль скоро мне известно, где его искать, кто он и чем занимается, мы можем не беспокоиться. — Фридрих обдумывал ситуацию, стараясь изобрести способ поставить под контроль информацию, которую шпионы поставляли аль-Камилу. — Надо иногда захаживать сюда перекинуться парочкой словечек с Муту.

Чернокожий растаскивал двоих драчунов, он держал одного в правой, другого в левой руке, оба вопили и старались дотянуться друг до друга.

— Он далеко не глуп, — проговорила Феофано, — имейте это в виду. Единственно, почему он не понял,

кто вы, так это потому, что мысль о том, что персона подобного ранга может прийти сюда, кажется ему невероятной. Будьте осторожны.

— Я буду. — Фридрих откинулся назад, и под столом его рука нырнула в разрез ее котты. — Обязательно.

— Я уж было подумала, вы станете с ним драться.

— Кто? Я? — Император уставился на Феофано в совершенном удивлении. — Я с ним? Не-ет! Он бы просто убил меня, вот и все.

— Тогда зачем же вы?..

Она скомкала фразу, посмотрела куда-то в сторону и наморщила лоб. Фридрих почувствовал, как под его пальцами напрягся ее нежный живот.

«Мутак, — подумал император. — Завтра...»

— Что станете делать потом? — поинтересовалась Феофано. — Наверху можно перекинуться в кости, там и девицы наверняка найдутся.

— По соседству, — уточнил Фульке.

— Я вот что думаю... — начал Эццо и, недолго поколебавшись, закончил: — Давайте устроим заварушку?

— Никак не получится. — Фридрих опрокинул кувшин вверх дном, стараясь вытрясти из него все до капли в свою чашу, но ничего не получилось. — Как можно драться, когда тут Муту? — Он сунул кувшин Фульке: — Пусть наполнят.

Тот поднялся, ища взглядом слугу.

Трое мужчин, чтобы лучше слышать друг друга во всеобщем гаме, оторвавшись от сидений, придвинулись к центру стола и о чем-то спорили. Фридрих не выдержал, он поднял ногу и дал одному из них увесистого пинка в задницу. Эффект превзошел все ожидания: спорщик, издав возглас удивления, потерял равновесие и упал на соседей, увлекая за собой одного из своих товарищей. Третий всполошился, намереваясь немедленно приступить к выяснению отношений, однако Эццо поднял меч, и приятель упавшего нашел более разумным употребить свою энергию на то, чтобы помочь

друзьям подняться. Тут как раз вернулся Муту и сел на свое место.

— Знаешь, к Мутаку надо идти с чем-нибудь, — проговорил он, глядя на Фридриха. В этот момент пришел парень с вином, и, когда Фульке попытался расплатиться, чернокожий просто махнул рукой, и слуга немедленно исчез. — Что у тебя есть к нему?

Император поводил ладонью по гладкой поверхности стола. Фульке искоса наблюдал за Муту.

— Думаю, тебе это будет неинтересно, — проговорил Фридрих. — Едва ли ты даже поймешь, о чем пойдет речь.

— Наверное, но я чертовски любопытен. В чем дело, что-то не так? Разве тебе не нравится поход?

Похоже, Эццо не вполне понимал, что происходит, и император внимательно следил за ним, дабы заставить его вовремя закрыть рот, если потребуется:

— Скажем так, я полагаю, что дела могли бы идти и получше.

— Трудности с деньгами?

Фридрих перевел глаза с Эццо на Муту, который подался вперед, явно заинтересованный в разговоре.

— Я занимаю важный пост. Спроси у нее.

Муту распрямился; мышцы заиграли на могучем черном плече, когда он повернул голову, чтобы посмотреть назад:

— Кажется, я знаю кое-кого, кто... м-м-м... мог бы оценить твои услуги. Во всяком случае, не отказался бы с тобой перекинуться парой словечек. Если у тебя материальные трудности... э-э-э... и вы найдете общий язык... возможно... возможно, вы бы смогли оказаться полезными друг для друга.

Фридрих лучезарно улыбнулся:

— Я ни на кого не работаю. Пораскинь умишком.

— Нет, я в такие дела не лезу, я просто кое-что и кое-кого знаю, кое-кто знает меня и тоже кое-что знает. — Муту оскалил белозубую пасть. — И я тоже ни на кого не работаю.

— А хотел бы поработать на меня?

Эццо поднялся и вышел. Император проводил его взглядом и вновь сосредоточил свое внимание на чернокожем. Тот затряс головой:

— Не понял?

— Ты сказал, что кое-что и кое-кого знаешь. Несомненно, на этом можно заработать. Я заплачу тебе вдвое, если ты станешь работать на меня, снабжать меня сведениями и передавать сведения от меня другим.

У чернокожего губа отвисла:

— Фео...

— Не надо спрашивать ее, я с тобой разговариваю. Так как, согласен?

— Я могу потерять многих друзей. Да что там друзей? Меня самого могут зарезать.

— Ну с другой стороны, тебя могут повесить, если ты не станешь делать того, что я хочу. — Фридрих сжал запястье Феофано, чтобы не дать ей ничего сказать. Он наблюдал за тем, как в глазах чернокожего удивление сменяется возмущением, а возмущение злостью, даже яростью:

— И я уже на верном пути, так?

— Обеими ножками, обеими босыми черными ножонками. — Император поднялся, увлекая за собой Феофано. — Завтра утром к тебе явится человек. Если он застанет тебя здесь, я буду считать, что ты начал на меня работать. Детали мы обсудим позже.

Муту не ответил, глаза его изучали пространство где-то над плечом Фридриха. Эццо стоял у самой двери, прикрывая плащом меч. Повиснув на Феофано, император едва ли не бегом поспешил к выходу.

— Идемте, — проговорил Эццо, когда все четверо вышли в темноту переулка. — Надо поскорее убираться отсюда.

— Очень здравая мысль, — подхватил Фульке. — Ему вполне может прийти в голову прирезать вас.

Фридрих отпихнул руку Эццо, который хотел поддержать его, чтобы он ненароком не оступился в темноте:

— Ну ладно, давайте только не будем раньше времени дрожать от страха. Между прочим, я пришел сюда, чтобы надраться, но до сих пор трезв как скала.

— Совершенно верно, — сказала Феофано. — Однако, если трезвый вы чуть не довели Муту до икоты, что же будет, если вы соизволите напиться?

— Мне самому любопытно. — Он неожиданно резко развернулся и сделал несколько быстрых шагов в обратном направлении. Они немедленно поспешили догнать его и обступили со всех сторон.

— Вы что хотите, чтобы?..

— А ну-ка отвалите! — бросил им Фридрих.

Эццо и Фульке почли за благо выполнить распоряжение, но не Феофано. Она внимательно посмотрела ему в лицо и сказала:

— Идемте с нами, вы не можете...

— Я могу делать все, что хочу, и сейчас я как раз собираюсь сделать то, что хочу, черт бы тебя побрал!

— Если вы станете говорить со мной в таком тоне, я уйду.

Император уже хотел было оттолкнуть ее от себя, но что-то заставило его остановиться и посмотреть ей в глаза. В них светилась решимость. Феофано сжала губы, и он понял, что она не шутит, не пугает его, она и в самом деле уйдет. Фридрих инстинктивно облизал губы:

— Что ты хочешь сказать?

— Лишь то, что сказала.

Феофано еще несколько мгновений стояла так, глядя на императора, затем опустила глаза и, повернувшись, пошла по переулку. Эццо и Фульке находились рядом, оба не сводили глаз с сюзерена, ожидая, что он станет делать. Он следил взглядом за Феофано, которая уже почти достигла перекрестка.

«Я могу дать ей уйти и вернуться в корчму, утром

она все равно передумает. — Прошло какое-то мгновение, и он уже не чувствовал такой уверенности. Ведь если он не догонит ее, она не пойдет во дворец. Уйдет. — Она не может!..»

Феофано повернула за угол; она исчезла из виду, и Фридрих, сорвавшись с места, помчался за ней. Отзвуки торопливых шагов императора и его дворян гулко отдавались в тиши ночи, отражаясь от стен домов по обеим сторонам переулка. На перекресток выехал запряженный в тележку мул, должно быть, он вез что-то из гавани. Возница натянул поводья, остановив мула, он долго провожал бегущих изумленным взглядом.

Когда Фридрих вновь увидел Феофано, то перешел с бега на быстрый шаг. У нее не было причин! Глупо, по-дурацки глупо! По-бабьи глупо! Услышав, что император идет за ней, она повернулась и остановилась, ожидая, когда он приблизится. В нескольких шагах от нее Фридрих перешел на нормальный шаг. Когда император поравнялся с Феофано, она подошла к нему.

— Ты не сможешь одна вернуться домой.

— Идти недалеко. Вы могли бы послать со мной Фульке.

Он вздрогнул. Она намеренно стремилась разозлить его. Она старалась, иначе бы она не стала вести себя подобным образом. Фридрих повернулся и увидел факел приближавшегося к ним ночного дозорного.

— Простите, — сказала Феофано. — Мне не следовало так говорить с вами.

— Тебе точно не следовало. Не следовало говорить всего того, что ты сказала.

Цоканье копыт лошади стражника на камнях мостовой громко отдавалось в ночи. С каждым шагом коня приглушенно позвякивал прицепленный к седлу колокольчик.

— Я же сказала, простите меня, — проговорила Феофано.

— Тут ты ничего не можешь поделать, ты — женщи-

на, все женщины поступают подобным образом. Пожалуйста, мне следует перейти на мальчиков.

— О-у! Как же вы до сих пор до этого не додумались?

Он внимательно уставился на нее. Фульке и Эццо предусмотрительно держались в нескольких шагах в стороне.

— Давай, давай, продолжай, — проговорил Фридрих, слегка обескураженный.

Она резко остановилась, ее глаза наполняла ярость:

— Я сделала это нарочно. Да! Да! И я всегда буду так поступать, пока не умру! И если вам не нравится...

— Мне не нравится. — Император продолжал идти, и Феофано последовала за ним, догнала, схватила за руку, заставляя остановиться:

— Я же сказала! Я же попросила прощения! Черт бы вас взял, да остановитесь же вы наконец!

— Хорошо. — Фридрих остановился. Феофано сорвала с головы шапочку, и волосы ее рассыпались по плечам, несколько локонов упали на лицо, закрыв его, и она резким движением отбросила их со лба:

— Я же сказала, что сожалею, что сорвалась, но и только. Я и шага дальше не сделаю, пока вы не извинитесь передо мной!

В какой-то момент император почувствовал себя настолько взбешенным, что даже не мог понять, чего она от него хотела. Он отстранился, вскинул руки и закричал:

— За что?!

Она посмотрела на него, открыв рот:

— Как за что? За то, что вы со мной так говорили.

— Как так? Я до сих пор не понимаю, отчего ты взбеленилась. Мне просто хотелось напиться, а ты...

— К черту все, — сказала она и улыбнулась. Внезапно лицо ее вдруг вновь стало приветливым, агрессивность исчезла, глаза засветились прежним светом. — Простите...

Она бросилась к нему и обняла, а он положил руки ей на плечи:

— Феофано...

— Идемте домой.

«Я лежу здесь в кровати, пройдет немного времени, и я крикну пажей, велю им одевать меня и подавать завтрак, а послания от аль-Камиля так и не будет. Я буду целый день ждать известия, а его не будет. Его не будет, а я буду ждать вечера, потому что за ним непременно наступит ночь, и я на какое-то время окажусь избавленным от томительного ожидания. Я засну с мыслью, что, может, все же завтра мне повезет и посланец явится утром, но... но и утром не случится добрых известий...»

— Что беспокоит вас? — спросила Феофано.

— Ничего.

— Позвать пажей?

— Если хочешь.

Фридрих подумал о предстоящих делах. Проблем хватало: наступала пора заняться организацией городского управления Яффы, потом навалятся ежедневные текущие вопросы, касающиеся самого похода, и Сицилия, о ней тоже нельзя было забывать. Император закрыл глаза:

«Как, интересно, я должен решать проблемы Сицилии, когда сам я здесь?»

Дела представлялись волной, которая накрывала его с головой. Он повернулся, кладя голову ей на руки.

— Рыжик?

Феофано обняла его, прижалась к спине и принялась оплетать его ноги своими. Фридрих чувствовал ее влажное теплое дыхание на своей шее. Он вздохнул, колыбель из ее рук и ног заставляла его чувствовать себя лучше, он успокаивался и сам не зная отчего.

«Я люблю тебя. — Что-то всегда мешало ему сказать ему это. — Она стала бы...»

Император подумал, что это скорее всего напугало бы ее. Он и сам не понимал, отчего так уверен, но... он знал, что она стала бы... она постаралась бы увести разговор в сторону, и он сам осознал, что так правильнее.

— Позовите пажей, — промурлыкала Феофано.

— Сейчас.

Император сел, отбрасывая с глаз волосы. Фридрих приглаживал непокорные вихры, но едва он переносил свои усилия дальше, как только что примирившиеся с необходимостью волосы вновь начинали вести себя так, как им вздумается. Все это напоминало какую-то жуткую головоломку. Он крикнул Корсо и выскользнул из-под покрывала.

Когда император, уже одевшись и позавтракав, приятно пообщался с ежеутренне являвшейся к нему толпой посетителей, после того, как он отослал Марино за некоторыми из старых грамот, Фридрих вышел на балкон дворца и оперся о перила. Оттуда, где он находился, и до самой гавани город казался чистым, умытым и радовавшим глаз. Вокруг было множество людей и животных — ослов и мулов с телегами, — в конце улицы даже образовался базар. Император краем глаза посмотрел на стену, видневшуюся вдалеке в солнечной дымке. Восстановлением ее ведал гроссмейстер. Группки людей сустились на развалинах, заделывая пробойны грязью и кусками штукатурки. Повсюду двигались целые поезда мулов с волокушами. Тяжелое давящее настроение свинцом наполняло легкие, сердце... В какой-то момент он заставил себя сконцентрироваться на том, что жизнь продолжается, и...

— Ваше величество.

— Да, Марино.

— Простите, что беспокою вас, государь, но это срочно. — Шаркая ногами по ковру, подаренному императору Балианом Сидонским, секретарь вышел на балкон. В руках у Марино был толстенный пакет. Фридрих повернулся и взял его. На печати стоял осо-

бый знак Пьеро, и обертка, покрывавшая документ, была надписана его же почерком.

— Мне подождать, сир?

— Нет. — Император прочитал пометку, сделанную рукой Пьеро: — «Очень срочно и секретно».

Фридрих похолодел. Вынув из ножен кинжал, он вскрыл пакет и развернул его:

— «Из Палермо в седьмой день декабря года 1228-го от Рождества Христова...»

— Палермо, — повторил Фридрих, он поднял глаза и увидел, что Марино ушел. Через открытую дверь он видел сновавших туда-сюда людей; никто из них не слышал его слов. Он проглотил подкативший к горлу комок и взглядом перескочил к наиболее важной части послания, выделенной красными чернилами.

Наемники папы под командованием Жана де Бриена захватили практически всю Южную Италию. Лучера держится, но это лишь пока, она плотно обложена. Мы перевели государственный совет в Палермо и управляем оттуда именем вашего величества.*

Текст письма поплыл перед его глазами. Фридрих окаменел, он не чувствовал солнечного жара, не слышал шума города, даже шуршания бумаги в своих дрожащих пальцах. Он уронил депешу на пол и обхватил плечи руками. Внезапно он увидел все таким, как оно и было, даже более того — сверхчетким и сверхреальным.

«Если даже я выиграю здесь, там для меня все будет потеряно! — Император подумал о Сицилии, о ее горах, болотах, камыше, о ее бескрайних просторах. — Он взял ее, он теперь владеет ею! А я? Я ничего не могу сделать! Я не могу вернуться, чтобы...»

— Фридрих.

— Доброе утро, Дауд. — Император посмотрел на вошедшего невидящим взглядом.

Фахр ад-Дин подошел поближе к перилам и заглянул в лицо Фридриху:

— Прошу прощения. Мне нечего предложить вам, кроме сомнительного удовольствия общения со мной.

Император перевел свои полубезумные глаза на Фахр ад-Дина:

— Ты уже знаешь об этом?

Тот кивнул:

— Уже некоторое время. Видите ли, у нас есть человек в Риме, который осведомляет нас обо всем, что, по его мнению, может навредить вам.

Сердце в груди Фридриха чуть не выпрыгнуло наружу. Он бессильно уронил руки:

— Скажи аль-Камилю, что, возможно, для него куда предпочтительнее отдать мне Иерусалим и дать мне возможность уехать, чем заполнить в моем лице короля Яффы.

— Мы уже думали об этом.

— Если мне не оставят выбора, Дауд, я начну все сначала здесь, в Яффе. И учти, у твоего повелителя со мной будет больше хлопот, чем с ан-Назиром, аль-Аш-рафом и хорезмшахом, вместе взятыми, пусть даже я буду управлять тут одними только ящерицами.

Фахр ад-Дин ответил с улыбкой:

— Вот в этом меня как раз убеждать и не надо. Восстановление Яффы и та глубина, на которую вы погрузились в решении сирийских проблем, вполне достаточное подтверждение... Корсо поведал мне, что вы очень мало съели за завтраком, не откажетесь ли разделить со мной трапезу?

Его открытый взгляд, приветливая улыбка, слова благотворно подействовали на Фридриха. Он снова перевел взгляд на стену и наполовину отстроенную башню Ангела. Рабочие с помощью «цапли» как раз поднимали наверх связку железных прутьев.

— Да, с удовольствием.

Фахр ад-Дин хлопнул в ладоши, двери тотчас распахнулись, пропустив стайку пажей с маленькими столиками и небольшими креслами, с подносами, уставленными тарелочками с мясом в желе, фруктами и ле-

пешками, испеченными в форме звезд и обжаренными в масле. Фридрих облизнулся. Когда все было готово, Фахр ад-Дин сел и ополоснул руки ароматизированной водой из золотой чаши, а затем, подняв крышечку кастрюльки с кус-кусом*, шумно втянул носом воздух.

— М-м-му-у-у. Просто объединение. — Он положил крышечку на место. — Ваш наместник в Сицилии, по всей видимости, не открывает вам по-настоящему полной картины происходящего.

— Он достаточно живо все изложил. — Фридрих вытер руки и велел пажу принести письмо, брошенное в углу. — У папы достаточно денег, чтобы оплатить услуги лучших стратегов Европы.

Он взял письмо и шелкнул по нему пальцем.

— Ну что же, вы же сами понимаете, если бы вы доверили оборону замков баронам, Сицилийское королевство оказалась бы более надежно защищено, чем сейчас.

— М-м-да. — Пьеро в своем письме подвел краткие, но вполне впечатляющие итоги кампании — папа фактически нигде не встречал должного отпора, кроме разве что Лучеры и еще нескольких хорошо укрепленных и снабженных сильными гарнизонами городов. — Я ненавижу войну!

Фахр ад-Дин показал знаками пажу, чтобы тот подал императору кус-кус и фрукты.

— Я тоже ее терпеть не могу. И как силен урон, нанесенный войсками папы?

— Точно не знаю, я не смогу реально себе этого представить, пока не прочитаю и не перечитаю это письмо раза два-три. — Фридрих сложил бумагу и спрятал за полую котты. — Корсо, вели Юсуфу, чтобы пришел и поиграл нам.

Он как бы со стороны посмотрел на собственные руки, уверенно работавшие ложкой и вилок:

«Как же я могу оставаться таким спокойным? Почему не бьюсь об стенку головой? Не кричу? Опять сте-

реотипы. Действовать, действовать, действовать. Делать что-то, и все тогда будет в порядке. Может быть...»

— Башня Ангела обещает стать шедевром архитектуры, — произнес Фахр ад-Дин. — Кто-то сказал мне, что ее строят по вашему плану.

— Прeжняя была слишком высокой для своего диаметра. Она очень удачно расположена, я думаю, она вполне сгодится в качестве главной сторожевой башни.

— Полагаю, вы сможете просматривать всю бухту и горные склоны позади города. Так? Прекрасно. Персиковое варенье просто великолепно, такое свежее.

— Как выглядит Наблус?

Фахр ад-Дин поморщился:

— Обычный город, какие только и должны быть в оазисах, скучный, пыльный и полный всякой нечисти. Аль-Камиль терпеть его не может. Мой повелитель так и говорит, что, мол, если бы Наблус не был лучшей позицией, находясь на которой можно одновременно контролировать вас, племянника и младшего брата, он никогда бы и дня не прожил там. Вам бы понравился Каир. — Фахр ад-Дин улыбнулся, прожевывая кусок лепешки, намазанной персиковым вареньем. — В Каире есть все, что вы любите: музыка, философы, в этом городе, что ни день, кому-нибудь перерезают глотку, и там полно разврата. Там живут самые большие греховодники в мире.

Юсуф, устроившийся на табурете сбоку, засмеялся, а потом исполнил песню сицилийских горцев. Фридрих представил себе Палермо и съел немного кус-куса.

— Нет, ничто не может сравниться с Палермо даже в том, что касается умения его жителей грешить. Там вы можете купить все, продать все, можете говорить на любом языке, и вас поймут.

— Я знаю, я ведь был там. — Лицо Фахр ад-Дина потеплело: — Более всего меня поразил мальчишка с лицом грека, светловолосый и светлокожий, как норманн, говоривший по-арабски едва ли не лучше меня.

А еще мне очень понравилось, как разрисовывают у вас повозки. Так красиво.

— В Германии хозяева рисуют сцены из библейской жизни на фасадах своих домов, так что, когда кто-нибудь спрашивает, как найти тот или иной дом, ему просто говорят: пойдете по главной улице, увидите Якова, сражающегося с ангелом, это и есть дом, который вам нужен. А что собой представляет двор аль-Камиля?

— Во многом похож на ваш. Он очень заботится о том, чтобы его окружали люди ученые, но от тех, кто оказывается не в состоянии обсуждать с ним достоинства женщин, он избавляется. Может взять и покинуть своих гостей посреди доброго пира, просто так, безо всякой причины, а после послать рабов и объявить всем, что вечер окончен. Однако я склонен думать, что он делает это нарочно, так как очень боится, что люди сочтут его предсказуемым. Если вы хотите прочесть это письмо, пожалуйста, не стесняйтесь.

— Спасибо. — Фридрих вытащил письмо из-за полы котты и, развернув, принялся читать. Пальцы его дрожали, он далеко еще не полностью успокоился.

Только часть послания была написана почерком Пьеро, остальное принадлежало перу писца, доводившего до сведения императора подробности вторжения. Как и всегда, Пьеро помечал красными и синими чернилами то, что, по его мнению, заслуживало особого внимания. Фридриху было тяжело читать письмо, потому что ему очень не хотелось делать этого; между тем большая часть информации требовала полного внимания, оттого он часто останавливался, чтобы усвоить известие.

Армии папы не встречали серьезного сопротивления, и, вероятно, из-за этого большая часть королевства оставалась целой. Принцесса Иоланда и маленький король Иерусалима находились в полной безопасности за стенами Ла Фавары*. Все правительство переехало из Тройи, где обычно заседало, в Палермо. Большая часть муниципалитетов городов продолжала функциониро-

вать, как и прежде. Пьеро закрыл порт Бриндизи, и сицилийский флот использовал гавани Мессины и Палермо, папа же и вовсе не имел преимуществ на море. Крестьяне занимались своими делами, в большинстве регионов, все еще остававшихся под контролем Пьеро, налоги собирались как и прежде. Цистерцианцы служили связующим звеном между завоеванными городами и территориями и свободными правительствами. Однако Жан де Бриен созывал под свои знамена сторонников папы, и пропаганда имела кое-какой успех. Пьеро полагал, что к весне папистам удастся кое-где сместить верных императору глав магистратов и заменить их своими.

— Все не так уж плохо, — проговорил император, обращаясь к Фахр ад-Дину.

— Одно дело захватить территорию, и совсем другое заставить людей, которые населяют ее, слушаться своих приказов.

— Сицилийцы очень консервативны.

Фахр ад-Дин засмеялся. Его смех смешивался со звоном посуды, которую заменяли пажи, а также со звучанием аккордов и переборов китары Юсуфа. Пьеро писал:

Мы стараемся посеять вражду между папистскими гарнизонами и горожанами в захваченных городах. Это все делается в соответствии с нашими планами, составленными на крайний случай перед отъездом вашего величества. Так и в дальнейшем мы собираемся следовать данным вами указаниям.

— У аль-Камиля нет одной очень важной вещи, — произнес Фридрих. Он поискал глазами чего-нибудь выпить и, взяв чашу со шербетом, сделал несколько глотков. — У него нет Пьеро делла Винье.

— Ваш секретарь? Бесцветный маленький человек? Верно. Слуги моего повелителя более заметны и несравненно менее полезны. Я сказал, что ему следовало бы послать нескольких мальчиков в ваши школы.

— Пусть поторопится, я собираюсь закрыть универ-

ситет. — Пьеро использовал стратегию, которую они выработали для борьбы с возможной агрессией неприятеля. Дело было позапрошлой осенью, когда он лежал с малярией в Поццуоли и едва мог пошевелить головой.

«Говорят, возможны остаточные явления... Пока еще не было...»

Даже от воспоминаний о болезни его и то бросало в дрожь. Ужасная слабость, жар, собственное бессилие еще не забылись.

— Фридрих?

— Что?

Фахр ад-Дин пристально смотрел на него, и, хотя он улыбался, вид у него был немного настороженный:

— Я пятый раз задаю вам один и тот же вопрос.

— О, я думал по-итальянски... в такие моменты я не слышу, когда ко мне обращаются по-арабски.

Фахр ад-Дин пожал плечами, но настороженность осталась:

— Может быть, мне лучше уйти?

— Нет, что ты, конечно, нет... — Тут до императора вдруг дошло, что именно этого он и хочет, он хочет, чтобы его оставили в покое и дали подумать. — Впрочем, как пожелаешь.

— Благодарю. — Все так же с улыбкой Фахр ад-Дин поднялся, знаками подзывая слуг. — Увидимся за ужином. Приятного дня.

И он ушел, окруженный своими людьми, исчез в ближайшей двери.

Фридрих же откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. Они разрабатывали свой план для борьбы против вторжения сарацин с сицилийских гор. В каждом городе у императора находился по крайней мере один человек, в обязанности которого входило посеять смуту, вызвать недовольство горожан поведением пришельцев, чтобы граждане острее возжелали возвращения Фридриха, их любимого короля. Пьеро подходил к делу основательно, вплоть до создания тайных обществ для борьбы с захватчиками, однако сицилийцы народ

простой — ночью нож в бок, и все дела. Их любимый король Фридрих, отправившийся ныне за море, не давал им спать спокойно, годами не уставал бить их по головам, делая это всякий раз неожиданно. Сам сицилиец, он понимал характер сицилийцев. Если кто-нибудь, например папа, вдруг решит надеть на них узду, они взбунтуются. «Я — сицилиец, и я просто не могу жить без врагов».

Внутри рабочий красил стену по эскизу, сделанному художником. Запах краски достиг ноздрей Фридриха. Он вновь посмотрел в сторону крепостных укреплений, солнце было таким ярким, что император едва мог видеть людей, копошившихся там. Неопределенность вновь свинцовым грузом легла на сердце.

«Гони ее прочь, топи тоску в работе, и скоро наступит ночь, когда ты уснешь спокойно, а проснувшись поутру, узнаешь, что пришло письмо от аль-Камиля...»

— Папа отправил письмо аль-Камилю, где говорится, чтобы султан ни при каких обстоятельствах не отдавал Иерусалим императору, — начал Муту. — Один человек, чьего имени я не знаю, недавно переехал из Антиохии в Дамаск, через него я получил весть, предназначенную для ушей агента госпитальеров. Жан Ибелин, барон Бейрута, находится в тесной связи с Жаном де Бриеном, новым императором Востока, с тестем императора, который командует армиями папы в Сицилии*.

Поигрывая монеткой, Фульке повернулся и посмотрел на закутанного в плащ Фридриха, который поднял брови.

— Трое из ночных дозорных в Старом квартале за взятки покрывают убийц и грабителей. В гавани есть человек, торгующий пшеницей, украденной из амбаров императора.

Голос Муту звучал ровно, даже монотонно, а Фридрих начал копаться в собственной памяти. Уже дважды

приходили они в эту комнату, и чернокожий сообщал им точные факты, касавшиеся как собственно событий, происходивших в Яффе, так и тех, что имели место в других местах, довольно удаленных от сирийского побережья. Все, что удавалось проверить, оказывалось правдой. Давно и хорошо известно, что самые надежные информаторы обнаруживаются в криминальной среде, где полно соглядатаев, ведь источниками распространения важных секретов зачастую служат шлюхи, пьяницы и нищие — император знал об этом еще по Палермо, — но Муту был лучшим из лучших. Он знал все и обо всех. Наблюдая за золотым, скатившимся к ногам чернокожего, Фридрих пришел к выводу, что так о Муту думают многие, и едва ли не все, с кем он сталкивается, полагают, что уж с ними-то он абсолютно искренен. Значит, по всей видимости, все, у кого нашелся хотя бы медный обол*, чтобы заплатить за информацию, знали, что император ввязался в игру, что может хорошо послужить на пользу его планам. Он проглотил гашиш и ухмыльнулся.

Как-то Фридрих дал ассасину большой кусок гашиша и увидел, как глаза Фейзала загорелись и заблестели, точно карбункулы. Сарацин весь буквально расцвел и, преданно глядя на императора, проговорил: «Господин».

«У меня просто удивительно прекрасное настроение сегодня, а завтра я опять начну думать об аль-Камиле».

— Это все? — спросил Фульке.

— Все? — фыркнул Муту. — Да я весь наизнанку вывернулся, что, нет? — Убирая деньги в кожаный кошель, он посмотрел на Фридриха. — Надеюсь, ты извлечешь пользу из того, что узнал. Недешево тебе обходятся сведения.

— Это не мои деньги.

— Ну что же, тогда... — Муту зевнул, затягивая потуже завязки кошелька. — А что, если твой господин узнает, что ты ешь гашиш?

Фридрих дернулся и бросил на чернокожего пол-

ный удивления взгляд: император уже забыл о том, какую роль играл здесь. Гашиш не располагал к размышлениям, и, опасаясь, как бы все не испортить неосторожным словом, Фридрих промолчал.

— Ему это очень даже может не понравиться, так ведь? — спросил Муту мягко. — Вдруг ему придет в голову узнать, где ты взял гашиш?

— Он знает, что я работаю с тобой, — ответил Фридрих. — Видишь ли, я доверенный человек его величества, выполняю его деликатные и секретные поручения.

— Но это не мешает ему задать себе вопрос, не расплачиваешься ли ты за гашиш некоторыми секретами, которые он доверяет тебе. Такая мысль не расположит его к тебе, а?

«Муту, — подумал Фридрих, — как некрасиво с твоей стороны, Муту!»

Он бросил взгляд на Фульке, наблюдавшего за всем с по-кошачьи хитрой физиономией:

— Подожди меня за дверью.

Фульке встал и молча вышел; шторы закрылись за ним. Фридрих чувствовал, что действие гашиша становится все более сильным.

— Ты доверяешь ему? — Муту показал пальцем на дверь. — Этому своему Фульке?

— Да. А сейчас, пользуясь случаем, скажу тебе кое-что из того, что мне довелось узнать.

— И что же тебе довелось узнать?

— Нечто, что стоит половины того, что ты получил.

— Пока что я ничего не слышал. Вот скажешь мне, и я оценю, чего это в действительности стоит.

Фридрих, ухмыляясь, покачал головой. Взвешивая кошель на ладони, так чтобы слышалось позвякивание монет, Муту изучающе разглядывал императора. Наконец чернокожий открыл кошель и просыпал небольшую часть золота на ковер.

— Скажи мне, и, если твоя новость стоит больше, я заплачу.

Фридрих пожал плечами:

— Император отправил посольство в Дамаск.

— Это знают все.

— Но не всем известно, какие распоряжения он дал послу еще перед тем, как ан-Назир сделал набег на окрестности Наблуса. И очень мало кто знает, что посол ходил с ним в тот набег и там они вели переговоры о возможном союзе.

Муту раздул ноздри:

— Нет, не верю. Такое могут знать всего несколько человек. Самых приближенных.

Как бы чернокожий ни старался изобразить недоверие, прорывавшиеся в его речи взволнованные нотки выдавали его.

Фридрих же кивнул:

— Император хочет получить Иерусалим, и ему не так уж важно, от кого он его получит.

Сердце его забилося от волнения — ничто не может опровергнуть этих слов, но если... Но если они дойдут до ушей аль-Камиля, он в конце концов не выдержит и сдастся. Фридрих смотрел на Муту, видя, как разгораются его глаза.

— Бери. — Муту бросил кошель Фридриху. — Да смотри быстрее, а то ведь я уговорю себя, что твоя новость — ложь.

Чернокожий принялся собирать золотые с ковра, а Фридрих со смехом засунул кошель себе за пояс.

— Я не вру, просто для меня моя новость не стоит столько.

С этими словами он скользнул через шторы и дверь в темноту улицы. Фульке ждал господина, стоя на одной ноге и прислонившись к стене здания. Когда император направился в его сторону, Фульке, заметив его в темноте, выпрямился и поспешил подойти к нему.

— Что случилось?

— Подразнил его малость.

— Не пора ли вам перестать приходить сюда? Если он узнает вдруг, кто вы на самом деле, ему может прийт-

ти в голову нажать на этом состоянии, что, вполне возможно, окажется отнюдь не безопасным для вас.

Фридрих кивнул.

— А я и не собираюсь приходить сюда больше. — Они свернули за угол и пошли к арке. — Пойдете вы с Эццо, мне просто хотелось видеть его реакцию сегодня. Не забудь, пожалуйста, всего, что он сказал относительно дозорных и ворованного зерна.

— Хорошо. Я займусь этим завтра.

Луна освещала улицы, было светло как днем. Были видны шлюхи, прогуливавшиеся под аркой. Теперь улица эта становилась такой же своей, как и улицы где-нибудь в Барлетте, в Трое или Кастелламаре. Фридрих никак не мог сообразить, что же более всего поражало его здесь, наверное, виной тому было действие гашиша. Хорошее настроение медленно, но верно улетучивалось, император чувствовал, как отупение охватывает его. Придет утро, и все начнется сначала, все снова, и все сначала. А разве раньше что-нибудь было по-другому? Никогда и прежде ничего особенного он не делал, все время одно и то же. Жизнь шла, как и прежде и как будет идти. От этих мыслей он сделался и вовсе угрюмым и, сгорбившись, даже стал как будто меньше ростом.

Феофано смотрела, как пажи убирают его новые котты — портной прислал их целых восемнадцать штук в полдень. Она покачала головой:

— Зачем вам столько одежды? Это же за всю жизнь носить не сносить?

— А я и не собираюсь все их снашивать. — Он поправил ту, в которую был одет, и кивнул Корсо, чтобы тот принес ему зеркало. — Мне нравится эта, а тебе? Рукава особенно хороши.

Он прошелся туда-сюда перед зеркалом, строя рожи своему изображению и расправляя расшитые золотом полы короткой рубашки, которые торчали очень смешно.

Феофано усмехнулась:

— Иные женщины так не заботятся о своем внешнем виде, как вы.

— Я вовсе и не забочусь. — Он снял пояс и взял другой с кровати. — Просто хочу выглядеть так, каким меня видят другие. Мне нужно сменить прическу.

Фридрих надел пояс и принялся разглядывать себя в зеркало.

— Нет, он не заботится о своей одежде, мадам, — изрек Корсо. — Видели бы вы, в каком виде он щеголял по палубе корабля. Сир, этот пояс сюда не идет. Джанкарло, принеси-ка византийский пояс.

— Мне нравится этот пояс с этой коттой. — Он потянул манжеты вниз. — Кто-нибудь, скажите, чтобы в другой раз сделали рукава подлиннее.

Тут появился Джанкарло с поясом, украшенным тонкой работы орнаментом, именно эту вещь Корсо и называл *византийским поясом*. Слуга ловко расстегнул застежки надетого на господине пояса.

— Вы скучаете по Сицилии, Корсо? — спросила Феофано по-итальянски — она упражнялась в языке.

— Совсем нет, — ответил Корсо. — Мне нравится в Яффе... здесь весело.

— Я рад, что тебе тут нравится, — произнес Фридрих. — Вполне возможно, мы задержимся тут.

Джанкарло хотел выразить свое неудовольствие подобной перспективой, но Корсо шлепнул его по спине ладонью:

— Молчи, Джан, ты никогда не станешь настоящим поэтом, если не поживешь на чужбине.

Джанкарло густо покраснел. Фридрих надел новый пояс:

— Джанкарло, а ты пишешь теперь стихи?

Пятясь, Джанкарло с негодованием посмотрел на Корсо:

— Ты же обещал никому не рассказывать!

Все прочие пажи, затаив дыхание, смотрели, ожидая, что же будет дальше. Фридрих посмотрелся в зеркало.

Когда император поворачивался, чтобы оценить вид сбоку, Корсо произнес:

— Ну... надо же кому-нибудь показывать их, верно? А то ведь и не узнаешь, хороши они или нет. Поскольку я считаю, что они ужасны...

— О, Корсо! Тише же! — вмешалась Феофано. — Джан, принеси мне чего-нибудь попить, пожалуйста.

Джанкарло умчался, бурый как свекла, а Корсо как ни в чем не бывало произнес:

— Вот это пояс так пояс. Он куда лучше тут подходит, государь.

— А мне все-таки нравится больше тот. Этот как-то не так сидит. — Он расстегнул пряжку, подтянул пояс, а затем застегнул его на том же самом месте. — А что там со стихами Джанкарло? О чем он пишет?

— О девушках, в которых ни черта не понимает. — Корсо зашел сзади, чтобы одернуть котту. — Он и на латыни пишет.

— Скажи ему, что я хотел бы прочитать. Если, конечно, он позволит. — Сияющая белизна котты резко контрастировала с византийским поясом. Фридрих снял его. — Что плохого в латинской поэзии?

— То, что Джанкарло отвратительно знает латынь, — ответил Корсо. — Кроме того, вы не пишете на латыни, государь.

— Quid libet, licet*. Я не знал, что ты у нас дока в латыни, Корсо. — Он повернулся спиной к зеркалу и посмотрел на свое отражение через плечо, пристально изучая линии силуэта. — Мне вообще не нужен никакой пояс.

— Как скажете, государь. — Голос Корсо звучал абсолютно безразлично.

— А вы пишете стихи? — поинтересовалась Феофано.

— Был грех, но теперь все. — Фридрих кивнул Корсо, который принялся снимать с господина котту. В этот момент пришел Джанкарло с подносом, уставленным чашами, и налил Феофано вина.

— А почему? — спросила она, сделав глоток.

— Времени нет. А потом, я убедился на опыте в том, что я не поэт. — Император облачился в старую котту. — Не подумай, что меня в этом убедил Корсо делла Мессина, — уточнил он и засмеялся.

— Мне ваши стихи нравились, — проговорил Корсо, убирая новую котту.

— И мне тоже, — тихо произнес Джанкарло и снова вспыхнул.

— Вы должны показать мне хоть что-нибудь из ваших сочинений, — заявила Феофано.

— Они на итальянском, а ты по-итальянски пока не читаешь.

Она и говорила-то еле-еле, хотя и понимала практически все, что слышала от окружающих. Фридрих принял от Джанкарло чашу, поморщился и отослал его за шербетом.

— А о чем ваши стихи? — спросила она по-гречески.

Император усмехнулся:

— О девушках, как и у Джанкарло. — Он пододвинул к себе табурет и сел рядом с Феофано. — Как-нибудь переведу тебе одно стихотворение или два, попозже и если захочешь.

— Государь, — сказал Корсо. — Пришел Марино.

— Пусть войдет.

— Напишите мне что-нибудь на греческом, — попросила Феофано. — Что-нибудь, что бы я могла прочесть, когда захочу. Что-нибудь, что я могла бы сохранить...

— Ты можешь сохранить меня, и тебе не понадобятся стихи. Привет, Дауд, что делается в мире? Как там за стенами этого угрюмого жилища?

— Как и всегда, все прекрасно, — ответил Фахр ад-Дин и заулыбался. — Можно мне сказать вам пару слов наедине?

— Разумеется. — Фридрих поднялся. Когда Феофано и пажи вышли, он посмотрел по сторонам. Джанкарло поставил шербет на маленький столик. Стараясь

сохранять спокойствие, император подошел и налил себе в чашу прохладного напитка. — Хочешь?

— Нет, но плесните немножко. В последнее время мне кажется, что вы начинаете скучать, Фридрих. Может, нам отправиться на охоту? Несколько дней, проведенных в пустыне в обществе соколов и коней, взбодрят вас, освежат, и вы...

Он сделал какой-то неопределенный жест в воздухе и заулыбался еще шире.

— Так, значит, поездка за город? — Император протянул гостю чашу шербета. — Наверное, это будет интересно.

Как ни старался, Фридрих не мог сохранить полное спокойствие, и Фахр ад-Дин, хитро покосившись на него, засмеялся.

— Если завтра?

— Завтра? А что у меня завтра? Пожалуй, могу поехать. Куда?

— Я поеду с вами, чтобы вы не заблудились. Предлагаю захватить с собой вашу свиту, но без ассасина, конечно, и не забудьте взять небольшой отряд рыцарей для охраны. Сами знаете, пустыня, никогда не знаешь, на кого наткнешься там.

— Ну конечно. — Фридрих громко засмеялся. — А что означает *небольшой отряд*?

— Ну человек сто. — Фахр ад-Дин сел. — И будьте готовы к торгу.

Фридрих издал протяжный возглас. Он подпрыгнул, вскинув руки кверху, так высоко, что пальцы его чуть не коснулись потолка. Император помчался в комнату, куда ушла Феофано. Она сидела на кровати в окружении своих девиц, занятых вышиванием и смешиванием духов и кремов для лица. Фридрих прыгнул на кровать, роняя и рассыпая их горшочки и баночки, и обеими руками обхватил за талию Феофано. Все, кроме нее, завизжали.

— Что произошло? — спросила она.

— Ничего. Еще ничего. — Он поцеловал ее. — За-

втра я уеду ненадолго, может быть, на несколько дней. Сможешь прожить без меня?

Глаза ее вспыхнули:

— Свершилось!

— Это пока лишь приглашение.

Феофано обняла Фридриха:

— Я знала, что это случится... сегодня счастливый день.

Они катались по кровати, обнимая и целуя друг друга. Император начал раздевать ее.

— Можно кому-нибудь сказать?

— Нет, — ответил он. — Это секрет.

Он справился с застежкой и обнажил плечи и грудь Феофано. Ах как хорошо было бы рассказать всем немедленно, как бы все перепугались, особенно те, в Акре, на Кипре и в Риме! Муту пригодился. Фридрих прижался к ее груди, лаская губами сосок. Ее пальцы нежно перебирали его волосы.

— Разве не стоит теперь помолиться?

— Я молюсь. Спасибо тебе, Господи! — Он оглянулся, горничные ушли. Фридрих начал в спешке сбрасывать с себя одежду. Феофано прижалась к нему бедрами, он перевернулся, усаживая ее на себя, и закрыл глаза: «Люби же, люби меня крепче! Кончилось, кончилось ожидание!»

Он сжимал и мял руками ее податливое тело:

— Да! Да! Да!

Огонь шквальными волнами прокатывался через все его тело, Фридрих прятал искаженное гримасой страсти лицо в струях волос Феофано.

* * *

— Мы в одном дневном переходе к юго-востоку от Рамы, — произнес Фахр ад-Дин. — Когда-то очень давно король Бодуэн с горсткой рыцарей разбил здесь огромную армию. Чтобы никто не мог сказать, будто ему

просто повезло, он повторил этот начинание спустя несколько лет. Его звали королем Бодуэном Первым. Наблус расположен к северо-востоку, мы же едем по направлению к Хеврону.

— Летом здесь, должно быть, настоящее пекло. — Фридрих повернулся в седле и посмотрел назад в сторону стены, возле которой люди устанавливали шатры и палатки. До самого горизонта расстилалась однообразная серо-коричневая пустыня, поросшая пропыленными чахлыми кустиками. На языке император все еще чувствовал жесткий металлический привкус колодезной воды. — Насколько я понимаю, мы не будем просто скакать рядом с аль-Камилем, ноздря в ноздрию?

— Султан недалеко, он велел поставить шатер в том месте, где вам предстоит встретиться. Но все это произойдет теперь уже завтра.

— Что подвигло его принять решение, не знаете?

Фахр ад-Дин прищурился, прикрываясь рукой от солнца, и на пальцах его ослепительно заблестали камни перстней:

— Трудно сказать. Вероятно, он не хочет покидать Наблус, не разрешив данной трудности, а уезжать из Наблуса надо, и не просто надо, *он должен* оттуда уехать. Вероятно, ему надоели советники, которые только и делают, что твердят ему, какой вы плохой союзник, они так и зудят, так и зудят, все убеждают моего повелителя в вашей ненадежности. — Фахр ад-Дин погладил свою роскошную бороду и, с некоторым восхищением глядя на Фридриха, продолжал: — И, что тоже очень возможно, он наконец осознал, что, если он не сделает вас своим верным союзником, ваш неутомимый дух, о котором ему так много рассказывали и я, и многие другие, заставит вас пуститься в какие-нибудь рискованные авантюры, которые могут повредить ему... И вот что, Фридрих, вы... вы, часом, не заводили переговоров с ан-Назиром за нашей спиной?

— Я? Никогда! Упаси меня Господь!

Фахр ад-Дин захлопал глазами:

— Союзник, который считает, что с ним дурно обходятся, может превратиться в злейшего врага. Надо возвращаться, находиться на открытом солнце весьма вредно для здоровья.

— Мне надо послать к аль-Камилю гонцов, чтобы обговорить всякие мелочи.

Император развернул коня; сарацины и несколько помощников Фахр ад-Дина, сопровождавших господина, последовали за Фридрихом.

— Спешу уверить вас, Фридрих, он обо всем уже подумал. Все, что вам нужно, это прибыть в нужное место завтра утром.

Сказав это, Фахр ад-Дин улыбнулся и поправил кеффе у себя на голове.

— Замечательно. Тогда скажи мне, достаточно ли велик шатер, где будет проходить встреча? Сколько писцов и слуг должны мы взять с собой? Можем ли мы также прийти в сопровождении солдат, и если да, то сколько их должно быть? Потом, как мы будем входить в шатер? Каковы правила на сей счет?..

Фахр ад-Дин свел брови:

— Фридрих, вы не мусульманин, такие вещи не должны вас волновать.

— Я — христианин, и они меня волнуют. — Император поднял голову; между небом и землей не так далеко от их кавалькады кружил стервятник. — Кто первым будет входить в шатер?

— Вероятно, аль-Камиль, поскольку аль-Камиль — султан Египта и Сирии, а вы его гость...

— Я — император. В мире больше нет императоров, за исключением одного, того, который в Константинополе, да и то он не император, а недоразумение*. Следовательно, совершенно очевидно, я имею преимущество перед султаном, поскольку султанов в мире по крайней мере три, и, вероятно даже...

— А что, если султан уже будет сидеть в шатре, когда вы туда войдете?

— Об этом и речи быть не может.

Они въехали в лагерь, и грумы поспешили к господам, чтобы принять их коней. Поскольку организацией стоянки ведал гроссмейстер, все находилось на своих местах, все было устроено как нельзя лучше. Быстро оглядевшись вокруг, Фридрих спешился.

— Может, не стоит так уж заострять внимание на подобных вещах? — спросил Фахр ад-Дин. — У него есть то, что вам нужно, это главное. — Он перекинул ногу через луку седла и спрыгнул на землю. Конюхи увели лошадей. — По-моему, очевидно, что вы должны предоставить ему столь незначительное преимущество? Он засмеялся.

— Конечно, но ведь и у меня есть то, что ему надо, в противном случае он не стал бы давать мне то, что я хочу. — Сказав это, Фридрих проследил за тем, чтобы между ним и Фахр ад-Дином субординация во время вхождения в шатер была в точности соблюдена. Корсо принял плащ господина. — И раз уж он позвал меня сюда, у меня должно быть преимущество перед ним. — Он сделал глоток воды и сел. — Между прочим, а у тебя есть право обсуждать со мной такие детали?

— Естественно, — ответил Фахр ад-Дин. — К чему менять коня на переправе? А что, если вам войти в шатер отдельно по особо оговоренному сигналу?

— Подходит, но только входы должны быть расположены так, чтобы мы оба видели и тот и другой, а то вдруг он захочет прошмыгнуть в шатер раньше меня?

— Или вы раньше его. — Фахр ад-Дин сплел пальцы. — Думаю, это очень тонкая деталь. Но решение подобной проблемы нам по силам. Корсо, нет ли у тебя чего-нибудь получше воды?

— Я принесу вам шербета, — сказал Корсо и вышел. Фридрих взял бумагу, перо и чернильницу со столика и написал по-арабски: «Два входа, чтобы мы оба их видели». — Как мы будем сидеть?

— Бок о бок.

— Нет, так мы никогда не договоримся, кому сидеть справа, кому слева. На чем мы будем сидеть? На вер-

блюжьих седлах? На каменных тронах? — Фахр ад-Дин закусил губу и почесал бороду, а Фридрих продолжал: — Ковры и подушки.

— Подходит.

— Каждому три подушки и два ковра. Хватит? Думаю, так будет вполне удобно.

— Пусть будет шесть подушек. Мой повелитель иной раз любит, чтобы было помягче.

— Годится. — Император сделал вторую запись под первой.

— Помощники, — произнес Фахр ад-Дин. — Тут вариантов быть не может. Два писца для каждой из сторон, и весь разговор ведется на арабском без переводчиков.

Фридрих бросил перо:

— Нет, ни в коем случае.

— Но аль-Камиль не говорит по-итальянски, единственный его придворный, который знает ваш язык, — я, а из меня переводчик неважный. Он настаивает. Что тут такого? И вы, и почти все ваши придворные говорите по-арабски.

— У меня нет ни одного писца-араба.

— Он даст вам по крайней мере одного.

— Я приставлю к своему переводчика, даже двух переводчиков, Томазо д'Аквино и Германа фон Зальцу.

Фахр ад-Дин вытарашил глаза:

— Но это... это все осложнит.

— Я буду рад дать аль-Камилю переводчиков, если он того пожелает.

— Но зачем? Я же буду присутствовать там. Томазо д'Аквино может выполнять обязанности переводчика, но сир Герман должен будет считаться одним из ваших официальных представителей.

— Пусть так. — Мелкие уступки надо делать с большой щедростью. — Сколько официальных представителей будет у каждого из нас?

— Пять, и все рангом не ниже эмира.

— Томазо в переводчики. Дальше — Балиан Сидонский.

— Устраивает.

— Сир Герман.

— Конечно.

— Архиепископ.

— Да.

— Рикардо Филанджьери.

— Он не эмир. Не подходит.

— Гюи Амбриако.

— Сойдет, но не очень желательно.

— Конрад фон Гогенлоге.

— Да.

— Будем считать, что с этим решили, а сколько еще людей я могу взять с собой? Я имею в виду не тех, кто будет в шатре.

— Не свыше двадцати рыцарей и десяти слуг.

— Пятьдесят и тридцать.

— В колодце не хватит воды для всех, ваши люди будет страдать от жажды.

— Мы захватим воду с собой.

— Сорок рыцарей и десять слуг.

— Тридцать рыцарей и сорок слуг.

Фахр ад-Дин смотрел куда-то в сторону, на лице его отражалась усиленная работа мысли. Фридрих записал имена своих официальных представителей.

— Двадцать рыцарей и тридцать слуг.

— Идет, всего пятьдесят. Пятьдесят — хорошее число. Знамена?

— В шатре будет ваше личное знамя и знамя короля Иерусалима. У аль-Камиля будет свое личное знамя.

— Мой имперский штандарт, Дауд. Не забывай, я все же император.

— Помилуйте, друг мой, ну чем же плохо ваше личное знамя? Мы и так все прекрасно знаем, что вы император, и ни на минуту не забываем об этом, — проговорил Фахр ад-Дин с хорошо разыгранным удивлением.

— Ладно, знамя герцога Швабии. А что относительно тех, которые будут находиться вне шатра?

— Все на собственное усмотрение каждого, с учетом возможностей, конечно.

— У-угу... — Фридрих сделал запись. Если Фахр ад-Дин с аль-Камилем думают, что раз он, император, тут в гостях, а не у себя дома, в Сицилии, то не сможет составить себе достойный выезд, они здорово ошибаются. — Кто будет с ним?

— М-м-м... Вы едва ли кого-нибудь знаете.

— Давай проверим.

— Я, разумеется, хотя мной этот список разумнее заканчивать. — Фахр ад-Дин принялся загибать пальцы. — Ас-Салих Айюб.

— Старший сын. А аль-Адиль абу Бакр?

Фахр ад-Дин кивнул, сияя:

— Очень милые молодые люди, они очень понравятся вам. Аз-Закир, король Алеппо.

— Как я посмотрю, и дальние родственники в ход пошли. — Аз-Закир был двоюродным братом аль-Камиля, сыном его дяди Салах ад-Дина.

Это, безусловно, являлось частью демонстрации единства всех Айюбидов перед императором христиан, поскольку прямые наследники Салах ад-Дина всегда ссорились с сыновьями его младшего брата аль-Адила*.

— Ну и младший сын, аль-Мусуд, — произнес Фахр ад-Дин. — Очень образованный... как и мой повелитель, в отца пошел.

— Я не сомневаюсь. — Фридрих написал имена официальных представителей султана на другом листе бумаги. — А что относительно еды, питья и прочих деталей?

— Вы можете взять пятерых пажей. Еда и выпивка за нами.

Фридрих кивнул:

— Ковры, на которых мы будем сидеть, должны быть расположены на разных концах шатра, но не слишком далеко друг от друга, чтобы нам не приходи-

лось кричать. Я желаю сидеть лицом к Иерусалиму, а он пусть садится лицом к Мекке.

— Замечательно.

Император начал записывать, стараясь одновременно припомнить, что же он еще не учел. Откровенно говоря, он все еще не мог поверить, что *это* в конце концов случится. Завтра он увидит аль-Камиля, и они будут говорить. Может даже, уже завтра он получит Иерусалим. Фридрих проговорил: — Дауд, скажи ему, что я не стал бы так давить на него, если бы не обстоятельства. Я не могу уехать, не получив Иерусалима.

— Полагаю, он об этом знает. Он ждет встречи с вами.

— Да. — Фридрих усмехнулся. — Я посылаю ему целый поезд подарков, не хочешь отправить с ним весточку своему повелителю?

— Я сам об этом позабочусь, если вы не возражаете. Я должен получить ответ до заката. — Фахр ад-Дин вздохнул. — Все начинает устроиваться, и я рад этому.

— Я тоже.

Ему предстояло поговорить с Марино, Томазо, который еще утром приехал в лагерь вместе с архиепископом, с гроссмейстером, Балианом Сидонским и Корсо — целую уйму деталей надо обсудить с ними. Фридрих сделал еще один глоток этой странной воды с непривычным привкусом, взял еще один лист бумаги и начал составлять инструкции. Руки императора дрожали от волнения, так что он едва мог держать перо.

Вместе с ответом на предложения Фридриха аль-Камиль прислал огромный поезд подарков: груды одежд из шелка и хлопка, ларцы с драгоценными камнями и золотыми монетами, мешки с перцем и сахаром, кость из Йемена, шахматные фигурки, вырезанные из дорогого камня, зеленого с белым — Фридрих даже не знал его названия. Кроме того, на горбах своих верблюды привезли султану Запада сосуды с розовым маслом,

миррой, книги по арифметике, медицине и географии, а также карту, выгравированную на серебряном диске в стиле Идриси*.

— Похоже, он вывернул наизнанку все сундуки у себя в Наблусе, — с удовлетворением произнес Фридрих. — И это не считая шести суданских рабынь с розами в волосах.

— Не сомневаюсь, что вы, государь, проявили не меньшую щедрость. Вы знаете, как ценят мусульмане подобные внешние проявления этикета.

— Не беспокойтесь, ему придется строить новый дворец, чтобы было куда сложить мои дары. — Встречу назначили на полдень. Томазо уже облачился для церемонии и стоял рядом, разодетый в шелка белых и красных расцветок. Фридрих примерял перстни. Подождите, я хочу показать вам свою новую котту. А что, если мы прибудем туда раньше аль-Камиля?

— Трагедия случится, — ответил граф. — Мы должны появиться в то же самое время или чуть позже, потому что в противном случае это будет выглядеть так, будто мы его ждем. Или еще хуже, что мы пришли поприветствовать его.

— Я согласен с вами. Айюб?

Сарацин появился из-за ширмы в шатре, держа в руках размотанный кеффе.

— Пошли кого-нибудь к месту встречи, пусть, как только покажется поезд аль-Камиля, немедленно меня известят. Мы тронемся чуточку позже. Наши бездельники пажи уже собрались?

— Господин. — Айюб ухмыльнулся. — Они никогда не соберутся, они переодевают друг друга.

— Замечательно, скажи им, если они не будут готовы к тому моменту, когда я облачусь в свою котту, они останутся здесь.

Лицо Айюба расплылось в улыбке, он вышел и направился к палатке с пажами. Томазо вышел в центр шатра. Его шитая серебром котта, полы которой были искусно собраны в складки, мела ковры, шуршала, ка-

саясь предметов обстановки. Подойдя к пологу, Фридрих выглянул наружу; повсюду между палатками снова ли люди, они тащили мешки и ящики, вели лошадей и мулов, кричали друг на друга, отдавая команды — отзвуки голосов наполняли сухой пыльный воздух. Возле шатра гроттмейстера нервно расхаживали восемнадцать рыцарей-тевтонов в полном боевом облачении.

— Государь.

Три пажа, заменявшие тех, кто обычно одевал императора, ждали с его коттой в руках. Глядя на нее, Томазо поморщился:

— Я так и знал. Мы разделись, как кардиналы, шагу не шагнешь нормально из-за этих облачений, а, глядя на вас, подумаешь, что вы собрались на охоту.

Он отвернулся.

Фридрих стоял не двигаясь, в то время как пажи ставили табуреты, чтобы, взобравшись на них, приступить к одеванию господина.

— Вам только переводить, а мне обдумывать то, что вы будете переводить. Я имею право на некоторый комфорт.

Одна рука застряла в рукаве, и император принялся дергать ей, так что едва не порвал тонкую материя. Наконец пажи справились с задачей, и тут один из них всхлипнул.

— Что случилось? Что с тобой?

— Я хотел пойти, — проговорил паж. — Я хотел пойти, но послали Джанкарло, а меня нет.

Он громко зашмыгал носом и взял щеточку, чтобы пригладить полы котты.

Тут в шатер влетел архиепископ, сияя рубинами, нашитыми на его ризы. Он так торопился, что зацепился рукавом за спинку кресла, уронив его:

— Боже мой! — Он попытался наклониться и поднять кресло и чуть не упал. — Нам пора идти, сир.

— Я иду. — Он взял из рук хныкающего пажа бриллиантовую цепь и повесил себе на грудь. Взобравшись на стул, другой паж причесал императора. Через боко-

вой вход в шатер вошли Юсуф, Айюб и пятеро пажей, которым полагалось сопровождать его. Манжеты Корсо были развязаны, и шнурки болтались свободно.

— Корсо, да ты выглядишь еще хуже меня! — воскликнул Фридрих. Он было уже направился к выходу, но тут паж воскликнул:

— Ой, я забыл!

Пока слуга надевал на императора шпоры, он смотрелся в зеркало:

— Ну и как я выгляжу?

— Видно, что вам в ваших одеждах удобно, — проговорил архиепископ и добавил: — Чего не скажешь про нас.

Фридрих кивнул Корсо, принесшему корону на сатиновой подушечке. Снаружи лошади перетаптывались с ноги на ногу и похрапывали.

Галопом они бы добрались к месту встречи очень быстро, но этикет требовал, чтобы кони шли шагом. Фридрих вышел из шатра под палящие лучи солнца. Лошади, украшенные дорогими, шитыми золотом попонами, стояли перед входом буквально стеной. Облаченный в шелковый плащ гроссмейстер подвел коня к императору. Он что-то сказал, но, что именно, Фридрих не расслышал из-за звучащих со всех сторон громких голосов собравшихся. Он согнул колено, и гроссмейстер помог ему сесть в седло*.

Теперь император увидел все так, точно стоял на смотровой площадке сторожевой башни. За лошадьми и находившимися подле них рыцарями, сбившись в стайку, стояли те, кого не брали на церемонию. Заметив своего государя, они принялись что-то кричать и махать ему руками. Подскакали сарацины, заставляя своих коней то становиться на дыбы, то взбрыкивать. Вслед за императором тевтонские рыцари практически разом вскочили в седла. Копья всадников закачались в небе десятками мачт. Раздались радостные кличи. Конь Фридриха, испугнутый шумом, заржал и попятился, лягнув мула архиепископа. Вскочил в седло и гросс-

мейстер, он наклонился к знаменосцу, и тот, взмахнув орденской хоругвью, опустил и снова поднял древко.

Половина рыцарей, на ходу строясь попарно, покинули скопление людей и порысали вперед. Фридрих смотрел на это с неровно бившимся сердцем: как быстро закончился всеобщий устрашающий беспорядок, как быстро, буквально на глазах, все и каждый обрели свое место в стройных колоннах. Томазо поднял императорский штандарт и что-то говорил помощнику, помогавшему ему для удобства опереть нижний конец древка о шпору. Рядом, сидя в седле, архиепископ, одной рукой прижав к себе, держал сундучок с лежавшей на подушечке короной, а другой старался прикрыться от ослепительно яркого солнца. Скоро они один за другим тронулись за рыцарями, и Фридрих прищепил коня, дабы последовать за придворными. Сарацины образовали вокруг господина своеобразный треугольник; Айюб ехал впереди, держа древко знамени короля Иерусалимского.

Сопровождающие — разодетые в пух и прах пажи, придворные, Фульке и Эццо, Гюи Амбриако, Балиан и Конрад — выстроились по четверо в ряд. Те, кого не взяли, бежали по обеим сторонам от этой маленькой кавалькады и издавали восторженные крики. Лошадь Фридриха отчего-то невзлюбила лошадь Юсуфа и все время примеривалась, как бы хорошенько лягнуть ее. Фридрих дернул уздечкой. Кое-кому такое поведение животного обещало большие неприятности. Тому, кто подсунул такую лошадь императору, предстояло ответить за это. Они выехали из лагеря, оставив за спиной толпу провожавших их слуг.

— Юсуф, где моя плетка?

Юсуф подъехал к императору и протянул ему плетку. Фридрих взял ее, но в тот момент, когда он наклонился, лошадь под ним резко подалась в сторону и чуть не выбросила его из седла. Скакавший впереди архиепископ встревоженно развернулся, обеспокоенный случившимся. Из-за парадной упряжи, надетой на ло-

шади, найти место, куда бы ударить, оказалось столь же непростым делом, как и ездить на подобном животном. Фридрих хлестнул ее по шее, в ответ лошадь вновь попыталась сбросить его. Он ударил ее изо всех сил, прищипорил и одновременно жестоко передернул поводья.

«Господи! Я прикончу эту тварь!»

Лошадь, точно поняв намерение седока, подчинилась.

Они медленно двигались через пустынные, выжженные солнцем пески; знамена трепетали на ветру, блистали сталь доспехов и золото роскошных нарядов придворных. Фридрих занялся тем, что стал придумывать, какое бы обвинение выдвинуть против тамплиеров, чтобы уничтожить их орден. Хорошо бы разорвать их всех на куски! Жаль, не получится. Император протянул плеть Юсуфу, который по сигналу Айюба поскакал в голову колонны, чтобы немедленно доложить о появлении аль-Камиля. Все всадники провожали взглядами сарацина в его развевавшихся на ветру белых одеждах.

Феофано... В первую ночь без нее он очень скучал, проснувшись затемно, шарил по кровати, еще не понимая, что спит один. Он чувствовал себя очень неудобно.

«Если бы она была здесь, я бы спал спокойно. Мы могли бы заниматься любовью до изнеможения». — Иногда он видел ее во сне, она приходила к нему и просила его: «Напишите мне что-нибудь на греческом. Что-нибудь, чтобы я могла прочесть, когда захочу. Что-нибудь, что я могла бы сохранить». — «Сохранить? Она что, собирается оставить меня? — Сердце его сжалось. — Я не отпущу ее. Я возьму ее с собой в Сицилию, даже если она и не захочет ехать... А что, если она и вправду не захочет? Что, если она больше не любит меня? — Он закрыл глаза. — Нет, я не приму этого. Я не отпущу ее...»

Лошадь почувствовала, что всадник позволил себе расслабиться, и решила, что настал ее час. Она опять попыталась сбросить его, однако Фридрих натянул по-

водья и вонзил шпоры ей в бока. Она принялась мотать головой и бить задом, но, несмотря на все старания, усилия ее оказались тщетны — император опять справился со строптивницей.

Вдалеке у горизонта стали видны верхушки деревьев; напоминавший своим видом гигантскую белую птицу Юсуф возвращался, размахивая руками, как крыльями. Рыцари что-то кричали ему, но он, не слушая их, спешил к господину. Тому как раз удалось справиться с лошадью и вернуться в строй. Айюб закричал по-арабски:

— Он уже там?

Юсуф резко натянул поводья:

— Едет. Шатер такой красивый, ярко-зеленый, скоро вы сами увидите.

Айюб повернулся, и Фридрих кивнул. Так несчастливо прерванные размышления о Феофане и поведение лошади отвлекли его от главного. Нет, надо все сделать правильно. Император поднял руку, и гротмейстер подъехал к нему.

— Ну что ж, начинайте, — произнес Фридрих. — Помните приказ?

Герман фон Зальца кивнул и внимательно посмотрел на Фридриха:

— Государь, мы почти достигли цели. Иерусалим, можно сказать, у вас в руках.

Вдруг лицо его расплылось в улыбке, и он, схватив кольчужной рукавицей руку императора, поцеловал ее. С гордо поднятой головой поскакал он в голову колонны, отдал команду знаменосцу, и хоругвь взвилась к небу.

«Иерусалим? Как это я забыл? — Радость, которую он прочитал на лице старика, вновь всколыхнула в памяти императора все обстоятельства его пребывания в Сирии. — Иерусалим? Нет, я здесь не ради Иерусалима, я здесь ради Сицилии, ради того, чтобы спасти мою родину, мое королевство! Они даже не понимают этого.

Они считают меня инструментом для выполнения какой-то непонятной, не нужной никому задачи...»

Внезапно ему стало не по себе, словно бы он один, оказавшись на развилке дорог, направился, скажем, вправо, а они, даже не заметив этого, всей гурьбой умчались влево.

Тевтонские рыцари перестроились по четверо в ряд, подняв вверх копья, и скакали, держась на приличном расстоянии друг от друга. Балиан Сидонский, Конрад фон Гогенлоге, Томазо и архиепископ, напротив, плотно обступили Фридриха и сарацин, остальные же образовали прямоугольник вокруг них. Томазо придирчивым взглядом окинул знамя, дабы убедиться, что полотнище не обвернулось вокруг древка, в то время как Айюб поспешил передать королевскую хоругвь Иерусалима сеньору Балиану. Пока они занимались тем, что устанавливали тяжелое древко на шпору барона, непокорное шелковое полотнище било их по лицам. Лошадь Фридриха снова было взялась за свое, но он быстро привел ее в ум.

Миновав невысокий холм, они оказались вблизи лагеря, называвшегося у крестоносцев Колодцем Святого Павла, а у мусульман Колодцем Ястреба. Впереди на желто-серой земле высился, колышимый ветром, огромный зеленый шатер, Аль-Камиль и его поезд как раз въезжали в лагерь с противоположной стороны, даже отсюда, где находились европейцы, были видны блиставшие на солнце золотом одежды и громадные страусовые плюмажи придворных мусульманской кавалькады. Около колодца под пальмами лежали белые верблюды, возле головы каждого из них стоял солдат-мусульманин. Фридрих привстал в стременах, высматривая аль-Камиля. После всех писем, которые они написали друг другу, как же хотелось теперь императору увидеть лицо своего друга... или врага. Скакавшие впереди рыцари во главе с гроссмейстером уже почти поравнялись с авангардом колонны мусульман.

Барабанщики аль-Камиля ударили в барабаны,

христиане тоже достали свои рога и дудочки. Грянула музыка. Лошадь Фридриха только того и ждала, она вновь принялась выкидывать фортели. Она встала на дыбы, попятилась и помчалась вниз по склону прямо к пальмам. Один из верблюдов тревожно закричал. Фридрих потерял стремяна, и в голову ему пришла мысль: что, если лошадь сбросит его? Что тогда подумает аль-Камиль? Гремели барабаны, заглушая лошадиное ржание. Пена летела изо рта животного. Кто-то где-то что-то кричал, а дудочки и рога продолжали свою громогласную песню. Фридрих изо всех сил натянул поводья, и лошадь остановилась прямо между строем рыцарей и свитой аль-Камиля, мусульмане, в изумлении раскрыв рты, смотрели на императора и его лошадь. Барабаны ударили в последний раз, и трубы разом смолкли. Животное охватила дрожь.

— Айюб! — закричал Фридрих. — Забери у меня эту свинью, пока я не прикончил ее!

Все трое, Айюб, Юсуф и Масуф, уже во весь опор мчались к господину. Выскочив из седел, они приняли у него уздечку. Масуф протянул платок. Со всех сторон во все глаза за прдисходившим продолжали наблюдать рыцари и свитские султана. Фридрих вытер пот с лица платком и, бросив его на землю, взял поводья кобылы Масуфа. Наконец опомнились и мусульмане, их грумы устремились на помощь. Фридрих не стал дожидаться окончания представления, данного сумасшедшей лошадью, и, чувствуя себя куда спокойнее в седле чужой кобылы, поскакал, чтобы занять свое место в строю.

Герольды на арабском и латыни прокричали имена и титулы императора и султана. Утирая лицо, Фридрих вновь попытался угадать в рядах мусульман аль-Камиля и решил в конце концов, что султан — тот смеющийся бородач, окруженный группой молодых людей.

— Ну и что? — спросил Томазо.

— Что ты хочешь сказать?

— Как будем добираться отсюда туда?

— Верхом.

Фридрих сжал шенкелями бока кобылы и с удовольствием отметил, что животное готово слушаться его беспрекословно. Император и пятеро его официальных представителей поскакали вдоль колонны рыцарей, которые приветствовали сюзерена громкими и радостными возгласами. Проезжая мимо Фульке, Фридрих задержался на нем взглядом; Фульке что-то говорил, обращаясь к Эццо, с таким видом, будто для него такие вот выезды совершенно обычное дело и он только и делает, что каждый полдень разъезжает по пустыне, вырядившись точно князь. Фридрих ухмыльнулся и перевел взгляд в сторону мусульман, из рядов которых выехал султан со своими пятью спутниками.

Двигаясь с одинаковой скоростью, император и султан приближались к шатру, знамена хлопали у них над головами. Аль-Камиль поймал взгляд Фридриха и улыбнулся, последний ответил усмешкой. Он ожидал увидеть более пожилого человека... Нет, он скоро понял, что аль-Камиль просто выглядит молодо, на самом деле он старше его, Фридриха. Император ничего не мог поделать, он с трудом заставил себя оторвать взгляд от аль-Камиля, все еще не вполне веря, что все происходит на самом деле и этот улыбчивый бородач — аль-Камиль, султан Египта и Сирии. Перед шатром император спешился, краем глаза заметив, что и аль-Камиль также сошел с коня и двинулся навстречу Фридриху.

— Султан, — проговорил император. — Я не уверен, что знаю, как обращаться к вам, мы много беседовали, но все на бумаге.

Фридрих заметил среди сыновей султана Фахр ад-Дина и поприветствовал его, махнув рукой. Тот поклонился.

Аль-Камиль рассмеялся:

— Думаю, что мы это выясним. Не пора ли нам войти в шатер?

Сказав это, султан указал в направлении входа. Полог был откинут, и воткнутый посередине шест разделял пространство на две равные части. Торжественно в со-

провождении своих людей они вошли внутрь шатра, под шелковыми сводами которого было куда прохладнее, чем снаружи. Пажи за спиной Фридриха остановились возле стола, на котором в изобилии лежали фрукты и обложенные снегом кувшины с вином. Балиан и Томазо воткнули свои штандарты в землю и позвали пажей, чтобы те держали древки, сами же встали за спиной у Фридриха. Архиепископ открыл сундучок, извлек оттуда корону и подал ее императору. Тот со вздохом водрузил себе на голову холодное золото тяжелого венца. Старший сын султана Айюб воткнул знамя отца позади ковра, и все сопровождавшие аль-Камиля собрались за его спиной. Теперь обе группы людей стояли и смотрели друг на друга, разделенные покрытым бухарским ковром участком земли в шесть стоп.

— Ну что ж, — начал аль-Камиль. — Раз, два, три, садимся.

Фридрих засмеялся и позволил султану сесть первому, полагая, что лучшего способа отплатить султану за покладистость не найти. Тут пажи и рабы султана, на которых, можно сказать, не было надето ничего, кроме драгоценных камней, принялись за дело и начали обносить господ чашами с вином и блюдами с персиками.

— Итак, — произнес аль-Камиль, — как вам понравилось в Сирии, султан?

— Довольно занятная страна. Мне тут пришлось испытать множество такого, чего я прежде никогда и не делал. И погода тут определенно лучше, чем у нас.

— Ну, может статься, и я когда-нибудь побываю в Сицилии. — В голосе аль-Камиля не чувствовалось особого энтузиазма. — Насколько я знаю, у вас тут возникли сложности с представителями вашей веры?

— И не только тут, но и у меня в королевстве тоже. Впрочем, ничего такого, с чем бы я не был в состоянии справиться. — Фридрих сделал глоток шербета и облизнул верхнюю губу. — Если бы вы приехали на Сицилию, султан, мы бы смогли показать всему остальному миру, как умеют развлекаться короли.

— Даже короли ящериц?

Фридрих рассмеялся, а Фахр ад-Дин повернулся и что-то сказал аль-Адилю абу Бакру, который, с любопытством посмотрев на императора, наклонился и что-то шептал ас-Салиху Айюбу. Аль-Камиль выпил молока и вытер губы платком.

— Сложности, которые возникают вокруг статуса Иерусалима, — начал он, — куда более трудноразрешимы, чем многие себе представляют. Город является священным местом для христиан, что несомненно, но он также священное место для иудеев, и, кроме того, он — третье по значимости из святых мест ислама. В каком-то смысле он не мой, чтобы я мог отдать его вам, и не ваш, чтобы вы могли владеть им, так что прежде, чем мы придем к какому-то соглашению, нам, вероятно, придется начать с мелких деталей.

Фридрих кивнул. Томазо быстро переводил слова аль-Камиля на ухо писцу, перо которого скрипело в такт речи графа.

Император сказал:

— Иерусалим — город городов, который никто не должен брать силой, но, несмотря на это, именно его чаще других и завоевывают. Если вас, султан, беспокоит вопрос, какое отношение будут встречать те жители этого города, которые не являются христианами, и то, как будут обращаться с пилигримами других конфессий, кроме христианской, если вы отдадите этот город мне, я заверяю вас: со всеми будут поступать как с самыми правоверными христианами.

Аль-Камиль сложил ладони пальцами вверх, и за его спиной сопровождающие зашептались. Их брови взлетали вверх и вновь опускались. Фахр ад-Дин наклонился и что-то очень тихо сказал своему господину, тот слегка повернул голову и кивнул. Скрипели перьями писцы, слышался приглушенный голос Томазо. Фридрих поднял голову и посмотрел наверх; купол шатра казался светло-зеленым из-за озарявшего его солнечного света.

— Стены Иерусалима лежат в развалинах, — произнес аль-Камиль. — Укрепления практически отсутствуют, защищать город невозможно. Пожелаете ли вы, султан, если Иерусалим станет вашим, восстановить стены?

Фридрих бросил взгляд на гроссмейстера, тот нахмурился. Тем временем мысленно император взвешивал все «за» и «против», прикидывая, как точнее и в то же время обтекаемее выразить свои намерения:

— Если бы право решать принадлежало мне одному, султан, я бы навсегда сровнял с землей стены Иерусалима. Граду Господнему не нужны укрепления. Между тем таковое решение не в моей власти. Иерусалим — великий город, так достойно ли ему пребывать в беспорядке? Да, я буду восстанавливать стены.

Мусульмане за спиной аль-Камиля зашептались между собой.

— Вместе с тем, — продолжал Фридрих, — я прошу у вас, султан, только то, о чем уже говорил в своих письмах — сам город и прибрежные территории вокруг Яффы и те несколько миль, что отделяют Иерусалим от моря, дабы паломники могли добираться к святым местам беспрепятственно. Если мне не будет принадлежать земля вокруг города, я не смогу превратить его в форпост христианства на Востоке. Таким образом, вы можете видеть, что намерения мои совершенно мирные. И вместе с тем укрепления городу необходимы, ведь неизвестно, какие силы в будущем пожелают захватить его, да и кто может гарантировать, что завтра ярость некоторых из мусульман не обратится на Иерусалим?

Аль-Камиль кивнул:

— Это все вполне понятно, и я весьма удовлетворен, что ваши прежние слова не расходятся с вашими теперешними утверждениями. Но между тем, если у христиан не будет возможности защищать город, разве не может возникнуть у них соблазна начать завоевательную войну, чтобы отодвинуть границы от города и тем увеличить его обороноспособность?

— Султан, я ни в коем случае не подвергаю сомнению тот факт, что вы превосходным образом осведомлены о всех сирийских делах. Тем не менее я хотел бы указать на то, что у здешних франков нет физических возможностей вести завоевательную войну. В то же время, пока мир между нами будет длиться, я даю слово, что ни одного крестового похода ни в Сирию, ни в Египет направлено не будет.

— Да? — Аль-Камиль посмотрел на гроссмейстера. — А что, например, думает по поводу таких вот условий этот рыцарь?

Герман фон Зальца ответил на грубоватом арабском:

— Единственное, о чем я мечтаю, — это возвращение Иерусалима.

— Даже если город будет зависеть от доброй воли соседей-мусульман? — спросил аль-Камиль. — Даже если в любой момент город может быть атакован? Даже если он в любой момент может оказаться в руках людей, которых вы называете неверными?

Гроссмейстер посмотрел на Фридриха и по-немецки произнес:

— Хотите, чтобы я ответил?

Император хмыкнул:

— Томазо, переведите нашим друзьям слова магистра. А вы, Герман, говорите, что считаете нужным, что думаете, то и говорите.

Томазо громко повторил слова гроссмейстера на арабском. Герман фон Зальца посуровел, мусульмане наблюдали за ним с независимыми выражениями на лицах. Наконец магистр заговорил:

— Я бы, вне сомнения, воздержался от любого соглашения, в результате которого Иерусалим не перешел бы в полное распоряжение христиан. Если мы не сможем защищать город, он фактически не будет нам принадлежать. Несколько лет назад сирийские франки отвергли подобное соглашение, они не пожелали полу-

чить Иерусалим на таких условиях как раз по причинам, которые я здесь только что назвал.

«У меня появляются сомнения в том, что мы вообще имеем право на Иерусалим, — подумал вдруг Фридрих, наблюдая за реакцией аль-Камиля, выслушивавшего перевод слов гроссмейстера. — Если я — сицилиец, как мне может принадлежать город в Сирии?»

— Это ваш человек, султан, — мягко произнес аль-Камиль. — Но даже он не согласен принять условия, которые вы предлагаете. А вы себе представляете, что скажут ваши враги?

Император повернулся и жестом подозвал Корсо, стоявшего у стола с закусками:

— Султан, то, что говорят мои враги, меня не интересует. Те из них, кто остался в Сицилии, уверяют моих подданных, что я уже умер. Что же мне, лечь и умереть здесь, раз они так говорят?

Корсо принес господину чашу шербета взамен той, которую он уже осушил. За спиной Фридриха деликатно прокашлялся Балиан Сидонский — Балиан, человек, державший фьеф в Сирии и собиравшийся, вне сомнения, продолжать жить здесь, когда император уедет за море. Именно на него, на сеньора Сидона, и перевел взгляд аль-Камиль, а затем вновь посмотрел на Фридриха и опять на барона.

— Харам ас-Шариф, о котором мы говорили, должен остаться в руках мусульман, но христианам будет позволено молиться там.

— Это я могу гарантировать.

— Тамплиерам подобное условие не понравится, — произнес гроссмейстер.

Томазо начал переводить, но Фридрих оборвал его:

— И очень хорошо. Я не собираюсь помогать храмовникам вернуть что-либо из того, что ранее принадлежало им в Сирии, даже если смогу сделать это, просто пошевелив рукой. — Последнее слово он скомкал.

— А смогут ли мусульмане молиться в других мес-

тах? — спросил аль-Камиль. — Скажем, в мечети Омара?*

Фридрих кивнул:

— Мое слово.

— Ваше слово, султан. — Аль-Камиль оскалил зубы в улыбке. — И мое слово. Но не слово среднего мусульманина и среднего христианина. Теперь давайте обсудим продолжительность перемирия.

— Мы говорили о десяти годах, насколько мне не изменяет память, — проговорил Томазо по-арабски с вежливым поклоном.

— Я бы предпочел мир на двадцать пять лет, — заявил Фридрих.

Аль-Камиль выпил еще молока, а аль-Адиль абу Бакр наклонился к отцу и что-то сказал, жестикулируя одной рукой. Лоб у Фридриха чесался под короной, у него начинала побаливать голова. Он повернулся и, встретившись взглядом с архиепископом, попросил его приблизиться. Тот подошел и, сняв корону, положил ее на подушечку рядом с императором, который обеими руками пригладил волосы и с удовольствием тряхнул головой.

— Султан, вы человек еще молодой, а я уже нет. — Знаком аль-Камиль велел рабу принести ему фруктов. — Через двадцать пять лет я наверняка умру. Даже вы можете умереть через двадцать пять лет. Чего будет стоить такой мир, соблюдение которого будет зависеть не от нас, а от наших наследников?

— Через двадцать пять лет люди, возможно, привыкнут к миру. Десяти лет не хватит, окончание перемирия будет слишком близким.

Раб принес господину поднос с фруктами, тот взял персик и направил раба с подносом к Фридриху.

— Вы мыслите категориями, приемлемыми лишь в идеальных условиях. Сомневаюсь, что вы предвидите трудности, которые известны мне. Я не могу согласиться на двадцатипятилетнее перемирие, султан.

«Конечно, через десять лет ты, возможно, захочешь

все переиграть по-старому». Фридрих осмотрел спелые, без единого темного пятнышка фрукты и, выбрав яблоко, жестом показал рабу, чтобы тот унес поднос.

— В мои планы никогда не входило нарушить равновесие сил в Сирии. Я прекрасно осознаю, что мое пребывание здесь может вызвать последствия, которые никто из нас не в состоянии предугадать. Я говорю не только о том, как наше соглашение может отозваться на христианах, но и о том, как оно скажется на взаимоотношениях христиан и мусульман, а также и о том, что оно может означать для ислама. Если вас устраивает десятилетнее перемирие, я вынужден согласиться на это.

— Ваше деликатное желание не нанести вреда ни одной из сторон вызывает восхищение, султан, и, безусловно, будет оценено. И, прежде чем мы перейдем к обсуждению других деталей, я хотел бы выдвинуть условие, которое вполне будет согласовываться с вашими добрыми намерениями. Если мы заключим договор, я буду вынужден настаивать на его исключительности, то есть на том, что вы не станете вести никаких переговоров с другими мусульманскими владыками на весь период действия нашего перемирия.

Император чуть не поперхнулся. Перед его мысленным взором всплыл чернокожий хитрец, Муту, взвешивавший на ладони кошель с золотом, и послышался собственный голос его, Фридриха, холодный как лед: «Император ведет переговоры с ан-Назиром». Ему понадобилось время, чтобы удержаться и не рассмеяться. Сосредоточившись, Фридрих произнес:

— Султан, если вы полагаете, что я могу даже помыслить о том, чтобы запятнать предательством нашу с вами дружбу, значит, вы считаете меня человеком, настолько недостойным доверия, что со мной не стоит заключать никаких соглашений.

В до сих пор полных спокойствия черных глазах аль-Камиля вспыхнуло удивление:

— Мне стыдно, что я произнес те мои слова, султан.

— А я уверяю вас, султан, что мне не нужно ни с кем заключать договор на Востоке, ни с кем, кроме вас.

— Да будет так.

— Остается еще вопрос Назарета.

— Назарет ваш. Но, разумеется, только как христианская святыня.

Вполне довольный этим, Фридрих слушал, а аль-Камиль продолжал:

— Я также отдаю вам участок земли от Яффы до Иерусалима, каковой вопрос мы с вами не раз обсуждали в письмах.

— Мудрость, заключенная в этом, столь же ваша, сколь и моя.

Фахр ад-Дин вытаращил глаза.

«Пытаешься понять, что же я имел в виду?» — мысленно спросил его Фридрих и ухмыльнулся.

Аль-Камиль провел пальцем по ковру, словно бы проверяя на ощупь качество выделки:

— Вдобавок к тому, султан, вы говорили об определенных территориях и городах, которые хотели бы получить. Тут, правда, для меня возникает один щекотливый момент, ведь я не владею Яффой, Сидоном, Акрой и Кесарией.

За спиной императора Балиан забеспокоился. Томазо обернулся. Усаживаясь поудобнее на сложенных калачиком ногах, Фридрих сказал:

— Да, но это сирийские города, и франки владеют ими на правах завоевателей. На период действия соглашения я хотел бы получить в отношении этих населенных пунктов гарантии от вашего имени настолько, насколько вы можете их мне дать.

Томазо начал переводить, и аль-Камиль дал ему на это время. Улыбаясь, он посмотрел на своих близких, ответивших ему улыбкой. Едва ли они понимали причины веселья повелителя. Аль-Камиль раскинулся на подушках:

— А вы ведь больше не король Иерусалима, султан, не так ли?

— Мой сын, Конрад, — король, а я лишь регент.

— Что ж, позвольте мне поспешить вам на помощь в установлении вашей власти над франками Сирии. Яффа, Сидон, Кесария и Акра — ваши. На десять лет.

Фридрих поклонился, аль-Камиль тоже. Он продолжал:

— Я не требую заложников, поскольку соглашение составлено по доброй воле и обоюдному согласию, значит, нам нет нужды опасаться, что оно будет нарушено одной из сторон. Может быть, мы предоставим писарям и вельможам возможность покончить с формальностями? У меня в обычае отдыхать в это время дня. Не желаете ли последовать моему примеру, султан?

— Буду просто счастлив.

Теперь возникала одна весьма важная проблема — кому вставать первому. Фридрих посмотрел в глаза аль-Камилю, усмехнулся и беззвучно досчитал до трех. Аль-Камиль улыбнулся. Оба, император Запада и владыка Востока, встали одновременно, а вслед за ними поднялись на ноги и их приближенные.

— Просто замечательно, — проговорил Фахр ад-Дин. — Главное, правильно организовать работу секретарей, и тогда все пойдет само собой.

Он коснулся пальцами рукава Фридриха и повернулся к аль-Камилю.

— Сир, — произнес Балиан, — могу ли я получить назад свой город?

Император резко развернулся и посмотрел на барона:

— Естественно. Это же всего лишь частный вопрос.

— Этот вопрос может послужить причиной больших волнений среди франков Востока, — сказал архиепископ. — Я прошу простить меня, государь.

Сказав это, он отошел к Томазо, который занимался с писцами и одновременно разговаривал с аль-Адилем абу Бакром.

Султан подошел к императору, расплываясь в улыбке:

— Будем надеяться, что все предстоящие десять лет в Сирии будет царить такое же взаимопонимание. У нас на Востоке говорят: на Аллаха надейся, но верблюда привязывай. Очень сомневаюсь, что у нашего соглашения найдется много сторонников.

— Слишком многих верблюдов забыли привязать, и теперь они шляются где им вздумается? — Фридрих взял у пажа тарелку, рядом раб с такой же тарелкой ждал, когда на него обратит внимание аль-Камиль. — А кто сказал, что им должно нравиться наше соглашение? Они должны его соблюдать, и этого довольно.

Султан кивнул и, прожевав кусок, произнес:

— Прекрасный ягненок. Попробуйте. А что касается Яффы и Акры, то... как я посмотрю, вы имеете намерение править тут так же, как и у себя в Сицилии?

— Нет, просто постараюсь сделать так, чтобы ими правил я, а не они мной. — Император попробовал ягненка и кивнул: — Вкусно. У вас на Востоке есть и другая поговорка: вор — шейх, пока его не поймали. Так вот, среди франков развелось слишком много шейхов, а это никак не сочетается с моей любовью к порядку.

Поймав взгляд Корсо, Фридрих отослал его за молоком.

— Вообще-то франки мне нравятся, но поодиночке, когда их собирается слишком много, они делаются просто невыносимыми.

Император захохотал. Его приближенные собрались в кучку около него, они ели и тайком посматривали на сюзерена. Он передал тарелку Корсо и выпил принесенного им молока.

— Когда вы отправляетесь в Иерусалим? — спросил аль-Камиль. — Надо же устроить по этому поводу достойное празднество?

— Как только соглашение будет подписано и заверено печатями. Мне необходимо вернуться раньше, чем паписты захватят мое королевство в Италии и сбросят в море моих сторонников. — Фридрих резал

мясо на тарелке, которую для него держал в руках Корсо. — У вас ведь тоже есть кое-какие дела, не так ли?

Аль-Камиль поморщился:

— И еще сколько! Я слишком много времени провел в Наблусе, в этом скучном пыльном городишке. Это соглашение сделает моего племянничка в Дамаске покладистее. Надеюсь, он не решит, что Хорезм лучшая партия для него. Как-никак я его дядя, а кто ему этот ужасный Джелаль ад-Дин? Вот вы сказали о последствиях тех или иных действий... Мне очень понравилась ваша точка зрения, мысль очень изящно выражена, и самое главное, она верна. Глубоко верна.

Фахр ад-Дин приблизился к Фридриху:

— Так вы будете сами входить в Иерусалим?

— Придется. Куда же денешься? Прodelать такой путь и не побывать в Иерусалиме? Я собираюсь короноваться в церкви Святого Гроба Господня.

Император отослал Корсо с тарелкой и омыл руки из кувшина, который принес Джанкарло. Последний с открытым ртом уставился на аль-Камиля, которого насмешил вид пажа. Увидев, что султан смеется, Джанкарло еще сильнее округлил глаза и сглотнул подкативший к горлу комок.

— Вы можете занять мои апартаменты во дворце кади* Шамс ад-Дина, — предложил Фахр ад-Дин.

— Короноваться? — переспросил аль-Камиль. — А, простите мне мою излишнюю любознательность, в качестве кого?

— Я подумаю. — Фридрих покосился на Фахр ад-Дина. — Хочешь вновь оказаться в обществе Феофано?

Фахр ад-Дин был несказанно удивлен, он сделал какой-то неопределенный жест и проговорил:

— Я? Уверю вас, Фридрих, я лишь забочусь о вашей безопасности.

Император рассмеялся и сделал несколько глотков из чаши, которую держал Корсо:

— Уверен, во дворце кади мне будет удобно.

Он повернулся и посмотрел в сторону писцов. Те

как раз заканчивали сравнивать экземпляры документов, написанных на латыни и арабском. Томазо читал договор, теребя подбородок пальцами. Заметив, что сюзерен смотрит на него, граф поклонился и вышел вперед. Аль-Камиль поманил за собой аль-Адила абу Бакра и, уходя, бросил:

— Увидимся в Иерусалиме, султан. До встречи.

— Султан. — Фридрих качнул головой. — До встречи.

Когда аль-Камиль со своими близкими и секретарями выходил из шатра, на улице раздались приветственные возгласы на арабском.

— Их писцы закончат черновик соглашения и пришлют нам для внесения дополнений и уточнений. Думаю, много времени это не займет.

— А он вел себя весьма покладисто, — проговорил архиепископ. — Покидая Наблус, мы не были уверены, что все наконец решится.

Фридрих осмотрелся, все мусульмане уже ушли, он уселся на подушки и спросил:

— Что вы имеете в виду?

Архиепископ пожал плечами:

— Он сказал, что сдаст Иерусалим, и ничего больше, да и то колебался относительно деталей. Я уверен, что на самом деле он принял окончательное решение только здесь. Ваши слова убедили его как нельзя лучше, он и вправду боялся, что Иерусалим может превратиться в укрепленный форпост христианства на Востоке.

Томазо оглянулся и негромко произнес:

— То, что сказал сир Герман, должно было бы разубедить султана. Он прав... я имею в виду султана, в Акре и в Риме не придут в восторг от такого соглашения.

Фридрих подтянул к себе колено и сложил на нем руки:

— Томазо, когда я получу Иерусалим, мне будет совершенно все равно, что им понравится и что нет. Как вы думаете, сколько времени займет реализация всего процесса?

— Несколько недель, не больше*.

— М-да?

Император посмотрел на колыхавшуюся дальнюю стенку зеленого шелка. Он-то думал, что завтра будет праздновать победу, но... все кончилось и в то же время *ничего* не кончилось... Свинцовая тяжесть вновь стала накрывать его сознание, он уже знал — она предвестник головной боли. Император быстро поднялся и направился к выходу из шатра.

— Отчего вы не велите схватить его? — спросила Феофано.

— Ну, потому что... потому что вреда от этого будет больше, чем пользы. — Фридрих глубоко вздохнул и облокотился на перила, глядя на улицу. Толпа наконец умолкла; народу собралось человек сто, зеваки внимали воплям монаха-францисканца. Расстояние было довольно велико, чтобы слышать все, и император мог различить лишь каждое четвертое или, может быть, даже пятое слово.

— Антихрист! — орал монах, вытягивая руку и указывая на Фридриха. — Антихрист... — Дальше следовала тирада относительно осквернения святынь.

Толпа повернулась, чтобы посмотреть туда, куда указывал оратор. Фридрих закусил нижнюю губу.

— Ну в любом случае слушать-то зачем? — с сочувствием поинтересовалась Феофано.

— А я флагеллант*. — Даже ему самому собственный голос показался слишком резким и хриплым. Император прокашлялся. Францисканец спрыгнул с возвышения, на котором стоял, и помчался через толпу, увлекая за собой часть смельчаков из числа тех, кто разделял его мнение относительно императора. Монах собирался бросить вызов злу, воплощенному в монархе.

— Ты проклят Господом! — прокричал монах. — Хочешь соблазнить и их, хочешь, чтобы они разделили с тобой проклятие? Манишь их Градом Божьим, вселя-

ешь смуту в сердца?! — Он вскинул руки к небу. — Не ходи в Иерусалим! Не ходи в Иерусалим, антихрист!

Францисканец был молод, бос, одет в одну лишь грубую рясу, подвязанную веревкой, однако лицо его горело праведным гневом. Фридрих посмотрел на обличителя зла и ничего не ответил ему. Этим утром секретариат императора отослал аль-Камилю последний окончательный вариант соглашения, теперь султану оставалось лишь подписать его. Через неделю, а может, и немного раньше договор вернут в Яффу, и Фридрих подпишет его, и сразу же, как только с формальностями будет покончено, император двинется в Иерусалим. Францисканцы находились в городе уже три недели, и Фридрих носа не мог высунуть на улицу без того, чтобы кто-нибудь из кликуш не явился тут же, дабы в очередной раз облаять его. Они дежурили возле дворца, смущали народ на базаре, что ни день, проповедовали против антихриста в церквях. Фридрих, скрипнув зубами, посмотрел на монаха.

— Даже и ты можешь спастись! — продолжал францисканец. — Покайся, примиришься с Господом, и да смилостивится Он над тобой и дарует спасение.

Толпа расходилась, люди побаивались или им надоело слушать одно и то же. Феофано подошла к перилам и посмотрела вниз, монах, конечно, увидел ее и завопил:

— Блудница!

Фридрих вздрогнул, а Феофано, бросив на него понимающий взгляд, отошла, так чтобы монах не видел ее:

— Давайте уйдем отсюда, Рыжик, здесь слишком жарко.

Монах огляделся вокруг и, увидев, что слушатели разошлись, отступил к середине улицы и, опустившись на колени, принялся молиться. Прохожие обходили его, кто глядя с любопытством, кто, напротив, словно бы не замечая. Все было уже неново, францисканцы молились на улицах с тех пор, как узнали о договоре.

Что-то в том, как страстно молился этот молодой монах, как равнодушные прохожие обтекали его, стоявшего на коленях, внесло некоторую сумятицу в мысли Фридриха. Он резко выпрямился.

— Рыжик.

— Я сейчас.

«А что, если я не прав? — Он, пятась, отошел от перил, и солнце ударило ему в лицо. Император поднял руку, чтобы прикрыть глаза. — Если я войду в Иерусалим...»

Продолжая пятиться, он налетел на кресло.

— О!

— С вами все в порядке?

— Да! — Хромая, он направился к двери, чертыхаясь и морщась от боли в голени. — Господи! Как это я ухитрился? О-о-о!

Он сел и обхватил ногу обеими руками.

— Вы, похоже, усомнились в своей правоте. Весьма патетично. — Феофано отослала девиц, велев им найти пажа и приказать ему принести ей ее лютню. Фридрих же выглянул из дверного проема наружу, но монаха, естественно, не увидел.

— Если они так легко могут вывести вас из себя, отчего же вы ничего не предпринимаете? Почему не прогоните их?

— Потому что если я прибегну к палке, они станут лаять еще более злобно. Тут простой расчет. Из двух зол я выбираю меньшее.

Фридрих встал и прошелся, разминая ногу, а затем сел на диван. Феофано начала тихонько наигрывать.

— А мне будет позволено сопровождать вас в Иерусалим?

— Да.

Патриарх, грозя отлучением всем и каждому, запретил кому-либо идти с императором в Иерусалим. Как доносил Муту, в Акре никто не говорил ни о чем другом, кроме соглашения, и о том, что, заключив его с султанатом, Фридрих предал интересы христианства,

потому что Святой Град Господень должен был быть завоеван мечом и очищен огнем от мусульманской скверны. Как говорил Фульке, Муту весьма потешался над заявлениями патриарха. Фридриху между тем было совсем не до смеха, Жеро грозил наложить интердикт на весь Иерусалим, если только император появится в окрестностях города. Только вдуматься, самое святое для христиан место на Земле всерьез рисковало оказаться под церковным проклятием!

— Это же настоящее искусство, — произнес Фридрих. — И патриарх, безусловно, гений.

— Снова заведете переговоры? Будете торговаться?

— С папой и патриархом торговаться для меня просто нет смысла. Ничего тут не поделаешь, хотя я все время надеялся, что смогу добиться от него, чтобы он короновал меня*.

Феофано засмеялась, ее длинные пальцы нежно касались струн. Фридрих вновь почувствовал себя не в своей тарелке: он был счастлив, конечно, счастлив, но... к этому ощущению примешивалось какое-то иное. Что-то плохое, что-то злое стучалось в его сердце. Он встал и прошелся по комнате, выискивая себе занятие.

«А что, если они правы? Если они правы, тогда...»

— Расскажите мне о ваших детях, — попросила Феофано.

— Бог мой, зачем?

Она пожала плечами. С тех пор как они приехали в Сирию, она постоянно занималась совершенствованием своего умения играть на лютне, оттого теперь инструмент звучал чисто.

— Я женщина, а мы все любопытны. — Она лукаво улыбнулась ему. — Хотите, чтобы я размяла вам спину?

— Потом.

— Тогда все-таки расскажите мне о ваших детях.

Император подошел к сундуку и взял флакончик духов.

— Что рассказывать? Первый — Генрих, германский король, ему восемнадцать, и он — игрушка в руках

моих врагов. Он полагает, что я не знаю, что он делает, но он ошибается. — Открыв крышечку флакончика, Фридрих принялся. — Ты этим вчера душилась? Мне нравится.

— А что замышляет Генрих?

— Замышляет? Он ничего не замышляет, замышляют другие, скверные советники, которыми он себя окружает. Но что касается его самого, я не люблю Генриха, он непроходимо глуп. Это качество он унаследовал от своей матушки. — Фридрих закрыл флакончик и взял другой. — А это что?

Феофано посмотрела на то, что он держал в руке:

— Крем для кожи. Не оставляйте открытым, он быстро сохнет.

— Хорошо, хорошо. Конрад всего восьми месяцев от роду, он пока что трудностей не создает, но, как я могу себе представить, будет создавать их в свое время. Иоланде — три. — Откровенного говоря, император точно не помнил, сколько лет было дочери, три или уже четыре; он даже перекосялся, стараясь вспомнить. — Она тоже пошла в мать, так же как и Энцо, мой бастард, никто из них от меня ничего не взял. Энцо забавный, он все время играет, и при дворе его считают недоразвитым. Ты что, беременна?

— Отчего вы спрашиваете?

— А отчего ты спрашиваешь меня о моих детях?

— Пока у меня нет никаких оснований думать так, мне просто хотелось отвлечь вас от Иерусалима, монахов, этого отлучения.

«Мне нужен сын, такой же, как я, который думал бы так же, как я, который... который любил бы меня. — Он втер немного крема в тыльную сторону своей ладони. — Сын от Феофано? Хайнрих...»

Генрих, которого отец не видел уже почти десять лет, строит козни, пытается свергнуть его с трона, занять престол, сделаться императором и стать благословением Святой Матери Церкви. Мягкий, прохладный крем впитывался в кожу императора, и он подумал, что

монах, который молился на улице, был едва namного старше Генриха.

— Генрих и я...

— Простите меня... Я напрасно вообще заговорила об этом, — сказала Феофано.

— Заговорила так заговорила. — Он закрыл баночку крышкой, поставил на место и вернулся к дивану. — Генрих — типичный Гогенштауфен. Отцу моему он наверняка бы понравился, они похожи, правда, отец был человеком умным, он умел управлять, а Генрих не умеет.

— Он в Италии?

— Нет, в Германии, я оставил его править там, когда уехал обратно на Сицилию.

Феофано подогнула ногу под себя:

— Как это так?

— А, ну конечно! Я поехал в Германию, чтобы короноваться императором Рима, короновал Генриха королем Германии, моим наследником, и отправился на Сицилию. — Он сделал неопределенный жест одной рукой. — Тут все непросто... Я провел немало времени в Германии, чтобы все обустроить. У меня есть собственные вполне определенные соображения о том, какой надлежит быть системе управления, но я прекрасно представлял себе, что для Германии мой подход не годится. Так что, прежде чем уехать оттуда, я должен был все решить. Чтобы немцы не восстали против меня и не втянули меня в свои распри и дразги, я дал им Генриха и велел им самим управлять своей страной*.

Феофано кивнула, в облике ее появилось что-то непривычно торжественное, однако глаза поблескивали, как обычно:

— Я понимаю, это очень разумно.

— Знаешь, что мне в тебе нравится? Ты всегда понимаешь смысл того, о чем я говорю. Это было уже почти десять лет назад, и с тех пор я не видел Генриха. Потому-то он ничего и не знает, ведь я не научил его ничему. Когда он приходил ко мне, хотел поиграть со

мной или поговорить, я часто прогонял его, чтобы он не мешал мне работать.

Она вздернула подбородок:

— А когда ваш день рождения?

— Сразу после Рождества. В этом году я и не вспомнил об этом; видишь ли, я ведь не хожу к Рождественской мессе, я отлучен. Я — Козерог. Так или иначе, Генриха учить уже поздно, а может быть, всегда было поздно, единственное, на что можно надеяться, так это на то, что кровь, которая течет в его жилах, сама научит его.

— Он не любит вас?

— Да. Я плачу ему тем же.

— Я догадалась об этом. Но почему?

— Он ненавидит меня за то, что я еретик, а я его за то, что он — немец. Могу я пояснить, что это значит?

— Конечно, — проговорила она. — Говорите.

— У немцев просто талант делать все вокруг мрачным. Их соборы мрачны, замки мрачны, их легенды и сказки тоже полны мрачных эпизодов. Все у них там какое-то зловещее. Они выискивают в себе ереси, точно проявления физических заболеваний. Они боятся Бога, боятся дьявола, боятся самих себя... Что ты смеешься? Чего тут такого смешного?

— Ничего. Бедный Генрих. — Феофано отложила лютню и села рядом с императором на диван.

— Ничего необыкновенного в этом нет. Он частично немец по крови, вырос в Германии, впитал в себя все их... — Фридрих развел руками. — Они так страшатся греха у себя в Германии, что видят грех абсолютно во всем.

— Но и вы по крови немец, причем даже в большей степени, чем ваш сын. — Она протянула руку и коснулась пальцами его рыжего локона. — Но я не замечала, чтобы вы хоть в чем-нибудь находили грех.

Феофано обняла и поцеловала Фридриха. Обхватив ее за талию, он прижал ее к себе, вдыхая запах ее волос и кожи.

— Да, — произнес император, касаясь губами мочки ее уха, — но я — сицилиец.

Фридрих подумал о монахе, молившемся на улице, и внезапно вся эта суэта показалась ему неважной, не имеющей никакого значения. Он положил голову Феофано на плечо и закрыл глаза.

— Иерусалим, — прошептал гроссмейстер, — Иерусалим.

Фридрих в изумлении посмотрел вперед. Старик стоял на дороге, и слезы сами собой катились у него из глаз. Он не сводил взгляда с города, раскинувшегося перед ними. Магистр опустил на колени, и рыцари под звон оружия и доспехов последовали его примеру. Император обернулся и посмотрел на толпы паломников, тащившихся вслед за ними, многие из них еще не могли видеть Святого Города. Те же, кто, поднявшись достаточно высоко, узрел святыню, падали на колени, заливаясь слезами. Император повернулся, глядя на пролежавшую по песчаному склону дорогу, которая вела к воротам Царя Давида. Отсюда Фридрих мог различить лежавшую наполовину в руинах башню Давида и нечто, что, по всей видимости, являлось некогда башней Танкреда, и подъем, который, вероятно, был Масличной горой, лежавшей по ту сторону разрушенных стен.

Мурашки побежали по спине императора. Масличная гора, Святой Гроб Господень, Гефсиманский сад, Кедронская долина, Виа Долорòса*. Все было настоящим, таким или почти таким, каким было, когда Христос вошел в этот город, зная, что встретит там свою смерть. Он слышал, как паломники и впереди и сзади, спотыкаясь, мчались по склону, чтобы найти места, где помолиться. Он не видел их, пелена заволокла глаза императора, в горле стоял комок. Он спешил, швырнул повод коня Айюбу и преклонил колени.

Ушей Фридриха достиг голос гроссмейстера, выде-

лявшийся на фоне всеобщего гомона толпы. Император даже хотел помолиться, но не стал делать этого, он лишь стоял и смотрел на город, лежавший перед ним на земле, поросшей чахлой растительностью. Фридрих чувствовал, как заканчивается прилив эмоций, он пытался не дать нахлынувшей волне восторга откатиться, но, сколько бы он ни старался, она, как и положено волне, уползала назад. Он присел на пятки. Хорошего понемножку. Вспышка радости и благородного восхищения угасла. Теперь он запомнит, что это такое, однако вновь воссоздать посетившее его необычное чувство он бы не смог. Он поймал себя на том, что сравнивает свои нынешние ощущения с теми, которые испытывал под воздействием гашиша, и... лицо императора густо покраснело. Его даже бросило в пот. Однако спустя мгновение Фридрих решил, что стыдиться тут нечего, он просто сравнивал одно с другим и, как бы там ни было, приходил к выводу, что ощущения во многом схожи. Он принялся с любопытством смотреть на паломников.

Они покрывали весь склон, стояли на коленях и рыдали, раскачиваясь из стороны в сторону, охваченные религиозным экстазом. Стражники-сарацины спешили и стояли подле своих лошадей, а дальше за ними, преклонив колени, окруженная стайкой своих служанок, находилась Феофано. Она смотрела на императора, глаза их встретились, он усмехнулся, и губы женщины, дрогнув, раздвинулись в улыбке.

Каменистая почва намяла ему колени, а солнце грузом лежало на плечах и голове. Воздух наполнялся пылью и каким-то масленичным запахом, который источали кусты, покрывавшие землю. Внутри стен его ждала пища и, возможно, выпивка в неплохой компании. Фридрих встал. Люди, окружавшие императора, смотрели на него широко открытыми, невидящими глазами, они находились еще где-то там, далеко, в заоблачных далях, а их монарх уже чувствовал под ногами

грешную землю. Подошел Айюб, чтобы помочь господину вскочить в седло.

— Я пойду пешком.

Сарацин поклонился и повел в поводу лошадь императора. С шуршанием, напоминавшим шуршание густой листвы, люди на склоне принялись подниматься на ноги. Фридрих зашагал по дороге в сопровождении своих сарацин, которые вели в поводу его коня. За спиной у него кто-то завел *Te Deum laudamus**, и немедленно другие подхватили гимн, зазвучавший в полный голос. Фридрих обернулся и увидел Фрайданка, тот шагал в компании какого-то тевтонского рыцаря, распевая *Te Deum*. Гроссмейстер, Томазо, архиепископ, Фульке и Эццо пробрались внутрь круга сарацин, и даже они пели. Ассасин смотрел на все это из-под полуопущенных век и что-то жевал, точно корова на лугу. Фридрих едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Звонкая радость наполняла его.

Ворота Давида открылись, и оттуда выехала группа мусульман — полномочные представители, встреча-то торжественная. Фридрих попытался представить себе, что думали всадники: толпа христиан с перекошенными от благоговейного восторга и заплаканными лицами, горлающих гимны, спотыкающихся чуть ли не при каждом шаге на *их* земле. Но и его грудь переполняло ликование, император не мог понять почему и не мог перестать улыбаться.

Феофано шла чуть позади ассасина, одной рукой держа лошадь, другой приподнимая юбки. Ее длинные волосы разметались по плечам. Проходя мимо зарослей дикорастущей лаванды и анемонов, она нагнулась и сорвала один цветок. Держа его той же рукой, что и юбки, она засеменила, чтобы догнать остальных. Когда Феофано поравнялась с Фридрихом, она воткнула цветок себе в волосы, а лошадь ее воспользовалась очередной остановкой для того, чтобы вдоволь вкусить жесткой травы пустыни. Феофано вновь оказалась на несколько

шагов позади. Она вновь поспешила вперед, и фиолетовый цветок сиял в ее черных волосах.

Голоса поющих паломников не умолкали. Христиане подошли достаточно близко, так что Фридрих даже мог видеть Фахр ад-Дина среди встречающих. Ноги императора болели от хождения по каменистой почве. Из-за развалин стены показались несколько голов: мусульмане пришли полюбопытствовать — взглянуть на толпу христиан, которые по непонятным причинам становились теперь хозяевами города.

«Когда в последний раз мы взяли этот город, мы убили всех. Теперь же...»*

Фридрих оказался в тени огромных ворот. Он посмотрел на древние камни арки и направился к депутации мусульман. Фахр ад-Дин и мрачный мужчина с мешками под глазами выдвинулись вперед.

— Ваше величество, — произнес Фахр ад-Дин, — позвольте представить вам кади Шамс ад-Дина.

Кади коротко кивнул:

— Я в полном распоряжении императора. — Поэтому, как он сказал это, трудно было поверить в его искренность. Кади скосил глаза в сторону пилигримов. Они толпились за спиной своего предводителя, толкая и пихая друг друга в нетерпении. Пение смолкло, и Шамс ад-Дин добавил: — Мы не ждали, что паломников будет так много.

Фридрих крикнул гроссмейстера и, пока старик прокладывал себе путь через толпу, произнес:

— Нам все же лучше поторопиться, пока они не решили, что их хотят обмануть. Дауд, у вас есть кому заняться размещением паломников?

— Есть-то есть, но явно недостаточно. — Фахр ад-Дин поджал губы. По толпе пробежал удивленный шепоток. Не хватало только, чтобы паломники решили, будто их нарочно не впускают в город, если они поддадутся порыву, тогда... если они вздумают силой проложить себе путь... Гроссмейстер приблизился к императору, на лице старика все еще виднелись следы слез.

— Разбейте их на группы, — приказал Фридрих. — На маленькие группы и уводите осторожно, смотрите, чтобы они...

— Сир, — вступил в разговор Фульке, — я видел карту города, я думаю, я мог бы найти Госпиталь*.

— Отлично. — Фридрих кивнул.

Тут кто-то из самой гущи толпы, постепенно приблизившейся к арке, закричал пронзительно по-немецки:

— Впустите же нас! Отчего закрыты ворота?!

Раздались и другие злобные возгласы.

Фридрих поднял руку, и Айюб замер, глядя на господина в ожидании приказа. Фульке нырнул в толпу и принялся прокладывать себе дорогу к воротам. Около них стояли тевтонские рыцари, которые сами без приказа входить не собирались, однако паломники уже напирали на них. Император обернулся и, увидев Эццо, схватил его за рукав:

— Пойди найди Феофано, вытащи ее оттуда.

Эццо исчез. Айюб подвел Фридриху лошадь, он взял поводья и, схватившись за высокую луку, сел в седло. Теперь ему хорошо стало видно, как взволнованы сгрудившиеся у стен паломники. Кто-то завизжал:

— Впустите нас! Впустите!

Мусульмане на стенах явно нервничали. Кто-то из толпы запустил в них камнем, но он, по счастью, удравшись о стену, отлетел от нее, никому не причинив вреда.

Фридрих пришпорил коня. От толпы исходило нездоровое возбуждение, им веяло, точно жаром из печи. Появились проводники, которые попытались начать вводить в ворота рыцарей, но другие паломники бросились вперед, оттесняя всех. Фридрих видел, как Фульке пытается организованно проводить на улицу Царя Давида группу человек в шестьдесят, но другие мешали ему, они лезли чуть ли не по головам товарищей. Надо было что-то делать. Император направил своего коня прямо в толпу:

— Берегись! Берегись!

Руки потянулись к нему, старясь схватить, сбросить, остановить. Они, казалось, не понимали, кто это. До боли в суставах сжав пальцы, Фридрих вцепился в поводья. Он прищипоривал коня, заставляя его сбивать с ног, давить людей, понимая одно — надо пробраться вперед раньше, чем слишком большая толпа успеет проникнуть в город. Вдруг кто-то крикнул:

— Это же император! Сам император!

Многие повернулись, чтобы взглянуть на него. Только что толпа казалась серой, грязно-коричневой из-за цвета своих одежд, теперь она сделалась бледной из-за повернувшихся к нему лиц.

— Уймитесь! Уймитесь же! — закричал Фридрих. — Подождите, будьте же хоть чуточку терпеливы! Никто не ждал, что нас окажется так много! Вам нужны проводники, или вы заблудитесь в городе! Подождите же немного, и вы все пройдете!

Император понял, что старался напрасно, большинство паломников не слышали его. Те, кто стоял дальше, толкали в спины соседей:

— Что он сказал? Что он говорит? Нас не пустят? Не пустят?

Фридрих видел лишь горящие, полубезумные глаза и перекошенные рты. Он поспешил перевести взгляд на ворота и увидел, что Томазо вводит в город еще группу. Фахр ад-Дин пробирался вдоль стены к воротам. Кади еще сильнее насупился и стоял не двигаясь. Внезапно у самого стремени императора оказался Фрайданк, он приветливо улыбнулся и запел *Te Deum*. Гимн подхватили. Начинание менестреля сослужило самую лучшую службу, напряжение ослабело, люди перестали толкать друг друга. Фридрих вздохнул с облегчением, он повернулся в седле и увидел Феофано, стоявшую вместе с Эццо около кади, который посмотрел на женщину и нахмурился. Фульке вернулся уже верхом; мусульманские проводники, размахивая руками, кричали что-то на плохой латыни.

Мало-помалу толпа стала рассасываться; человеческая река пела, струясь через ворота в город, правда, те, что уже прошли внутрь, пели совершенно другие слова, чем те, кто еще только дожидался своей очереди. Конь Фридриха тоже спешил приобщиться к святости, хотело животное того или нет, толпа тащила его вместе с всадником. Императору пришлось натянуть поводья.

«Мне следовало предвидеть подобный ход событий, — подумал он. Счастливые физиономии пилигримов повергли его в уныние. — Мгновение назад они были готовы безоружными штурмовать город, а теперь радуются как дети. Толпа. Толпа... Господи, как же я ненавижу толпу!»

Фридрих отыскал глазами Феофано. Она была вне опасности, стояла и разговаривала о чем-то с Эццо, и даже яркий цветок по-прежнему горел в ее черных волосах.

Лошадь начала опускать голову, и Фридрих ослабил поводья. Опасность окончательно миновала — толпа, струясь все более тонким потоком, исчезала за городскими воротами. Чувствовал себя император неважно, в рот набилась пыль, он даже не мог толком сглотнуть. Свита начинала потихоньку собираться поблизости от Феофано. Пажи садились прямо на землю и о чем-то весело спорили, глядя на стену. Он слышал их голоса, несмотря на топот и пение паломников. Из ворот, протискиваясь между пилигримами и стеной, появился Фахр ад-Дин. Он остановился около Фридриха.

— Это был напряженный момент.

Фридрих кивнул:

— Мы не продумали все как следует.

— Мы слышали про отлучение и никак не предполагали, что столько народу последует за вами, — пояснил Фахр ад-Дин. Его покрытое пылью и грязью лицо расплылось в улыбке. — Тут уж моя вина. Однако это подтверждение того, как народ любит вас.

— Вполне пережил бы без такой любви. — Последние паломники, двое стариков и мальчик на костылях,

исчезли в воротах, сопровождаемые армянином. Их голоса стихли, и с ними стих *Te Deum*. Фридрих решил, что настало время и для него войти в обретенный город. Прямая улица царя Давида тянулась от самых ворот между двумя рядами каменных зданий. Две другие улицы шли перпендикулярно от нее — одна вправо, другая влево.

— Милости прошу, — тихо произнес Фахр ад-Дин, — вы, должно быть, желаете промочить горло? Дом кади ждет вас, позвольте мне взять на себя роль проводника?

— Как вы находите Иерусалим? — спросил кади.

— Здесь довольно приятно.

— Приятно слышать, что вы такого мнения, ведь теперь город ваш.

Шамс ад-Дин жестом подозвал раба, велел ему снова наполнить тарелку Фридриха, и посмотрел куда-то в другой конец комнаты. С момента их первой встречи он так ни разу и не улыбнулся, и, видимо, из-за этого все, что бы он ни говорил, звучало на одной и той же горькой ноте. Император поел ягненка и риса, выпил вина.

— Напротив моего окна через площадь я видел минарет, а вот зова муэдзина не слышал.

Какое-то мгновение каменное лицо кади хранило прежнее выражение. Шум, производимый собравшимися людьми, наполнял уши Фридриха. Он уже подумал, что Шамс ад-Дин не расслышал его, но тут он повернулся к императору и с едва заметным волнением произнес:

— Я попросил его молчать, дабы не оскорблять вашего слуха, султан.

— Если бы вы были в моем Палермо, кади, то вы бы слышали муэдзина по пять раз на дню. Мой слух больше оскорбило то, что я не услышал его сегодня утром.

Находившийся немного позади кади Фахр ад-Дин

наклонился вперед, чтобы увидеть лицо старшего. Кади закрыл глаза и кивнул:

— Повинуюсь вашей воле, султан. Повеление ваше будет исполнено.

— Ваше величество, — спросил Фахр ад-Дин, — как долго вы собираетесь пробыть в Иерусалиме?

— Недолго. Мне надо возвращаться на Сицилию. — Фридрих постучал по своему кубку, и Корсо наполнил его. — Я коронуюсь послезавтра.

— Султан аль-Камиль выражает сожаление, что не сможет присутствовать, — проговорил кади. — Дела требуют присутствия повелителя в Дамаске.

— Ого! — Фридрих усмехнулся.

— Около Дамаска, в лагере осаждающих. Но мы устроим завтра банкет в вашу честь, и я покажу вам достопримечательности.

— Хорошо. — Фридрих посмотрел на кади. — Могу я испросить у вас разрешения посетить Харам ас-Шариф?

На лице кади появилось что-то вроде улыбки:

— Конечно.

Шамс ад-Дин посмотрел на Фахр ад-Дина. Когда кади вновь повернул лицо к императору, последний увидел улыбку:

— Я мог бы проводить вас, эмир, вероятно, несколько хуже меня знает город.

— Я был бы весьма польщен. А скажите, Абу Муса Низам аль-Таули все еще живет в Иерусалиме?

Кади был по-настоящему удивлен, он посмотрел на Фридриха широко открытыми глазами:

— Откуда вы знаете Низама?

— Мы с ним одно время переписывались, обсуждали проблемы решения квадратных уравнений.

Шамс ад-Дин и вовсе лишился дара речи, и Фахр ад-Дин поспешил прийти на помощь:

— Он уехал в Каир, Фридрих. Аль-Камиль затребовал его к себе.

— А вы математик, ваше величество? — произнес наконец кади.

— Да нет, больше притворяюсь.

Фахр ад-Дин фыркнул, а император ответил ему усмешкой и посмотрел на стол, за которым ели придворные. Томазо перехватил взгляд сюзерена, поднял брови и скосил глаза, как бы показывая на кади. Когда граф вновь перевел взгляд на императора, тот кивнул. Томазо улыбнулся и, склонившись к уху гроссмейстера, стал что-то говорить ему. Фридрих поднял чашу.

Латинская церковь Святого Гроба Господня казалась маленькой и темной. После Скального купола* с его сияющей кровлей, с начертанными внутри изречениями Салах ад-Дина, устланного коврами пола маленькая церковка казалась сырой, холодной, как могила. Собственного говоря, она и являлась усыпальницей. Фридрих шел по проходу за рядами тевтонских рыцарей и придворных, которые прибыли с ним сюда из Сицилии. Наверху под самым куполом кружили и щебетали ласточки, в мечеть Омара они не могли попасть из-за специальных решеток.

Все молчали. Если не считать гомона птиц и шарканья ног шедших к алтарю людей, можно сказать, что в церкви стояла гробовая тишина. Император посмотрел на алтарь впереди, за ним виднелся одетый в мрамор угол гробницы, потускневший и словно бы подернувшийся пленкой от поцелуев и слез, которыми покрыли его паломники. Камень как камень, как та же Кааба*. Просто камень, и все. Рядом с гробницей сусальное золото алтаря выглядело безвкусным.

Не говоря уж о патриархе Жеро, не было ни одного священника, который бы мог короновать Фридриха, служить мессу и исполнить необходимые обряды. На алтаре, положенная на подушечку, покоилась корона. Свечи не горели.

«Правильно, ведь сейчас нет службы. Для меня есть только одна служба».

Фридрих остановился у алтаря и повернулся. Масса мужчин в доспехах застыла в молчании, даже ласточки и те, казалось, притихли. Он поднял голову и посмотрел под купол церкви. Штукатурка шелушилась. В слабом свете император смог разглядеть фрагменты библейских сюжетов, нарисованных наверху: лики старцев, Иисус с апостолами, Судный день. Византийские глаза рисованных лиц напоминали ему изображения в некоторых храмах Сицилии.

«Мне и не нужен поп! — Он вдруг ощутил себя сильным, могущественным, словно бы вся воля, вся энергия его собрались воедино, сфокусировались, сконцентрировались на одном — этой короне и предстоящем священном акте. Заглянув за алтарь на гробницу, Фридрих протянул руки и взял с подушечки корону, такую тяжелую, холодную и... настоящую. — Мне не нужен поп! Я совершаю это во имя себя и ради себя, это мои стигматы, раны Иисусовы на моих руках!»

Император поднял корону и надел ее себе на голову. Позади него загремели и залязгали доспехи — рыцари преклонили колени. Он закрыл глаза, дрожа от возбуждения.

«Вот так, Господи! — подумал он. — Теперь я больше чем просто император, теперь я — король Иерусалимский, который короновался в Святом Городе!» *

Корона на голове у него сделалась, казалось, легче воздуха. Ненависть врагов значила для него теперь меньше, чем птицы под церковными сводами.

— А теперь мы поедem к Иордану?

— Обратно в Акру, — ответил он и положил себе в рот кусочек кокоса. — Оттуда домой.

Из открытого окна Фридрих видел весь сиявший огнями, окутываемый сумерками Арабский квартал. За Скальным куполом поднималась Масличная гора, с от-

логими склонами, покрытая деревьями и кустарником. Дома сияли белизной стен в постепенно насыщавшемся синевой вечернем воздухе. В самом конце улицы торговец-разносчик пронзительно громким голосом предлагал купить тутовые ягоды.

— Вы опять совершили нечто ужасное? Какой-то очередной скандальный поступок? — спросила Феофано. Она подошла и выглянула из окна. — Мне сказали, что вы чуть не убили священника.

— Боже мой, да это уже было тысячу лет назад. — Император оперся о стену, продолжая смотреть в окно. На самом деле инцидент, о котором упоминала Феофано, произошел вчера. — Он попрошайничал в Харам ас-Шарифе. И я не *чуть было не убил его*, а просто припугнул.

Она смотрела на Фридриха, сложив руки на груди, ее черные волосы струились по плечам и почти скрывали стройную шею. Воспоминания о том священнике обожгли его. Он протянул руку и, взяв за черный локон, потянул вниз.

— Вы устали.

— Да, хочу домой. — Император отпустил локон и поправил волосы Феофано, стараясь, чтобы все выглядело так, будто он ничего не трогал.

— Рыжик... — Феофано выглянула из окна. — Когда вы собираетесь спросить меня, поеду ли я с вами на Сицилию?

«Не сейчас...» Сердце его сжалось:

— Откуда ты знаешь, что я собирался спросить?

— Я вас знаю. — Она провела пальцами по своему предплечью. — Лучше вам спросить сейчас, откладывать не надо, лучше не будет.

Он коснулся головой стены и закрыл глаза. В соседней комнате собирали к ужину, и гул голосов доносился сюда через ширму, закрывавшую дверной проем. К горлу Фридриха подкатил комок.

— Это вполне исчерпывающий ответ, правильно?

— Да, — устало произнесла Феофано. — Думаю, да.

Император открыл глаза. Она водила пальцем по резьбе на камне подоконника.

— Феофано, я люблю тебя.

— Я знаю, однажды вы уже чуть было не сказали этого.

Слова давались ей тяжело. Если ей плохо, тогда почему же?..

— Ты любишь меня? Вообще-то любишь?

Фридрих видел, как она вздернула подбородок и потом опустила голову:

— Но на Сицилию с вами я не поеду.

— Но почему? — Он сжал кулаки. — Почему же?!

— Нет.

— Почему?

— Потому что... потому что мое место здесь. Я не буду счастлива на Сицилии.

— Но откуда ты знаешь? Откуда тебе извест...

— И еще потому, что на Сицилии вы не будете одиноки, вас будут окружать враги, и у вас не останется времени, чтобы любить меня.

Голос Феофано резал его душу, как острый стальной нож. Фридрих глубоко вздохнул:

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю вас. К чему все это?

— Ты сама начала.

— Верно. — Она посмотрела на него и немедленно отвернулась. — Простите.

— Если тебе не понравится на Сицилии, ты сможешь вернуться. Вернешься сюда.

Феофано покачала головой:

— У меня есть сын, он живет в Антиохии, где и я. Сейчас за ним присматривает моя мать.

— Ты можешь взять его с собой. Если хочешь, их обоих. — Нет, этого он не хотел, голос выдавал императора. — Феофано.

Она покачала головой. Обескураженный Фридрих попытался найти слова, нужные слова, правильные слова, такие слова, которые бы заставили ее передум-

мать, но не находил их. Он лишь думал о том, как будет жить без нее.

«Я женюсь на ней!» — решил он и понял вдруг, сколь чудовищно абсурдна подобная мысль. Это еще больше обескуражило его. Император оперся спиной о стену и устремил свой взгляд в глубь комнаты. Постепенно волнение улеглось, все встало на свои места.

— Прости, пожалуйста, — сказал Фридрих. — Такой уж я, и ничего тут не поделаешь. Враз ведь не изменишься?

— Никто и не требует этого.

Фридрих посмотрел на Феофано и увидел, что она улыбается, что лицо ее спокойно, а глаза ясны, как прежде:

— В Акру-то хоть со мной поедешь?

— Мне в любом случае по дороге. Если желаете, то конечно.

— Желаю.

Какое-то мгновение они молча смотрели друг другу глаза в глаза. Она пошевелилась, а он выпрямился и отстранился от стены.

— Вы как-то обещали написать мне стихотворение, — проговорила Феофано. — Может быть, теперь?

— Сейчас? Здесь? — Он в некотором замешательстве обвел глазами комнату.

— Да. Сейчас. — Она взяла императора за руку и подвела к столу. — Джанкарло, зажги свет пожалуйста.

Отодвигая табурет, она села на краешек стола около кресла и усмехнулась. Пришел Джанкарло с тонкой свечкой, зажег от нее лампу, наполнившую все пространство ярким желтым светом. Фридрих сел в кресло у стола, достал бумагу и чернила.

— Мне всегда нужно немножко подумать. Как писать, по-итальянски или по-арабски?

— Лучше по-арабски, чтобы я могла прочесть. Вы писали по-арабски?

Он покачал головой.

— Это... это... Момент не совсем подходящий...
Даже не знаю, в чем черпать вдохновение...

Расплывчатые, неуловимые образы потекли перед его мысленным взором, слишком неосязаемые, чтобы их можно было выразить словами:

— Смеяться нельзя.

— Я не буду. — Она склонила голову, чтобы видеть, как перо коснется бумаги. — Ну же!

— Не подгоняй меня! — Он написал: *Птица любви, ко мне прилети...* — Ты по-арабски читаешь? Правда?

— Чуть-чуть. Вы скажете мне, что означают слова, а я запомню.

— Просто великолепно. — Фридрих заметил Джанкарло, притаившегося в углу: — Пошел вон.

Джанкарло ушел, бормоча что-то себе под нос. Из соседней комнаты доносился звон посуды.

Птица любви, ко мне прилети, свей гнездо на ветке древа, спой мне песню о любви...

Он стал подбирать другую строчку:

— Что ты там будешь делать в этой Антиохии?

— Делать то, что я всегда делаю, — ответила она. — Жить.

Спой мне песню о любви у окна в моем саду, спой же песню мне о той, о ком мечтаю я и жду.

«Она не уйдет. Уйдет... Ты хоть вспоминать обо мне будешь?»

— Коротко получается.

— Главное не сколько, а как сказано.

— Не поэт я все-таки.

Арабская вязь ложилась на бумагу. Фридрих подумал, что надо сказать что-то другое; собственно, он знал, что хотел сказать, но нужные слова не приходили к нему. Несколько метафор мелькнули в мозгу, но еще прежде, чем он записал их на полях, он уже понял — они не годятся. На какой-то миг он почувствовал раздражение, тщетно пытаясь вместить темноту, луну, ветер и птицу любви в один стих, и тут вдруг нашел нуж-

ные слова, правда, ни темнота, ни луна, ни птица любви не превратились в мудреные арабские завитушки на бумаге.

Сердце мое — заросли терна для белой лани,
Сердце мое — выжженная пустыня для львицы,
Для тебя сердце мое — цветущее дерево,
Наполненное музыкой ветра.

Внизу он снова написал первые две строки и откинулся на спинку кресла в легком удивлении. Это было одно из лучших стихотворений, которые ему когда-нибудь удавалось написать, по крайней мере на арабском. Он перечитал все шесть строчек и убедился, что не ошибся. Даже и на арабском начало и конец звучали для него как-то по-итальянски, и это нравилось императору.

— Это все?

Фридрих кивнул, чувствуя, что стесняется прочесть ей написанное.

— Прочитайте мне.

Он прочитал, не поднимая глаз от бумаги. Спустя несколько мгновений после того, как закончил чтение, он робко взглянул на нее. Феофано смотрела на него широко раскрытыми глазами:

— О, Рыжик, это прекрасно.

— Тебе нравится?

— Да. — Она взяла в руки листок и пробежала по строчкам взглядом. Ее губы едва заметно шевелились. В соседней комнате кто-то смеялся.

— Это по-настоящему ваши стихи, — проговорила Феофано. — Тут столько чувства...

— Тебе правда нравится?

Ее глаза были полны удивления:

— Да. Очень. Спасибо. — Складывая и убирая листок за пазуху, Феофано наклонилась и поцеловала Фридриха. — Спасибо.

Взбодрившись, он улыбнулся ей и, запустив пальцы в ее волосы, притянул к себе. Они едва оторвались друг от друга после долгого поцелуя, когда появившийся в

комнате Марино позвал их к ужину. Держа Феофано за руку, Фридрих поднялся и, также не выпуская ее пальцев из своих, проследовал к выходу. Она поедет с ним, он знал это. Она *должна* поехать. Улыбаясь, император вышел вместе с Феофано из темноты в яркий свет соседней комнаты.

Голубки и горлицы ворковали в арке ворот, когда Фридрих и его свита вновь въезжали в Акру, стражники-сарацины и рыцари образовали вокруг своего сюзерена что-то вроде живой крепости. Солнечные зайчики сотнями прыгали по шее лошади, знамена хлопали на ветру во взбудораженном горячем воздухе сирийской весны. И хотя на стенах было полно людей, не то что славословий, даже и приветствий в свой адрес император не услышал. Он старался не смотреть по сторонам:

«Я вернул вам Иерусалим, а вы даже не удостоите меня единым словом благодарности?»

Проскакав по улице, они миновали Английскую башню, Клятую башню и башню Святого Николая. Стоявшие на укреплениях жители Акры молчаливо смотрели на поезд императора и иерусалимского короля. Из домов, выходявших на улицу, открыв окна, высовывались люди. На углу у поворота к Клятой башне словно из-под земли вырос францисканец и, точно скрежеща железом по железу, завопил:

— Изменник!

Никто не поддержал монаха, и крик его унес горячий полуденный ветер. Волосы Фридриха упали ему на лоб, и он обеими руками отбросил их назад себе на плечи. Какое-то время за кавалькадой бежала черная собака, и колокольчик у нее на шее тихонько позвякивал.

— Еретик! — прокричал кто-то со стены.

Император поднял голову и посмотрел туда, откуда раздался крик. Толпа людей со злобными белыми масками вместо лиц, с оскаленными пастями провожала Фридриха и его свиту взглядами. Он построил брезгли-

вую мину и отвернулся. Как-то людям здесь удалось разозлить его, однажды они сумели даже испугать его, но теперь, теперь он чувствовал лишь одно — усталость. Император устал от Сирии. Они подъезжали к воротам резиденции Тевтонского ордена.

Грумы поспешили взять лошадей господ под уздцы, слышались радостные голоса, и на душе у Фридриха чуть оттаяло. С грохотом закрылись тяжелые, кованые железом ворота. Император спешил и, повернувшись, обнаружил рядом Томазо.

— Славная у вас лошадка, — похвалил граф.

Император посмотрел вокруг немного рассеянным взглядом:

— Да, ехать удобно, у нее легкий шаг.

— Где вы добыли себе такое прелестное животное?

Вопрос весьма озадачил Фридриха — граф прекрасно знал, откуда взялась лошадь:

— Кади подарил мне ее в Иерусалиме, когда я уезжал. Вас что, там не было?

— Был, конечно, — произнес Томазо, глядя куда-то в сторону. — Был и когда вы уезжали, и когда въезжали в город, помнится, этому кади ваше появление здорово не понравилось. Не похоже было, чтобы он испытывал удовольствие от того, что должен сдавать нам город. Я также был и на обеде и видел, как вы очаровали этого угрюмого спесивца. — Граф решительно вскинул голову и посмотрел прямо на сюзерена. — Отчего бы вам не проделать то же с жителями Акры?

Фридрих направился к дверям, испытывая сильное чувство досады. Высказывание Томазо прозвучало как нельзя более несвоевременно.

— Они не стоят того, — ответил император.

Граф забежал вперед, чтобы открыть дверь перед сюзереном. Лицо Томазо ничего не выражало:

— Вам виднее, государь.

— М-да... — Фридрих вошел в просторный рыцарский зал, откуда проход вел в соседнее здание. Поме-

щение быстро заполнилось свитскими императора, несколько обескураженными более чем просто холодным, по-настоящему ледяным приемом, оказанным ему. Корсо и Джанкарло поспешили принять плащ господина.

— Джанкарло, помнится, ты обещал мне показать свои стихи.

Парень замер, посмотрел на Фридриха и улыбнулся:

— Покажу, государь.

Затем он удалился, унося светлый плащ. Император обвел взглядом собравшихся; кто-то предложил ему кружку пива, но он не стал пить. Гроссмейстер и архиепископ о чем-то совещались около входа в коридор, соединявший это здание с соседним.

В некотором отдалении от них, прислонившись к стене спиной, потягивал пиво Энрико да Мальта. Фридрих ухмыльнулся. Когда адмирал покончил с пивом, император поманил его к себе пальцем, и тот, расплываясь в улыбке, поспешил сквозь толпу к сюзерену.

— Сир. — Энрико ненадолго преклонил колено. — Мои поздравления.

— Мои тоже. Мои корабли, надеюсь, в гавани?

— Сорок восемь судов, все практически готовы к отплытию. Когда мы тронемся в путь?

— Думаю, через неделю. Надеюсь, во всяком случае, у меня тут еще полным-полно дел. — Фридрих направился к проходу в другое здание. — Послезавтра буду знать точнее. Какие новости с Сицилии?

— Все считают вас погибшим.

— А кроме этого?

Приближенные последовали за господином; пажи, толкая друг друга, поспешили распахнуть перед ним двери. Айюб первым прошмыгнул в коридор, ассасин держался рядом.

— Все не так уж плохо, — ответил Энрико, который отставал на полшага от сюзерена. — Армия папы контролирует юг Италии, но это дорого ей обходится. Вы же знаете, какой это народ, сицилийцы, — папистских

солдат находят поутру во рвах с перерезанными глотками. Ну и тому подобные вещи происходят.

Фридрих усмехнулся. В коридоре пахло довольно неприятно, было грязно и сыро, однако, по счастью, он оказался довольно коротким. Возглавляемые Корсо пажи бежали впереди господина. Он нагнул голову, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, и, словно вынырнув из воды, оказался в светлой, чисто убранной комнате.

— Они сматают удочки, — с уверенностью продолжал Энрико. — Делла Винье велел мне передать вам, что, как только ваша нога ступит на землю Сицилии, паписты зададут деру. Им говорят, что вы умерли, чтобы хоть как-то поддержать в них боевой задор, но, едва они поймут, что папа надул их, они сбегут.

— Сир, вы намерены созвать совет? — спросил грессмейстер.

— Да, надо же обсудить дальнейшую жизнь королевства в свете заключенного мной соглашения. — Он подошел к столику за чашей вина и краем глаза увидел Феофано и ее горничных, суетившихся в соседней комнате. — Как можно скорее, — добавил он, разглядывая ее. Феофано повернула голову и улыбнулась ему. Он махнул ей и вернулся к своим сопровождающим. — У нас есть необходимость сделать некоторые назначения. Томазо, дайте мне список кандидатов. Берардо, не отправитесь ли вы к патриарху, чтобы убедить его снять интердикт?

Архиепископ фыркнул:

— Да о чем говорить? Как можно додуматься до того, чтобы запретить богослужение в Святом Городе? Они что, с ума сошли?

Фридрих захохотал:

— Вот это вы ему и скажете. — Прибывший в Иерусалим в день их отъезда Петр Кесарийский имел вполне определенные инструкции, в которых о церкви Святого Гроба Господня говорилось особо. Абсурдность канонических законов не могла не восхищать — им оста-

лось только предать анафеме надгробный памятник самому Христу*. Фридрих снова подошел к столику и поставил на него свой кубок. — Герман, кто коннетабль Акры?

— Гарньер Германец, насколько мне известно. Он старый приятель Жана де Бриена.

— Вот как? Тогда вам лучше самому позаботиться об охране города. Мне очень не понравилось настроение жителей.

Гроссмейстер потер подбородок:

— Мне тоже, но Гарньер — умный человек, государь, во всяком случае, не надо судить о нем по его друзьям. Похоже, у Энрико для вас есть какие-то депеши.

Фридрих резко развернулся и увидел Энрико со стопкой писем, которые он держал под мышкой.

— Хорошо, хорошо. — Император протянул руку, и Энрико поспешил передать ему бумаги.

Тут в комнате появились Фульке и Эццо, державшие в руках кубки с вином. Первый из них оглядел собравшихся, потом высунулся из окна и в конце концов заявил:

— Ну вот мы и снова в старой доброй Акре.

— Вот-вот, — прокомментировал эту тираду Фридрих, — и мы отправимся домой раньше, чем вы успеете вляпаться в какие-нибудь неприятности. — Он криво усмехнулся, покосившись на толстую пачку писем. — Вы свободны. Все.

— Муту приехал из Яффы сюда, — сказала Теофано. — Одна из моих горничных видела его на улице.

Фридрих перевел свой взгляд на нее. Она сидела на диване и причесывалась.

— О! — Он смотрел на нее, на изящные изгибы ее тела, на длинные ноги, прекрасные глаза и черные волосы. — Не помню, говорил ли я тебе, что ты очень красива?

— Нет, — ответила Феофано, улыбаясь и хитро сжав на него глаза. — Никогда.

Он вновь откинулся на спинку кресла, возвращаясь к списку лиц, которых предполагал назначить на те или иные должности. Однако, задержав свое внимание на листе лишь ненадолго, Фридрих вновь посмотрел на Феофано, вид ее доставлял ему куда больше удовольствия, чем документ и связанные с ним проблемы. Она знала, что он смотрит на нее, и старательно делала вид, что не замечает этого. Это кокетство насмешило его, и он вернулся к списку.

— Ты красива.

Он собирался назначить Балиана Сидонского на должность одного из бальи* Иерусалимского королевства, что же до остальных соискателей высоких постов, проблема здесь представлялась куда более сложной, и вопрос оставался открытым. Откровенно говоря, и выбирать-то было не из кого, ни одна из кандидатур понастоящему не устраивала Фридриха. С назначениями на менее важные посты дело пошло лучше; здесь предпочтение было отдано тем, кто уже в самом начале похода принял сторону императора. Феофано встала и тихонько направилась к нему, ступая по ковру босыми ногами.

— Ты не слышал, что я сказала? Забыл?

— Если ты подойдешь ближе, я вообще обо всем забуду. — Гарньер Германец тоже значился в списке, предложенном Томазо. Однако, как резонно рассуждал император, если Гарньер был другом Жана де Бриена, то по логике ему полагалось ненавидеть Фридриха. Вместе с тем гроссмейстер уважал Гарньера, к тому же немец мог... В конце концов император все больше и больше склонялся к мысли, что следует сделать красивый жест. — Что ты хотела сказать, когда спрашивала, слышал я тебя или нет?

— Когда я говорила про Муту.

— Я слышал это. — Он поставил имя Гарньера рядом с именем Балиана Сидонского.

— Так вот, — продолжала Феофано, — он говорит, что намечаются беспорядки.

— Чтобы знать это навверное, вовсе не обязательно быть таким большим и таким черным. Весь вопрос когда? — На Кипре, по мнению императора, следовало назначить пять балы.

— Нынче же ночью.

Перо остановило свой бег по листу.

— Черт возьми! — Фридрих поднялся, ум его лихорадочно заработал. — Он точно знает?

— Да, — ответила Феофано и встревоженно посмотрела на него. — Что вы собираетесь предпринять?

— Не знаю.

Уперев руки в бока, император принялся расхаживать по комнате, размышляя, достаточно ли слова одного Муту, чтобы начать действовать? Не получится ли так, что своими поспешными действиями он сам спровоцирует толпу? Толпу? Толпа... Именно толпа заставляла императора нервничать более всего, он не понимал ее психологии. Она была чужда ему. Фридрих подергал за шнурок звонка, и в комнату вошел Джанкарло.

— Государь?

— Пошли за сиром Германом, Фульке Анчеррским, Эццо д'Исте и Рикардо Филанджери.

Джанкарло молча поклонился и исчез. Феофано спросила:

— Вы думаете?... Что, как вам кажется, они могут предпринять?

— Не знаю, но хотелось бы знать, — произнес император и мысленно добавил: «Очень бы хотелось понять, что происходит в городе». — А наш чернокожий друг не сказал, кто мутит воду?

— Нет, но он уверяет, что народ в районе у гавани настроен решительно, бунт может вспыхнуть в любое время, достаточно просто поднести запал. Рыжик, они не могут ничего нам сделать здесь. Может, просто дать возможность страстям перекипеть?

— Да, конечно. Я обожаю плескаться в людских по-
моях. — На стене грубыми широкими мазками было
нарисовано панно на сюжет из Евангелия от Матфея —
бегство в Египет*.

— Государь, — поприветствовал императора гросс-
мейстер, входя в комнату. Он коротко преклонил коле-
но и кивнул Феофано.

— Герман... давайте выйдем. — Фридрих бросил
беглый взгляд на Феофано: — Я скоро вернусь.

Она улыбнулась.

— Не так стремительно.

— Отчего же? Это даже забавно. — Император увлек
за собой магистра. Они прошли в другую комнату, где
уже находились Фульке и Эццо.

— Фульке, — начал Фридрих, — я полагаю, вы с
Эццо изрядно заскучили тут?

— Боже мой, этот город просто бесит меня! — Фуль-
ке запустил руки за пояс. — А что, намечается развлече-
ньице? — добавил он, хохотнув.

— Да. Возьмите-ка коней и поезжайте по городу.
Я хочу немедленно знать, где начнутся беспорядки,
если они, конечно, начнутся. И еще хотелось бы выяс-
нить, кто подстрекатель. Нужно будет проехать через
район гавани и около резиденции храмовников. Дер-
житесь все время вместе, я вовсе не хочу, чтобы вас
убили.

— Государь. — Фульке поклонился и направился
было к выходу.

— Фульке.

— Да, государь?

— Только сами ни во что не ввязывайтесь, понятно?
Если я что-нибудь такое услышу, я очень рассержусь.

Фульке моргнул:

— Сир, а мы когда-нибудь что-нибудь *такое* де-
лали?

Фульке поклонился, и они с Эццо вышли. Уже за
дверью они оба захохотали от души.

Фридрих показал двери, за которой они скрылись, фигу:

— Когда-нибудь они станут для меня причиной больших неприятностей.

— Когда вы сами захотите этого, — уточнил гросс-мейстер. — Вы ждете беспорядков, сир?

— Да, но я пока никому открыто об этом не заявляю, ибо источник моих сведений... м-м-м... лицо более чем просто неофициальное. В то же время... Рико, входите. Оба Рико.

Маршал Рикардо Филанджьери и Энрико да Мальта поклонились и подошли к сюзерену. Филанджьери был обут в сапоги, а головной убор свой держал в руках. Надо полагать, он только что вернулся с улицы или, наоборот, собирался куда-то.

Фридрих поднял брови:

— Я оторвал вас от дел?

— От самых что ни на есть маловажных. — Филанджьери положил головной убор на стол.

— Энрико, где конкретно находятся в гавани корабли?

— На якорях у пристани, — ответил адмирал. — Что-то не так? Прикажете судам отшвартоваться?

— Нет, оставьте как есть. Рико, я хочу, чтобы вы и Герман собрали каждый по отряду рыцарей и были наготове. Если в Акре начнутся какие-нибудь... если где-то станут собираться большие толпы, проявится какая-нибудь необычная активность, раздадутся призывы, сами понимаете какие, кто-нибудь вздумает устроить потасовку... Вы, — император указал на Филанджьери, — блокируете город, а вы, — обратился он к гросс-мейстеру, — отрежьте квартал тамплиеров. Не позволять никому входить, а также выходить оттуда. Все понятно?

— А вы уверены, сир, что...

— Да, уверен. — Фридрих улыбнулся. — Делайте, как я говорю, будьте уверены, у меня есть основания

опасаться больших волнений. Вы, Энрико, отвечаете за защиту гавани, я не хочу потерять корабли.

Адмирал, облаченный в мягкие туфли и свободную одежду, кивнул и направился к выходу. Гроссмейстер спросил:

— Государь, а как насчет вашей личной безопасности?

— Оставьте в моем распоряжении несколько рыцарей. У меня есть мои сарацины, и стены достаточно крепки, так что, думаю, десяти рыцарей хватит.

Филанджьеры взял свой убор:

— Идемте, сир Герман.

— Прошу вас, объясните вашим людям, чтобы они, со своей стороны, не делали ничего, что может спровоцировать беспорядки, — предупредил их Фридрих. — Не надо вести себя так, будто угроза бунта неизбежна. Мы просто принимаем меры предосторожности. На всякий случай, да? Желаю удачи.

Пришли Корсо и Джанкарло, чтобы задернуть шторы, зажечь лампы. Когда гроссмейстер и Филанджьеры ушли, император, стоя посреди комнаты, попытался представить себе карту города и определить расположение наиболее вероятных источников возникновения беспорядков. Пока двое пажей семенили вокруг него, Фридрих размышлял о множестве вещей, например, о гарнизоне Акры, который фактически им не контролировался.

«Что ж, поживем, увидим, посмотрим, на что они решатся», — подумал он и сказал:

— Корсо, принеси легкий ужин в мою комнату.

— Сир, что-то плохое происходит, да? — спросил паж.

Император, который уже направлялся к себе, повернулся и, усмехнувшись, ответил:

— Маленькие мальчики не задают таких вопросов.

Он двинулся дальше и, покинув приемную, исчез в тихом полумраке спальни.

— Государь?

Удивленный, Фридрих поднял голову. Кругом было темно, и он только что проснулся. Феофано лежала в его объятиях и, когда он осторожно высвободил руки, вздохнув, перевернулась на другой бок и спрятала лицо в мареве волос. Корсо стоял в дверях.

— Что случилось?

— Здесь Фульке и Балиан Сидонский.

— Сейчас иду.

Корсо прошел дальше в комнату и зажег лампы. Фридрих полежал немного, приподнявшись на локте, давая себе время проснуться окончательно. Пальцем он коснулся щеки Феофано. Она открыла глаза, улыбнулась и немедленно снова уснула. Император усмехнулся. Из приемной доносились звуки голосов, становившиеся все более громкими. Фридрих быстро оделся, выпил наполовину разбавленного водой вина и покинул спальню.

При виде сюзерена Фульке, сидевший у окна, немедленно вскочил. Кроме него и Балиана в приемной находилось еще с полдюжины людей, среди которых были Томазо и архиепископ. Лицо барона Сидона было напряжено, он нервно теребил свой пояс. Балиан поклонился и произнес:

— Ваше величество, в городе беспорядки, говорят, вы приняли какие-то меры...

— Какие именно беспорядки? — застегивая пояс, спросил Фридрих. Он подошел к окну и выглянул наружу, но все, что увидел, — рыцарские казармы да участок внешней стены.

— Толпа бесчинствует, повсюду грабежи, драки, даже поджоги, — пояснил стоявший рядом Фульке. — Они все крушат, бросают камни, врываются в дома.

— Где?

— Возле Генуэзского квартала, около ворот Святого Антония и около резиденции Храма*. — Балиан обвел беглым взглядом собравшихся. — Так вы приняли какие-то меры?

— Некоторые. — Фридрих еще дальше высунулся из окна и посмотрел на прямую крышу — бежать по ней было бы удобно. Он отошел от окна. Как раз в этот момент до слуха собравшихся долетел какой-то приглушенный грохот. Император вздрогнул, Фульке тихо выругался.

— Кажется, зернохранилище.

— А где Эццо?

— С Филанджери и его людьми.

— Идемте. — Фридрих решительно направился к двери, и Балиан поспешил распахнуть ее перед сюзереном.

В другой комнате сарацины стояли и разговаривали, увидев императора, они посторонились.

— Айюб. Идемте со мной. Все вы.

Он прошел дальше в другое помещение и остановился в нерешительности, не зная, куда ему, собственно, идти. Айюб, следовавший за господином неотступно, приблизился к окну и выглянул наружу. Кто-то принес факел. Пламя дрожало от сквозняка и сильно коптило. Корсо коснулся руки императора и протянул ему котту.

— Не сейчас, потом. Айюб?

Стражник повернулся и помахал императору. Подойдя к окну, Фридрих услышал раздававшиеся где-то далеко крики, и по его коже побежали мурашки.

В комнату влетели Конрад фон Гогенлоге и Эццо. Последний поспешил к господину, и тот увидел, что половина лица у Эццо опухла и покраснела. Он закричал:

— Они поджигают город! Смотрите!

— Я вижу. — Там за стенами резиденции тевтонов огонь разгорался все ярче. Правда, где горело, Фридрих определить не мог, он был совершенно сбит с толку. Тем временем Айюб выбрался на внешнюю часть подоконника.

— Государь, не следует ли выставить пост у ворот? — спросил Конрад.

— Я говорил об этом Герману еще днем.

Фигура Айюба исчезла, он поднялся выше. Ассасин и Масуф подбежали к окну и закричали на него. Корсо заходил кругами.

— Государь, подождите, пока принесут лестницу.

— Да зачем? Я же не собираюсь... — Фридрих высунулся из окна по пояс. — Айюб, ты что-нибудь видишь?

— Кое-где горит! — прокричал в ответ стражник по-арабски. — И еще, на улицах толпы народу, они направляются сюда.

— Ага... — Фридрих вернулся в комнату. — Ну что ж, нас охраняет Рико! Корсо, когда принесут лестницы, принеси нам какие-нибудь стулья, ну и выпивки с закуской.

«Большой Цирк, — подумал император. — В лучших традициях Нерона»*.

Когда Фридрих снова выглянул в окно, Айюб наклонился, чтобы помочь господину забраться наверх. Несмотря на то что крыша находилась на высоте нескольких локтей над окном, если бы человек сорвался оттуда и упал вниз, он бы, несомненно, погиб. За стенами он слышал громкие, пронзительные и истеричные крики людей. Он выбрался и встал на внешнюю часть подоконника.

— Сир! — воскликнул Конрад.

Не слушая его, Фридрих, держась одной рукой, протянул другую Айюбу. Во дворе внизу какой-то человек закричал по-немецки. Пальцы сарацина крепко сжали запястье императора, и тот с помощью Айюба начал подниматься вверх. В какой-то момент Фридрих едва не сорвался — нога соскользнула с холодного ровного камня, — но благодаря стражнику удержался и выбрался наконец на крышу.

— Вон, видите? — произнес тот, указывая на город.

Фридрих выпрямился, вытирая ладони об одежду. Отсюда можно было видеть почти весь город. Дома, находившиеся всего в каких-нибудь трех кварталах отсюда, пылали, объятые пламенем, и на улице, рядом с по-

жарищем, сустились люди с факелами, которые что-то кричали и размахивали руками. Император сделал глубокий вдох. Толпа, направлявшаяся к резиденции Тевтонского ордена по улице вдоль стены, пронзительно вопила. Двор внизу заполнялся рыцарями, все они были в доспехах и при оружии. Пятеро из них, пробежав по внутреннему участку укреплений, перепрыгнули на более низкую стену, опоясывавшую здание, где находился император.

— Грабежи творятся повсюду, — произнес Фульке, который также выбрался на крышу вслед за господином. — Грабят прямо на пожаре.

Фридрих прошелся туда-сюда по крыше, сложив руки на груди. Было довольно прохладно, и он уже пожалел, что при нем не оказалось плаща. Толпа приближалась к дому. Через стену, медленно вращаясь в воздухе, перелетел горящий факел. Один из солдат устремился к нему, чтобы затушить.

Одно из пылавших зданий рухнуло со страшным грохотом, и Фульке выругался. Император направился к другому краю крыши. Оттуда была видна гавань, находившаяся дальше, за резиденцией патриарха. В дальнем конце города тоже что-то горело, озаряя пламенем колокольню церкви Святого Андрея. Однако император находился слишком далеко от квартала Храма, чтобы понять, что там происходило*.

Толпа подошла вплотную к городу. Донеслись крики: «Изменник! Еретик!» Император повернулся спиной к кричавшим. И вновь подумал о плаще. Айюб подошел к Фридриху:

— Господин, Балиан Сидонский желает поговорить с вами.

— Сейчас иду.

Напрягая зрение, Фридрих попытался рассмотреть корабли в гавани. Он знал, что Энрико позаботится, чтобы с судами ничего не случилось; мысль о том, что их сожгут и придется ждать, пока отстроят новые, не мог-

ла порадовать императора. Он повернулся и подошел к другому краю крыши.

— Сир! — прокричал сидевший на коне Балиан со двора. — Может быть, нам сделать вылазку? Отбросить их?

Нечто перелетело через стену, ударилось о вымощенную булыжником площадку двора и разбрызгалось по ней. Фридрих посмотрел на сарацина:

— Что они бросают?

Айюб равнодушно пожал плечами, точно желая сказать: чего еще ждать от этих? Вслух он произнес:

— Камни, факелы, отбросы и дерьмо, конечно.

— Какой широкий выбор! — Наклоняясь над краем крыши, император прокричал: — Как думаете, Балиан, они действительно представляют собой серьезную опасность?

Град камней и несколько более мягких метательных снарядов обрушились внутрь двора. Лошадь барона перепугалась и заржала.

— Ворваться сюда они не смогут, — ответил Балиан. — Все зависит от того, что вы понимаете под опасностью.

— Не надо никого убивать без надобности. — Фридрих присел на край крыши. Рыцари на стенах переругивались с толпой, и от воплей и криков звенело в ушах. Балиан развернул лошадь и поскакал по двору, раздавая приказания.

— Если мы ударим по ним, они уберутся отсюда, — проговорил Фульке и добавил: — Те, конечно, кто после этого сохранит способность двигаться.

Фридрих молча кивнул. Он посмотрел на крышу и потрогал ладонью шероховатый камень.

«Можно проучить их, но ничего хорошего это не принесет, — подумал император. — Эти людишки возмнят себя силой, которую побили сегодня, но которая может сама побить императора завтра. Почему бы нет? Они взбунтуются при первой возможности. Кроме

того, незачем приучать их сражаться с солдатами в уличных схватках».

Фридрих почувствовал, что устал. Холод донимал его. Посмотрев на толпу, он увидел, что смутьяны подожгли еще и дом напротив.

— Да они весь город спалят, если вы и дальше позволите им бесчинствовать, сир, — сказал Фульке.

— Это не мои трудности. Все равно бароны и священники постоянно говорят мне, что я ничем тут реально не управляю. — Он усмехнулся: а что ему? То, что горело, ему не принадлежало, горели дома баронов. Вот пускай они и беспокоятся. — Прогулялись, и хватит, давай-ка вернемся обратно.

— Но это же оскорбление, — произнес патриарх.

Фридрих положил руки на подлокотники кресла и посмотрел на усталое, изможденное лицо старика, а затем перевел взгляд на магистра Госпиталя:

— А вы что скажете?

— Соглашение само по себе незаконно, — произнес Бертран де Тесси. — Как регент Иерусалимского королевства вы не имели права заключать мир с султаном без согласия Высшей курии.

Люди у него за спиной зашевелились, зашуршали одеждой и принялись что-то вполголоса говорить один другому. Фридрих откинулся на спинку кресла. В заполненном людьми помещении было жарко и душно, пахло потом. По обеим сторонам за спиной императора у стены стояли сарацинские стражники с поднятыми пиками и холодно взирали на нет-нет да и поглядывавших на них рыцарей.

— Сеньор Жан, — произнес Фридрих, — думаю, и у вас есть повод для недовольства?

— Нет, я лишь могу повторить все то, что здесь уже говорили другие, — прозвучал хорошо поставленный, густой и сочный голос Жана Ибелина. — Соглашение незаконно. То, что ваши войска отрезали квартал Хра-

ма и городские ворота, — оскорбительно. Как вы могли ожидать...

В комнату в сопровождении Томазо и Филанджьеры вошел Герман фон Зальца с сундучком из вишневого дерева в руках. Гроссмейстер поставил свою ношу на стол и отошел, не глядя ни на кого, кроме императора.

— Ваши соображения весьма важны для меня, — проговорил Фридрих. Если сначала вся эта свора бесила его, то теперь они вызывали у него лишь скуку и легкую головную боль. Он не хотел открывать им своего истинного настроения. — Вы совершенно правы... с вашей точки зрения. Но вам придется учесть одну мало-значительную деталь, договор этот составлялся с учетом интересов всего христианского мира, а не только лишь кучки малозначительных баронов, примостившихся где-то на окраине этого мира...

— Если вы будете продолжать оскорблять нас... — попытался перебить его Жан Ибелин.

— ... следовательно, вопрос заключения соглашения относительно Иерусалима принадлежит тому, и только тому, кто в настоящий момент обладает правом говорить от имени всего христианского мира, и я обладаю этим правом, но никак не вы, сеньор Жан. Я подписывал свое соглашение не как регент Иерусалимского королевства...

— Вы короновали себя, хотя вы не король...

— ... но как посланник всего христианского мира. Вы не знаете, в качестве кого я короновался в Иерусалиме, сеньор Жан, вам лишь известно, что я короновался, а поскольку вы не представляете себе реальной ситуации, вам лучше просто закрыть рот.

Он сжал зубы, чтобы не дать выход неожиданно накатившей на него волне гнева. Жан Ибелин обвел взглядом окружающих и вновь посмотрел на Фридриха.

— Если вы, господа, пренебрегаете интересами всей общины верующих, кто-то же должен защищать их интересы? Вот я как раз этим и занимаюсь. Вы говорите, что город невозможно защищать от мусульман? А я го-

ворю, что, если вы можете ощущать Святой Город своим, только проливая за него потоки крови, вы не христиане. Что же до того, что я распорядился установить кордон между Храмом и остальной частью Акры во время вчерашних... м-м-м... небольших волнений горожан...

Фридрих посмотрел на гранмэтра тамплиеров, стоявшего у окна и раздувавшего ноздри при каждом дыхании, и открыл свой сундучок:

— Если вы, господа, сможете отвлечься от вашей ненависти ко мне хоть ненадолго, то поймете причины, коими я руководствовался.

Император достал два листа бумаги, лежавшие сверху, и положил на стол, чтобы все желающие могли прочитать, что на них написано. Никто и шагу не ступил, лишь патриарх Жеро вытянул шею, но он оказался слишком далеко, чтобы что-либо рассмотреть.

— Это, — начал Фридрих и ткнул пальцем в первый лист, — депеша, направленная тамплиерами султану аль-Камилю. В ней, господа, братья-рыцари указывают мусульманам, как и когда они могли бы захватить и убить меня во время моей поездки к Иордану, к месту, где принял крещение сам Иисус Христос.

Магистр Госпиталя резко поднял голову, руки патриарха затряслись. Фридрих обвел взглядом собравшихся, никто из них не смотрел на Пьера де Монтегю, только на императора. Губы баронов были плотно сжаты, лица побелели.

«Так, так, так... — подумал Фридрих. — Так вот оно что? Для вас это не новость».

Он показал на вторую бумагу:

— А это депеша, направленная мне аль-Камилем, здесь его комментарии к первому документу, посланию тамплиеров, которое султан отослал мне вместе со своим письмом.

— Это ложь, — ответил гранмэтр Храма. — Документы — подделка.

— Великолепно! Как же наивен я был! Позволил

аль-Камилю провести меня! Он же явно стремился на-строить меня против моих единоверцев. Между тем я хочу указать вам, сир Рожер, то, что вы до сих пор живы, вызывает у меня подчас искреннее удивление*. Надеюсь, вы извлечете урок из всего случившегося. Вы все... я надеюсь.

— Вы приехали сюда, будучи отлученным от Церкви, — проговорил патриарх, и Фридрих на какой-то момент прикрыл глаза. — Мы же — христиане и потому ненавидим грех и страшимся его, равно как мы ненавидим и страшимся вас. Что бы вы ни сказали, не может перевесить преступление, которое вы совершили, осквернив священнейшую для людей нашей веры землю. Вы — прокляты, и то, что мы находимся с вами в одной комнате, дышим воздухом, которым дышите вы, подвергает опасности наши души. Вы — худший враг веры, чем даже султан, вы разрушитель Церкви, и вы — антихрист!

— Как я уже говорил, у вас есть право на вашу собственную точку зрения.

Тут вышел вперед сеньор Жан:

— Вы высмеиваете нас, полагая, что мы куда ничтожнее вас, но в то время как вы, сидя здесь, насмехаетесь над нами, Святейший Отец наш взял ваше королевство. *Эфраим что голубь, глуп и бессмысленен, говорят, ступай в Египет, — идет в Сирию.* Если бы вы оставались в своей земле, у вас бы было место, где спрятаться, вы, еретик. А теперь-то что же? Уедете из Акры и куда пойдете?

— На Сицилию. — Фридрих подался вперед и улыбнулся. — И отбываю я завтра. А ведь у Осии* сказано не только об Эфраиме и голубях, сеньор Жан. *Хотя и пошли они во служение к другим народам, ныне соберу их, пусть же скорбят о тяжком бремени царя царей.* И не спешите обвинять меня в богохульстве, подождите, что-то еще скажет обо всем этом папа. А теперь вон отсюда все, вы раздражаете меня.

Все зашебетали, точно птицы, и те, что стояли сзади, уже начали уходить, когда патриарх воскликнул:

— Я не уйду, пока не услышу, что вы ответите на наши требования!

— Ничего, — ответил Фридрих и поднялся. — Как я уже сказал, господа, вы имеете право на свою точку зрения, как, впрочем, и я на свою. Моя нравится мне больше, и, что самое главное, я имею достаточно солдат, чтобы отстоять ее. — Он на какое-то мгновение задержался на собравшихся взглядом, видя их нерешительность. — В чем сложность, друзья мои христиане? Тот, кто привык красть сам, не может поверить, что обокрали его. Так вот, вы думали, что я у вас в руках, но на самом деле — вы в руках у меня. Ступайте.

Бертран де Тесси вышел вперед:

— Ваше величество...

— Я сказал, ступайте.

Патриарх не двигался, хотя все остальные спешили поскорее покинуть помещение. Фридрих посмотрел в горевшие злобой глаза Жеро, улыбнулся и произнес:

— Айюб.

Стражник обогнул длинный дубовый стол. Патриарх сделал два шага назад, донельзя пораженный, а Жан Ибелин вклинился между сарацином и Жеро. Другие стражники поспешили на помощь товарищу, выставляя пики, чтобы устранить со своего пути посторонних. Лицо барона посерело. Патриарх же развернулся и опрометью ринулся к выходу.

— Теперь вам понятно, отчего стража у меня — сарацины? — бросил вдогонку Фридрих и удалился.

— Нам следует отплыть с рассветом, — произнес Энрико. — Пока не начался отлив. Не пожелаете ли подняться на борт ночью, государь?

Фридрих покачал головой. Корсо и Джанкарло снимали с господина тяжелые, предназначенные для тор-

жественных случаев одежды, и он встал так, чтобы им было удобнее отстегнуть ворот:

— Я отправлюсь утром, проследите, чтобы все были на борту, я никого ждать не буду.

Освободившись от одеяний, император заглянул в боковую дверь. Сзади к нему подошел грессмейстер:

— Государь.

— Подождите. — Фридрих вернулся в середину комнаты, и Корсо подошел, чтобы помочь ему одеться. — Где Феофано?

— Она уехала, — прошептал Корсо. — Собралась и ушла, пока вы беседовали с нобилями.

— О!

На мгновение все вокруг словно бы замерло для Фридриха, жизнь прекратилась, оледенела, окаменела, будто злой волшебник положил заклятье на все и вся в этой комнате, только его собственный голос доносился откуда-то издалека. Внезапно руки его сами собой нырнули в рукава котты, и все вновь пошло привычным чередом — пажы суетились возле господина, Энрико и грессмейстер говорили между собой.

«Она не осталась даже, чтобы попрощаться...»

— С вашего позволения, сир, — произнес Энрико, — мне надо...

— Да, конечно.

Адмирал остановился у двери, поклонился и ушел. Герман фон Зальца подошел к Фридриху:

— Не желаете ли вина, сир?

— Да, с удовольствием.

Пока Корсо надевал ему пояс, император следил взглядом за тем, как старик наполняет кубки из золотого кувшина. У Фридриха возникло вдруг ощущение, что все, что он делал, получалось у него как будто принужденно, через силу, словно даже само дыхание было волевым актом с его стороны.

— А они здорово растерялись, эти бароны?

— Больше перепугались, чем растерялись, — уточнил грессмейстер. Он подал императору чашу, и тот

принял ее бесчувственными пальцами. — Вы произвели на них впечатление. Они утратили изрядную долю своей самоуверенности после разговора с вами.

— Естественно. — Фридрих поднял чашу и сделал несколько глотков. Все это время он был уверен, что Феофано не оставит его.

— Но особенно сильное впечатление, как я полагаю, на них произвело то, что вы назвали себя посланником всего христианского мира. Самое главное, что вы их убедили, и это больше всего их и напугало. Они увидели вас с другой стороны, не таким, как видели раньше. Весьма интересно было наблюдать за их реакцией, когда вы позвали Айюба, чтобы он выставил вон патриарха. В приемной поговаривали, что он сам виноват, мол, не надо было ему вести себя так вызывающе.

— Просто они поняли... поняли, что они мне больше не нужны, что мне нет нужды вести себя с ними лучше, чем они ведут себя со мной.

Глаза Фридриха зашипало, и он повернулся спиной к гроссмейстеру, опасаясь, что старик увидит его слезы.

«Она ушла, она бросила меня!»

Император знал даже, куда она ушла; она, вероятно, отыщет Муту, чтобы вместе с ним отправиться в Антиохию. Или же с кем-нибудь из его знакомых.

— Когда мы вернемся, государь, как вы считаете, нам придется собирать большую армию, чтобы дать отпор папистам?

— Нет, хватит и тех солдат, что будут на галерах. — В горле у Фридриха запершило, он закрыл глаза, чтобы не дать наворачивавшимся на них слезам пролиться. — Пьеро... Пьеро говорит, что люди настроены против папы, и все, что мне нужно сделать, — вернуться на Сицилию.

«Она даже не подождала, чтобы взглянуть на меня в последний раз... Просто ушла, и все».

Герман фон Зальца умолк, император чувствовал на себе его взгляд и, более того, знал, что старик очень удивлен. Фридрих понял, что не может больше гово-

рить, да и все равно говорить больше было не о чем. Пажи сновали по комнате, Корсо прикрикнул на какого-то из них и приказал принести свежих цветов. И тут вдруг Фридрих, пряча ото всех глаза, зарыдал.

На берегу не было видно огней, и единственным звуком, слышимым в темноте, был плеск воды о борта корабля. Фридрих облокотился на перила и устремил свой взгляд в направлении Бриндизи. Рубашка его отсырела от влажного воздуха и прилипла к спине. Запрокинув голову к небу, император легко обнаружил там Собачью Звезду*, горевшую на небосклоне бело-голубым светом, и подумал о том, что впервые на нее указали ему пираты. Забыть о Феофано он не мог, всякий раз оставаясь в одиночестве, он мысленно возвращался к ней. Фридрих смежил веки и представил себе, как ярко блестели ее глаза, какой гладкой и шелковистой была кожа.

«Все, что чего-нибудь стоило, я узнал от тех, кто поставлен вне закона...»

— Можем пойти к Монопули, если окажется, что в Бриндизи паписты, — проговорил Энрико, подходя к императору сзади.

— Если Бриндизи закрыт для нас, мы с тем же успехом можем поворачивать обратно в Яффу. — Папа мог использовать флот Пизы*, и с первым известием о том, что император направляется в Сицилию, гребцы на галерах пизанцев налягут на весла.

«Сицилия рядом, она так близко, что я даже чувствую ее запах. Что это значит? Почему поднята цепь во внутренней гавани?»

— Узнали, что мы идем? — Последние слова император произнес вслух.

— Никто никогда не делал такого головокружительно скоростного рейда из Акры сюда*, — ответил Энрико. — Мы обогнали наш собственный флот. Никто не может ждать нас тут.

— Но они знают, что мы направляемся сюда. Полагаю, что друзья папы не преминули послать ему весточку, как только я отправился из Иерусалима в Акру.

Разумеется, враги его знали, что первым делом он постарается высадиться в Бриндизи. Горло сдавила спазма. Перед мысленным взором образ Феофано потеснили другие картины. Впрочем, это были уже реальные проблемы, те, с которыми он мог справиться. Атаковать, сражаться — это совсем не то, что постоянно думать о потерянной любви. Внезапно император издал сдавленный приглушенный крик — там, около одного из столбов, к которому крепилась цепь, показался огонек.

— Да, — проговорил Энрико и позвал капитана. — Видите? Они убирают цепь.

Откровенно говоря, Фридрих ничего не видел; огонек плясал на воде, двигаясь все время слева направо. Императора охватило нетерпение. Через несколько мгновений все будет ясно, возможно, его просто заманивают в тесную гавань, чтобы легче было захватить его. Появился капитан галеры, и Энрико стал негромко отдавать ему приказания. На палубе раздались шаги, появились Фульке и Эццо, а также сарацины, на ходу натягивавшие на себя одежды. Фридрих, как мог, справился с волнением, по крайней мере внешне.

— Энрико...

— Сейчас мы войдем в бухту, государь, потерпите.

Фридрих ударил кулаком по перилам — Энрико умел заставить своего господина закрыть рот, когда требовалось. Он вновь принялся смотреть на огонек. Раздался грохот барабана, матросы готовились поднять якорь. Отдельные шумы, стук, крики и возгласы слились в сплошной гул — гомонили рабы на своих лавках, поднимая весла.

— Поднять якорь!

Они могли опустить цепь, даже если были врагами, чтобы заманить его в ловушку. Рисковать, рисковать, и не иначе. Голова шла кругом от волнения, от предвку-

шения — совсем скоро он все выяснит. Скоро кончится весь этот длинный путь, постоянные мысли о Феофано: она бросила его, не захотела остаться с ним, вновь сделала одиноким. Галера заскользила по волнам под равномерные всплески весел. Корабль достиг фарватера Бриндизи на закате солнца, а теперь, должно быть, перевалило за полночь... О, как мучительно долго тянется ожидание!

«Я никогда не умел ждать...»

Фридрих вдруг заметил, что толкает перила, будто надеясь таким образом заставить судно двигаться быстрее.

Огонь стал ярче, теперь император уже мог различить людей в шлюпке.

Когда они вошли в гавань, Фридрих увидел, что кораблей в ней почти нет, сам же город лежал во тьме, император с трудом различил колокольню собора. Галера направила свой нос к причалу под стеной замка, и ни один корабль не шелохнулся, нигде не показалось ни огонька. Ощущение того, что он в безопасности, что обыграл врагов, пускай только в том, что прибыл тайно для них, мало-помалу наполняло Фридриха уверенностью. Он наклонился так далеко вперед, как только мог, напрягая глаза, чтобы рассмотреть причал под каменной громадой цитадели. Ему хотелось смеяться от радостного возбуждения. Вспомнив о том, что далеко не все еще решено, император заставил себя успокоиться.

Причал все приближался, теперь Фридрих уже мог разглядеть ожидавших его там людей, увидел он и коней и знамена.

«Господи, — подумал Фридрих, — я — свое собственное знамя, сколько еще рыжих в Бриндизи? — Энрико что-то говорил капитану, и тот выкрикивал приказы команде. Фридрих не слышал слов, в ушах у него царил звон. — Я должен успокоиться! Должен успокоиться, или я никогда не смогу... никогда не смогу... не смогу... не...»

Борт галеры ударился о пристань, дерево заскрипе-

ло, сталкиваясь с деревом. Кто-то поспешил поймать швартовый канат.

— Государь...

В темноте виднелись лошади и около них толпа людей; лица их были повернуты в сторону корабля. Фридрих подошел к сходяням, поставил ногу, и тут вдруг раздался приглушенный приветственный возглас. Сколько облегчения слышалось в нем! Он шагнул прямо в море... теплое море людских рук и взглядов, каждый хотел коснуться своего императора. Он посмотрел на встречавших его людей, и они все, точно услышав приказ, преклонили колени.

— Ваше величество...

«Скорее, — подумал он, — скорее».

Фридрих поспешил к лошадям, жуткое волнение сменилось холодным расчетом. Между тем все происходившее, еще не до конца осознанное, казалось ему отчасти нереальным, выдуманном им самим. Когда император взял в руки поводья лошади, он с некоторым удивлением обнаружил, что они абсолютно настоящие, из кожи, как и положено. Он вскочил в седло и сверху вниз посмотрел на волновавшееся перед ним людское море, все глаза смотрели только на него. Вслед за господином сели на коней и остальные — Фульке, Эццо, Энрико, стражники-сарацины. Он осмотрелся, и все, что нужно делать, стало ясно ему в единое мгновение.

— Эццо, скачи в Лучеру и скажи кади, что я вернулся. Пусть соберутся в Тройе — я встречусь с ними там. Фульке, отправляйся в Сан-Марино. Собери всех рыцарей, сохранивших мне верность в той области, и приведи всех их в Тройю. А вы, Энрико, поднимайте паруса и — в Палермо.

— Мессир, — негромко проговорил человек, стоявший у стремени лошади Фридриха. — В Бриндизи тоже полным-полно верных вам людей, их сотни.

— Соберите их. Я буду находиться в замке столько времени, сколько потребуется, чтобы получить свежую лошадь и хоть что-нибудь съесть.

— Куда вы поедете? — поинтересовался кто-то другой.

— В Тройю. — Он повернул коня и направил его прямо в толпу, которая расступилась, освобождая ему путь. Копыта его коня зацокали по пристани, и тотчас к их стуку присоединился стук копыт других лошадей. Когда они оказались на твердой земле, топот копыт стал тише, приглушеннее. Фридрих поскакал через оливковую рощу по направлению к черной громаде замка.

Энрико скакал рядом с сюзереном:

— Говорят, в крепости стоял гарнизон папистских солдат, услышав, что вы возвращаетесь, они бежали.

— Труссы!

Энрико засмеялся. Ветки качались от ветра; в конце недлинного пути император увидел ворота замка, они были открыты, и толпа народу стояла рядом. Пуская коня в галоп, он помчался прямо на них. Голоса повторяли его имя.

— Государь. — Какой-то человек подбежал к нему, чтобы, схватившись за стремя, крикнуть: — Государь, позвольте мне приветствовать вас при возвращении из вашего славного, вашего великого...

— Много тут солдат папы? — Фридрих словно бы втащил человека за собой в ворота. Двор пустовал, но все двери были открыты. Всюду гулял теплый ветерок.

— Ни одного, только те, кто любит императора! — сказал человек у стремени.

— Найди мне чего-нибудь съестного и выпить тоже, пить мне особенно хочется. Достань свежих лошадей, только быстро, ждать я не могу, мне надо скакать в Тройю. — Фридрих повернул голову, чтобы найти Фульке и Эццо, но они куда-то подевались.

Засуетились замковые слуги. В ворота за спиной у императора входили пешком и въезжали на конях люди. И скоро двор наполнился людьми.

«Надо торопиться, — подумал он, — опередить врагов, прежде чем они...»

Кто-то сунул ему в руки тарель с горячим мясом, и

он, взяв вилку, принялся засовывать куски себе в рот. Тут подоспела кружка пива.

— Уже собралось тридцать рыцарей, — доверительно сообщил кто-то Фридриху. — Если вы подождете хотя бы до рассвета, соберется сотня, а то и больше.

— Я не могу ждать. — Он посмотрел по сторонам; действительно, во дворе собралась уже приличная группа рыцарей, все в доспехах и с копьями. Некоторые привели даже оруженосцев. Император сунул опустевшую тарель и кружку в первые же протянувшиеся к нему руки. — Кто командир рыцарей?

— Асклетин, — ответил кто-то. Фридрих развернул коня и направил его через толпу.

«Мне надо захватить врагов прежде, чем они сумеют собраться вместе. С кем-то из них мне придется встретиться лицом к лицу... — После всех этих медоточивых речей, маневров и контрманевров, тихого давления на психику людей он нуждался в настоящей схватке. — Я проучу их...»

Он выехал на открытый простор, обдуваемый холодным ветром, и поскакал на север. Рыцари за его спиной издали громкий приветственный клич.

«Настоящего дела, настоящего дела и явной победы в конце — вот чего я жажду!»

Луна поднималась, старая, мертвая много тысяч лет, блекло-оранжевая; Фридрих пустил коня в легкий галоп, спеша достигнуть следующей крепости на пути в Тройю.

— Они сбежали, — равнодушно бросил Асклетин. — Прослышали про ваш приезд и подались на север.

Фридрих начал кусать губу. Впереди, словно вырезанный из скалы, виднелся замок, к которому вела извилистая дорога, подобная каменной нити. На башнях не было видно ни одного флага, и ворота были распахнуты настежь.

— Там что, вообще никого нет?

— Несколько слуг, — ответил Асклетин, — человек двадцать мужчин и женщин.

— Лошадей, конечно, нет?

— Лошадей солдаты увели. Они... они можно сказать, обворовали весь замок, все утащили что могли. Я уже распорядился, чтобы все необходимое доставили из деревень.

— Господи Иисусе, мне что, придется ехать в Тройю на крестьянской лошадке? — Фридрих осмотрелся. Вся дорога была запружена его людьми, их насчитывалось уже больше полутысячи, каждый день приходили новые, рыцари стекались под его знамена из южных районов Апулии, иные успели доскакать сюда даже из Калабрии*. Между тем до сих пор он не смог дать ни одного сражения, даже в засаду его никто не попытался заманить. Фридрих чувствовал себя обманутым, ограбленным и униженным.

— Государь, там для нас есть пища, если мы пойдем туда... — Асклетин смотрел на сюзерена почти умоляюще.

Фридрих кивнул. Теперь время, потраченное на сон, еду и питье, на поиск свежих лошадей, казалось ему потерянным зря. Гарнизоны крепостей не могли уйти слишком далеко... Крестьяне в деревнях, через которые проходило растущее войско императора, радовались ему, приветствовали своего монарха, повторяя слово: «Иерусалим», многие говорили, что они считали дни до его возвращения и никогда не верили рассказам относительно того, что он мертв. Фридрих прищипил коня и поскакал по дороге, что вела в замок.

Люди в замке жались в сторонке — он уже не раз замечал такую реакцию, дети бежали за его конем, но взрослые не решались приблизиться, стояли, как будто стремясь спрятаться за спины друг друга. Он посмотрел по сторонам и увидел колодец, украшенный цветами, серый унылый камень, казалось, сделался розовым.

«Надо бы поспать, — подумал Фридрих. Но ощущение того, что он теряет время, будоражило его, застав-

ляя все время двигаться вперед. Потому что, если в его руках окажется Тройя, он станет хозяином всей Апулии, а оттуда прямая дорожка на северо-запад в гости к папе. Он не сможет противостоять императору. Впрочем, он уже не может. Его солдаты бегут, даже не с кем скрестить меч. — Если я не разобью их в битве, разве я смогу быть уверен, что все кончилось?»

Он спешил и, когда ноги его коснулись земли, чуть не упал.

— Вы голодны? Хотите пить? Государь, у нас есть...

Он не мог вспомнить, сколь долгим было его возвращение, сколько дней... В четырех замках он останавливался всего лишь на час-другой, спал в седле или в чужой постели и просыпался с первыми лучами солнца, заглядывавшего в чужое окно. Приятного мало, но он спешил, чтобы нагнать их, чтобы не дать им убежать. Папистские солдаты не горели желанием драться, им сказали, что император — антихрист, и они верили. Эта вера и еще наличие времени у тех, кто находился дальше от Бриндизи, позволяли им от души грабить и разорять чужую землю. Он все чаще встречал сожженные виноградники, вытоптанные поля, избитых и обобранных крестьян. Их лица, казалось, спрашивали его: «Теперь-то хоть все? Теперь-то вы вернулись навсегда? Теперь уж никто не придет и не отберет того, что принадлежит нам, потому что вы тут?»

«Я просто устал, оттого мне и мерещится... — Спотыкаясь, он начал подниматься по лестнице, отстранив тех, кто хотел помочь ему. Кошмар продолжался, в глазах слуг он читал тот же упрек: «Вы бросили нас, чтобы спасти себя». Он знал, что это не так, что виной всему ужасная нехватка сна, порой тяжелым грузом пригibasившая его к земле, но вот Фридрих вспоминал лицо Феофано, и в глазах ее читал то же самое, все, что он ни делал, он делал, чтобы спасти себя. Спальня, в которую привели императора, оказалась абсолютно пустой — чертовы паписты стащили даже мебель. Слуги набросали на пол соломы, старого тряпья, собранного в дерев-

не, и постелили сверху одеяла. — Даже если они не знают, я знаю».

Он начал было расстегивать пуговицы рубашки, но тут чьи-то чужие, более ловкие руки мягко отстранили его пальцы. Его раздели, и он лег на солому и, едва преклонив голову, заснул, но разум его продолжал бодрствовать в неизбывной жажде догнать врагов, с которыми можно было бы скрестить оружие.

— Город в руках людей Ланчии, — отрапортовал Асклетин. — Гарнизон бежал.

Фридрих поднял было руку, в которой были зажаты поводья, и вновь уронил ее на луку седла:

— Господи, в них нет и капли храбрости? — Наконец до него дошло имя. — Ланчия? Манфредо?

— Человек, с которым я разговаривал, носил его цвета, государь. Кто он, я точно не знаю... О, вот кто-то идет, чтобы приветствовать вас.

Фридрих посмотрел на дорогу впереди себя. Звуки рожков и тамбуринов достигли его ушей, они будто кружили причудливым хороводом в душном мареве безветренного полдня. Позади, за его спиной, рыцари о чем-то негромко переговаривались. В некотором удивлении император обнаружил, что праздничное шествие из ярко разодетых людей и украшенных цветами и шелковыми лентами лошадей направляется именно к нему. Везде мелькали гербы рода Ланчия. Золото и драгоценные камни играли на солнце, развевались широкие полотнища знамен: вот треугольный вымпел Ланчии, вот знамя Иерусалима, вот его собственное над первыми двумя, не имперский штандарт, а красная с золотом хоругвь Гогенштауфенов. Фридрих посмотрел на замок, из которого выехала вся эта кавалькада, и перевел взгляд на приближавшихся к нему всадников.

Музыканты и пажи поспешили посторониться, чтобы пропустить скакавшую в окружении сарацин Бьян-

ку Ланчия. Лицо ее было бледно и бесстрастно, а глаза неотступно смотрели на Фридриха.

«Мне нужны пленные, — подумал император, — таким, как она, надо приносить человеческие жертвы».

Тем не менее он ничего не смог с собой поделать — не выдержал и засмеялся.

— Ваше величество! — воскликнула Бьянка. — Мы пришли, чтобы от имени Трои приветствовать прославленного крестоносца.

Фридрих усмехнулся, он не знал, что ответить, никак не мог подобрать подходящих, нужных слов. Взгляд голубых глаз на напоминавшем по форме сердечко лице Бьянки показался ему более серьезным и понимающим, даже более мудрым, чем он представлял себе, в ее глазах теперь было еще больше тайны. Она улыбнулась, и он засмеялся:

— Не загоните ли папу для меня, мадам?

— Вы уже и так загнали его, ваше величество, когда вошли в Иерусалим.

Ее ясные голубые глаза ярко сияли. Пришпорив коня, Фридрих поскакал по дороге, а когда Бьянка собралась отстать немного, схватил поводья ее лошади:

— Нет, оставайся тут, со мной. — А рожки и тамбурины вокруг них зазвучали вновь. Император окинул музыкантов взглядом и повернул голову к Бьянке. — Расскажи мне, что тут происходило, пока меня не было?

Комментарии и примечания

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 14. *Я могу все.* — Строка из рок-поэмы Джима Моррисона «Чествование ящерицы».

...императрицы Констанс, наследницы королевского дома Сицилии. — Мать Фридриха была дочерью от второго брака первого норманнского короля Сицилии Рутгера (Рожера, или Руджейро) II. Королевством Сицилия стала в 1130 году, до этого оно называлось герцогством Апулия, Калабрия и Сицилия и имело столицу в Мельфи, позже в Салерно. Собственно остров Сицилия входил в состав герцогства как графство Сицилия. Со временем центр власти сместился из материковых земель герцогства на остров со столицей в Мессине и Палермо.

Иоахим де Флора, Иоакимо да Фьёре (1130—1202) — цистерцианский монах, богослов, толкователь Библии.

...папа Иннокентий... — Иннокентий III, римский папа (1198—1216), Гонорий III (1216—1227), Григорий IX (1227—1241).

Папа сделал императором злейшего врага Гогенштауфенов. — Речь идет об Оттоне Брауншвейгском (1175—1218), императоре Оттоне IV.

Фридрих был избран императором вместо него. — Оттон стал императором в 1209 году. Однако он сумел поссориться с папой, и собрание вассалов империи избрало императором Фридриха. Фактической силы это избрание не имело, но создавало для юного короля реальный повод для борьбы за власть.

К стр. 15. *...утвердив королем своего сына Генриха, возвратился в Сицилию.* — В 1220 году, после восьми лет, проведенных на севере.

Власть же монарха ограничивалась лишь его фантазией, способностями и амбициями. — Забегая вперед, следует заметить, поскольку это важно для понимания дальнейших событий, что королевство Иерусалимское в Святой Земле (а зна-

чит, и Кипрское), где будет происходить большая часть действия, управлялось по диаметрально противоположным законам. Несмотря на то, что в первой половине XIII века власть короля во Франции, а большинство жителей Иерусалимского королевства были французами (или таковыми были их ближайшие предки), заметно усилилась, система управления Заморской земли (Утремер) представляла собой законсервированную модель Франции ранних Капетингов (XI в). Суть норманнских законов автор поясняет; однако следует добавить, что не нужно считать норманнов какими-то сверхталантливыми законниками, на много столетий опередившими свое время. Просто все норманнские государства в Европе создавались в результате завоеваний; это давало возможность предводителям армий на рубеже IX—X веков: датскому хёвдингу (герцогу) Ролло на Севере Франции (в Нормандии), королю Вильгельму I в Англии во второй половине XI века и герцогу Роберту Гвискару в Южной Италии — сразу установить свою жесткую систему правления. Тот же Вильгельм щедро одаривал земельными владениями своих приближенных, однако, делая пожалования, он старался устроить все так, чтобы ни один из баронов не владел достаточно большим количеством земли в одном конкретном регионе, что сильно затрудняло сбор дружин, которые могли быть использованы бароном против короля.

...*Пьеро дела Винье*. — Правильнее Пьетро (1190—1249). Один из главных министров Фридриха. Автор Мельфийской конституции. Поэт и законник. В 1249 году обвинен в заговоре против императора и ослеплен.

...*Данте назвал первыми шедеврами итальянской поэзии, написанными на разговорном языке*. — Стихи в то время писались на латыни.

* К стр. 16. *Из среды сарацин Фридрих набирал себе личную охрану*. — Подобная традиция на Сицилии существовала, по крайней мере, с начала XII века, так многие исследователи, говоря о роскоши поезда отправлявшейся в Святую Землю вдовствующей графини Сицилии Аделаиды (1113), отмечают наличие возле нее довольно большого числа сарацинских стражников. Манера же переселять народы была свойственна многим монархам. Конкретно в отношении переселения са-

рацин: оно явилось следствием подавления их восстания в 1222—1224 годах.

К стр. 17. *...после третьего отлучения...* — В 1228 году папа отлучил Фридриха в первый, а не в третий раз.

...сэр Стивен Рансиман... — Sir Steven Runciman (род. в 1903) — крупнейший английский историк XX века, автор целого ряда замечательных работ по истории Ближнего Востока и Византии, автор лучшей истории крестовых походов (1951—1954), удостоенный за свой труд рыцарского звания (1958).

...лицо, занимавшее на Кипре пост бальи. — Бальи именовался регент, лицо, управляющее государством (королевством, княжеством или др.) от имени законного монарха или высшего совещательного органа государства. Например, королевского совета, парламента или государственной (Высшей) курии. Что же касается отсутствия упомянутых С. Холланд записей относительно назначения Жана Ибелинского на пост регента королевства Кипрского, это ни о чем не говорит, поскольку записи заседаний Высшей курии (одновременно правительства, парламента и суда в государствах крестоносцев) велись крайне небрежно.

...короля Франции Филиппа Красивого. — Филипп IV ле Бель (1268—1314). Король Франции (1285—1314) и Наварры (1284—1305). Известен как организатор суда над военно-монашеским орденом Соломонова Храма в 1307—1314 годах.

Как именно удалось Фридриху добиться от аль-Камиля... — Аль-Малик аль-Камиль (1180—1238) был сыном брата султана Салах ад-Дина (Саладина), аль-Адиля (Сафадина). Султан Египта и Сирии (1218—1238).

К стр. 22. *...насмехался над госпитальерами и тамплиерами...* — Речь идет о членах военно-монашеских орденов Госпиталья и Храма, иначе называемых иоаннитами и храмовниками. Первый основан в 1070 году, в Иерусалиме с 1113 года. Функционирует как самостоятельная организация. Существует и в наши дни. Известен также под названием Ордена мальтийских рыцарей. Второй основан в 1118 году и упразднен в 1314-м. В описываемую эпоху самые могущественные организации христиан Востока обладали огромной недвижимостью в Сирии, а также в Европе (от Венгрии до Испании и Англии), кроме того, колоссальными материальными ресурсами. Тамплиеры, особенно в XIII веке, широко известны

как крупные банкиры, осуществлявшие финансовые операции в Европе, Сирии и Египте.

К стр. 23. ...*пошлите за гротмейстером*. — Здесь и далее гротмейстером, что в переводе с немецкого означает великий магистр, будет называться Герман фон Зальца (1170—1239), Великий магистр Тевтонского ордена с 1210 года. Видный государственный деятель, ближайший советник Фридриха II.

К стр. 24. ...*фьефы*... — феодалы. Земельная собственность или денежное содержание. То же, что русские удел и кормление.

К стр. 26. ...*Christus imperat*... — Христос побеждает, Христос правит, Христос царствует! (*лат.*).

К стр. 30. *Фридрих встал и сбросил измятую рубашку*. — Здесь имеет смысл дать небольшой очерк об одежде того периода. В целом костюм средневековья составляли льняная рубашка — камиза или шэнс, штаны, верхняя рубаха, плащ и мягкая обувь. Короткие штаны, так называемые брэ, делали до колен или даже до лодыжек со специальными завязками внизу. С течением времени поверх брэ стали надевать другие штаны — шосс. Это были, проще говоря, плотные чулки, натягивавшиеся отдельно на каждую ногу и прикреплявшиеся специальными застежками к пояску брэ. Шосс могли плотно облепать тело или быть и более просторными. Их носили и женщины. Только с XIV века обе половинки шосс слились в единый предмет туалета — штаны современного типа. Камиза в раннее средневековье не была нижней рубашкой в нашем смысле слова, и вообще средневековье долго не знало такого понятия, как «белье». Поверх камизы надевали еще одну рубаху — блио (от этого слова происходит наша блуза). Блио имело рукава, которые у мужчин были более широкими и длинными, и иногда украшалось вышивкой по вороту, рукавам и подолу. Плащ был простым прямоугольным куском материи, который застегивался фибулой — застежкой на плече или на груди. Часто плащи шили с капюшонами. Женщины закутывали голову и плечи накидкой. Средневековые перчатки не имели пуговиц, плотно сидевшие на руке, они обычно расширялись к предплечью, чтобы покрывать рукава. Их изготавливали из оленьей, телячьей и овечьей кожи. Являясь предметом роскоши, они имели и символические значения:

войти в церковь в перчатках считалось непристойным, пожать руку, не снимая перчатки, — оскорбительным. Вручение перчатки означало оммаж — установление вассальной зависимости, бросая же кому-нибудь перчатку, человек выражал свое презрение.

Обувь шили из мягкой цветной кожи, без твердой подошвы, носок был удлинненным и заостренным. Такая обувь годилась для дома и верховой езды. По грязным улицам ходили босиком либо в деревянных башмаках (естественно, речь идет о крестьянах и простых горожанах).

Средневековые ткани производились из животной шерсти (преимущественно овечьей) и из растительного волокна (главным образом из льна), позднее стали делать шелковые и хлопчатобумажные материи. С XII столетия домотканые одежды сохранялись только в крестьянском обиходе. В этом же веке внедрилась и так называемая «аристократическая» мода, особенно обозначившаяся в женском туалете: шэнс и блио ниспадали до пят, оставляя открытыми лишь острые концы мягких туфель из цветной кожи. Блио обтягивало торс, а начиная от бедер книзу было сшито из другого куса материи и составляло, по сути, зародыш юбки. Рукава, узкие сверху, начиная от локтя стремительно расширялись и ниспадали до земли. Ворот и обшлага были украшены вышивкой. «Юбка» и широкие части рукавов — плиссированы. Блио перепоясывались поясом из шелка, полотна, шерсти или кожи.

Мода несколько изменяется на рубеже XII—XIII века. Свободный полет краев одежды, столь типичный для предыдущего периода, сменился более строгим силуэтом. Шелковая парча сохранялась лишь для торжественных случаев в быту высшей знати (бархат внедряется в придворный обиход лишь с XIV века), зажиточный горожанин, как и рыцарь, облачается в сукно, подчас отороченное мехом. Важным нововведением XIII века является котта, блио оставалось лишь домашней одеждой. Уезжая из дому, человек надевал котту, плотно сидевшую на груди, с узкими рукавами. Поверх котты носили сюрко — безрукавку из дорогой материи, с разрезами по бокам (а иногда спереди и сзади) для удобства движений. Иногда сюрко были с капюшонами. Мужские котта и сюрко были короткими — до середины икр, под ними носили брэ (в эту пору нередко кожаные) и шосс, обтягивающие ногу. К брэ

прикреплялись необходимые предметы — ключ, кошель. Строгость силуэта компенсировалась многоцветностью одеяний: котты были синие, красные, зеленые, шосс — зеленые, белые, синие, розовые. Женщины в XIII веке ввели в употребление кружева. Женские котта и сюрко были длинными до пят; так называемое открытое сюрко, которое состоятельные дамы надевали к обеду и уже не снимали весь вечер, украшалось длинным шлейфом и большими вырезами под рукавами, подчас с меховой опушкой. Специальной женской формой котты была так называемая соркени, плотно облегающая грудь.

С XII века входят в употребление пуговицы — из кожи, кости, металла. До этого времени отдельные элементы средневекового туалета скреплялись завязками и застежками, имевшими, помимо функционального, еще и декоративное значение. Широко внедряется также ношение драгоценных камней. Знатные дамы украшали ими и прически и пояса. Украшением служили и вышитые кошельки, которые носили у пояса. (По книге А.Л. Ястребицкой «Западная Европа XI—XII веков».)

Таков краткий обзор костюмов, которые носились в эпоху, о которой идет речь в книге. Однако в переводе использованы более привычные для нас понятия (это делает и автор книги). Необходимо лишь помнить, что платье — это не платье в нынешнем значении слова, камзол — условное название верхней одежды, а штаны — весьма сложная конструкция.

...котта... — См. в предыдущем комментарии.

К стр. 33. *Двое цистерцианцев...* — Монашеский Орден цистерцианцев (от названия местности: лат. Цистерциум, фр. Цито), основанный в 1098 году бенедиктинцем Робером де Молемом (1027—1110), канонизирован в 1222 году.

К стр. 33—34. *...мирским братом цистерцианцев...* — В средние века многие состоятельные люди вступали в монашеские и военно-монашеские ордена в качестве собратьев. Их обязанность, в сущности, сводилась к тому, что они поддерживали организации материально. Молитвенное правило за них исполняли монахи; мирские братья также имели возможность быть похороненными на кладбище ордена.

...римляне изгнали папу из города... — Во время голода в

предыдущем году Франджипани раздавал хлеб беднякам Рима, теперь настала их очередь отплатить за благодеяние, что они и сделали, надо думать, не без удовольствия.

К стр. 35. ...блио — верхняя мужская «рубаша» с рукавами.

К стр. 38. ...способствовал избранию регентом Жана де Бриена... — Жан де Бриен (1148—1237), граф Бриенский. Был королем Иерусалимским.

К стр. 39. ...волосы не вырастают такими длинными, как на голове или, к примеру, в бороде... — Не стоит удивляться столь странным, казалось бы, мыслям, посещавшим императора, поскольку он вообще имел склонность к естественным наукам. Хронист Салимбене рассказывает о его медицинских экспериментах. Однажды император приказал обильно накормить двух людей, а затем одного отправил спать, другому же приказал бодрствовать. Через некоторое время он приказал умертвить обоих, вскрыть желудки и установить, в каком случае пища усвоена лучше. Другой опыт Фридриха носил более «теоретический» характер: он велел запереть человека в плотно запечатанный ящик, и, когда ящик вскрыли, там нашли только тело, души же не обнаружили; это обстоятельство укрепило императора в его сомнениях о существовании посмертного бытия.

Франциска собираются канонизировать! — Речь идет о св. Франциске Ассизском (1181—1226), канонизирован в 1228 году.

Курия... — имеется в виду Папская курия, высший совет при папе.

К стр. 40. *Он обзавелся стигматами без предварительного ходатайства священника...* Стигматы — раны на теле, имитирующие раны, полученные Иисусом Христом при распятии.

Когда папа Иннокентий III всеми силами стремился поднять на вооруженное паломничество рыцарей Европы, он весьма мягко отнесся к тому, что Фридрих прямо на коронации взял крест и призвал всех баронов сделать то же самое. По правилам к этому короля должны были подвигнуть папа и его курия, о чем спустя двенадцать лет, 10 октября 1227 года, ему и напомнил папа Григорий IX. Здесь Фридрих проводит параллель между своим поступком и тем, что произошло с Франциском, у которого *сами собой* возникли раны, подобные тем, которые были на теле Христа после распятия.

К стр. 41. ...*делла Винье принес бумаги*. — Автор часто использует слово «бумага», что, конечно, означает бумагу в первую очередь как документ, ибо, несмотря на то, что бумага была известна в мусульманской Азии с конца VIII века, в Европе широкое ее производство началось не ранее XIV—XV веков. Писали на пергаменте, черновики составляли на покрытых воском пластинках, так называемых *церах*.

К стр. 42. ...*Оттон Гвельф*... — Оттон Брауншвейгский (1175—1218), ставший императором Оттоном IV.

К стр. 43. *Констанс, его первая жена, не поверила в чудо*. — Речь идет о Констанс Арагонской, на которой Фридрих женился в 1209 году. Заключив этот брак, молодой король Сицилии получил в свое распоряжение войска, с помощью которых смог укрепиться в своем королевстве.

К стр. 46 ...*в золотых августиах*... — Золотые монеты так же, как и солиды и безанты, потомки римского золотого (*aureus*). Содержание золота в разные времена от 2 до 4,5 грамма.

С него заживо спустили шкуру. — Это, безусловно, гипербола.

Людвиг, ландграф Тюрингии, прошлым летом в Отранто лежал, умирая от малярии. — Сторонник Фридриха, который умер от чумы, начавшейся в лагере готовившихся к отплытию крестоносцев.

К стр. 50. *Он отплывает из Бриндизи*... — Бриндизи (античн. Брундизий) — порт в Апулии.

К стр. 55. *Они опять болтают о Бозэции!* — Бозэций, Аниций Манлий Северин (470—524), христианский философ и государственный деятель.

К стр. 56. *Он послал пятьсот рыцарей в Утремер*... — Утремер, Утр-мер или Ультрамар, от французского *outré-mer* — земля за морем. Одно из общих названий для государств франков на Востоке.

К стр. 57. ...*флот Ганнибала*... — Ганнибал (247—183), полководец Карфагена. Нанес ряд поражений римлянам во время второй Пунической войны в период с 218 по 201 год до РХ.

...*Гарун ар-Рашид*... — Гарун ар-Рашид ибн Мухамед ибн Махди ибн аль-Мансур аль-Аббаси (766—809). Пятый халиф из династии Аббасидов (786—809).

...Карлу Великому... — Карл Великий (Charlemagne), король франков (768—814) и император Рима с 800 года.

К стр. 58. ...племена, захватившие земли к востоку от Хорезма... — Речь идет о монголах.

...аль-Камиль едва ли решится проявить очевидное неблагодарное, заигрывая с христианами, поскольку это может вызвать сильнейшее неодобрение правоверных мусульман и привести к расколу в стане его собственных союзников. — Начиная с 1226 года султан Египта и Сирии аль-Камиль посылал к Фридриху на Сицилию послов, предлагая отдать ему Иерусалим в случае, если Фридрих окажет ему помощь против брата, Муаззама, который в свою очередь пытался извлечь пользу из союза с последним шахом Хорезма Джелаль ад-Дином. Союз последнего с братом был весьма опасен для аль-Камиля, который мог лишиться не только трона, но и жизни и понимал, что, отдав Иерусалим, через какое-то время сможет легко вернуть его. Когда Муаззам неожиданно умер в 1227 году, ситуация изменилась. Аль-Камиль и аль-Ашраф, третий из братьев, составили коалицию против племянника, решив поделить его владения. Тогда же аль-Камиль захватил ранее контролируемый Дамаском Иерусалим.

К стр. 58—59. Дед ходил в крестовый поход — и чем это кончилось? Он просто утонул. — Речь идет о Фридрихе I Барбароссе (1123—1190). Император Рима с 1152 года. Во время Третьего крестового похода добился значительных успехов — изгнал турок из Икониума, столицы Румского султаната. Утонул на реке Каликаднус, или Салефа, вблизи города Селевкия в Киликии (ныне на территории Турции), в результате нелепой случайности 10 июня 1190 года.

К стр. 60. Первый король Кипра получил титул и знаки власти от императора Генриха VI. — Генрих VI (1165—1197). Сын Фридриха Барбароссы, император с 1191 года. Утверждение С. Холланд относительно того, что первый король Кипра получил титул и знаки власти от императора Генриха VI, неверно. В действительности Генрих (а вернее, по велению Генриха — его епископ-канцлер) короновал второго короля Кипра Аморика де Лузиньяна. Коронация состоялась осенью 1197 года.

К стр. 64. Соколица перепрыгнула на обтянутую перчаткой руку. — Самки соколов значительно крупнее самцов.

К стр. 65. ...грум. — конюх.

К стр. 67. ...конь в отместку мягко перешел на кентер. — Имеется в виду собранный галоп.

К стр. 76. ...имеют ли право короли Иерусалимские на этот титул... — В 1187 году христиане потеряли Иерусалим, однако короли Утремера продолжали именоваться этим титулом, хотя фактически столица с 1191 года находилась в Акре.

К стр. 78. ...зверь умер, переполнившись кровью, выпитой им. — Речь идет о монголах и Чингисхане, который скончался в 1227 году.

Царь татар Великой Азии. Пресвитер Иоанн. — Легендарный правитель. Основанием для создания легенды послужил, видимо, следующий факт. В 1141 году монгольский хан Йелю Ташин разбил сельджукского султана Санджара. Этот воитель, буддист по вероисповеданию, был основателем Каракитайской державы, и титул его звучал как *гурхан*. «Профильтрованное» через множество языков, слово дошло до ушей латинян в сирийском варианте — *йуханан*, превратившись на латыни в имя собственное Иоанн. В начале XIII века Пресвитером Иоанном скорее всего считали Чингисхана.

К стр. 79. ...добиться от них признания сюзеренитета Джелаль ад-Дина... — В 1228 году Джелаль ад-Дин поссорился с новым халифом Багдада, стремившимся к независимости от светских владык, а в 1231 году последний шах Хорезма был зарезан в горах Курдистана.

К стр. 80. *Завязывают дружбу со всеми к северу от Ливана и ждут, когда Константинополь совершит ошибку и они смогут вернуть его себе.* — Так как с 1204 года, после Четвертого крестового похода, на троне Константинополя находился латинский император, греческие императоры обосновались в Никее в Малой Азии. Разумеется, они ждали удобного случая, чтобы вернуть себе Константинополь, что и произошло в 1261 году. Однако некоторые другие государства, созданные крестоносцами в Греции, просуществовали до середины XV века, когда, как и Константинополь, были завоеваны турками-османами.

К стр. 81. *Сюрко* — безрукавка длиной до середины икр, с разрезами по бокам.

К стр. 89. *Да и вы тоже* — *Козерог*... — Тут следовало бы добавить, что Фридрих родился в год Тигра по китайскому

календарю и суммой цифр, составляющих число, когда будущий «антихрист» появился на свет, является восьмерка — число Сатурна, что говорит о «повышенном участии» потусторонних сил в судьбе этого человека.

К стр. 104. ...*галеры*... — Галерами в описываемую эпоху назывались все суда, даже не гребные. Таким образом, здесь это слово синоним слова «корабль».

Гроб Озириса... — Озирис в древнеегипетской мифологии — бог умирающей и воскресающей природы. Брат и супруг Исиды, покровитель и судья мертвых. Изображался в виде мумии.

К стр. 109. *Румпель* — рычаг на верхней части оси руля.

К стр. 124. ...*на самом верху мачты, словно звучала золова арфа*. — Эол в греческой мифологии повелитель ветров.

К стр. 132. *Очевидно, Боэмунда Антиохийского*. — Имя Боэмунд носили князья Антиохии и графы Триполи. В данном случае речь идет о Боэмунде IV Кривом (1175—1233), сыне Боэмунда III Заики (1145—1201), графе Триполи с 1187 по 1233 год, князе Антиохии с 1201 по 1216 год и с 1221 по 1233 год. Далее также встречается сын Боэмунда IV, в будущем наследник отца Боэмунд V.

К стр. 138. ...*гораздо богаче, чем тевтонские рыцари*. — Тевтонский (немецкий) орден был основан в Палестине в 1198 году по образцу двух других военно-монашеских братств — орденов Храма и Госпиталя. Разумеется, в описываемый период времени Тевтонский орден был значительно беднее, чем оба других ордена, являвшихся основной опорой латинских государей Сирии на протяжении XII и XIII веков.

К стр. 140. ...*они служат сатане!* — Утверждения о том, что тамплиеры будто бы проводили сатанинские обряды, по меньшей мере спорны. Не следует ссылаться на доказательства, добытые во время следствия по делу храмовников доверенными лицами короля Филиппа IV, так как целью этого суда было далеко не выяснение истины, а твердое намерение короля покарать тамплиеров и завладеть огромными богатствами ордена. Доказанное обвинение в сатанизме в начале XIV века представляло собой верную дорогу на костер.

К стр. 144. *Насколько силен Жан Ибелин на Кипре?* — Речь идет о давно минувших событиях, поэтому необходимо пояснить, что Балиан Ибелинский, отец Жана Ибелинского, при-

мерно в 1175 году женился на вдове Амори I, короля Иерусалимского (1162—1174), Марии Комнине. У Марии от первого брака была дочь Изабелла (1172—1205), которая в третьем браке стала супругой Анри (Генриха) Шампанского, короля Иерусалима (1192—1197), и родила дочь Алису, о которой здесь идет речь. В четвертый раз Изабелла вышла за Амори II де Лузиньяна, короля Кипра (1194—1205) и Иерусалима (1197—1205), у которого был сын *Гуго* от брака с Эскивой Ибелинской, будущий король Кипра (1205—1218) Гуго I. Именно от брака *Юго* и Алисы и родился Анри, король Кипра (1218—1253).

Камиза — легкая льняная рубашка.

К стр 148. ...*прелаты*... — католические священники высшего эшелона.

К стр. 180. *Все принялись кланяться и один за другим покидать шатер.* — По традиции, установившейся в большинстве государств крестоносцев как на Ближнем Востоке, так и на территории бывшей Византийской империи, военные советы, заседания курий или парламентов проходили, как правило, не в помещении, а на открытом воздухе. Рыцари, особенно если они находились в походе, как в данном случае, сидели верхом на лошадях. Об этом свидетельствуют арабские и греческие хронисты, которым подобный способ проведения собраний казался довольно непривычным.

К стр. 181. *Оммаж (homage)* — буквально *становление человеком*, то есть в понятии средневекового дворянского сословия — одним из его членов, ибо человек и рыцарь — в сознании людей XIII века синонимы. Оммаж также означает и любую вассальную присягу.

Боэмунд Первый был вассалом короля Сицилии. Вот вам и прецедент. — Боэмунд I, первый князь Антиохии (1098—1111), он был также князем Отранто, что в Апулии. Все дело здесь в том, что в описываемую эпоху Сицилия не была королевством, она стала им в 1130 году, когда графу Рутгеру II удалось присоединить континентальные земли герцогства Апулия, Калабрия и Сицилия, в которое Сицилия входила как графство. Отец Рутгера II, граф Рутгер I, был вассалом отца Боэмунда I, герцога Роберта Гвискара. Теперь о прецедентах. Не было решительно никакой необходимости в создании вышеупомянутого прецедента, поскольку князя

Антиохии на протяжении XII века традиционно были вассалами Иерусалимского короля и также императора Византии. В описываемую пору на троне Константинополя находился латинский император, а регентом империи был Жан де Бриен. Что же до самого Боэмунда IV, то вскоре после того, как Константинополь был захвачен крестоносцами, в Акру приехала Мария Шампанская, жена новоиспеченного латинского императора, и Боэмунд по собственному почину отправился в Акру, чтобы принести ей оммаж.

К стр 182. *А Анри всего восемь?* — Анри было тогда 12 лет.

В Иерусалиме же — двадцать пять. — Данное заявление есть творческий вымысел, поскольку королевство Кипрское, созданное по образу и подобию королевства Иерусалимского, руководствовалось теми же законами. Во всем тогдашнем христианском мире, включая также и Сицилию, не говоря уже об Иерусалиме, совершеннолетним считался юноша, достигший 14—16-летнего возраста.

К стр 185. *...портшез...* — здесь: обозначение крытых носилок.

К стр 186. *...сержаны.* — Serjans или sergeants, конные и пешие воины в основном неблагородного происхождения. Иногда так называли оруженосцев, которыми могли быть и юноши из благородных семей, еще не посвященные в рыцари.

К стр. 199. *Францисканцы* — члены нищенствующего монашеского ордена, основанного в начале XIII века Франциском Ассизским.

К стр 200. *Здесь несколько десятков тысяч жителей...* — В 1291 году, в последний год существования Утремера, в Акре по различным оценкам насчитывалось не менее 30 000 — 50 000 жителей.

К стр. 211. *...гранмэтр...* — То же, что и Великий магистр (*grand maitre*).

К стр. 213. *...целомудрие, бедность и смирение...* — Соблюдать подобные обеты клялись при вступлении в орден Храма все рыцари.

К стр. 216. *...повелителя Аламута и господина ассасинов.* — Если посмотреть на карту, то можно заметить, что крепость Аламут, располагавшуюся в XIII веке приблизительно в районе нынешней столицы Ирана, отделяет от Акры примерно

полторы тысячи километров — приблизительно столько же, сколько ту же Акру от Сицилии. «Штаб-квартира» сирийских ассасинов находилась значительно ближе к столице Утремера, в горах Носайри, примерно в двухстах пятидесяти километрах от нее. Именно там помещался неприступный замок Масьяф, резиденция Старцев Горы, как называли лидеров сирийских ассасинов. Из вышесказанного легко заключить, что именно они скорее всего там и действовали. Ассасины были шиитской сектой исмаилитов, организацией профессиональных убийц. Правда, основную опасность они представляли для лидеров мусульман-суннитов, то есть мусульман, исповедовавших ортодоксальный ислам. Правда, в описываемую пору наметилось сближение между сектой в Аламуте и ее филиале в Носайрийских горах с халифом Багдада. Глава Ордена ассасинов Джелаль ед-Дин Хасан III признал правоту суннитского ислама и, чтобы угодить халифу ан-Назиру, даже сжег все еретические, с точки зрения ортодоксов, книги. В 1226 году в Масьяф прибыли послы Фридриха, которые привезли ассасинам подарков на 80 000 динаров для передачи их в Аламут. Однако шейх Мадж ед-Дин по каким-то причинам не стал отсылать дары в штаб-квартиру, а оставил себе.

К стр. 219. *Здесь как будто бы и нечего защищать.* — Богатство Утремера основывалось главным образом не на труде крестьян, в подавляющем большинстве христиан-ортодоксов (православных), а также сирийцев, а на морской торговле, центрами которой являлись Акра, Бейрут, Триполи и т.д. Битва при Хаттине (Хиттине) — роковое сражение в предместьях Тивериады (на западном побережье Галилейского моря) 3—4 июля 1187 года, в результате которой христиане потерпели жестокое поражение и вскоре потеряли Иерусалим (2 октября 1187 г.).

К стр. 232. *Это настоящий кошмар — умные звери.* — Осадой крепостей в монгольской армии Чингисхана занимались китайские специалисты. Между тем так называемое минирование, подведение под стены подкопов, было известно монголам и до Чингисхана. Едва ли турки или курды могли бы научить командиров монгольской армии чему-нибудь новому в этой области.

К стр. 233—234. *Народу набралось много, дело в том, что*

немецкие пилигримы, которых нашлось немало в Акре, потащились за своим государем, надеясь, что он приведет их в Иерусалим. — Автор нигде не упоминает о том, что все то время, пока небольшое войско Фридриха двигалось в направлении Яффы, расположенной примерно в ста километрах южнее Акры, на расстоянии одного дневного перехода позади германцев шли отряды тамплиеров и госпитальеров. Не доходя Арзуфа, уже после Кесарии, Фридрих понял, сколь опасна ситуация, в которой он находился, ведь если бы мусульмане напали на него на марше, они могли бы разгромить его войско и захватить его самого в плен. Тогда он отправил полномочных представителей к командирам орденов и объявил им, что они должны будут подчиняться приказам, исходящим не от лица императора, а от имени Бога и всего христианского мира. Храмовники и иоанниты соединились с его армией, и все вместе продолжили продвижение к Яффе.

То они посылают на верную гибель детей, то вместо Каира разоряют Константинополь. — Имеется в виду так называемый Крестовый поход детей (1212 г.) и Четвертый крестовый поход (1199—1204 гг.), в результате которого оказался завоеван не занятый мусульманами Иерусалим, а... православный Константинополь.

К стр. 242. *...он должен собрать их и накормить хлебами и рыбой, как Иисус Христос.* — Речь идет о чудесном евангельском событии, когда Иисус накормил пять тысяч человек несколькими хлебами и рыбами.

К стр. 244. *Потревожит логово султана...* — Аль-Камиль и его младший брат аль-Ашраф в описываемый период были заняты тем, что осаждали племянника в Дамаске (сентябрь 1128 — май 1229).

К стр. 254. *Там же творится настоящий беспорядок, потому просто ничего невозможно сделать.* — Не надо думать, что все, что говорится здесь Фридрихом относительно системы управления западных государств, плод воспаленного воображения. Дело в том, что император демонстрирует здесь образцы средневековой софистики, науки убеждения на основании поверхностных фактов.

К стр. 255. *...Фульке Нерра, граф Анжуйский... Или поход Урбана... Вот церковь и направила энергию баронов туда, где они если и не делали ничего полезного, так хотя бы не причиняли*

вреда... Европе. — Фульке III Черный (970—1040), граф Анжу (987—1170). Урбан II (1035—1099), римский папа (1088—1099), организатор Первого крестового похода. Церковь в XI столетии, да и в предшествовавшие века, пыталась установить Божий мир, то есть запрет на ведение войн в определенные периоды года. Несмотря на то что продолжительность таких «мирных» периодов все увеличивалась, западноевропейские феодалы не прекращали ожесточенных войн между собой. Что же касается причин первого похода, то точка зрения Фридриха весьма характерна для западной науки середины XX века. Впрочем, не только западной, точно такого же мнения относительно причин, приведших к такому неоднозначному явлению, как крестовые походы, придерживался, например, Л. Н. Гумилев, ему вооруженное паломничество западного люда (ведь Первый крестовый поход был народным, ни один король не принимал в нем участия) представляется чем-то вроде «выпускного клапана» для «пара пассионарности», бурлившего в ту эпоху в котле под названием Европа. На самом же деле Фридрих здесь указывает лишь на один из аспектов проблемы.

К стр. 257. *...дerviши...* — странствующие члены духовных орденов на мусульманском Востоке.

К стр. 258. *На запястьях.* — Данное обстоятельство вызывает споры и поныне; между тем римляне сначала привязывали казнимых к перекладине креста, а уж потом вбивали в ладони гвозди, поэтому стигматы св. Франциска «имели право» находиться там, где они находились. Распятие как казнь в христианских странах, естественно, не практиковалось, однако подобная казнь была знакома мусульманам не понаслышке. Так, знаменитый Имад ад-Дин Зенги (1084—1146), атабек (правитель) Мосула и Алеппо, в 1139 году распял весь мусульманский гарнизон города Баальбека. Родной дядя султана Египта аль-Камиля, Салах ад-Дин, в семидесятые годы XII века не раз прибегал к подобным казням, усмиряя шиитские бунты в Египте.

К стр. 259. *Императрица Феодора, жена Юстиниана Первого, и вовсе была шлюхой.* — Флавий Юстиниан (483—565), император Византии (527—565). В 525 году его женой стала танцовщица Феодора (род. 497), женщина, имевшая вполне определенную репутацию.

...король Ричард посвятил в рыцари Салах ад-Дина... — Разумеется, замечание Фридриха о том, что король Ричард I Английский (1157—1199) посвятил в рыцари султана Салах ад-Дина (1137—1193), носит чисто легендарный характер. Оба правителя никогда не встречались лично; между тем ходили слухи о том, что Ричард посвятил в рыцари брата султана, аль-Адиля, отца аль-Камиля. Существовало убеждение, что Салах ад-Дина посвятил в рыцари коннетабль короля Иерусалима Аморику I Онфруа де Торон. Однако произошло это в 1167 году, за двадцать с лишним лет до появления Ричарда на Левантийском побережье. Подобное посвящение теоретически возможно, например, сам Фридрих посвятил в рыцари Фахр ад-Дина, который носил на своем знамени символику императора Запада. Правда, возникает вопрос: как быть с сугубо христианской составляющей ритуала? Ведь в XII и XIII веках в столь ответственных церемониях обязательно принимали участие священники, разумеется, христианские.

К стр. 264. *Лингва франка* — своеобразный средиземноморский портовый язык, жаргон, использовавшийся в средние века, смесь итальянского, французского, испанского с греческим и арабским.

К стр. 278. *Наемники папы под командованием Жана де Бриена захватили практически всю Южную Италию.* — Новость о том, что Жан де Бриен, получивший от папы титул Протектора Патримонии (то есть защитника церковных владений), взял Сан-Джермано (Сан-Германо) и угрожает Капуе, застигла Фридриха в Яффе 29 января 1229 года.

К стр. 280. *Кус-кус...* — Восточное блюдо, приготовляемое из мяса и злаков.

К стр. 282. *Принцесса Иоланда и маленький король Иерусалима находились в полной безопасности за стенами Ла Фавары.* — Ла Фавара — замок в Центральной Сицилии. Тройя — город в Апулии (юго-восток Италии). Бриндизи — порт в Апулии. Собственного говоря, Жан де Бриен угрожал только той части королевства, которая находилась в Южной Италии, до Сицилии он не смог бы добраться при всем желании. Вообще всякий раз, когда здесь употребляется определение «сицилийцы», оно далеко не всегда обозначает собственно жите-

лей острова, сицилийцы в данном случае вообще подданные Фридриха в Южной Италии.

К стр. 285. ...с тестем императора, который командует армиями папы в Сицилии. — Дабы понять эту путаную фразу Муту, который, конечно же, достаточно плохо разбирается в глобальной политике, следует знать, что в 1228 году Жан де Бриен был приглашен в Константинополь в качестве регента Бодуэна II, малолетнего императора Франкской Романии (Латинской империи Востока) и позднее организовал поимовку опекаемого монарха со своей дочерью от брака с Беренгарией Кастильской. Как нам известно, Жан де Бриен в прошлом был и тестем Фридриха II. В 1231 году Жан де Бриен был коронован императором Франкской Романии. В описываемую эпоху он был только соправителем императора.

К стр. 286. *Обол* — мелкая византийская монета, а также половина европейского серебряного денье (ок. 1,5 г серебра).

К стр. 291. *Quid libet, licet*. — Что не запрещено — разрешено (лат.).

К стр. 296. ...не император, а недоразумение... — С образованием в 1204 году на месте Византийской империи Франкской Романии древний византийский трон получил граф Фландрии Бодуэн д'Эно, он стал именоваться латинским императором Константинополя. Несмотря на громкий титул, Бодуэн (он погиб в битве с болгарами уже на следующий год) и его наследники никогда не контролировали больших территорий. Властью своей император Константинополя, разумеется, не мог равняться с Фридрихом.

К стр. 300. ...прямые наследники Салах ад-Дина всегда сошлись с сыновьями его младшего брата аль-Адила. — Нетрудно понять причины вражды между наследниками двух братьев. Державу создал старший, Салах ад-Дин ибн Айюб, наследство свое он, умирая, завещал сыновьям, но никак не братьям, которым полагалось сделаться помощниками племянников. Саф ад-Дин аль-Адиль (Сафадин, как называли его франки) просто захватил власть в Египте в нарушение воли брата, оставив его прямым наследникам лишь север великой империи, в том числе Алеппо (Халеб), где в описываемую эпоху и правил третий из сыновей Салах ад-Дина, аз-Закир.

К стр. 302. *Идриси*. — Аль-Идриси, Абу абд Аллах Мухаммад (1100—1166), придворный географ короля Сицилии Рутгера II, деда Фридриха.

К стр. 304. *...гроссмейстер помог ему сесть в седло*. — Подобные обязанности в феодальных придворных иерархиях возлагались на коннетабля, который являлся вторым лицом после сенешаля двора. Даже в Сицилии, где роль коннетабля не была столь заметной, как в Иерусалимском королевстве, гроссмейстер не мог помогать монарху садиться в седло. Если рядом не было коннетабля, помогать императору садиться в седло должен был маршал (маршал) или кто-то из светских вельмож. Все дело в том, что гроссмейстер ордена — все равно что аббат крупного монастыря и никак не прислуга даже для императора.

К стр. 316. *...в мечети Омара...* — Мечеть Омара до падения Иерусалима в 1187 году принадлежала ордену Храма, и тамплиеры позволяли мусульманам молиться там. Не всем, конечно, а тем, с которыми были в дружбе. Один арабский хронист рассказывает историю о том, как он молился в мечети Омара и как один молодой рыцарь пытался заставить его осенять себя крестным знаменем. Рыцарь так разошелся, что свои же товарищи в конце концов выставили его вон и извинялись перед арабом, сказав что-то вроде того, что наш брат только что приехал из Европы, не обтесался, вы уж простите его.

К стр. 321. *...кади...* — В мусульманских странах Востока в описываемый период времени кади — глава городской администрации. Изначально судья шариатского суда.

К стр. 322. *Несколько недель, не больше*. — Несмотря на то что до наших дней не сохранилось ни одной из копий договора, подписанного в Яффе 18 февраля 1229 года Фридрихом и представителями аль-Камиля, Фахр ад-Дином ибн ас-Шайхом и Салах ад-Дином из Арбелы, при свидетельстве епископов Экстера и Винчестера, нам известно, что согласно договоренности христиане получали Иерусалим, Вифлеем и Лидду в Иудее, а также Назарет, Монфор и Торон в Галилее. Последний город франки не имели права укреплять, относительно других мнения исследователей расходятся. Кроме того, христианам отошли мусульманские владения в регионе Сидона.

К стр 323. *Флагеллант* — религиозный фанатик-самоубийца, в данном случае синоним слова «мазохист».

К стр 326. ...*чтобы он короновал меня...* — Соглашение между Фридрихом и аль-Камилем было уже подписано, однако император не сразу решился покинуть Яффу и выступить к Иерусалиму. Суть его кажущегося необъяснимым промедления (как-никак прошел целый месяц с момента ратификации договора обеими сторонами) заключается в следующем: Фридрих хотел сделать свою коронацию как можно более легитимной, законной, а по установившейся традиции иерусалимских королей короновали патриархи, поэтому император и завел переговоры с Жеро де Лозанна. Тот потребовал текст договора, ему показали, однако не все соглашение, а лишь его часть. Между тем и этого хватило, чтобы привести патриарха в ярость и окончательно превратить его во врага императора. Военные ордена, кроме, разумеется, Тевтонского, до сих пор державшие себя весьма нейтрально, естественно, поддерживали патриарха. Произошло это прежде всего потому, что, получив Иерусалим путем переговоров, Фридрих, образно выражаясь, подрезал крылья прежде всего тамплиерам, которые лишались возможности на ближайшие десять лет завоевать Святой Город и вернуть свою бывшую резиденцию — территорию на месте храма Соломона и мечеть аль-Акса. Только после этого храмовники превратились в непримиримых врагов Фридриха, до тех же пор, особенно пока он не заключил каких-либо ущемляющих их права соглашений с мусульманами, у них не было решительно никаких поводов желать его смерти.

К стр. 328. ...*я дал им Генриха и велел им самим управлять своей страной.* — Дабы понять это непростое объяснение, данное Фридрихом Феофано, надо представить себе хронологию его многочисленных коронаций. Оставляя вне поля зрения первую из них — в 1197 году трехлетний Фридрих наследовал за отцом Сицилию, — перейдем сразу ко второй, вернее, к третьей. 15 июля 1215 году в Аахене он коронуется королем Германии. Это повторная коронация, так как Фридрих фактически впервые надел корону в Майнце 9 декабря 1212 года. В апреле 1220 года папа Гонорий III венчает коронной Германии Генриха, первенца Фридриха (сам Фридрих продолжает носить этот титул до своей смерти в 1250 г.), а

22 ноября того же года Фридрих и Констанс коронованы императором и императрицей Рима в соборе Святого Петра в Риме, а не в Германии, как сообщает автор.

К стр. 330. *Масличная гора, Святой Гроб Господень, Гефсиманский сад, Кедронская долина, Виа Долороса*. — Виа Долороса, или Скорбный путь — путь Христа к месту казни. Кедронский, иначе Кидронский, ручей протекал у западного подножия Масличной (Елеонской) горы, на которой, по преданию, был взят под стражу Христос. Башня Давида в период, когда город принадлежал латинским королям, являлась цитаделью Иерусалима. Башня Танкреда названа так в честь племянника Боэмунда I, норманнского крестоносца Танкреда де Готвилля, одного из виднейших участников Первого похода (1096—1099). Именно Танкред и Годфруа Лотарингский первыми ворвались в Иерусалим в середине июля 1099 года. Что касается ворот Давида, то ни одни из ворот Иерусалима в описываемый период не носили такого названия, очевидно, автор имеет в виду Яффские ворота, расположенные около цитадели с западной стороны города, как и башня Давида.

Фридрих II вошел в Иерусалим 17 марта 1229 года.

К стр. 332. *Te Deum laudamus...* — Тебе, Господи, радуемся (лат.).

К стр. 333. *Когда в последний раз мы взяли этот город, мы убили всех*. — Речь идет о штурме, завершившемся 15 июля 1099 года, когда христиане устроили в Иерусалиме настоящую резню. Дело тут вовсе не в особенной жестокости латинян, а в том, что город ожесточенно сопротивлялся, при этом число защитников его значительно превосходило число осаждавших. В таких случаях предводители победителей обычно даже не пытаются остановить резню, в том числе и потому, что это почти невозможно.

К стр. 334. *Госпиталь* — странноприимный дом госпитальеров. Находился примерно метрах в двухстах от Яффских ворот по левую руку. Глубже влево за ним помещается церковь Гроба Господня, главная христианская святыня в Иерусалиме.

К стр. 339. *После Скального купола...* — Священное место для мусульман и евреев; по преданиям первых, оттуда пророк Мухаммед вознесся на небо, еще ранее первый патриарх еврейского народа Авраам по велению Бога на этом месте дол-

жен был принести в жертву единственного сына. Скальный купол, или мечеть Омара, был возведен в конце VII века нашей эры на Храмовой горе по приказу халифа Абд аль-Малик ибн Мервана. Церковь Гроба Господня воздвигнута таким образом, что охватывает Голгофу, на которой был распят Иисус Христос, и место его погребения.

Кааба... — мусульманская святыня, расположенная в главной мечети в Мекке.

К стр. 340. ...я — *король Иерусалимский, который короновался в Святом Городе!* — Церемония коронации происходила на следующий день после въезда Фридриха в Иерусалим, в воскресенье 19 марта 1229 года. Когда Фридрих увенчал себя короной, Герман фон Зальца сделал сначала на немецком, потом на французском языке официальное объявление о том, что коронация свершилась. Мессу мог отслужить и сам гротмейстер, однако он, судя по всему, отговорил своего императора от этой затеи. 19 марта 1229 года в Иерусалим приехал архиепископ Кесарии с приказом патриарха Жеро наложить интердикт на город, то есть запретить богослужение во всех христианских церквях. Фридрих, который уже отдал приказы о восстановлении разрушенных укреплений, разозлился и со своими приближенными покинул Иерусалим, отбыв в Яффу. Не задерживаясь там, он выступил на север в Акру, куда и въехал 23 марта через ворота Св. Антония, расположенные на северо-восточном участке городских укреплений. Резиденция тевтонов находилась примерно в двухстах метрах от ворот, приблизительно на середине пути между Клятой башней и берегом бухты.

К стр. 349—350. ...*им осталось только предать анафеме надгробный памятник самому Христу...* — Это, безусловно, гипербола, ибо Фридрих был буквально взбешен отношением к нему сирийских баронов и особенно Церкви. Как нетрудно понять, ни о каком проклятии в данном случае речь идти не может, однако в официальном запрете на богослужение церковь Гроба Господня значилась особой строкой.

К стр. 351. *Бальи* — официальный представитель короля (или вообще любого крупного землевладельца), например, мог быть королевский бальи в судебном органе города. В общем, в государстве могло существовать несколько разных бальи, но *бальи королевства* мог быть только один, ибо это

регент, или, как еще называлась эта должность, прокуратор королевства — лицо, управляющее от имени короля. В данном случае, ввиду определенных особенностей ситуации, Фридрих планирует назначить сразу двух бальи.

К стр. 353 *...бегство в Египет.* — Речь идет о евангельском событии, когда Иосиф вместе с Девой Марией вынужден был бежать в Египет, чтобы укрыть младенца Иисуса от гнева царя Ирода, повелевшего перебить всех новорожденных в Вифлееме.

К стр. 356. *...около резиденции Храма.* — Резиденция храмовников находилась в описываемый период в юго-западной точке города. Несколько севернее располагались кварталы трех итальянских коммун. Ворота Св. Антония, о которых уже говорилось, располагались в диаметрально противоположной части, на северо-востоке.

К стр. 358. *В лучших традициях Нерона.* — Намек на древнеримского императора Нерона (54—68), который устраивал массовые сожжения христиан на арене Circus Maximus — Большого Цирка. Кроме того, после знаменитого пожара 64 года в Риме ходили слухи о том, что организатором его был сам император Нерон.

К стр. 359. *Однако император находился слишком далеко от квартала Храма...* — Расстояние, разделявшее казармы тевтонов и храмовников, составляло по прямой не более километра. Церковь же Св. Андрея помещалась между Храмом и Генуэзским кварталом.

К стр. 363—364. *Это ложь, — ответил гранмэтр Храма. — Документы — подделка... ..я хочу указать вам, сир Рожер...* — Эпизод с письмом тамплиеров к аль-Камилю и с его им ответом носит, безусловно, легендарный характер. Не было, да и не могло быть ни одного письменного свидетельства подобной сделки вне зависимости от того, состоялась она или нет. В подобных случаях отправляют посланца с устным сообщением. Кроме того, автор называет магистра тамплиеров Рожером, в то время как в период с 1219 по 1232 год этот пост занимал уже упомянутый Пьер де Монтегю. За всю почти двухсотлетнюю историю существования ордена (1118—1314) ни один из двадцати двух великих магистров Храма не носил имени Рожер. Что же касается действий Фридриха, он пред-

принял попытку захватить Жана Ибелинского, затем также магистра Храма, но ни та ни другая попытка не удалась.

К стр. 364. *А ведь у Осии...* — Первый из двенадцати так называемых малых Ветхозаветных пророков. Обоими, и Жаном Ибелинским и Фридрихом, цитируется Книга Осии.

К стр. 365. *...отчего стража у меня — сарацины...* — Еще более чем за сто лет до Фридриха правители Сицилии (тогда еще графы) использовали сарацин как личную стражу.

К стр. 368. *Собачья Звезда* — Сириус, также называемый *Alpha Canis Majoris* — Собачья Звезда.

Папа мог использовать флот Пизы... — На самом деле пизанцы были единственными союзниками Фридриха в Северной Италии, он даже дал их сирийской коммуне в Акре особые привилегии, что очень обидело тамошних венецианцев и генуэзцев.

Никто никогда не делал такого головокружительно скоростного рейда из Акры сюда... — Отправившись из Акры 1 мая 1229 года, Фридрих сделал остановку в Лимазоле, где провел около двух недель, назначив на пост бальи Амори Барлэ и четверых его друзей. Итальянского берега судно с императором достигло 10 июня.

К стр. 374. *Калабрия* — область на юго-западе Италии.

ХРОНОЛОГИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

26 ноября 1095 года папа римский Урбан II на церковном соборе в Клермоне, в Оверни (Средняя Франция), объявил о начале крестового похода по освобождению Палестины и Иерусалима (Святой Земли) от власти мусульман-сельджуков. С того дня те, кто дал обет участия в походе и «принял крест» в виде алой или белой нашивок на одежде, стали именоваться крестоносцами.

1096 год. Весна. По призыву монаха Петра Отшельника (Пустынника) начался крестовый поход бедноты. Ведомые монахом и обедневшим рыцарем Готье Санзавуаром (Вальтер Голяк), крестоносцы двинулись по Дунаю и далее через Константинополь в Румский султанат сельджуков, занимавший часть территории Малой Азии. Подавляющее большинство крестьян, участников похода, погибло в столкновениях с жи-

телями христианских стран — Германии, Венгрии, Болгарии, Византии, видевших в них только грабителей и попрошайек, а после переправы через Босфор — в стычках с сельджуками. Многие попали в рабство. Остатки отрядов соединились затем с рыцарским ополчением и приняли участие в сражениях под Дорилеей и Антиохией. Их предводители: Вальтер Голяк (погиб под Никомедией) и Петр Отшельник (окончил свою жизнь в монастыре во Франции).

1096—1099 годы. Первый крестовый поход феодальных войск.

В августе 1096 года в направлении Палестины двинулись колонны рыцарей: из Нормандии во главе с герцогом Робертом, сыном Вильгельма Завоевателя; из Фландрии во главе с графом Робертом II; из Лотарингии во главе с Годфруа Буйоннским (Готтфридом Бульонским); из Южной Франции под водительством Раймонда Тулузского и графа Стефана де Блуа; из Южной Италии во главе с Боэмундом Тарентским, сыном Роберта Гискара. После соединения войск в Константинополе и переправы в 1097 году в Малую Азию крестоносцами была захвачена Никея, столица Румского султаната, в которой вновь утвердился византийский император Алексей I Комнин. Затем, после победы в августе 1097 года над турками-сельджуками султана Кылыч Арслана I под Дорилеей, преодолев пустынные местности Малой Азии, разделившееся крестоносное войско взяло Эдессу и после восьмимесячной осады столицу Сирии Антиохию. Из-за дележа новых владений в стане крестоносцев вспыхивают распри, в результате которых поход продолжают лишь отдельные отряды рыцарей под руководством герцогов Лотарингского и Нормандского и графов Раймонда Тулузского и Фландрского.

15 июля 1099 года крестоносцы берут штурмом Иерусалим. В том же году они захватывают еще часть городов Святой Земли, в том числе и Триполи. Результатом Первого крестового похода явилось возникновение христианских (Латинских) государств на Востоке: Иерусалимского королевства, на трон которого взошел с титулом «защитника Гроба Господня» Годфруа Буйоннский; княжества Антиохийского во главе с Боэмундом Тарентским; графства Триполи во главе

с Раймондом Тулузским и графства Эдесса во главе с братом Годфруа Буйоннского, Бодуэном.

В конце 1099 года крестоносное воинство разгромило сельджуков египетского халифата Фатимидов у Аскалона.

1100 год. Смерть Годфруа Буйоннского. На престол восходит его младший брат Бодуэн I, уже как король Иерусалимский. Управление графством Эдесса он передает своему кузену Бодуэну Бургскому.

1101—1103 годы. Поход нового рыцарского ополчения в поддержку первых крестоносцев под руководством герцога Баварского Вельфа, епископа Миланского Ансельма и герцога Бургундского. Экспедиция закончилась неудачно, потерпев ряд поражений от турок-сельджуков.

1100—1118 годы. Правление Бодуэна I. Дальнейшие завоевания крестоносцами городов Сирии и Палестины: Тивериады, Яффы, Сарепты, Бейрута, Сидона, Птолемаиды (Ак-ры, или Аккона) и других крепостей. Борьба с мусульманами в Галилее, провинции Иерусалимского королевства.

1118—1131 годы. Правление Бодуэна II (Бургского). Взятие Тира. Создание духовно-военных рыцарских орденов тамплиеров (храмовников) и госпитальеров (иоаннитов) для борьбы с сарацинами и охраны владений христиан в Святой Земле.

1131—1143 годы. Правление Фулька Анжуйского, зятя Бодуэна II. Строительство замков и крепостей в Святой Земле. В 1135 году Рожер II, король Сицилии и Южной Италии, наносит поражение Иконийскому султану. В 1137 году Иерусалимский король, князь Антиохийский Раймонд и отряды византийского императора Иоанна II Комнина безуспешно осаждают Алеппо (Халеб).

1143—1162 годы. Правление Бодуэна III, внука Бодуэна II. Взятие эмирами Мосула Эмададдином Зенги и его сыном Нуредином Эдессы в 1144 году. Падение Эдесского графства.

1147—1149 годы. Второй крестовый поход под предводительством короля Франции Людовика VII и германского императора Конрада III. Поход закончился неудачно: немецкое войско было разгромлено под Дорилеей, а французы потерпели поражение при осаде Дамаска. Новые раздоры в армии

христиан. Взятие Бодуэном III Аскалона в 1150 году. Женитьба иерусалимского короля на племяннице византийского императора Мануила Феодоре.

1162—1174 годы. Правление Амальрика I, младшего брата Бодуэна. Два похода крестоносцев в Египет. Прибытие в Святую Землю Ги де Лузиньяна с французскими рыцарями из Пуату и Аквитании. Появление в Палестине рыцаря Рено де Шатильона. Полководец эмира Нуреддина Саладин (Салах ад-Дин ибн Айюб) в Египте. Смерть эмира Нуреддина в 1171 году. Саладин свергает египетского халифа из династии Фатимидов и объявляет себя султаном, основывая новую династию Айюбидов (1171—1250).

1174—1185 годы. Правление Бодуэна IV (Прокаженного), сына Амальрика. В 1178 году крестоносцы побеждают армию Саладина близ Аскалона. Барон Рено де Шатильон становится владельцем замков Керак и Монреаль, контролирующих торговый путь Египет — Иерусалим. Свадьба Сибиллы, сестры Бодуэна, и Ги Лузиньянского. Назначение Лузиньяна регентом королевства вместо графа Раймонда Триполийского. Смещение Лузиньяна с поста регента, коронование в 1185 году маленького сына Сибиллы от первого брака с Вильямом Монферратским как Бодуэна V и его недолгое правление (1185—1186). Барон Рено де Шатильон нарушает перемирие с Саладином, захватывая его торговые караваны.

1186 год. Ги де Лузиньян — король Иерусалимский.

1187 год. Вторжение на территории христианских государств сельджуков Саладина. Разгром крестоносной армии 4 июля в битве при Хиттине. Защита Иерусалима рыцарем Бальяном де Ибелином. Октябрь 1187 года — сдача Иерусалима. Падение ряда городов, взятых штурмом мусульманами. Сдача Аскалона в обмен на свободу попавшего в плен в битве при Хиттине короля Иерусалимского Ги де Лузиньяна. С 1187 по 1192 год Лузиньян чисто номинальный король Иерусалима. Успешная защита Тира маркизом Конрадом Монферратским.

1189—1192 годы. Третий крестовый поход. Армии крестоносцев возглавили германский император Фридрих I Барбаросса, английский король Ричард I Львиное Сердце и король Франции Филипп II Август. Начавший его первым Барбарос-

са после ряда побед, по несчастному стечению обстоятельств, утонул при переправе через горную речушку Салеф в Малой Азии, так и не дойдя до Палестины, после чего основная часть немецкого войска повернула назад. Морской поход Ричарда I завершился захватом Кипра у византийцев, а после соединения в Святой Земле с французской армией — мощной крепости Акры (на северном побережье Палестины). Споры между королями Англии и Франции, начавшиеся еще в Сицилии, привели к уходу французов из Тира. Несмотря на ряд побед, попытки Ричарда I дойти до Иерусалима и взять город успеха не имели. Подписав с султаном Саладином мирный договор, по которому за крестоносцами оставалось побережье от Тира до Яффы, включая полностью разрушенный Аскалон, и был открыт свободный паломнический путь в Иерусалим, Ричард I покинул Палестину. Ги Лузиньян слагает корону и отбывает на Кипр. Избрание королем Иерусалимским Конрада Монферратского и его убийство ассасинами. Новым королем становится граф Генрих Шампанский.

1193 год. Смерть Саладина. Внутриусобная борьба в семействе Айюбидов.

1195 год. Германский император Генрих VI собирается в новый поход, не состоявшийся в связи со смертью императора.

1202—1204 годы. Четвертый крестовый поход. На призыв папы Иннокентия III к захвату Египта, от которого зависела судьба христианских государств Палестины, откликнулись маркиз Бонифаций Монферратский и граф Бодуэн (Балдуин) Фландрский. Они обратились к Венеции, обладавшей лучшим флотом, с просьбой перевезти их войско в Египет. Преследуя частные интересы, дож Венеции Энрико Дандоло смог перенаправить силу крестоносного воинства против православной Византии. Захватив по просьбе венецианских властей далматинский порт Задар, крестоносцы приняли предложение германского императора и византийского царевича Алексея Ангела, бежавшего на Запад после узурпации трона его дядей, и обратили оружие против Константинополя. В апреле 1204 года Константинополь пал, и европейские владения Византии, а также часть Малой Азии отошли новообразованной Латинской империи во главе с графом Фландрским (под именем императора Бодуэна I). На остатках мало-

азийских владений Византии образовалось православное государство — Никейская империя под управлением династии Ласкарисов.

1205 год. Смерть короля Иерусалимского Амальрика II. Мария, дочь его жены от второго брака, становится регентом королевства. По настоянию французского короля Филиппа II Августа она выходит замуж за Иоанна де Бриена, ставшего королем Иерусалима.

1212 год. Крестовый поход детей, начавшийся после проповедей о том, что Бог отдаст Святую Землю в руки не имеющих греха детей. Тысячи подростков были погружены на корабли в Марселе, а затем, по прибытии в египетский порт Александрия, проданы судовладельцами в рабство.

1217—1221 годы. Пятый крестовый поход. Был направлен против Египта. Возглавленный королем Венгрии Андреем, австрийским герцогом Леопольдом и правителями государств-крестоносцев, поход увенчался взятием Дамьетты, важной крепости на египетском побережье. Распри среди крестоносцев помешали развить успех предприятия и удержать город.

1228—1229 годы. Шестой крестовый поход. Возглавлен германским императором и королем Обеих Сицилий Фридрихом II Штауфеном, принявшим крест еще в 1212 году. Император укрепил Яффу, а затем путем переговоров с султаном Египта аль-Камилем сумел вернуть без войны Иерусалим, Назарет и Вифлеем, после чего провозгласил себя иерусалимским королем, впрочем не утвержденным ни папой, ни собранием знатных феодалов Святой Земли. Иерусалим, согласно договору, находился в руках христиан вплоть до 1244 года.

1248—1254 годы. Седьмой крестовый поход. Организован французским королем Людовиком IX Святым, прославившимся своим аскетизмом и набожностью. Высадившись в Египте, король захватил ряд крепостей, однако, потерпев поражение под Каиром, попал в плен к мусульманам и был освобожден за огромный выкуп.

1261 год. Крах недолговечной Латинской империи. Основатель последней византийской династии император Никейский Михаил VIII Палеолог захватывает Константинополь и возрождает Византийскую империю.

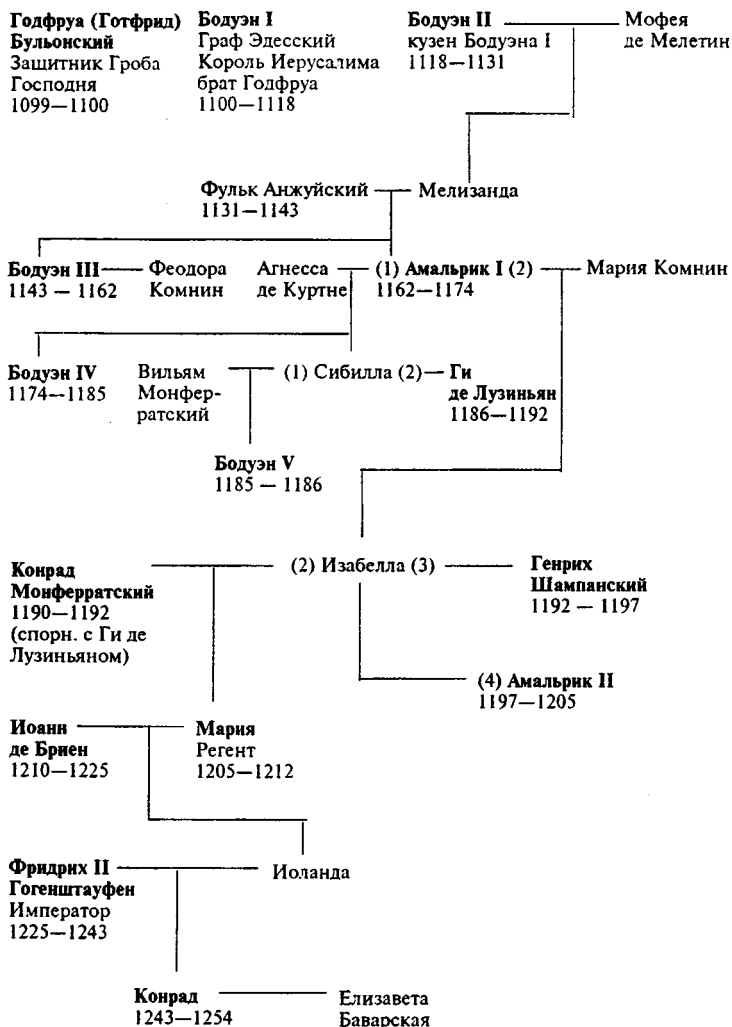
1270 год. Восьмой крестовый поход. Начат также Людовиком IX Святым. Планировавшийся сначала против Египта, под влиянием брата французского короля Карла Анжуйского, ставшего к тому времени королем Обеих Сицилий, поход оказался направлен против арабских государств Северной Африки. Высадившись с войсками в Тунисе, вблизи развалин Карфагена, король Людовик и его армия стали жертвами эпидемии чумы.

1291 год. Год падения последнего христианского оплота в Святой Земле крепости Акры (Сен-Жан д'Акр) под ударами турок считается концом эпохи крестовых походов.

От прежних владений крестоносцев за христианами остались только Малая Армения (Киликия) и остров Кипр.

ДИНАСТИЯ КОРОЛЕЙ ИЕРУСАЛИМСКИХ

Основная линия

ОБ АВТОРЕ

Сесилия Холланд родилась в Неваде, США, в ночь на новый, 1943 год. Ныне живет в Нью-Йорке. Одна из наиболее известных в Америке писательниц, работающих в историческом жанре. С.Холланд отличается весьма разносторонними интересами. Ее первый роман, «Огненный Дракон», написанный в 1966 году, был посвящен норманнскому завоеванию Англии. Затем последовали романы «Ракоши» (о турецко-венгерских войнах шестнадцатого столетия, «Короли зимой» (об Ирландии двенадцатого века), «До того, как погаснет солнце» (о нашествии монголов в Россию и Европу) и другие книги.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Смирнов.</i> КРЕСТОНОСЕЦ БЕЗ КРЕСТА, ПОХОД БЕЗ ПОХОДА.....	5
ОТ АВТОРА.....	14
АНТИХРИСТ. <i>Роман</i>	19
КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ	
ПРИМЕЧАНИЯ	378
ХРОНОЛОГИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	401
ДИНАСТИЯ КОРОЛЕЙ ИЕРУСАЛИМСКИХ.	
<i>Генеалогическое древо</i>	408
ОБ АВТОРЕ.....	409

Литературно-художественное издание

Сесилия Холланд
АНТИХРИСТ

Редактор *С. Смирнов*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технические редакторы *Н. Носова, Л. Панина*
Корректор *Л. Квашук*
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.10.99.
Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 19,12.
Тираж 5000 экз. Заказ 3456.

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80.
корп. 16, подъезд 3.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Шестой крестовый поход стал одним из наиболее загадочных событий средневековой истории. Его организовал и возглавил крестоносец, отлученный от Церкви, — император Священной Римской империи Фридрих Второй, который сумел почти без кровопролития взять Иерусалим, находившийся под защитой могучего войска султана Египта.

Об этой, во многом таинственной, политической интриге и самой личности Фридриха Второго, которого многие историки называют самой колоритной и притягательной личностью Средневековья, рассказывает книга известной американской писательницы Сесилии Холланд.

ISBN 5-04-003791-7

9 76

22

> 19 19